Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»

На правах рукописи

КОЗЛОВСКИЙ Дмитрий Валентинович

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ» В ДИСКУРСЕ МАССМЕДИА: ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Специальность: 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор С. В. Иванова

Саратов – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..…5
ГЛАВА 1. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ О ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЯХ...……...25
1.1. Сущность и содержание научной категории…….....25
1.2. Основные категории философии и их роль в познании мира……31
1.3. Понятийные категории как звено, связующее язык и мышление…….....34
1.4. Особенности лингвофилософского рассмотрения языковых категорий……40
1.5. Проблема лингвистической категоризации и ее разрешение в рамках когнитивного подхода……...48
1.6. Основополагающие модели категориального видения мира…….53
1.7. Лингвистическая природа категории «эвиденциальность»…….....61
1.7.1. Общее понятие и основные этапы в истории развития теории эвиденциальности……..61
1.7.2. Альтернативные трактовки эвиденциальности и способы ее выражения в различных языках мира…….……66
1.7.3. Типология эвиденциальности в языке…….....77
1.8. Модусный характер категории «эвиденциальность»…….……90
1.9. Лингвистические средства выражения модусной категории «эвиденциальность»...…….……...98
Выводы по главе 1…….……..104
ГЛАВА 2. ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ.107
2.1. Дискурсивный анализ как междисциплинарная парадигма…….....108
2.1.1. Определение и описание системных характеристик дискурса…....108
2.1.2. Современные лингвистические подходы к анализу дискурса……..112
2.2. Теоретические основы лингвосинергетического подхода в дискурсивных исследованиях…….123

2.3. Массмедийный дискурс как объект лингвосинергетического анализа……..134
2.4. Лингвосинергетический подход к анализу репрезентации эвиденциальности в массмедийном дискурсе…….....139
2.5. Модель эвиденциального высказывания в дискурсе……..……147
2.6. Синергетическая эвиденциальная дискурсивная модель и алгоритм ее интерпретации……154
2.7. Специфика лингвосинергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий……..……162
2.7.1 Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «авторизация».167
2.7.2. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «персональность»……...170
2.7.3. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «персуазивность»…….……..174
2.7.4. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «модальность»…….……...……177
2.7.5. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «оценочность»……..……..182
2.7.6. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «экспрессивность»…….....185
2.7.7. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «эмотивность»……190
2.7.8. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «аппроксимация»……...195
2.7.9. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «отрицание».198
2.7.10. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «темпоральность»……..201
2.7.11 Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «восприятие»…….204
2.8. Типы взаимодействия эвиденциальности и других модусных категорий……207

Выводы по главе 2……..……..232
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИМОДАЛЬНЫХ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАССМЕДИА…….238
.1. Специфика формирования и реализации полимодальной эвиденциальной семантики в массмедийном дискурсе...……240
3.1.1. Особенности синергии модусных эвиденциальных смыслов в массмедийном новостном дискурсе……...253
3.1.2. Особенности синергии модусных эвиденциальных смыслов в массмедийном рекламном дискурсе……..261
3.1.3. Особенности синергии модусных эвиденциальных смыслов в массмедийном политическом дискурсе……271
3.2. Классификация видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в различных типах массмедийного дискурса…...……..284
3.3. Классификация видов эвиденциальности в зависимости от коммуникативной стратегии массмедийного дискурса.…….311
Выводы по главе 3……..……..346
ГЛАВА 4. ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ» В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА……349
4.1. Общие принципы и основные этапы моделирования……349
4.2. Моделирование информативной эвиденциальности…….354
4.3. Моделирование регулятивной эвиденциальности…….378
4.4. Моделирование суггестивной эвиденциальности……..410
Выводы по главе 4……...439
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……442
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ……...450
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ…….501
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА……..503
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ……...507

ВВЕДЕНИЕ

В фокусе данного исследования находится лингвистическая категория «эвиденциальность», с помощью которой говорящий / субъект коммуникации определяет свою роль в описании события, выступая непосредственным свидетелем, либо передатчиком чужой информации. Эвиденциальность имеет сравнительно недолгую историю изучения, однако все чаще становится предметом пристального анализа в лингвистике. Существуют различные способы языковой репрезентации категории «эвиденциальность» – грамматические, лексические, морфологические, синтаксические. Есть все основания утверждать, что в силу своих свойств эвиденциальные показатели нацелены на участие и участвуют в формировании мировоззрения реципиентов, оказывают влияние на степень доверия к достоверности транслируемых сведений, а также выработку критического отношения к сообщаемым фактам. В подобном ракурсе рассмотрения эвиденциальность предстает в качестве действенного инструмента воздействия на адресата / читателя.

Актуальность исследования обусловлена наличием устойчивого интереса современной лингвистики к изучению особенностей обозначения источника сведений, а также интерпретации и оценки сообщения автором / субъектом коммуникации при помощи языковых средств модусной категории «эвиденциальность». Данный ракурс исследования предполагает разрешение проблемы категоризации посредством обращения к основополагающим моделям категориального видения мира [Аникин, Чудинов 2011; Болдырев 2019; Иванова 2022; Кобрина 2018; Кубрякова 2004; Сулейманова 2009, 2020] и продолжает традицию изучения языковых категорий с позиции различных вариантов дискурс-анализа (теория дискурса Лакло-Муфф [Рагозина 2013; Laclau, Mouffe 1985], критического дискурс-анализа [Нефедов, Чернявская 2020; Fairclough 2013], дискурсивной психологии [Касавин 2006; Переверзев 2017], культурологического подхода [Го Ли 2019; Shi-xu 2015], дескриптивного подхода [Мальцева, Бабаян 2024; Dijk 1997]). Значимость целостного рассмотрения дискурсивного пространства обусловливает обращение к

лингвистической синергетике как к универсальному направлению анализа [Алефиренко 2005; Аршинов 2005; Борботько 2011; Бронник 2016; Герман 2000; Моташкова 2015; Пономаренко 2015; Харьковская 2019; Храмченко 2014; Khramchenko 2023].

Особую актуальность обсуждаемая проблематика приобретает в свете необходимости разработки прикладных аспектов лингвосинергетического подхода к анализу функционирования модусной категории эвиденциальности в дискурсе. Лингвосинергетический ракурс исследования позволяет выявить особенности формирования и языкового выражения эвиденциальной семантики и описать механизмы модификации авторского воздействия на получателя сообщения с помощью эвиденциальных операторов, а также маркеров других модусных категорий. Важно, что изучение категории эвиденциальности осуществляется в рамках массмедийного дискурса, выступающего в роли базового дискурса для современного человека [Добросклонская 2016; Дускаева 2019; Иванова 2017; Кожемякин 2016]. Массмедийный дискурс нацелен на оказание воздействия на мировоззрение человека, влияет на формирование в сознании реципиентов определенных представлений и образов и играет ключевую роль в формировании общественного сознания. Способность влиять на общественные взгляды связана с массовым характером его аудитории, а также простотой и доступностью передачи различного рода сведений и характеризации их источника с помощью эвиденциальных средств.

Объектом настоящего исследования является модусная категория «эвиденциальность», в качестве **предмета** исследования выступают лингвистические средства выражения эвиденциальности, а также модусная семантика, актуализируемая посредством полимодальных эвиденциальных показателей в пространстве новостного, политического и рекламного типов медиадискурса.

Цель исследования заключается в выявлении специфики функционирования эвиденциальной семантики в современном англоязычном дискурсивном массмедийном пространстве, что достигается посредством

комплексной системной методики лингвосинергетического описания. Цель работы обусловила постановку и решение целого ряда **задач:**

1) *установить* категориальный статус эвиденциальности в языке;

2) *выявить* специфику лингвосинергетического подхода к исследованию модусной категории «эвиденциальность» в контексте современной научной парадигмы и описать основные принципы авторской методологии;

3) *определить* дискурсивные маркеры модусной категории «эвиденциальность», установить коммуникативную роль автора и адресата эвиденциальной структуры;

4) *разработать* методику лингвосинергетического анализа категории «эвиденциальность»;

5) *описать* лингвосинергетическую эвиденциальную дискурсивную модель и представить алгоритм ее интерпретации;

6) *сформулировать* лингвосинергетическую модель сцепления эвиденциальности и модусных категорий «авторизация», «персональность», «темпоральность», «аппроксимация», «восприятие», «отрицание», «персуазивность», «модальность», «оценочность», «экспрессивность», «эмотивность» на основании выделенных типов категориального взаимодействия;

7) *рассмотреть* особенности формирования базовой и добавочной эвиденциальной семантики в зависимости от воздействия автора на адресата / читателя при помощи различных лексических средств выражения категории «эвиденциальность» и других модусных категорий;

8) *изучить* специфику актуализации лингвосинергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий в различных типах массмедийного дискурса;

9) *провести* классификацию видов эвиденциальности с учетом роли субъекта коммуникации, а также коммуникативной стратегии массмедийного дискурса;

10) *разработать алгоритм и осуществить* лингвосинергетическое моделирование категории «эвиденциальность» в различных типах дискурса.

В качестве **рабочей гипотезы** настоящего исследования выдвигается предположение о том, что в дискурсивном пространстве массмедиа возникает синергетическое сцепление эвиденциальности с другими модусными категориями, итогом которого становится не сумма смыслов, репрезентируемых показателями различных категорий, а сложная полимодальная эвиденциальная семантика, основанная на взаимодополнении, взаимопроникновении и самоорганизации модусных смыслов, модифицирующаяся в зависимости от субъекта коммуникации, а также коммуникативной и интенциональной направленности эвиденциального высказывания (далее ЭВ) / эвиденциального дискурсивного контекста (далее ЭДК), при этом комплексный характер возникающего сцепления обусловливает обращение к лингвосинергетическому анализу модусной категории «эвиденциальность».

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области

- *теории дискурса* (В. З Демьянков [Демьянков 2002, 2010], Т. Г. Добросклонская [Добросклонская 2006, 2008, 2016], Л. Р. Дускаева [Дускаева 2013, 2019], А. А. Зализняк [Зализняк, Шмелев 2017; Зализняк 2018,], С. В. Иванова [Иванова 2020, 2022], В. И. Карасик [Карасик 2000, 2002, 2023], Е. В. Падучева [Падучева 1996, 2001, 2017], Г. Г. Слышкин [Слышкин 2022], И. П. Сусов [1998, 2006], И. В. Тивьяева [Тивьяева 2021, 2023], В. Е. Чернявская [Чернявская 2014, 2017, 2023], Е. И. Шейгал [Шейгал 2002, 2004, 2005], T. van. Dijk [Dijk 1997, 2000], N. Fairclough [Fairclough 2013], R. T. Lakoff [1982, 2003], Shi-xu [Shi-xu 2013, 2014, 2016], M. Stubbs [Stubbs 1983]);
- *когнитивной лингвистики* (И. К. Архипов [Архипов 2005], Н. Н. Болдырев [Болдырев 2005, 2011, 2012], А. В. Бондарко [Бондарко 1976, 1990, 1991, 2001, 2004], Л. Г. Викулова [Викулова 2022, 2023], В. А. Виноградов [Виноградов 1986, 1990], В. Г. Гак [Гак 1971, 1978], А. А. Кибрик [Кибрик 2002, 2003, 2009], Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1992, 1999, 2004], И. А. Мельчук

[Мельчук 1998, 2012], И. В. Недялков [Недялков 2000], И. М. Петрова [Петрова 2020, 2022], A. R. J. Fisher [Fisher 2015], E. Rosch [Rosch 1973, 2008]);

- *лингвосинергетики* (Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко 2002, 2005, 2011], В. Г. Борботько [Борботько 2011], И. А. Герман [Герман 2000], Е. Н. Князева [Князева, Курдюмов 2002], С. В. Лесников [Лесников 2023]; В. Л. Малахова [Малахова 2021], Н. Л. Мышкина [Мышкина 1999, 2005, 2011], Р. Г. Пиотровский [Пиотровский 1996, 2006], Е. В. Пономаренко [Пономаренко 2006, 2007, 2013, 2022], Г. Хакен [Хакен 1980], А. А. Харьковская [Харьковская 2019], Д. С. Храмченко [Храмченко 2009, 2014; Khramchenko 2023]);

- *изучения языковых категорий* (Л. В. Васильева [Васильева 2009, 2010], А. Д. Каксин [Каксин 2018; Каксин, Чертыкова 2019], О. А. Кобрина [Кобрина 2003, 2006, 2018, 2021], Н. А. Козинцева [Козинцева 1994, 2007], И. А. Нагорный [Нагорный 2001; Нагорный, Ивницкий 2020], В. А. Плунгян [Плунгян 2000, 2011, 2012; Plungian 2001], О. А. Сулейманова [Сулейманова 2009; 2020]; Т. В. Шмелева [Шмелева 1984, 1988, 1995, 2008, 2012], Р. О. Якобсон [Якобсон 1972], A. Y. Aikhenvald [Aikhenvald 2003, 2004, 2021], F. Boas [Boas 1911], J. Bybee [Bybee 1985], W. Chafe [Chafe 1986], F. De Haan [De Haan 1999, 2013], M. J. Hardman [Hardman 1986]).

Степень разработанности темы исследования. В области гуманитарного научного знания феномен эвиденциальности исследуют в различных его проявлениях – вербальных или невербальных. В лингвистике «эвиденциальность» рассматривается с позиций синхронического, диахронического и синхронно-диахронического подходов посредством историко-семасиологического, историко-описательного, логико-когнитивного, текстологического методов. Такое разнообразие подходов и методов исследования эвиденциальности порождает разночтения в терминологическом аппарате категории, а также его толковании [Золотухин 2015]. В частности, Н. А. Козинцева переводит применяемый в работе Р. О Якобсона [Якобсон 1972] термин «evidential» как «засвидетельствованность» и использует его наряду с терминами «заглазность», «пересказывательность», «непересказывательность»,

«инференциальность», «неинференциальность», «конфирмативность», «неконфирмитативность, «дистантность», «имперцептив» [Козинцева 2007: 15]. К другим терминам можно отнести такие обозначения, как «адмиратив» [Макарцев 2013], «императивность», [Korytkowska, Roszko 1997], «способ высказывания» [Станков 1967; Герджиков 1984], «вид высказывания» [Куцаров 2007], «пересказывание» [Конески 1967], «формы неожиданности» [Frashëri 2004], «заключающее время» [Vasa 1887: 147], «закрытое наклонение», «наклонение удивления» [Weigand 1924; Weigand 1925; Xanoni 1909: 91], «очное наклонение», «заочное наклонение», «гипотетическое наклонение», «наклонение видимого действия» [Трофименко 2009], «категория очевидности высказывания» [Демина 1974], «неочевидность», «неочевидное наклонение» [Буторин 2005], «категория пересказывания» [Молошная 1989], «перцептуальность» [Григоренко 2009], «незаглазность», «косвенное свидетельство» [Aikhenvald, Dixon 2003: 24] и «эвиденциональность» [Никонова 2022].

Общим из всех перечисленных следует считать термин «эвиденциальность», относящийся «как к случаям очевидности, конфирмативности, непересказывательности, так и к неочевидности, неконфирмативности, пересказывательности» [Козинцева 1994: 93]. Окончательно данный термин закрепился в лингвистике после выхода в свет сборника В. С. Храковского «Эвиденциальность в языках Европы и Азии» [Храковский 2007].

Подобное разнообразие подходов и методов изучения эвиденциальности обусловлено различиями в способах ее выражения в различных типах языковых систем [Кобрина 2018: 86]. Так, в ряде балканских языков (например, албанском, болгарском, македонском) эвиденциальность передается с помощью глагольных форм и принадлежит к числу грамматических категорий [Wiemer, Plungjan 2008], в то время как во многих иных языках (например, английском, немецком, русском) эвиденциальная семантика репрезентируется при помощи лексических, морфологических и синтаксических показателей, а сама эвиденциальность

рассматривается как коммуникативная, семантическая или функциональная категория и обладает имплицитным / эксплицитным набором языковых средств выражения [Ефремов 2010; Москалева 1986; Johanson 2000]. Общим для всех исследователей является понимание эвиденциальности как языковой категории, основанной на прошлом опыте говорящего, непосредственном наблюдении описываемых событий, цитировании, пересказе услышанной, полученной от третьих лиц либо из общего фонда знаний информации.

Необходимость учета роли говорящего в процессе маркировки источника сведений и передачи различных сообщений приводит к изменению взглядов на статус эвиденциальности как категории, кодирующей исключительно источник информации и средства ее получения. В рамках новейших исследований ученые относят эвиденциальность к числу модусных категорий [Болдырев 2006; Ермакова 2019; Лунина 2020; Чанышева 2016]. Помимо обозначения источника, эвиденциальность включает интерпретацию и квалификацию сообщаемых фактов субъектом коммуникации. Однако несмотря на растущий интерес исследователей к данному феномену и наличие различных трактовок понятия «эвиденциальность» в лингвистике, в настоящее время остается не до конца проработанной проблема актуализации полимодальной эвиденциальной семантики, возникающей на стыке пересечения значений эвиденциальности со значениями других модусных категорий, а также специфика формируемого при ее помощи восприятия сообщаемых фактов конечным адресатом / читателем [Астахова 2015; Боуфал 2017; Григоренко 2011; Ермакова 2019; Каксин 2018; Кобрина 2006; Кораблина 2018; Кошева 2020; Профатилова 2020; Хельмянова 2016; Чепурная 2013].

Данная проблематика становится объектом передовых научных исследований, в том числе в русле лингвосинергетического подхода к дискурсивному анализу. Лингвосинергетический подход направлен на установление параметров, позволяющих дискурсивной системе формировать пространственные и временные характеристики, раскрывать принципы взаимодействия коммуникантов, а также способы оказания мотивированного

воздействия на поведение человека с помощью субъективных смысловых образований – дискурсивных единиц [Алефиренко 2011; Бронник 2016; Герман 2000; Гураль 2007; Малахова 2021; Моисеева 2007; Москальчук 1999; Олизько 2009; Калашникова 2019; Пищальникова 1997; Пономаренко 2013]. В рамках предлагаемого исследования в качестве таких единиц выступают эвиденциальные операторы, а также показатели других модусных категорий. Данные дискурсивные единицы взаимодействуют, упорядочиваются и распределяются в пространстве дискурса в соответствии с базовыми синергетическими принципами взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации и описывают взаимодействие между автором дискурса и его адресатом / читателем. Посредством эвиденциальной семантики автор / субъект коммуникации может моделировать процесс смыслообразования системы дискурса по мере ее движения к аттрактору (устойчивому состоянию) – реализации коммуникативных целей по оказанию воздействия на адресата / читателя за счет изменения его привычной картины мира.

Отсутствие в языкознании попыток применения описанного выше лингвосинергетического похода для изучения функционирования категории «эвиденциальность» в дискурсе, определения специфики актуализации полимодальных эвиденциальных смыслов, проведения классификации эвиденциальности на основании анализа полимодальной семантики и разработки алгоритма лингвосинергетического эвиденциального моделирования с целью выявления особенностей воздействия автора / субъекта коммуникации на адресата / читателя в дискурсивном пространстве свидетельствует о неразработанности лингвистического инструментария, а также процедуры исследования и не позволяет систематизировать отдельные работы, выполненные в данном исследовательском ракурсе [Балабаева, Дзенс 2020; Никонова 2022; Пищальникова 1997; Хакимова 2021; Чепурная 2020].

Несмотря на большое количество работ, посвященных описанию выражения эвиденциальности, приходится констатировать, что до настоящего времени не была разработана комплексная методика исследования актуализации

эвиденциальной семантики в дискурсивном пространстве массмедиа. Можно предположить, что в языкознании отчетливо проявилась необходимость описания лингвистического эвиденциального инструментария, используемого для изменения интенциональной направленности различного рода сведений – идеи, составляющей основу процесса лингвосинергетического моделирования исходного ЭДК и его последующего представления в необходимом виде в соответствии с коммуникативной стратегией, избранной автором.

Предлагаемое исследование представляет собой одну из первых попыток описания реализации смыслоформирующего потенциала модусной категории «эвиденциальность» с позиции лингвосинергетики. Интегральный характер лингвосинергетического подхода к анализу дискурса позволил привлечь ряд междисциплинарных понятий для разработки терминологического аппарата лингвосинергетического анализа модусной категории «эвиденциальность», что упростило номинацию процессов смыслообразования, а также понимание принципов функционирования эвиденциальности представителями смежных областей научного знания.

Необходимость разработки и применения лингвосинергетического анализа эвиденциальности также определяется активным интересом представителей различных областей научного знания к феномену данной категории, вызванным трансформациями массмедийного дискурсивного пространства в эпоху глобальной цифровизации. Итогом данного процесса является возникновение современных дискурсивных регуляторов организации содержания транслируемых сведений, отражающих языковую картину мира автора / субъекта коммуникации, его интерпретацию и оценку информации и ее источника, а также специфику оказываемого воздействия на конечного адресата [Спиридонова 2019]. Таким образом, особую значимость приобретает изучение характера передаваемых сведений, а также источника полученной информации. Ввиду того, что данные значения являются основополагающими при определении эвиденциальной семантики дискурса, релевантность

осуществления лингвосинергетического эвиденциального анализа в дискурсивном массмедийном пространстве не вызывает сомнений.

Методологическую основу исследования составляет лингвосинергетический подход, который позволяет рассмотреть дискурс как склонную к синергии и смыслообразованию систему, объединяющую лингвистический и экстралингвистический компонент. Наряду с этим данный подход способствует определению центральной роли субъекта коммуникации в формировании и функционировании дискурса, а также дает возможность исследовать скрытые от наблюдения процессы моделирования речемыслительной деятельности.

Поставленные задачи и характер объекта исследования определили применение целого комплекса исследовательских приемов и **методов**. Основным общенаучным подходом, позволившим выявить специфику формирования и репрезентации полимодальной эвиденциальной семантики, послужил дискурсивный подход, представляющий собой совокупность аналитических методов интерпретации текстов / высказываний как продуктов речевой деятельности человека, осуществляемой в определенных общественно-политических и культурно-исторических условиях. Для поиска и отбора материала исследования использовался метод сплошной выборки из англоязычного новостного, рекламного и политического массмедийного дискурса. Описание модели ЭВ, синергетической эвиденциальной дискурсивной модели и особенностей взаимодействия эвиденциальности с другими модусными категориями потребовало обращения к лингвосинергетическому моделированию, а разработка алгоритма его проведения обусловила необходимость применения комплексного лингвосинергетического метода, включающего исследование формирования и функционирования полимодальной эвиденциальной семантики с учетом принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов. В ходе выявления возможных эвиденциальных синергетических моделей сцепления были задействованы индуктивный метод и метод компьютерного

моделирования. Наряду с указанными методами с целью отражения проблем лингвистической категоризации, представления природы, типов и видов категории «эвиденциальность», в исследовании использовались описательный и сопоставительный методы. Кроме того, в диссертации применялись функционально-семантический и контекстуально-ситуативный анализ для изучения структурных и содержательных особенностей ЭДК, метод количественного анализа в аспекте исследования лингвистических средств выражения эвиденциальности и сформированных классификаций данной категории.

Материалом данной диссертации являются 10000 ЭДК, полученных методом сплошной выборки из англоязычного новостного, рекламного и политического массмедийного дискурса (электронных версий журналов и газет *The Economist, The New York Times, The Telegraph, The Times, The News International, The Atlantic, The Moscow Times, The Washington Post, The Hindu*) в период с 2008 по 2022 годы. Кроме того, материал исследования представлен отдельными ЭВ и дефинициями электронных версий словарей (*Cambridge Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English Online, Macmillan Dictionary*). Выбор материала исследования обусловлен дискурсивной маркированностью источника получения сведений при передаче различного рода сообщений, а также различной типовой принадлежностью и интенциональной направленностью новостного, рекламного и политического массмедийного дискурса. Данные словарных дефиниций используются в ходе осуществления анализа лексических средств актуализации исследуемой категории, а также маркеров иных модусных категорий, репрезентирующих полимодальные эвиденциальные смыслы.

Научная новизна предложенного исследования заключается в:

1) экстраполировании лингвосинергетического подхода на дискурсивное исследование функционирования модусной категории «эвиденциальность»;

2) разработке метода лингвосинергетического анализа модусной категории «эвиденциальность» в новостном, рекламном и политическом медиадискурсе;

3) выявлении базовой и добавочной полимодальной эвиденциальной семантики, а также различных типов сцепления модусной категории «эвиденциальность» и других модусных категорий;

4) описании классификаций модусной категории «эвиденциальность» в зависимости от субъекта коммуникации и коммуникативной стратегии массмедийного дискурса;

5) осуществлении лингвосинергетического моделирования модусной категории «эвиденциальность»;

6) внедрении понятий «эвиденциальное высказывание» (ЭВ), «эвиденциальный дискурсивный контекст» (ЭДК), «полимодальная эвиденциальная семантика», «базовая эвиденциальная семантика», «добавочная эвиденциальная семантика», «эвиденциальное воздействие» в терминологический аппарат лингвосинергетики.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в разработке теории и методики лингвосинергетического моделирования, способствующих выявлению и описанию процессов и средств оказания эвиденциального воздействия на адресата / читателя в рамках массмедийного дискурсивного пространства. Результаты проведенного исследования и разработанный понятийный аппарат могут быть использованы при дальнейшем изучении модусных языковых категорий, таких как «персональность», «восприятие», «авторизация», «темпоральность», «аппроксимация», «оценочность», «модальность», «эмотивность», «экспрессивность» и «персуазивность». Применяемый подход к интерпретации и модификации авторских эвиденциальных смыслов в ходе проведения анализа дискурсивных контекстов призван обеспечить адекватное решение поставленных задач исследования.

Практическая значимость исследования определяется возможностью его применения в разработке теоретических и практических курсов по интерпретации дискурса и текста, грамматике, лексикологии, межкультурной коммуникации, лингвосинергетике, теоретической, когнитивной, прикладной и экспериментальной лингвистике, лингвистике для цифровых медиа. Содержащаяся в исследовании информация о возможности приобретения передаваемыми сведениями дополнительных смыслов за счет дополнения базовой эвиденциальной семантики дополнительными полимодальными значениями является практически значимой для оптимизации обучения студентов в целях минимизации ошибочной оценки полученной информации. Знание методики лингвосинергетического эвиденциального моделирования обеспечит возможность обращения к эвиденциальной полимодальной семантике в ходе передачи различных сведений для оказания воздействия на адресата в зависимости от коммуникативных целей и задач говорящего, будет способствовать выделению основной информации в сообщении, позволит избежать возможного отрицательного эффекта измененного восприятия сведений, будет содействовать противостоянию манипулированию, отсеиванию фейковых сообщений, а также адекватной квалификации поступающих данных. Материалы работы могут быть использованы при написании учебно-методических пособий и учебников для студентов языковых ВУЗов по направлениям подготовки: 45.03.02 Лингвистика. Теоретическая и прикладная лингвистика; 45.03.02 Лингвистика. Теория и практика межкультурной коммуникации; 45.04.02 Лингвистика. Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация; 45.04.02 Лингвистика. Теоретическая, прикладная и экспериментальная лингвистика; 45.04.02 Лингвистика. Межъязыковая и межкультурная коммуникация: теория и практика; 45.04.02 Лингвистика. Лингвистика для цифровых медиа; 45.04.02 Лингвистика. Лингвистика и межкультурная коммуникация.

Достоверность результатов исследования обеспечена их опорой на основополагающие методологические и теоретические принципы научного

исследования, согласованностью базовых теоретических принципов и положений с данными эмпирического материала.

На защиту выносятся следующие положения:

1) В пространстве новостного, рекламного и политического массмедийного дискурса лингвистическая категория «эвиденциальность», помимо своих основных функций обозначения источника и характера передаваемых сведений, отражает отношение автора / субъекта коммуникации к сообщаемому, что обеспечивает возможность различной квалификации и интерпретации информации и позволяет формировать добавочные смыслы для оказания необходимого воздействия на адресата / читателя.

2) «Эвиденциальность» как модусная категория является неотъемлемым элементом массмедийного дискурса, что обусловливает необходимость ее изучения в рамках лингвосинергетического подхода, предоставляющего возможность эффективного и всеобъемлющего исследования сложной природы и особенностей функционирования данной категории с помощью пошаговой методики, включающей разработку и применение алгоритма ее интерпретации, выведение и уточнение синергетической эвиденциальной модели, а также предполагающей проведение лингвосинергетического моделирования.

3) В основе изучения модусной категории «эвиденциальность» лежат базовые понятия «полимодальная эвиденциальная семантика», отражающая результат взаимодействия значений эвиденциальности и других модусных категорий в пространстве синергетической эвиденциальной модели, а также «эвиденциальное воздействие», репрезентирующее эффект обращения автора к различным полимодальным эвиденциальным смыслам в зависимости от интенциональной направленности ЭВ / ЭДК и обусловленное его стремлением оказать воздействие на восприятие сообщения адресатом / читателем.

4) Применение лингвосинергетического подхода к дискурсивному анализу позволяет полноценно раскрыть и описать особенности синергетического сцепления эвиденциальности с другими модусными категориями в пространстве современного новостного, политического и рекламного массмедийного дискурса

за счет выявления различных типов сцепления в соответствии с основополагающими принципами взаимопроникновения, взаимодополнения и самоорганизации модусных смыслов.

5) Пересечение модусных смыслов эвиденциальности и других модусных категорий в рамках ЭВ / ЭДК требует обращения к базовой (описывающей взаимодействие категорий «эвиденциальность», «авторизация», «восприятие», «персональность» и «темпоральность») и добавочной (отражающей взаимосвязь категорий «эвиденциальность», «отрицание», «аппроксимация», «модальность», «оценочность», «персуазивность», «экспрессивность» и «эмотивность») полимодальной семантике, актуализируемой в пространстве новостного, рекламного и политического дискурса массмедиа.

6) Специфика формируемой полимодальной эвиденциальной семантики определяется типовыми особенностями и интенциональной направленностью ЭДК, представленностью полимодальных эвиденциальных операторов, а также коммуникативными намерениями и установками автора / субъекта коммуникации, что обусловливает проведение классификации видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации, а также коммуникативной стратегии в дискурсивном пространстве массмедиа.

7) В рамках новостного, рекламного и политического типов массмедийного дискурса базовая интенциональность ЭДК, репрезентирующего тот или иной вид / подвид модусной категории «эвиденциальность», может быть изменена на любую другую в соответствии с коммуникативными намерениями автора и с целью оказания определенного воздействия на адресата / читателя, что вызывает необходимость проведения лингвосинергетического моделирования, затрагивающего как узловые точки, так и промежуточную область развертывания исследуемого ЭВ / ЭДК.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, по которой она рекомендована к защите: диссертационная работа выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта

специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика:

1) направления современного языкознания и используемые в них методы описания языков. Терминологический аппарат лингвистики. Лингвистические модели. Метаязык современной лингвистики;

2) исследование языка, мышления и познания методами психолингвистики, нейролингвистики и когнитивной лингвистики;

3) лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста;

4) исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов;

5) исследование уровневой структуры языка, взаимодействия уровней и модулей в моделях языка:

– Теоретические проблемы морфологии;

– Теоретические проблемы синтаксиса;

– Теоретические проблемы исследования грамматических категорий и грамматических значений;

– Теоретические проблемы текста и дискурса;

6) теоретические проблемы лексикологии и лексикографии;

7) компьютерная лингвистика. Лингвистические методы создания автоматизированных информационных систем и систем обработки текста. Компьютерная лексикография;

8) теоретические проблемы речевого воздействия. Риторика;

9) лингвистическое терминоведение.

Апробация результатов работы осуществлялась в разных формах. Результаты исследования прошли апробацию на семинарах, форумах, круглых столах и конференциях различного уровня, в том числе на: Международной научно-практической конференции «Перспективы развития науки и образования» (г. Тамбов, 28 февраля 2015 г.), Международной научно-

практической конференции «…И помнит мир спасенный…», посвященной 70-летию победы Великой Отечественной войны (г. Саратов, 24 апреля 2015 г.), V всероссийском научном семинаре «Актуальные проблемы современной лингвистики глазами молодых ученых» (г. Уфа, 6-7 мая 2015 года), VII Международной научно-практической конференции «Актуальные направления научных исследований: от теории к практике» (г. Чебоксары, 8 февраля 2016 г.), IV Международной научно-практической конференции «Научные исследования: теория, методика и практика» (г. Чебоксары, 29 января 2018 года), XI Всероссийской конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации», посвященной 110-летию СГУ имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, 21-22 февраля 2019 года), XII Всероссийской конференции с международным участием «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (г. Саратов, 25-26 февраля 2020 года), II Международной конференции «Языки и культуры: междисциплинарные исследования» (г. Санкт-Петербург, 25-26 сентября 2020 года), Всероссийской научно-практической конференции «Тенденции и проблемы социально-экономического развития России в условиях цифровизации» (г. Саратов, 21-22 апреля 2021 года), Международной научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие России в эпоху усиления глобальных вызовов» (г. Саратов, 20 апреля 2023 года), Международном круглом столе «Русистика и межкультурная коммуникация в современной образовательной парадигме высшей школы» (г. Саратов, 7 июня 2023 года).

Основные результаты исследования отражены в 45 публикациях общим объемом 47 п. л., в число которых входят 23 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, 1 статья в международных индексируемых изданиях, включенных в наукометрические базы данных Scopus и Web of Science, 9 статей в сборниках научных трудов и материалах научных конференций, 2 учебно-методических пособия, 1 монография. Объем личного вклада автора составляет 45,5 п. л. Результаты диссертационного исследования внедрены в ряд спецкурсов

и курсов «Практикум по культуре речевого общения первого иностранного языка», «Профессиональная коммуникация на иностранном языке», «Иностранный язык в профессиональной сфере».

Структура и объем диссертации (объем 507 страниц) определяются поставленными задачами и логикой развития основной темы исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы (573 источника), списка лексикографических источников (22 источника), списка иллюстративного материала (31 источник), а также списка сокращений и условных обозначений. Библиографический список научной литературы включает 573 источника на русском, английском, болгарском, датском, македонском, немецком, польском и французском языках. Текст работы снабжен 2 рисунками и 27 диаграммами.

Во **введении** дается обоснование актуальности темы диссертационной работы, выделяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, определяются научная новизна, теоретическая значимость, практическая ценность, описываются материал и методы исследования, выдвигается рабочая гипотеза, предоставляются сведения об апробации основных результатов, полученных в ходе реализации научного проекта.

В **первой главе** «Эвиденциальность в свете учения о языковых категориях» представлена общетеоретическая база настоящей диссертационной работы. В ней рассматриваются основополагающие принципы категоризации, определяются типы и виды категорий в языке, специфика рассмотрения взаимосвязи философских, понятийных и языковых категорий, описывается роль когнитивного подхода в решении проблемы лингвистической категоризации, приводятся факторы, позволяющие обозначить три основные категориальные модели видения мира, на основании которых лингвисты выделяют лексические, грамматические и модусные категории. Во второй части главы освещаются различные подходы к определению категории «эвиденциальность», изучаются особенности актуализации данной категории в языковых системах различных типов, приводится типология эвиденциальности,

подробно описываются модусные параметры и лексические средства репрезентации эвиденциальности в языке.

Во **второй главе** «Лингвосинергетический аспект исследования дискурсивной реализации категории «эвиденциальность» обосновывается значимость рассмотрения категории «эвиденциальность» в рамках дискурсивного подхода, описываются основные лингвистические подходы к дискурсивному анализу, раскрывается эвристический потенциал лингвосинергетического подхода, определяется релевантность обращения к лингвосинергетическому анализу в ходе исследования функционирования модусной категории «эвиденциальность», описывается модель ЭВ в дискурсе, разрабатывается дискурсивная эвиденциальная модель, а также алгоритм ее интерпретации. Реализация данного алгоритма предполагает изучение взаимодействия эвиденциальности с модусными категориями. «авторизация», «аппроксимация», «восприятие», «модальность», «отрицание», «оценочность», «персональность», «персуазивность», «темпоральность», «экспрессивность» и «эмотивность». В ходе осуществления анализа выводится синергетическая эвиденциальная модель, формулируется и обосновывается гипотеза исследования, выявляются типы сцепления категорий, определяются опорные модели сцепления на основании основополагающих лингвосинергетических принципов взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации.

В третьей главе «Особенности реализации полимодальных эвиденциальных смыслов в дискурсивном пространстве массмедиа» очерчиваются способы языковой реализации модусной категории «эвиденциальность» в рамках лингвосинергетического подхода к дискурсивному анализу, конкретизируется базовая и добавочная эвиденциальная семантика, а также особенности ее реализации в новостном, рекламном и политическом типах массмедийного дискурса, проводится классификация видов и подвидов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации и коммуникативной стратегии массмедийного дискурса, приводится их количественное соотношение.

В четвертой главе «Лингвосинергетическое моделирование модусной категории «эвиденциальность» в различных типах массмедийного дискурса» вырабатывается и применяется алгоритм лингвосинергетического моделирования ЭДК, что позволяет сделать вывод о двойственном характере эвиденциального воздействия – возможности обращения к эвиденциальной семантике как со стороны автора дискурса, воздействующего на потенциального адресата / читателя, так и со стороны самого адресата / читателя, использующего описанную методику лингвосинергетического анализа модусной категории «эвиденциальность» для выделения основного содержания сообщения и предотвращения искажения восприятия сведений.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования, намечаются дальнейшие перспективы как в области изучения способов актуализации полимодальной эвиденциальной семантики, так и в сфере практического применения принципов лингвосинергетического анализа к научному описанию функционирования различных модусных категорий.

ГЛАВА 1. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ О ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЯХ

В первой главе «Эвиденциальность в свете учения о языковых категориях» раскрываются особенности процессов категоризации, а также определяется место эвиденциальности в модусной модели категориального видения мира. Достижение поставленных задач предполагает рассмотрение типов и видов категорий, а также описание специфики когнитивного подхода, что будет способствовать разрешению проблемы лингвистической категоризации. Рассмотрение основных этапов развития теории эвиденциальности, а также изучение классификаций эвиденциальности позволит уточнить ее категориальный статус и вывести рабочее определение эвиденциальности как модусной категории, характеризующейся различными языковыми средствами выражения.

1.1. Сущность и содержание научной категории

Среди разнообразных познавательных средств видное место занимают фундаментальные понятия науки – категории (от древнегреческого κατηγορία – «выступать против»), образующие ее логический «каркас», вокруг которого группируются законы и принципы науки [Константинова 1960]. Роль категорий в познании невозможно переоценить. Тем не менее до сих пор не существует единой универсальной системы категорий. На разных этапах исторического развития главенствующими в практической и духовной жизни человека являлись различные типы категорий, соответствующие разнообразным принципам упорядочивания бытия и мышления. Их эффективность определялась характером задач, стоящих перед человеком, принадлежащим к определенной исторической эпохе и представляющим то или иное направление научной мысли. При этом наиболее значимыми представляются категориальные исследования в области философии, логики, психологии и лингвистики [Сулейманова 2009].

В целом, категория представляет собой «предельно общее» понятие, обладающее большой мощностью и объемом. Так, «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова, содержит описание трех значений данной лексемы. Помимо определения категории как «высшего родового понятия» данный термин может обозначать «ряд однородных предметов или лиц», а также «разряд граждан с точки зрения разделения прав и обязанностей» [ТС 1935: 1326].

Впервые понятие «категория» было упомянуто древнегреческим философом Аристотелем по отношению к 10 наиболее общим признакам вещей [Аристотель 1939]. В этой связи, философское понимание категории считается основополагающим для науки. Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», категория – базовое понятие, «отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» (категории времени, пространства) [ФЭС 1983: 251]. Категории предстают «формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления», которые упорядочивают опыт и образуют систему [Там же]. Кроме того, категории представляют собой отражение общих, существенных свойств, закономерностей, связей и отношений. Взаимосвязь различных категорий приводит к образованию системы, разработанность которой позволяет говорить об определенном уровне развития человеческого познания [Fisher 2015: 252]. Подобное определение можно найти в «Философском словаре» под редакцией И. Т. Фролова, в котором категориями обозначаются «формы осознания в понятиях всеобщих способов отношения человека к миру, отражающие наиболее общие и существенные свойства, законы природы, общества и мышления» [ФС 2001: 237]. Тем самым категория выступает в качестве продукта человеческого мышления, а также формы, упорядочивающей мышление.

Вопрос о мыслительной основе категориальных структур также освещается в «Новой философской энциклопедии», где категории рассматриваются в качестве фундаментальных понятий, форм мысли, типов связи субъекта и объекта в высказывании, а также устойчивых способов

взаимодействия, формирующих возможности приобретения опытного знания и выступающих в качестве «универсалий и предельных понятий» [НФЭ 2001].

Философское понимание природы категорий находит отражение в логике, с позиции которой категории обозначают несколько наиболее общих или наивысших типов мыслительных форм, либо указывают на различия между ними. В диалектической логике под категорией понимается сущность, отражающая последовательную стадию становления любого конкретного целого (соответствующую процессу его духовно-теоретической репродукции) [Ивин, Никифоров 1997].

В целом, категориальные основания логики опираются на базовую тройку категорий, известную как «формы мышления»: понятие, суждение, умозаключение. Данный категориальный ряд является объектом изучения классической логики. Неклассическая логика в дальнейшем переосмысливает указанное разделение, однако, в значительной мере остается в рамках исследования различных форм базовых категорий и уточнения сущности понятия. По мнению В. Т. Мануйлова, «языки логики отличаются друг от друга набором семантических (синтаксических, грамматических) категорий, то есть видами осмысленных языковых выражений, характерных для данного языка логики» [Мануйлов 2009: 4].

На сегодняшний день наиболее результативной попыткой определить категориальный аппарат в рамках синтеза общих теорий философии и логики является исследование А. И. Уемова, выделившего три основополагающих философских категории – «вещь», «свойство», «отношение» – и разработавшего формально-логический язык их описания. Ученый приходит к выводу о том, что с позиции философии категории логики репрезентируют «вещи», выступающие в качестве объекта анализа. Обозначение категорий логики как «вещей» приводит к выделению двух ветвей современной логики: атрибутивной и реляционной. Согласно атрибутивной логике, исследующей суждения и высказывания, главной целью мышления человека является изучение объекта и

его свойств, в то время как приоритетом реляционной логики является анализ отношений [Уемов 1963].

В исследовании логических и философских категорий также выделяется психологический аспект. В психологии мышление и его категории изучаются на основе главенствующей роли орудийной, предметно-преобразующей деятельности общественного характера [Выготский 1996]. Развитие мысли оказывается связанным с поступательным формированием умственных действий, их разделением на конкретные и абстрактные операции, а также с генерализацией абстрактных операций [Гальперин 1981]. Рассматривая данные психологии, Д. В. Пивоваров сформулировал положение о том, что категории по своему происхождению являются парадигматическими операциями и алгоритмами деятельности, объединяющими в себе предметный и операциональный компоненты [Пивоваров 2003]. Таким образом, категории в психологии – это общие понятия и проблемы, составляющие предмет и содержание деятельности человека [Волкова 2006; Рубинштейн 1989]. Можно выделить такие базовые психологические категории, как мотив, образ, деятельность, личность, общение, переживание [Ломов 1984: 7]. Указанные категории могут обладать различным значением в зависимости от той или иной психологической школы. Формулируя в качестве одного из основополагающих принципов теоретической психологии принцип открытости категориального строя, исследователи могут расширить базовые категории посредством психологического осмысления понятий, применяемых в философии и логике.

Немаловажно, что выделяемые в философии, логике и психологии категории обнаруживаются на всех уровнях языка и выражаются с помощью языковых средств, присущих тому или иному языку. На современном этапе научного развития в лингвистике принято выделять грамматические, морфологические, лексические, семантические, понятийные, фонологические, а также прагматические категории [БРЭ 2005]. Заслуживают внимания определения категории, которые можно найти в словарях лингвистических терминов. Так, «Краткий словарь когнитивных терминов» описывает категорию

в качестве одной из познавательных форм мышления человека, позволяющей обобщать накопленный опыт и осуществлять классификацию [КСГТ 45–47]. Дополняя данное определение, «Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике» обозначает категорию как класс сущностей, представленный для рассматриваемой теории либо модели [Баранов 2003].

В свою очередь, в «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило насчитывается порядка 100 статей с ключевым словом «категория», а также его производными. Данный словарь содержит три ключевых дефиниции термина «категория»:

1). Лингвистическая сущность, представляющая общие свойства разнообразных классов языковых элементов, определяющая данные классы и получающая то или иное лингвистическое выражение: морфологическое, синтагматическое, просодическое и т.д. в зависимости от содержания – грамматического, лексического либо стилистического.

2). Категория как набор языковых элементов, обладающая возможностью целесообразного упорядочивания схожих явлений в рамках одного либо разных языков и выступающая в качестве теоретической основы лингвистического сравнения (сравнительно-исторического, типологического, аналитического) и категоризаций (грамматических, лексических, типологических, сравнительно-исторических).

3). Категория как обобщенное значение, обнаруживающее в языке определенное выражение (абстрактность, вещественность, конкретность, личность, множественность, модальность, одушевленность, предметность, притяжательность, собирательность, совокупность, сочетаемость, увеличительность, уменьшительность [Жеребило 2009: 142].

Лингвистическое понимание категории, предложенное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой, отражает различные аспекты данного понятия:

1). Категория – это «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства» (время, пространство, аспектуальность, деструктивность [Ветошкина 1990: 215].

2). В строгом понимании, под термином «категория» понимается не группа элементов, а признак, позволяющий разделить множество однородных языковых единиц на «ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного класса (например, «категория падежа», «категория вида»)» [Ветошкина 1990: 215].

3). Категория предстает в качестве «вида признака», например, «категория дательного падежа», «категория несовершенного вида» [Ветошкина 1990: 215].

Обобщая приведенные выше определения, можно сделать вывод, что в общем смысле, категории представляют фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Выступая в качестве форм и устойчивых организующих принципов процесса мышления и деятельности человека, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщем и наиболее концентрированном виде с помощью языковых средств.

В ходе рассмотрения существующих определений категорий в философии, логике, психологии и лингвистике становится очевидно, что наряду с общим пониманием категории, можно выделить специфику в их трактовке в рамках определенного научного направления, либо конкретной дисциплины. Существующие отличия в природе, функциональном предназначении и структурном устройстве категорий могут быть объяснены многообразием и эволюцией подходов, присущих различным научным школам, а также особенностями различных областей знания. Различные категории оказываются взаимосвязаны между собой таким образом, что становятся немыслимыми без другой, вытекает одна из другой и обусловливают одна другую. Данная особенность отражает взаимосвязь и взаимообусловленность явлений действительности. Категории изменчивы, подвижны, текучи, переходят друг в

друга, отражая этим изменчивость жизни и действительности. Проследить и упорядочить взаимосвязь различных категорий становится возможным благодаря упорядочиванию и систематизации категориальной системы. В следующем разделе мы попытаемся выявить универсальную типологию категорий, опираясь на уже имеющиеся многочисленные классификации и основополагающие категориальные значения.

1.2. Основные философские категории и их роль в познании мира

Как отмечалось выше, впервые понятие «категория» было упомянуто в рамках философии. За более чем двухтысячелетнюю историю существования этой науки было выдвинуто четыре основополагающих концепции категорий: онтологическая, гносеологическая, логическая, лингвистическая.

Разработка онтологической концепции связана с именем Аристотеля, рассуждавшего о категориях в онтологическом плане и рассматривавшего их в качестве основы внутренних различий бытия. Аристотель впервые предложил понятие «категория» в своем труде «Органон» [Аристотель 1978: 51]. Философ определил категории как наиболее общие понятия и выделил 10 категорий: состояние, претерпевание, действие, положение, место, время, отношение, количество, качество, сущность. Согласно тексту «Органона», Аристотель употреблял слово «категория» в значении «утверждение» и обозначал данным понятием мыслительную операцию по объединению в отдельное множество ряда ситуаций, свойств и отношений на основе общего принципа. Полученные категории также могли подвергаться дальнейшей категоризации. Так, например, «количество» дифференцировалось на «раздельное» и «непрерывное» и т.д. Данная классификация в значительной мере повлияла на диверсификацию сказуемых, предикатов, членов предложения, частей речи. В дальнейшем учение о «категориях» получило свое развитие в трудах Порфирия и Боэция, представивших введение и комментарии к трудам Аристотеля [Боэций 1990]. В свою очередь Р. Лулльский сделал попытку обозначить принципы – базовые понятия и отношения мышления к предметам. Данные принципы он расположил

в виде таблиц, при этом разнообразные сочетания принципов формировали новые точки зрения. Тем самым подобные категории выступали в качестве логики открытий [Луллий 2002].

В отличие от онтологической концепции, где роль категорий определяется как анализ (разделение) исходной целостности бытия, в гносеологической трактовке категории призваны обеспечивать синтез (объединение) человеческого знания. В противоположность аристотелевским категориям, кантовские – это категории не бытия, а мышления. Они являются универсальными принципами, систематизирующими деятельности рассудка. Тем самым единство объектов, выступающих предметом суждений, а также всеобщность выраженных при помощи данных суждений закономерностей существуют не в природе, а лишь в представлении познающего субъекта.

По мнению И. Канта, мир ощущений представляет собой беспорядочный набор чувств и событий и требует наведения порядка. Данный мир трансформируется посредством изначальных форм чувственности, в качестве которых выступают время и пространство. Эти понятия нереальны и существуют в виде форм восприятия, упорядочивающих хаос. Они функционируют вне опыта в том смысле, что являются присущими чувственному восприятию человека как таковому – существование восприятия предполагает наличие механизмов упорядочивания ощущений в измерениях времени и пространства. В качестве связующего звена в мире феноменов выступают категории рассудка. Посредством данных связей познающий упорядочивает хаос в закономерно функционирующий мир [Кант 1964]. И. Кант выделяет такие категории рассудка, как количество, качество, цельность, единство, множество, ограничение, отрицание, отношение, реальность, присущность и самостоятельное существование, причина и действие, общение, модальность, возможность и невозможность, необходимость и случайность [Кант 1915].

Основы логической концепции были заложены Г. Гегелем, который разделял точку зрения И. Канта, однако придавал категориям метафизический характер. В качестве средства выведения категорий для него выступал

диалектический метод – начальным этапом процесса образования категорий служило отвлеченное понятие бытия, из которого в дальнейшем возникали категории качества, количества, сущего, меры, действительности, явления, идеи, объекта и субъекта. Основным предметом логики Г. Гегеля выступают необходимые определения мысли – чистые понятия. Вслед за Аристотелем и И. Кантом он называет их категориями, однако пытается представить данные понятия в качестве развивающейся, логически связанной системы. Если у Аристотеля и И. Канта речь шла о роли и месте категорий в философской науке, то гегелевское понимание можно назвать особой наукой о категориях [Гегель 1979].

В философии Гегеля мышление отождествляется с бытием, а логика – с онтологией. По мнению ученого, логика является наукой о необходимых определениях как бытия, так и мышления, выступающих лишь двумя «сущностями» Абсолютной Идеи. Тем самым в рамках учения о диалектическом саморазвитии категорий выражается базовый принцип философии Гегеля – единство бытия и мышления, а категории служат не только ступенями развития познания, но и отражают абсолютный иерархический порядок Универсума, с которым соотносится все существующее.

В процессе разработки учения о категориях И. Кант говорил о двух возможных способах формирования категориальной системы. Первый способ был ориентирован на поиск и систематизацию понятия повседневного обыденного языка, а второй обеспечивал формирование логической схемы понятий рассудка, независимой от исторических условий жизни человека. И. Кант придерживался второго способа, однако его основополагающая идея о том, что структуры бытия зависят от человеческих определений, оказалась более применимой к первому способу, что привело к разработке лингвистического понимания категорий. Стимулом данного вектора развития категориального учения стали исследования В. Гумбольдта [Гумбольдт 1984].

Поскольку основная функция категорий заключается в упорядочивании некоторой неорганизованной сущности, этот порядок тем или иным образом

отражается в языке. По мнению лингвофилософа, лексический состав языка и совокупность категорий совпадают, при этом любое слово, обобщая то или иное понятие, выступает в качестве категории для некоторого множества вещей. Это приводит к тому, что даже не подозревающий о существовании теоретических схем категориального анализа или синтеза человек воспринимает мир определенным, упорядоченным образом по причине того, что использует для его описания родной язык [Звегинцев 1984].

Как и категории, язык не формируется человеком непосредственно на основе его личного опыта, а является наследием предыдущих поколений. Тем самым язык, с одной стороны, обогащает, а с другой – связывает человека существующими в нем нормами и правилами. В свою очередь, категории возникают не на основе предметного опыта, а осваиваются человеком вместе с изучением языка, будучи зафиксированными главным образом в процессе речевого общения. Осознание категорий происходит значительно позже, чем они начинают использоваться в языковых практиках [Постовалова 1982].

Таким образом, независимо от способа интерпретации с позиции той иной философской концепции категории репрезентируют обширные родовые определения бытия. Выступая в качестве предельно общих родов, категории не имеют стоящего над ними высшего рода и, тем самым не могут определяться через отнесение к более высокому роду с обозначением видового отличия. Следовательно, категории определяются не через вышестоящие роды, а посредством установления отношений с иными категориями. При этом ключевым значением применительно к категориям обладают понятия, детерминирующие смысловое поле каждой категории, выражающие те или иные ее аспекты, оттенки и конкретные формы проявления и группирующиеся в сложные структуры, называемые понятийными категориями.

1.3. Понятийные категории как звено, связующее язык и мышление

В рамках философского направления были предприняты первые шаги на пути осмысления концептуальной природы категорий. Данный подход в

большей степени характеризовал мыслителей, обращавшихся к вопросу о соотношении языка и мышления. Например, говоря о единстве языка и знания, Аристотель пытался объяснить существование различных частей речи отражательным характером мышления человека, связывая их с выявленными ранее категориями сущности, состояния и отношения. В связи с тем, что его философская концепция основывалась на представлении о вещи, существующей независимо от воли человека, Аристотель придавал этим категориям универсальное значение, тем самым утверждая неизбежность их языковой репрезентации. Дальнейшее развитие данной идеи позволило П. Абеляру, Р. Декарту, И. Канту, Г. Лейбницу, Платону и другим мыслителям квалифицировать повседневный чувственный опыт как средство стимулирования исходного категориального мышления человека. По мнению философов, понятийные универсалии представляют собой объективные умственные конструкты, фиксирующие общее в вещах, которое определяется разнообразными языковыми формами, главным образом, словом [Десницкая, Кацнельсон 1985: 233]. О существовании некоторого «универсального компонента» языка также говорил В. фон Гумбольдт в ходе проведения типологических исследований [Гумбольдт 1984]. Таким образом, возникновение понятийных категорий оказывается связанным с выделением класса обобщенных языковых универсалий, которые тем или иным образом находят свое выражение в языке [Хомутова 2007].

Впервые термин «понятийные категории» был упомянут О. Есперсеном в классическом труде «Философия грамматики» (1924 г.). Исследователь рассуждал о природе категорий, признавая наличие внеязыковых категорий, не зависящих от существующих языков. Универсализм данных категорий проявляется в их применимости к различным языкам, а также в отсутствии их явной выраженности в языковой структуре. Тем не менее, устанавливая внеязыковой характер понятийных категорий, О. Есперсен указывал на невозможность классификации предметов и понятий безотносительно к их

языковой репрезентации, тем самым настаивая на лингвистическом значении данных категорий [Есперсен 1958].

В своей работе «Принципы истории языка» Г. Пауль подробно описал понятийные категории, обозначив их «психологическими категориями». Исследователь подчеркивал взаимосвязь понятийных категорий с психологией, выступающей в качестве основания любой возникающей и обнаруживающейся в языковых средствах категории [Пауль 1960].

Г. Гийом также обращался к понятийным категориям в ходе рассмотрения взаимосвязи языковых и мыслительных факторов. Его исследования послужили предпосылкой создания психосемантики, основополагающие методы которой связаны с анализом конкретных языковых фактов с опорой на понятийные категории, а также с изучением функционирования языковых элементов со стороны означаемого [Гийом 1992].

Проблемой природы понятийных категорий также занимался И. И. Мещанинов. Указывая на недостаточную разработанность вопроса о взаимосвязи языка и мышления, под понятийными категориями он понимал некую замкнутую систему значений семантического универсального признака либо определенное значение рассматриваемого признака вне зависимости от «явного» или «скрытого» способа выражения, а также уровня их грамматикализации в исследуемом языке [Мещанинов 1975: 69].

Значительный вклад в теорию изучения понятийных категорий внес С. Д. Кацнельсон, рассматривавший понятийные категории в качестве «опорных пунктов», позволяющих говорить о различных частях речи. Ученый также вводит в лингвистику базовое понятие «пропозиция», выражающее состояние дел, событие и обозначающее отношение между равноправными объектами. Пропозиции выступают в виде операционных схем, ориентированы на конкретное смысловое содержание, однако, нуждаются в дополнительных единицах, способствующих образованию предложений – понятиях. Рассуждая о понятийных категориях, С. Д. Кацнельсон представляет их в качестве мыслительных форм логического происхождения, говорит о взаимосвязи

понятийных категорий с грамматикой и относит их к области «логической грамматики». По мнению лингвиста, понятийные категории составляют основу грамматического строя языка, поскольку участвуют в осмыслении и преобразовании чувственных данных в пропозиции [Кацнельсон 2001].

Данная проблематика получает дальнейшее развитие в работе А. В. Бондарко «Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике», посвященной изучению языковой интерпретации категориального аппарата. Опираясь на научные изыскания О. Есперсена, С. Д. Кацнельсона и И. И. Мещанинова, ученый приходит к выводу об универсальности понятийных категорий, однако предлагает рассматривать их как языковые категории, обладающие языковым содержанием и выражением. Концепция А. В. Бондарко основывалась на теории функционально-семантических полей, позволяющей разграничить понятийные и языковые категории. Ученый выделяет глубинный и поверхностный уровни полей, относя понятийные категории к глубинному уровню, а языковые категории – к поверхностному уровню. На поверхностном уровне происходит языковая интерпретация понятийной категории посредством морфологических, синтаксических, лексических и словообразовательных средств [Бондарко 1974: 55].

Значительный вклад в изучение понятийной сферы мышления и ее взаимосвязи с языком также внес У. Л. Чейф, рассматривавший значение с позиции концептуальной теории языка. По мнению лингвиста, различные идеи и понятия возникают в сознании людей в виде сущностей, находящих свое выражение в языке с целью их передачи в сознание другого индивида [Чейф 1975: 91].

Существуют различные классификации понятийных категорий. Так, А. В. Бондарко описывает фундаментальные – обязательные, универсальные – и нефундаментальные – факультативные, неуниверсальные понятийные категории [Бондарко 1974]. В своей работе Н. А. Кобрина уточняет данную классификацию. В частности, она предлагает классифицировать понятийные категории на семантико-прагматической основе:

1). Понятийные категории, отражающие реальность посредством форм и предметов мысли, тем самым совпадающих с философскими понятиями. Они представляют собой смысловые сущности, отражающиеся в семантике, лексических группах слов, а также в частеречных классах, в зависимости от уровня рассмотрения и осмысления объекта. В рамках понятийных категорий данного типа семантические и понятийные границы оказываются размытыми. Подобная нечеткость выражается в том, что в семантическом синтаксисе понятийные концепты обозначаются актантами. Н. А. Кобрина обращает внимание на неоднозначность соотнесения языковых форм и понятийных категорий, которая сильно зависит от типа рассматриваемого языка. В языках синтетического типа понятийная категория соотносится с формой выражения по типу закрепления следующим образом – одно понятие представляет одну либо несколько форм. В изолирующих языках это соотношение другое – несколько понятий репрезентируются посредством одной языковой формы. Неоднородность соотнесения понятийного языкового плана выражения обладает функциональной значимостью при указании языкового типа.

2). Понятийные категории, выступающие в качестве параметров, признаков и характеристик, такие как вид, время, залог, наклонение, род, число, падеж. Для данных понятийных категорий зачастую отсутствует однозначная соотнесенность с формой. Понятийные категории могут актуализироваться в условиях употребления морфологической и синтаксической форм.

3). Релятивные / операционные понятийные категории, являющиеся основой схем организации понятий. В качестве примера релятивной понятийной категории выступает понятийная сетка, выражающая соотношение действия или события с включаемыми в них предметами мысли. Подобное соотношение служит образным отображением ситуации реальности, преобразуется в пропозицию после выбора реляционного предиката на семантическом уровне и в случае заполнения всех «мест» реляционной схемы. Такие релятивные схемы выступают в качестве основы формирования структурных и коммуникативных

типов предложения различного вида и реализуются при помощи семантических языковых сущностей [Кобрина 1989: 44].

В ходе своих исследований Т. В. Булыгина и С. А. Крылов приводят основания проведения классификации понятийных категорий, различая системный и структурный аспекты. Системный подход рассматривает понятийные категории с позиции парадигматики – специфики формирования понятийных полей, а также семантических оппозиций, в то время как структурный подход основывается на синтагматическом аспекте – роли исследуемых категорий в формировании семантической структуры высказывания и текста [Булыгина, Крылов 1990: 385].

В рамках системного подхода выделяются (1) классифицирующие (обладающие ключевой ролью в оппозиции) и (2) модифицирующие (играющие дифференциальную роль в оппозиции) понятийные категории. Подобная классификация может обнаруживать связь понятийных категорий с соответствующими им грамматическими категориями и разрядами (например, грамматическим категориям глагола соответствуют понятийные категории акциональности, которые в свою очередь делятся на аспектуально-темпоральные, модально-бытийные и акционально-актантные, и т. д.).

Структурный подход предполагает выделение слоев информации в структуре понятийных категорий – (1) внешнеситуационного и (2) прагматического. Внешнеситуационный слой обладает предикатно-аргументной структурой и представляет собой пропозицию, охватывающую событие, а также окружающие его предметные отношения. Прагматический слой демонстрирует взаимосвязь отражаемого факта с конкретным речевым актом и его составляющими – коммуникантами, временем и местом действия. Кроме того, прагматическое содержание включает экспрессивный, апеллятивный, социальный, дейктический, информативный, фактический, метаязыковой и эстетический слои информации [Булыгина, Крылов 1990: 385; Викулова 2023: 67].

Как показывает анализ существующих определений и классификаций, понятийные категории являются выразителями норм сознания в самом языке [Мещанинов 1945]. Они выступают в качестве соединяющего элемента, объединяющего языковой материал с человеческим мышлением, тем самым, с категориями логики и психологии. Понятийные категории представляют результат предыдущего опыта, всегда присутствуют в человеческом сознании и могут использоваться при изучении и описании различных языков. В любом языке обнаруживаются универсалии, объединяющие этот язык по тому или иному признаку с прочими языками мира.

Таким образом, есть основания говорить о двунаправленном характере понятийных категорий – их одновременной обращенности к универсальным психологическим и логическим категориям, а также к языковому материалу. Понятийная сфера, представляющая собой область понятийных аналогов, упорядочивает явления логико-психологического уровня на основе наиболее общих и значимых признаков. Необходимость формализации понятийных категорий, предполагающая реализацию выявленных ранее признаков, приводит к обращению к языковой сфере, в рамках которой происходит переход от универсальных к идиоэтническим явлениям. Необходимо отметить, что придание понятийным категориям лингвистического статуса происходит на основании различных признаков. Данное обстоятельство обусловливает обращение к проблематике языковых категорий.

1.4. Особенности рассмотрения языковых категорий

Значительный теоретический интерес представляет вопрос соотношения понятийных и языковых категорий. Можно предположить, что языковые категории относятся к понятийным как варианты к инвариантам. Понятийные категории представляют собой стабильный и устойчивый «когнитивный слепок» с внеязыкового мира, в то время как языковые категории представляют результат актуализации полученного «слепка» с помощью языковых средств [Хомутова 2007]. Данное утверждение позволяет, с одной стороны, разграничить

сферу семантики и сферу понятий, а, с другой стороны, подчеркнуть неразрывную связь указанных типов категорий.

Проведение классификации языковых категорий требует выведения их определения. Языковые категории представляют собой сущности, которые могут рассматриваться в широком и в узком смысле. В первом случае под категорией понимаются различные группы элементов, выделяемые с опорой на общие свойства. Примерами категорий подобного типа являются вид, падеж, одушевленность / неодушевленность, глухость / звонкость. В более узком понимании языковые категории предстают в виде признаков, являющихся основой разделения однородных единиц на заранее заданное количество несовпадающих классов [Ветошкина 1990: 215]. Зачастую этим термином определяется одно из значений заданного признака, например, категория неодушевленности, родительного падежа, состояния, несовершенного вида. Будучи абстрагированными от суммы конкретных свойств выделяемых элементов, их свойств и признаков языковые категории выступают в качестве основы существования последних в системе языка, а также их репрезентации в лингвистическом описании [Булыгина, Крылов 1990].

В целом, изучение языковых категорий предполагает рассмотрение особенностей их структуры, организации языковых единиц, а также связей, которые устанавливаются между ними. При этом в настоящее время не существует единого списка языковых категорий. Принципы их выделения, количество, названия целого ряда категорий не всегда однозначны. С одной стороны, это свидетельствует о неразработанности данной области научного знания, а с другой, о широком фронте исследований, ведущихся в данном направлении. Существующие классификации языковых категорий неоднородны. Их основу составляют прагматические, семантические, структурные и функциональные критерии [Тураева 1986]. Кроме того, спектр выделяемых языковых категорий определяется составом категоризуемого множества, характером категоризующего признака, а также отношением категоризующего признака к классам разбиения [Булыгина, Крылов 1990: 215].

Так, И. Р. Гальперин разработал классификацию категорий в зависимости от характера выражаемых значений. Ученый выделял содержательные (характеризующие особенности содержательной стороны языка) и формальные (представляющие признаки языковой структуры) категории [Гальперин 1981: 4]. Необходимо отметить, что данная классификация носит в известной мере относительный характер, поскольку языковые категории взаимообусловлены и могут обладать как содержательной, так и формальной сторонами.

Содержательные категории отражают открытую или замкнутую совокупность языковых единиц, обладающих единым категориальным значением. Данные категории непосредственно участвуют в отражении внеязыковой действительности [Аржанова 2008]. К числу содержательных категорий относятся номинативные, субъективно-объективные категории и реляционные категории.

Номинативные категории указывают на определенные свойства обозначаемых объектов. Номинативные категории выражают семантическую функцию языковых знаков – их направленность на неязыковую действительность, вне обращения к которой представляется невозможным понимание и описание их содержания [Беляевская 2011: 13]. Например, категория количества дает представление об истинной единичности либо множественности объектов. К числу данных категорий также относятся число, род и одушевленность существительных, степени сравнения прилагательных, вид, переходность / непереходность, личность / безличность глагола, конкретность / универсальность референции.

В свою очередь, субъективно-объективные категории отображают свойства и отношения объектов с позиции участников коммуникативно-речевого акта и подразделяются на актуализационные категории, такие как время глагола, лицо местоимений; модальные категории к числу которых принадлежат наклонение глагола, референтность / нереферентность синтагмы; коммуникативные категории – например, определенность / неопределенность и коммуникативная роль синтагмы; оценочные, несущие оценку и отношение –

например, степени интенсивности признака у предикатных слов, субъективная оценка у существительных; интерпретационные, выражающие субъективную позицию наблюдателя – например, залог и вид глагола, число, род и одушевленность существительных [Пешковский 1956: 89].

Реляционные категории служат для обозначения сочетаемости форм в пределах словосочетания или предложения и делятся на активные категории, обладающие значением валентности (способности вступать в синтаксические связи с соседними словами) – например, переходность / непереходность, личность / безличность, залог, диатеза и пассивные категории, репрезентирующие синтаксическое значение слова в высказывании – например, падеж существительного, предикативность / атрибутивность прилагательного, репрезентация глагола [Ким 2001].

Для формальных языковых категорий характерен общий формальный признак. Данные категории отражают сочетаемостные ограничения словоформ – например, согласовательные грамматические категории, участвующие в формировании отношений согласования [Бондарко 1976]. К их числу относятся такие категории как род, число и падеж прилагательного, а также род, число и лицо глагола. Наряду с этим, формальные категории также выражают формально-структурные морфологические характеристики лексем, к числу которых относятся типы склонения и спряжения.

Как отмечалось выше, И. Р. Гальперин подчеркивал взаимообусловленность содержательных и формальных категорий: «Формально-структурные категории имеют содержательные характеристики, а содержательные категории выражены в структурных формах» [Гальперин 1981: 5]. Так, например, категория диминутивности включает слова, обладающие общим значением уменьшительности, дополняющим основное словарное значение («садик», «кошечка», «черненький»). В свою очередь, категория транзитивности объединяет глаголы, содержащие формальный признак обязательности использования с прямым дополнением («гладить собаку», «продавать дом»). В качестве примера замкнутой содержательной

категории может служить категория родства, объединяющая лимитированное количество слов – обозначений родственников («мать», «отец», «сын», «дочь», «сестра», «брат»). Примером замкнутой формальной языковой категории может являться категория глухости / звонкости согласных (п, т, к, ф - б, д, г, в). В отношении данных формальных группировок понятие «языковая категория» зачастую синонимично понятию «класс». Необходимо отметить, что общность содержательных (семантических) языковых категорий составляет языковой план содержания, а совокупность формальных языковых категорий – языковой план выражения [Гальперин 1981].

Языковые категории также могут классифицироваться в зависимости от состава категоризуемого множества, характера категоризующего признака и отношения данного признака к классам разбиения. В ситуации, когда категоризуемое множество состоит из односторонних единиц (фонем) дифференциация производится по определенным отличительным признакам. Примером подобной классификации выступают «фонологические категории» (например, «категория глухости / звонкости», «категория смычных согласных»). В случае, когда категоризуемое множество состоит из двусторонних единиц (слов, словосочетаний, предложений), классификация осуществляется на основании некоторого синтаксического или семантического признака. В качестве примера можно привести выделение грамматических, синтаксических, лексических и морфологических категорий. При этом категоризующий признак может обладать семантическим, синтаксическим или общекатегориальным характером [Булыгина, Крылов 1990].

С точки зрения отношения категориального признака к членам разбиения лингвисты различают модифицирующие (дифференциальные, флексионные) и классифицирующие (интегральные, селективные) категориальные признаки, а также соответствующие им языковые категории [Иванова 2004]. Признак объекта является модифицирующим, в том случае, если ему соответствует элемент иного класса разбиения, который отличается от него исключительно значением данного признака. Подобное соответствие получило название

«оппозиция». Если такое соответствие отсутствует, то признак является классифицирующим для данного элемента. Элементы, разграничивающиеся только посредством значений модифицирующего признака, считаются разновидностями более общей единицы, изменяющейся по данному признаку. В противоположность этому, конкретное значение классифицирующего признака является фиксированным, постоянным для данной единицы [Булыгина, Крылов 1990].

В случае, если признак является модифицирующим для большинства элементов категоризуемого множества, категория считается модифицирующей. Примерами модифицирующих категорий являются словоизменительные категории (например, число / падеж существительного; род / число / падеж прилагательного; род / число / лицо / время / наклонение глагола) [Зубкова 2010]. В ситуации, когда категориальный признак служит для значительного числа элементов классифицирующим, то категория в целом считается классифицирующей. Классифицирующие языковые категории свойственны и постоянны для целой лексемы. К числу классифицирующих языковых категорий относятся части речи, род неодушевленных существительных, одушевленность / неодушевленность существительных, переходность / непереходность, а также личность / безличность глаголов [Косова 2013: 167; Малых 2013: 2].

Вопрос отнесения изучаемой категории к классифицирующему или модифицирующему типу зависит от того, какой изначально была классификация языковых единиц, а также от того, что служит «правилом» для рассматриваемого класса, а что можно обозначить «исключением». Например, можно полагать, что применительно к русскому языку для одних глагольных классов категория вида является модифицирующей, а для других – классифицирующей. Одно из этих решений также может быть принято в отношении целого класса глагольных лексем.

Одними из наиболее изученных и важнейших типов языковых категорий являются грамматические категории. К их характерным чертам относятся модифицирующий тип признака, взятого за основу, его отнесенность к

синтаксису, наличие регулярного способа выражения, наряду с «обязательностью» выбора одного из его значений для словоформ, принадлежащих к исследуемой совокупности. Грамматические категории также обладают замкнутыми взаимоисключающими системами значений. Они задают разбиение на непересекающиеся классы обширного множества словоформ. Например, грамматические значения множественного или единственного числа, в совокупности образуют категорию числа [Рыжова 2011: 114].

В зависимости от характера выражаемых грамматических значений можно выделить номинативные (семантические, референциальные) категории, репрезентирующие внеязыковую действительность, и синтаксические («реляционные») категории, демонстрирующие способность словоформ вступать определенные синтаксические отношения в предложении. В соответствии с категориальным признаком грамматические категории делятся на классифицирующие («лексико-грамматические», «словообразовательные»), относящиеся к лексеме в целом и постоянные для нее, а также словоизменительные («собственно грамматические»), в рамках которых лексема может изменяться [БСЭ 1930].

Немаловажно, что приобретение языковой категорией грамматического статуса переносит данную категорию в ядро существующих функционально-семантических категорий или функционально-семантических полей, объединяющих разноуровневые языковые средства, присущие изучаемому языку, связанные общностью взаимодействия разнообразных семантических функций и принадлежащие к области синтаксической синтагматики или синтаксической парадигматики [Бондарко 1974: 24].

К синтаксической синтагматике принадлежат структурно-синтаксические грамматические категории, представляющие типы синтаксических отношений: подчинение, сочинение, предикация, атрибут, актант [Копров 2010]. Понимание синтаксической языковой категории не требует обязательного обращения к внеязыковому денотату и направлено на знаковое соотношение, из которого выделяется суть настоящей категории [Булыгина, Крылов 1990]. Например,

категория падежа никак не соотносится с действительными характеристиками объекта, обозначаемого при помощи рассматриваемого существительного, а лишь отражает взаимодействие между словами в предложении: «подошел к офису» (дательный падеж) – «вышел из офиса» (родительный падеж) – «находится в офисе» (предложный падеж).

Изучая существующие в синтаксисе парадигматические отношения, большинство ученых используют термины «коммуникативно-грамматические категории» либо «категории предложения». Таким образом, к синтаксической парадигматике относятся грамматические категории предложения (коммуникативные категории), являющиеся различительными признаками предложений (целеустановка высказывания, утверждение / отрицание, модальность), а также грамматические категории синтагм (членов предложения / словосочетаний), например, грамматические категории именной группы (определенность / неопределенность, род, число, лицо), грамматические категории предиката, грамматические категории атрибута. В более редких случаях речь может идти об отдельных значениях указанных признаков (категория отрицания). Некоторые исследователи, например, Н. Ю. Шведова, также предлагают другое обозначение грамматических категорий – фразоизменительные категории [Шведова 1984].

Таким образом, рассмотрение и классификация языковых категорий требует учета свойств, признаков и типов синтаксических отношений между входящими в них элементами, характера выражаемых категориальных значений, состава категоризируемого множества, специфики категоризирующего признака и отношения данного признака к классам разбиения, а также особенностей актуализируемых грамматических значений. Существующее разнообразие принципов диверсификации, многообразие и неоднозначность выделяемых в языке категорий усложняет понимание их природы и особенностей функционирования и обусловливает возникновение проблемы лингвистической категоризации.

1.5. Проблема лингвистической категоризации и ее разрешение в рамках когнитивного подхода

Категоризация определяется лингвистами как выделение различных категорий в мире, а также соотнесение тех или иных объектов и событий с данными категориями. Суть категоризации состоит в интерпретации событий и объектов, проявляющейся в виде конкретной категории, что позволяет обозначить исследуемый объект либо событие определенным словом [Rosch 1973, 2008]. Из настоящего определения следует, что категоризация соотносит то или иное событие с конкретным словом, актуализируя референциальную функцию в языке [Демьянков 2010: 27]. Целью процесса категоризации является формирование ментальных структур репрезентации знаний об объектах и явлениях действительности. Данное обстоятельство дает возможность рассуждать о сложности организации внутренней картины мира человека. Категоризация выступает в качестве основополагающего инструмента, позволяющего упорядочить восприятие мира, систематизировать полученный опыт, а также проследить сходство и различие явлений действительности [Аникин, Чудинов 2011; Кубрякова 1999: 97; Кубрякова 2004: 76].

Проблема лингвистической категоризации как проблема отношения мира и языка принадлежит к числу вопросов, разрешение которых определяет ориентации индивида в действительности и требует переосмысления в условиях изменяющейся ситуации на новом витке развития языковой системы. Обширный спектр выделяемых языковых категорий обеспечивается возможностью одновременного применения нескольких принципов в процессе их формирования, при этом не только стираются границы между выделяемыми типами, но и усложняется установление структурных и содержательных характеристик для каждой конкретной категории.

Попытка разрешить проблему лингвистической категоризации предпринимается в рамках обращения к антропоцентрической парадигме, предполагающей рассмотрение функционально-семантических полей и лежащих в их основе языковых категорий в когнитивном аспекте. Подобный

ракурс исследований связан со становлением когнитивной лингвистики – направления языкознания, изучающего проблемы соотношения языка и мышления, языка и познания. Общая направленность когнитивного подхода на моделирование языкового сознания человека обусловливает выдвижение ряда основополагающих задач, среди которых особенно важно выделить выявление механизмов и роли категоризации в рамках концептуализации познаваемого мира, а также понимание того, «какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией» [Маслова 2004; Петрова 2020].

С позиции когнитивной лингвистики категоризация понимается как когнитивная деятельность человека, на основании которой «он сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики» [Кубрякова 1992: 45]. По мнению Е. С. Кубряковой, лингвистическая категоризация является базовым понятием человеческой деятельности, а также одним из ключевых понятий когнитивного подхода. Способность осуществлять классификацию явлений, распределять их по разным типам, видам, разрядам и категориям с помощью языковых средств указывает на то, что в процессе восприятия мира человек рассуждает о сходстве или несовпадении различных объектов. Тем самым лингвистическая категоризация служит основным способом упорядочивания и систематизации явлений действительности. В этой связи особенно важно понимание критериев, на основании которых человек высказывает свои суждения, распределяет увиденное, услышанное и прочувствованное по конкретным группам [Кубрякова 1999: 97]. В данном определении подчеркивается значимость изучения как самих языковых категорий, рассматриваемых в качестве совокупности множества тождественных единиц, так и критериев, на основании которых те или иные элементы объединяются в данные категории.

В русле когнитивной парадигмы лингвистическая категоризация является отражением сложных динамических речемыслительных процессов, в ходе которых суть мыслей соотносится с определенными языковыми символами, а

также концептуальной языковой категорией. При этом язык понимается когнитологами как сложная динамическая система, позволяющая получать, хранить, обрабатывать и передавать информацию [Бурлак 2012]. Такой научный подход предполагает четкую организацию, а также упорядоченность единиц языка в памяти человека, так как это является необходимым условием обеспечения предельного информационного объема памяти, наряду с наивысшей скоростью функционирования сознания в ходе осуществления речетворного процесса [Тивьяева 2021]. Проблематика категоризации критична для когнитивной лингвистики в силу наличия большого количества «пробелов» в области структурной лингвистики. Например, недостаточно освещены нормы выделения и упорядочивания языковых категорий, мало изучены причины расхождения лексических, грамматических и модусных категорий, отсутствует четкое разграничение онтологической и эпистемологической сущности категорий языка.

Решение большинства поставленных вопросов напрямую зависит от того, что является основой языковых категорий. Когнитивный подход предполагает выделение языковых категорий на основании прототипов. Однако в отличие от понимания прототипа с точки зрения психологии, предполагающей выделение категорий с опорой на эксперименты по категоризации, когнитивный подход характеризует прототип как когнитивный ориентир, образ, схему, идеал или стереотип [Лакофф 1996]. По мнению Н. Н. Болдырева, в данном случае в качестве когнитивных ориентиров выступает не один, а сразу несколько концептов – единиц знания. В связи с этим определение прототипа с когнитивной точки зрения может быть представлено следующим образом: «прототип – это концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее структуру и содержание, концепт категории или элемента категории. Иными словами, категории репрезентированы в нашем сознании данными концептами» [Болдырев 2012: 37]. Рассуждая о значимости концептов в лингвистической категоризации, Е. И. Голованова заявляет, что в основе данного процесса находится система знаний о мире – концептуальная картина

мира, формируемая в сознании человека в результате его познавательной деятельности. При этом в качестве когнитивного механизма категоризации выступает язык, непосредственно участвующий в формировании категориальной системы [Голованова 2004].

Согласно точке зрения Дж. Лакоффа, в пространстве концептуальной системы индивида присутствует 4 разновидности идеализированных когнитивных моделей: пропозициональные, образно-схематические, метафорические и метонимические модели. Пропозициональные и образно-схематические модели обозначают структуру, метафорические и метонимические модели определяют отображения, использующие структурные модели [Lakoff, Johnson 2003]. Различные типы идеализированных когнитивных моделей выступают основой разных языковых категорий, при этом в ходе функционирования каждая из данных моделей структурирует ментальное пространство [Лакофф 2004].

Формируемые языковые категории обладают познавательным значением, поскольку способствуют актуализации действительности в сознании человека. В процессе познания мира человек сталкивается с различными вещами и событиями, а также их характеристиками. Определяя, осмысливая и сопоставляя данные элементы с уже имеющимися знаниями, он приписывает им конкретные обозначения, фиксируя их с помощью языковых средств в виде категорий в своем сознании [Болдырев 2011: 5].

Тем не менее, взаимосвязь тех или иных предметов, явлений окружающего мира с определенной категорией на основании их сходств и различий, а также актуализация данной взаимосвязи с помощью языковых средств опирается на определенные принципы. Основой любого познания является, в первую очередь, поиск базового принципа, интегрирующего разнородные явления. Единичное явление не должно оставаться единичным, оно должно быть соотнесено с какой-либо категорией, в рамках которой оно представляется в качестве элемента определенной структуры [Ушакова 2015]. Однако во время соотнесения нового объекта с определенной категорией критерием человеческой оценки выступает

некоторая сложная ментальная конструкция, а не лишь единичный признак, очевидный для большинства носителей языка [Ли 1993].

В целом, переосмысление лингвистической категоризации в контексте прототипов и идеализированных когнитивных моделей позволяет гораздо более гибко интерпретировать представление знаний о мире, при этом активная роль индивида в познании окружающей действительности предопределяет наличие в сознании и языке статической модели, отражающей определенные результаты – знания, а также динамической модели, непосредственно связанной с мыслительными операциями, ведущими к достижению данных знаний, а также направленными на их интерпретацию или переосмысление при помощи языковых средств. При этом принципы организации и понимания формируемых категорий, их основные параметры и статус могут меняться, как меняется с ходом времени и вся система коллективных и индивидуальных знаний человека [Малинович 2011: 15].

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в качестве одного из условий нормального протекания процессов концептуализации и категоризации в мышлении человека выступает наличие знаковой системы, служащей для закрепления и актуализации полученных знаний и результатов обработки информации с помощью объективированных прототипов, концептов и категорий. Различные структуры знания, хранящиеся в сознании человека, объективируются посредством языковых форм. Тем самым представление знаний в языке является результатом взаимодействия двух основных познавательных процессов, осуществляемых при помощи языка – концептуализации и категоризации. В целом, любая деятельность по категоризации мира, то есть – по распределению различных элементов по группам, классам, типам, видам, составляющим категории, в конечном счете вербализуется, а значит носит языковой характер. В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что система языковых категорий составляет основу группировки знаний в человеческом сознании.

Результатом обращения к когнитивному подходу в процессе разрешения проблемы лингвистической категоризации является возможность формирования и упорядочивания системы языковых категорий. Данные категории, репрезентирующие определенный фрагмент действительности в сознании человека и выступающие в качестве базовых единиц речемыслительных операций, могут обладать жесткими или размытыми границами, а также изменять свою структурно-содержательную организацию в зависимости от выражаемых лексических, грамматических и модусных значений, предопределяющих актуализацию той или иной модели категориального видения мира.

1.6. Основополагающие модели категориального видения мира

Как известно, языковая система отражает процесс и основные результаты познания мира и самого языка, выступает в качестве инструмента репрезентации и актуализации гносеологической функции, инструментом осмысления онтологии, а также концептуализации мира и выделяемых языковых категорий [Сулейманова 2020]. Такая взаимосвязь обозначенных аспектов связана с природой и принципами когнитивных процессов, без которых выявление категорий не представляется возможным.

О многогранности концептуального пространства языка свидетельствует присутствие в нем знаний двух типов: энциклопедических знаний о мире и категоризации, а также лингвистических знаний о языковых значениях и категориях. Развитие системы языка происходит во взаимодействии этих двух источников. Наполнение категорий новым содержанием за счет рефлексии над особенностями их функционирования в различных языках является предпосылкой для каждой следующей ступени внутритеоретического развития лингвистического категориального аппарата. Благодаря подобному развитию обеспечивается формирование категориальных моделей мира в лингвистике. В русле когнитивного подхода выделяются лексическая, грамматическая и

модусная модели категориального видения мира [Болдырев 2006, 2019].

Лексическая модель отражает онтологию мира, а также основополагающие результаты его изучения, такие как предметные знания, характеристики и категории. К данным значениям принадлежат слова, а также тематические группы слов (термины родства, прилагательные цвета), которые осуществляют номинативную функцию и дают представление о различных объектах и категориях мира. Соответственно, в рамках лексической модели осуществляется категоризация естественных объектов действительности. Лексическая категоризация является лингвистическим аналогом категоризации естественных объектов и объектов внутреннего мира индивида и отражает гносеологическую функцию языка. Однако, в то же время, группировка языковых единиц на основе лексических значений не является отражением характерной для языка естественной категоризации, а обладает искусственным, логическим характером. Таким образом, лексические категории не являются языковыми категориями и предстают в виде «аналоговых» (логических) категорий, обладающих логической по своей природе структурой. Настоящее утверждение находится в соответствии с понятием лексической номинации как гносеологического процесса, функционирующего в отрыве от языка и составляющей лишь элементы коммуникации, поскольку суть языка заключается в том, что он сообщает, а не в том, что он обозначает [Колшанский 1976: 22]. Тем самым лексические значения не обладают категориальным статусом в области онтологии – поэтому лексические категории не могут принадлежать к числу языковых категорий. Однако, это не означает, что лексические категории не связаны с системой языка. Осуществляя передачу знаний об объектах действительности, они продолжают принадлежать к числу языковых значений, представляя символьный способ отображения знаний. Лексическая модель категориального видения мира также не лишена смысла. Выявление и описание отношений между элементами в рамках как единой, так и разных тематических групп делает возможным репрезентацию многообразия

концептуальных связей в человеческом сознании. Кроме того, рассматриваемые концептуальные связи становятся действительностью за счет их объективизации в разнообразных лингвистических таксономиях. Именно в этом состоит особая важность лексической модели категориального видения мира, в рамках которой становится возможным соотнесение лексических категорий с формами языкового сознания. В данном ракурсе лексическая модель категориального видения мира отражает и интерпретирует языковую картину мира. При помощи лексических значений происходит активизация концептуальных связей и формирование необходимых смыслов в ходе коммуникации [Болдырев 2006: 12].

В лингвистике лексическая модель категориального видения мира часто обозначается как «ментальный лексикон» [Кубрякова 1996: 97]. Тем не менее, если при описании лексического значения языковой единицы опираться исключительно на лексические категории, то единственным способом обозначить рассматриваемую единицу будет выявление ее сочетаемости с другими, еще не определенными единицами. В итоге мы получаем логически замкнутый круг.

Решение возникшей проблемы приводит к выделению грамматической модели категориального видения мира. Ее суть заключается в выделении в языковой структуре грамматических значений (например, значения единственного и множественного числа) и грамматических категорий (например, род, число и падеж прилагательного), отражающих специфику онтологии, а также внутреннюю сущность и законы функционирования языка. Грамматическая модель категориального видения мира репрезентирует категоризацию естественных для языковой системы и условных по отношению к внешнему миру объектов, при этом выделенные грамматические значения представляют результат абстрагирования от конкретных лексических значений и освещают принципы и особенности внутреннего устройства языка, задачей которого служит условная передача связей и отношений между объектами действительности, их статическая и динамическая характеризация [Болдырев

2006: 11]. Таким образом, грамматическая модель категориального видения мира отображает онтологию языка и выделение естественных языковых категорий, гарантирующих существование и функционирование данного языка как семиологической системы. Грамматические категории являются естественными категориями для языка. Грамматическим категориям как категориям естественных объектов присуща прототипическая структура. К числу грамматических прототипов относятся, например, форма прошедшего времени и множественного числа. Прототипическая структура также характерна для категорий скрытой грамматики, например, лексико-грамматических разрядов слов, на которые разделяются части речи: например, имена собственные и нарицательные, конкретные и абстрактные существительные, качественные и относительные прилагательные, глаголы действия, процесса, состояния, отношения. Данная структура представляется обоснованной, так как лексические и грамматические значения неотделимы друг от друга. Однако, лингвисты отмечают большую степень абстракции грамматического значения в отличие от лексического, так как грамматическое значение служит добавочным к лексическому значению слова и указывает на различного рода отношения (например, отношение к языковым элементам в предложении, отношение сообщаемого факта к действительности и времени, отношение субъекта коммуникации к сообщаемому), выражая внутреннюю сущность и законы функционирования языка [Розенталь, Теленкова 1976].

В этой связи необходимо упомянуть невозможность обнаружения четкой границы в континууме перехода от лексических к грамматическим значениям [Виноградов 1990]. Подобная континуальность свидетельствует о взаимосвязи онтологических и гносеологических категорий, обеспечивающей репрезентацию неязыковых знаний – формирование, передачу и постижение смыслов в ходе процесса коммуникации. Лексические, лексико-грамматические и грамматические категории в качестве формы языкового сознания являются способом отображения действительности в сознании говорящих [Jackendoff 1995: 28]. Наряду с этим, посредством лексико-грамматических категорий

осуществляется категоризация естественных языковых объектов – слов. Таким образом, гносеологические грамматические и лексико-грамматические категории в отношении языка являются онтологическими.

Помимо лексической и грамматической моделей лингвисты выделяют модусную модель категориального видения мира, обеспечивающую субъекту коммуникации возможность интерпретации определенного концептуального содержания, а также формирования смыслов с опорой на модусные категории [Болдырев 2006; Кобрина 2021]. Особенности образования и структурной организации модусных категорий состоят в том, что они группируют языковые средства с опорой на общность их концептуальной функции. Подобный интерпретирующий характер модусных категорий говорит об их уникальной природе и положении в системе оппозиции гносеологических и онтологических концептов и категорий, а именно – в качестве форм репрезентации онтологии сознания человека, его концептуальной функции, в качестве форм проявления личного опыта, умений и оценок. Модусные категории имеют зависимый от других концептуальных сущностей, релятивный характер и в своей структуре обнаруживают сочетание различных принципов организации. Данный тип категорий онтологичен применительно к сознанию человека и гносеологичен по отношению к окружающей действительности и миру языка. Таким образом, модусные категории обладают концептуально-языковой природой [Квашнина 2013: 252].

Логико-языковая природа модусных категорий сближает их с полевыми структурами, формируемыми по инвариантно-вариантному принципу. Наряду с этим, в модусных категориях могут определяться прототипы, а также прототипические средства актуализации данной функции вследствие их устойчивой связи с категориями естественных объектов [Адова 2017].

Особенностью модусных категорий является релятивность и их зависимость от других концептуальных структур. Отрицание, положительная / отрицательная оценка, эвиденциальность, аппроксимация, экспрессивность, определенность / неопределенность не могут существовать сами по себе, вне

отношения к иной сущности. Данные категории обретают значимость и проявляют свой модусный (пропозитный) характер исключительно в контексте определенного концептуального содержания [Скокова 2014].

Модусные категории также принадлежат к числу коммуникативных категорий, поскольку оказываются тесно связаны с процессом коммуникации, способствуют процессу общения и понимания и функционируют в качестве форм репрезентации субъективности индивида. Помимо этого, категории данного типа характеризуют и имплементируют методы и механизмы речевой деятельности [Васильева 2010; Кобрина 2006; Попова 2007; Тупикова 2014].

В разработку теории модусных категорий значительный вклад внесла Т. В. Шмелева. Она объединила модусные категории в семантические «пучки», необходимые для решения поставленной коммуникативной задачи и выделила актуализационные (модальность, синтаксическое время, синтаксическое лицо, пространство), квалификативные категории (персуазивность, авторизация, оценочность), мета-, а также социальные категории. Т. В. Шмелева метафорически описывала различные модусные категории как струны инструмента, в котором «обязательно должны звучать все имеющиеся струны, хотя всякий раз каждая дает особый звук. Количество струн определенно и неизменно, звучание каждой из них узнается и прочитывается, даже если это молчание» [Шмелева 2008]. Как отмечает Т. В. Шмелева, модусные категориальные смыслы могут выражаться в явной и скрытой форме, однако, в случае явного выражения исследуемая категория будет располагать более обширным набором языковых средств. Т. В. Шмелева также выделяла обязательные и необязательные модусные категории. В рамках высказывания обязательные модусные категории могут выражаться эксплицитно либо имплицитно. К числу обязательных категорий лингвист отнесла модальность, синтаксическое время и лицо, персуазивность, авторизацию, в то время как к необязательным принадлежали оценочность, метакатегории, а также социальные категории [Шмелева 1988]. Авторству Т. В. Шмелевой также принадлежит утверждение о том, что ряд модусных показателей обладают комплексным

характером и выражают сразу несколько значений, что усложняет задачу их разграничения, а другие в разных условиях репрезентируют различные модусные значения. Идеи Т. В. Шмелевой о взаимосвязи модусных категорий находят отражение в серии публикаций современных лингвистов [Боуфал 2017; Ламбарджян 2013; Ревякина 2006; Стексова 1992; Шацкая 2008].

В рамках рассмотрения теории модусных категорий также необходимо упомянуть классификацию модусных категорий, представленную О. А. Кобриной. По ее мнению, модусные категории позволяют отразить разнообразные концепты психологического характера, такие как эмоциональные состояния, модально-оценочную семантику, значения приблизительности, эвиденциальности, эмотивности, отрицания, персуазивности и многие другие. В этой связи О. А. Кобрина относит к числу модусных категорий экспрессивность, персуазивность, модальность, эвиденциальность, оценочность, эмотивность, авторизацию, аппроксимацию, отрицание. В ее понимании, модусные категории тесным образом связаны с оцениваемой ими объективной действительностью и способны приобретать новые значения и формы [Кобрина 2006]. В этой связи можно предположить, что модусные категории принадлежат к категориям открытого типа, а представленная классификация может быть дополнена.

Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению субъективных элементов смысла предложения в современной лингвистике, в теории модусных категорий обнаруживаются лакуны. Ряд модусных категории по сей день остаются малоизученными, что может быть связано со сложностями, возникающими в ходе описания их структуры и функционирования, а также с большим количеством существующих концепций исследования [Гак 1978]. По мнению Н. П. Перфильевой, открытость списка модусных категорий в современном языкознании обусловливает различия в трудах ученых в отнесении некоторых категорий к числу модусных [Перфильева 2006]. Например, некоторые лингвисты выделяют модусные категории важности, воспоминания, надежды, невольности, ожидания, осторожности, отрицания, представления, согласия, странности и другие [Болдырев 2010; Голайденко 2012; Матханова

2005; Падучева 1996; Перфильева 2012; Перфильева 2006; Рябцева 1993; Стексова 2002]. Следовательно, вопрос о структурированности теории модусных категорий далек от окончательного решения.

Таким образом, образование в системе языкового познания основных категориальных моделей мира осуществляется посредством постоянного развития и изменения языковых категорий. Можно обозначить два главных источника подобного развития. Во-первых, это рефлексия над феноменами функционирования категорий, а также выявление реальных изменений, происходящих в языковых категориях в ходе развития системы языка. Во-вторых, установление содержательно-логических связей между языковыми категориями и их взаимодействия в качестве элементов развивающейся лингвистической системы, в рамках которой изменение одного из элементов приводит к изменению других.

Языковые категории характеризуются содержательной многоплановостью и функционируют во взаимодействии с другими категориями. Опираясь на данные положения и в соответствии с онтологическим треугольником «мир-человек-язык», Н. Н. Болдырев выделяет три основных модели категориального видения: лексическую, грамматическую и модусную. При помощи лексической модели реализуется гносеологическая функция языка. Грамматическая модель раскрывает онтологическую сущность языка. Наконец, модусная модель связана с онтологией сознания человека, интерпретирующей функцией и репрезентирует интерпретативную модель мира [Болдырев 2006: 19].

В ходе образования категориальных моделей одновременно происходит разработка различных категориальных схем, позволяющих исследовать функционирование, а также способных обеспечить взаимодействие их элементов в рамках принципиально новой системы организации. Исходя из обозначенных научных постулатов, рассмотрим место категории «эвиденциальность» в категориальном пространстве языковой системы.

1.7. Лингвистическая природа категории «эвиденциальность»

1.7.1. Общее понятие и основные этапы в истории развития теории эвиденциальности

Одним из базовых элементов коммуникации является источник передаваемых сведений. В ходе передачи сообщения субъект коммуникации может опираться на личный опыт, цитировать / пересказывать слова другого лица, либо получать сведения, делая выводы и умозаключения на основе имеющихся фактов. В этом случае факты также будут обладать либо «внешним», либо «внутренним» источником. Возникновение категории «эвиденциальность» принято связывать с осознанием необходимости комплексного исследования источника передаваемых сведений о том или ином событии.

Понятие «эвиденциальность» восходит к английским лексемам *evidence* и *evidential*. Тем не менее, исходя из результатов проведенного анализа дефиниций, значение рассматриваемого термина не имеет исключительного совпадения со своими английскими аналогами. Согласно определению, предлагаемому в Cambridge Dictionary, *evidence* понимается как *anything that helps to prove that something is or is not true* [Cambridge Dictionary] / *то, что помогает доказать, что что-либо является или не является истинным*. С юридической точки зрения *evidence* предстает как *objects, documents, official statements, etc. that are used to prove something is true or not true, especially for legal or insurance purposes* [Cambridge Dictionary] / *предметы, документы, официальные заявления и т.д., которые используются для доказательства того, что что-то является правдой или неправдой, особенно в юридических или страховых целях*. Тем самым эвиденциальность (*evidentiality*) в качестве лингвистического понятия представляет собой явно или скрыто выражаемую отсылку к источнику сведений, явившегося для субъекта коммуникации основанием формирования сообщения. Это определенное знание либо сведения, при помощи которых говорящий может доказать что-то, либо убедиться в истинности того или иного явления [Козинцева 1994].

Первое упоминание об эвиденциальности можно обнаружить в работах А. Дозона по албанскому языку, Й. Трифонова и Б. Цонева по болгарскому языку, а наиболее раннее описание функционирования эвиденциальности, по всей видимости, относится к XI веку: в своей работе ученый Махмут ал-Кашгари противопоставляет тюркские формы на -di и -miş как свидетельские («действия произошли в присутствии говорящего») и несвидетельские («действия произошли в отсутствие говорящего») [Dozon 1878; Dankoff 1982: 412; Трифонов 1905; Цонев 1911].

Понятие «эвиденциальность» в языкознании было сформировано только в начале XX века в ходе описания южноамериканских языков кечуа и аймара. Одним из первых ученых, упомянувших эвиденциальность, был этнолингвист Ф. Боас. В своей работе 1911 года, посвященной исследованию индейского языка квакиутль, ученый говорил об эвиденциальности как об обязательном показателе источника информации. Лингвист указывает на необходимость маркировки источника информации субъектом коммуникации в индейских языках в ситуации, когда субъект не мог лично наблюдать происходящее: в случае, если говорящий не видел больного, ему придется уточнить знает ли он это по слухам, или же по свидетельствам, указывающим на то, что человек болен, или же, что ему это приснилось [Boas 1911].

Тем не менее, на протяжении долгого времени эвиденциальность не рассматривалась в качестве универсальной грамматической категории. Она рассматривалась, скорее, как «экзотическая» категория, присущая узкому кругу языков. В частности, эвиденциальность в течение долгого времени изучалась западной наукой на материале языков коренного населения Северной Америки. Толчком к развитию теории эвиденциальности послужила статья Р. О. Якобсона *«Shifters, verbal categories, and the Russian verb»* («Шифтеры, глагольные категории и русский глагол»). Р. О. Якобсон выделил эвиденциальность в качестве самостоятельной категории, проведя ее разграничение с категорией наклонения. Ученый предложил определение, которое решительным образом отличалось от повседневного употребления данного слова. Согласно

Р.О. Якобсону, понятие «эвиденциальность» не связано с предоставлением доказательств в суде или в споре, определением истинности или ошибочности информации, а также отсылкой к чьему-либо мнению. По его мнению, эвиденциальность предстает как глагольная категория, принимающая во внимание три факта: сообщаемый факт, факт сообщения и передаваемость факта сообщения, другими словами, указание на источник информации об описываемом факте [Якобсон 1972: 101]. Работа Р. О. Якобсона впервые вводит проблематику эвиденциальности в публикации международных журналов. Становится очевидным, что данная категория присуща не только североамериканским, но и ряду европейских языков. С этого момента начинается период активного интереса к эвиденциальности со стороны западных ученых. Таким образом, благодаря Р. О. Якобсону термин «эвиденциальность» был принят и закреплен в лингвистике, а данную категорию стало возможным рассматривать в качестве элемента универсального грамматического набора.

Следующий важный этап развития учения об эвиденциальности датируется 1981 годом, когда ряд американских лингвистов, изучавших индейские языки, собрались на филологический симпозиум в г. Беркли. В качестве идейных вдохновителей данной встречи выступили У. Чейф и Дж. Николс. Это была первая конференция, в ходе которой эвиденциальность рассматривалась в контексте различных языков, исследовалась эпистемология, различные эвиденциальные показатели, а также их природа и область употребления. В конференции приняли участие такие известные ученые, как А. Аксу-Кос, Д. Вебер, А. Вудбери, Л. Гордон, С. Делансей, М. Митун, Р. Освальт, Д. Слобин, В. Фридман, М. Хардман, Р. О. Якобсон, а ее итоги позволили сделать вывод, что в самом общем виде эвиденциальность целесообразно описывать как любой способ экспликации источника сведений при помощи определенных маркеров [Bybee 1985: 184]. Иначе говоря, категория «эвиденциальность» может включать информацию об источнике сообщения как со знаком (+) – наличие источника сведений, так и со знаком (-) – отсутствие источника сведений, либо неясность, неизвестность данного источника.

У. Чейф дает широкую трактовку данного понятия, согласно которой эвиденциальность является любым выражением отношения к переживаемому знанию [Chafe 1986]. В более поздних работах, посвященных изучению эвиденциальности, можно обнаружить ее трактовки как языковой кодировки источника сведений об описываемом событии; источника знания / свидетельства происходящего и повествуемого; маркированного источника сведений [Кобрина 2003].

Наиболее исчерпывающее определение эвиденциальности представил В. А. Плунгян. По его мнению, под эвиденциальностью следует понимать категорию, объединяющую разнообразные структурные и функциональные элементы речи, определяющие источник сведений, а также характер и способ получения данных. Иными словами, при помощи категории «эвиденциальность» говорящий сообщает, каким образом он узнал о том или ином событии [Плунгян 2000: 321].

В рамках рассмотрения основных этапов в истории изучения категории «эвиденциальность» невозможно не упомянуть исследование А. Айхенвальд, которая выделяет два типа эвиденциальных систем. Согласно системе первого типа, наличие источника информации необходимо, однако, вид данного источника не упоминается. В системах второго типа, напротив, существует четкое разграничение типов источников. А. Айхенвальд также считает, что эвиденциальные показатели являются неотъемлемой частью многих языков мира. По ее подсчетам грамматикализованная эвиденциальность выявлена в четвертой части языков мира [Aikhenvald 2004, 2021].

Развивая идеи А. Айхенвальд, исследователь эвиденциальности Ф. де Хаан на основании морфологических показателей выделил три группы языковых систем по способу проявления эвиденциальной семантики. Он также отметил на карте мира языковые системы, в которых отсутствует грамматическая маркировка эвиденциальности (*no grammatical evidentials*), например, системы русского и английского языков. Ко второй группе относятся языковые системы, в рамках которых обнаруживается исключительно косвенная эвиденциальность

(*indirect evidentials*), а к третьей – системы с наличием как прямой, так и косвенной эвиденциальности (*direct and indirect evidentials*). Рассматриваемое исследование являлось частью проекта «Всемирного атласа языковых структур», а его данные были размещены в онлайн-базе проекта [De Haan 2013]. Как показало исследование Ф. де Хаана, эвиденциальность практически отсутствует в граммемах африканских языков. Применительно к европейским языкам значительно чаще обнаруживается семантика косвенной эвиденциальности, в то время как наиболее развитая система грамматикализации категории «эвиденциальность» представлена на Кавказе, Гималаях, а также в западной части США. При этом в последнем случае речь идет об индейских языках, где и была впервые обнаружена эвиденциальность. Подобный подход показателен с позиции территориального распределения категории «эвиденциальность». Согласно полученным Ф. де Хааном данным, эвиденциальность грамматикализована только в 237 из 418 языков [De Haan 2013]. Таким образом, исследования в области эвиденциальности получили развитие во многих работах, а эвиденциальность была обнаружена и интенсивно исследовалась на материале самых различных языков. В частности, были выявлены и описаны основные типы эвиденциальных показателей, выражаемых в языках мира, и определены основополагающие пути диахронического развития данных значений.

На современном этапе в исследованиях как отечественных, так и зарубежных лингвистов рассматриваются отношения категории эвиденциальности и других категорий [Ницолова 2006; Nyths 2001; Wierzbicka 1994], предпринимаются попытки сделать подробное описание функционально-семантического и коммуникативно-прагматического поля эвиденциальности, [Григоренко 2011; Стернин 2002], изучается инвентарь и употребление эвиденциальных показателей в различных языках, исследуются неграмматические средства выражения эвиденциальности (в том числе в языках, где эвиденциальность традиционно не выделялась), рассматриваются эвиденциальные стратегии и прагматика эвиденциальности, в том числе,

воздействие эвиденциальности на иллокутивную силу высказывания [Blain and De´chaine 2007; Garrett 2001; Faller 2002; Murray 2011; Nuckolls, Michael 2012; Peterson 2010; Speas 2010]. В последние десятилетия стала активно разрабатываться тема связи лексических и грамматических маркеров категории эвиденциальности [Храковский 2007; Squartini 2008]. К числу наиболее значимых работ конца XX – начала XXI века, в которых получила развитие данная категория также относятся исследования Н. Д. Арутюновой, Л. Андерсона, К. Бойе, П. Дендаля, Н. А. Козинцевой, Е. Е. Корди, Ф. Р. Палмера, Т. Уиллета и других [Арутюнова 1998; Козинцева 2007; Корди 2007; Boye, Harder 2009; Dendale, Tasmowski 2001; Palmer 2001; Willet 1998].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что общим для всех обозначенных определений является представление об эвиденциальности как о неотъемлемом и важнейшем свойстве высказывания, средства выражения которой присутствуют на всех уровнях языковой системы. Способы актуализации эвиденциальности в том или ином языке напрямую зависят от типа источника информации, способа получения сведений, а также разновидности эвиденциальности. В связи с этим необходимо обратиться к описанию специфики реализации данной категории в языках различных типов и рассмотреть различные классификации эвиденциальности.

1.7.2. Альтернативные трактовки эвиденциальности и способы ее выражения в различных языках мира

Как известно, эвиденциальность связана с репрезентацией источника информации, а также способа и характера получения сведений в процессе передачи сообщения. При этом в одних языках отмечается сам факт сообщения, а в других акцент делается на характере источника сведений. В частности, визуально полученные данные могут противопоставляться сведениям, приобретенным посредством органов слуха, обоняния или выводным путем. Различным языковым системам свойственно наличие определенного набора маркеров для сообщаемой информации. Тем самым языки отличаются не только

типами выражаемых источников информации, но и способами маркировки эвиденциальности. Кроме того, значимость и место эвиденциальности в структуре языка, а также специфика ее взаимосвязи с другими языковыми категориями определяют выбор того или иного термина для ее обозначения. Данные факторы обусловливают необходимость описания альтернативных терминов, а также средств выражения категории «эвиденциальность» в различных языках. Так, например, в балканских языках, эвиденциальность связана с передачей чужого сообщения и выражения различных эмоций, представляющих реакцию на неожиданную информацию (адмиратив). В болгарском, македонском и албанском языках в качестве основного значения эвиденциальности выступает передача информации, полученная из «вторых рук» [Weigand 1924; Макарцев 2009; Joseph 2003].

Указанные эвиденциальные значения могут актуализироваться при помощи грамматических средств, к числу которых в болгарском и македонском языках принадлежат три вида глагольных форм: свидетельские, несвидетельские и нейтральные, в то время как в албанском языке лингвисты выделяют нейтральные и несвидетельские формы [Макарцев 2009; Станков 1967]. Свидетельские показатели используются для описания засвидетельствованных событий, несвидетельские – для передачи незасвидетельствованных, а нейтральные могут употребляться в любом контексте [Бенвенист 1974: 280; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 33].

Подобная дифференциация грамматических эвиденциальных показателей в балканских языках обусловила специфику обозначения данной категории. В трудах по балканской грамматике, применяется термин «modalnos´c´ imperceptywna / imperceptywnos´c´» («императивность») [Korytkowska, Roszko 1997], при этом в болгарской грамматике более широко распространен термин «преизказно наклонение» («пересказывательное наклонение») либо «преизказване» («пересказывание). Наряду с данным термином встречаются также такие обозначения, как «модус», «начин на изказването» («способ высказывания») [Станков 1967; Герджиков 1984]. В последние годы помимо

термина «евиденциалност» («эвиденциальность») [Ницолова 2008] применяется и «вид на изказването» («вид высказывания») [Куцаров 2007]. В македонской традиции эвиденциальность обозначается как «прекажување» («пересказывание») [Конески 1967], однако, в последние годы все чаще используется термин «евиденцијалност» («эвиденциальность») [Гајдова, Лаброска 2008; Тофоска 2008].

Наряду с этим, в работах О. Дозона [Dozon 1878], Г. Майера [Meyer 1888: 45] и Дж. Пекмези [Pekmezi 1908] упоминаются формы, связанные с обозначением инвертированного перфекта в албанских языках. В этой связи, лингвисты использует термин «адмиратив» с отсылкой на К. Кристофориди, которая, в свою очередь, предлагает обозначение «απροσδόκητοἰ» («формы неожиданности»). С. Фрашэри также придерживается данного наименования эвиденциальности [Frashëri 2004]. П. Васа [Vasa 1887: 147] называет данную категорию как «эвиденциалыkoha konkluduese» («заключающее время»), в то время как Г. Вайганд и А. Дзанони обозначают албанские формы инвертированного перфекта с апокопированным причастием «mbylltore» («закрытое наклонение»). Общепринятым в албаноязычной литературе становится также термин «mënyrë habitore» («наклонение удивления») [Weigand 1924; Weigand 1925; Xanoni 1909: 91]. К числу прочих терминов, используемых для обозначения эвиденциальности в балканских языках, можно отнести «конфирмативность», «неконфирмитативность, «дистантность» и «имперцептив» [Козинцева 2007: 15, Макарцев 2013].

В корейском языке под эвиденциальностью понимается категория, граммемы которой указывают, каким образом субъект коммуникации получил информацию [Мельчук 1998: 199]. Корейский язык относится к группе языков, где эвиденциальность грамматикализована и актуализируется при помощи специальных грамматических средств, которые разделяются на синтетические (*-то-, та-, -(ы)ра, - джа, -ня*) и аналитические (*-на пода, -ль кос катха, -ль тыссипта*).

Маркированные значения эвиденциальности в корейском языке включают коммуникативные ситуации, характеризующиеся (1) личным присутствием субъекта коммуникации, наблюдающего действие, о котором он ведет речь («очное / эвиденциальное наклонение»); (2) знанием субъекта коммуникации сообщаемых фактов со слов других людей («заочное / пересказывательное наклонение»); (3) предположениями субъекта коммуникации, высказываемыми на основании логических соображений очного характера («гипотетическое / предположительное наклонение»); (4) выводами субъекта коммуникации о действии на основании видимых результатов («наклонение видимого действия») [Трофименко 2009: 143].

В качестве показателя очного наклонения выступает суффикс *-то-*, указывающий на информирование адресата о событиях на основании личного опыта субъекта коммуникации, подтверждающего факт засвидетельствованности. В случае употребления данного суффикса в вопросительных конструкциях субъект коммуникации будет стремиться узнать возможный очный / заочный характер своего высказывания. Суффикс *-то* может обладать значениями настоящего и прошедшего времени, способен сочетаться с глаголами действия, спрягаемыми прилагательными и с именами собственными [Холодович 1954: 125-126].

Пересказывательное наклонение в корейском языке главным образом используется в повествовательных предложениях, выражает грамматическое значение цитатива и может иметь две формы: прямую (цитирование слов чужой речи) и косвенную (пересказывание слов чужой речи) [Гусев 2007]. Прямая пересказывательность актуализируется аналитической формой *-та(ра)го*, следующей после цитаты и формирующей сложноподчиненное предложение. Данная форма сочетается с глаголами речи, такими как *говорить, приказывать, думать*, и формирует модальную рамку высказывания. Косвенная пересказывательность выражается цитативными маркерами, восходящими к показателям целеустановки: *-та, - ра, -ня, - джа*, характеризующими различные виды предложений по цели высказывания и употребляющимися в конструкции

форм косвенной речи. Указанные средства могут сочетаться с глаголами действия.

Гипотетическое / предположительное наклонение в корейском языке выражается с помощью формы -*ль (н / нын) кос катха*, образованной в результате присоединения служебного существительного *кос* и служебного прилагательного *катха* к причастной форме глагола действия -*ль (н / нын)*, указывающей на временную форму причастия. Данная аналитическая форма может сочетаться с прилагательными.

В случае актуализации семантики наклонения видимого действия можно говорить об инференциальном значении, передающемся с помощью аналитических форм -*на пода, -ль (н / нын) моянгида, -ль (н / нын) тысхада*. Указанные формы обладают синонимичным значением, переводятся на русский язык наречиями *наверно, возможно, видимо, очевидно* и выражают базирующееся на объективных причинах предположение субъекта коммуникации относительно пропозиции. Описанные аналитические формы могут иметь различные временные формы и вступать во взаимодействие с глаголами действия, причастиями, а также прилагательными [Трофименко 2009].

Актуализация эвиденциальности во французском языке также имеет свою специфику. Эвиденциальность объединяет всю совокупность морфологических, лексических, синтаксических средств, которые находятся в распоряжении субъекта коммуникации для обозначения источника получения информации (*pour signaler comment il a appris ce qu'il dit)* [Coltier, Dendale 2004; Vogeleer 1994]. При этом наряду с семантикой прямой эвиденциальности, выступающей в качестве немаркированного члена оппозиции категориальных значений, данная категория также представлена пересказывательностью и инференциальностью. Пересказывательность маркируется формами кондиционала – *Conditionnel Present и Conditionnnel Passe*, в то время как для выражения и инференциальности также употребляются формы будущего времени – *Futur Simple и Futur Anterieur*.

Помимо морфологической маркировки эвиденциальность во французском языке также может обладать лексическим выражением в рамках конструкций со значением эксплицитного модуса с глаголом в 1-м лице и настоящем времени, с придаточным дополнительным, вводимым союзом *que / что*; конструкций, содержащих вводные слова / обороты; конструкций, включающих глагол-оператор, а также зависимый инфинитив.

Лексическая репрезентация эвиденциальности связана с маркировкой грамматического значения (a) инференциальности глаголами *devoir / быть* должным и *pouvoir / мочь*, актуализирующими высокую и низкую степень достоверности сообщения, а также глаголами мысли *croire / верить*, *penser / думать, douter / подвергать сомнению, deviner / догадываться,* демонстрирующими различия мыслительных операций, лежащих в основе получения информации; (b) пересказывательности оборотами *il parait / по-видимому, il semble / кажется и il me semble / мне кажется*, указывающими на неточные / неясные впечатления и выводы субъекта коммуникации [Корди 2007: 289].

В рамках французской лингвистики также распространен термин «me´diatif» («медиатив»), восходящий к работам Ж. Лазара в области таджикского языка и используемый в работах З. Генчевой и Ж. Фейе в значении опосредованного высказывания. Во вступлении к своему сборнику З. Генчева [Guentcheva 1996] приводит ряд альтернативных понятий: «me´diaphore» («медиафора») [Hagège 1995], «evidential» («эвиденциальность»), «неочевидность», «data-source» («источник сведений») [Hardman 1986].

Подобное обозначение эвиденциальности связано с особенностями французской лингвистической традиции (работы Ж. Лазара, З. Генчевой), в русле которой миративность и эвиденциальность объединяются более общей категорией медиативности [Lazard 2001]. Эвиденциальность может выражаться при помощи особого наклонения, но ее значение остается связанным с семантикой предиката и представляет собой морфологическую категорию, входящую в его парадигму. Предикат, в свою очередь, выражается глаголами,

указывающими на речевую и умственную деятельность, а также мнение и восприятие. Лингвисты часто говорят о проявлении семантики оценочности и комментативности в исследуемых ЭВ. Данное обстоятельство обусловливает расширение значения данной коммуникативной категории во французском языке, в результате чего в число эвиденциальных средств включаются лексические единицы, например, модальные слова.

В настоящее время функциональная категория «эвиденциальность» находится в центре активно разрабатываемых антропоцентрических исследований, что связано с отсутствием ее обязательного и регулярного выражения в немецком языке. В исследованиях, посвященных рассмотрению эвиденциальности в немецком языке, чаще всего употребляются термины, «(in)direkte Erlebnisformen» («прямое / непрямое свидетельство») и «Referatsanzeige» («цитатив»). Данные понятия маркируют формы, используемые для прямого / косвенного указания на те или иные события [Haarmann 1970; Roth 1979; Levin-Steinmann 2004]. Эвиденциальность в немецком языке также связана с представлением результата интеллектуальной деятельности говорящего – его выводов, основанных на изученном эмпирическом либо теоретическом материале, позволившем выдвинуть гипотезу, выразить оценку, высказать мнение либо предположение [Мельчук 1998: 199; Ханзен 2007: 251; Бабер 2012; Hansen 1967].

Указанная семантика актуализируется посредством лексических и морфолого-синтаксических средств, обладающих полевой структурой. К группе лексических маркеров принадлежат глаголы и конструкции, обозначающие акты восприятия и коммуникации, формирующие сложноподчиненные предложения с придаточным дополнительным. При этом в зависимости от источника информации выделяются различные семантические подтипы: слуховое восприятие (*ich habe gehort, dass / я слышал, что*), зрительное восприятие (*ich habe gesehen, dass / я видел, что*), восприятие посредством чтения (*ich habe gelesen, dass / я прочел, что*), восприятие посредством умозаключения (*ich komme zum Schluss, dass / я делаю вывод, что*).

Помимо перечисленных групп глаголов к числу эксплицитных средств выражения эвиденциальности в немецком языке относятся существительные и предложные конструкции (*laut X / X zufolge nach Auskunft von X / по сведению X-а*), а также эвиденциальные частицы (*angeblich / как сообщается, vorgeblich / якобы, ausgenscheinlich / явно, vermutlich / предположительно*).

Морфологическая репрезентация значений эвиденциальности в немецком языке осуществляется при помощи конъюктива I, маркирующего любую информацию, включая сведения третьего лица и первого лица (*ich sagte ihm, ich sei nicht zustandig / я ему говорил, что это не входит в мои функции*); модальных глаголов *wollen / хотеть, sollen / быть должным*, использующихся в косвенной речи и указывающих на факт передачи сообщения действующим лицом, источником которого является сам говорящий; глагола *scheinen / казаться*, выражающего косвенное зрительное свидетельство или умозаключение, основывающееся на интерпретации очевидных фактов [Ханзен 2007: 251].

Помимо «открытых» средств репрезентации существует особая разновидность «скрытых» эвиденциальных значений, которые тем не менее, включаются в грамматическую систему немецкого языка на основании «косвенных» признаков (сочетаемость, синтаксические конструкции, степень обязательности и частотности выражения эвиденциальных значений) [Петрова 2011]. Данное обстоятельство позволяет отнести эвиденциальность к числу «скрытых» категорий в немецком языке [Москалева 1986].

Изучение функционирования эвиденциальности в русском языке является одним из современных направлений в отечественной лингвистике. Эвиденциальность рассматривается в качестве языковой категории, репрезентирующей обозначение субъектом коммуникации своей роли в описываемой им ситуации (является ли он свидетелем того, о чем сообщает / передает информацию с опорой на чужие слова / представляет итог сделанных им умозаключений, выводов и догадок по каким-либо косвенным признакам) [Храковский 2007].

Функционально-семантическое поле эвиденциальности базируется на взаимодействии элементов различных уровней языка: лексического и синтаксического [Бондарко 1971]. В качестве лексических средств выражения эвиденциальности в русском языке выделяются частицы *мол, де, дескать, якобы*, репрезентирующие отстраненность субъекта коммуникации от релевантности сообщения посредством отсылки к чужому утверждению, зачастую с выражением недоверчивого отношения. Кроме того, значение эвиденциальности реализуется синтаксическими средствами – деепричастными оборотами (*этот старик, неся еду, пришел*), придаточными изъяснительными клаузами (*хозяйка не слышала, как скрипнула дверь*) и вводными конструкциями (*очевидно, что наступила осень*), выступающими специализированными семантическими средствами формирования эвиденциального смысла [Шестухина 2009: 7–8].

Указанные эвиденциальные средства обогащают семантическое поле ЭВ и выступают в качестве инструментов субъективной квалификации сведений и обозначения источника информации [Григоренко 2009]. В ходе передачи информации о событии и описания источника сведений говорящий также может включать в состав сообщения дополнительные сведения об источниках основной информации, относящиеся к модусной части ЭВ, что превращает эвиденциальность в действенный инструмент репрезентации человеческого фактора в языке [Храковский 2007: 603].

Соответственно, в русском языке принято выделять два типа эвиденциальности: прямую (говорящий является первоисточником сведений) и косвенную (информация основывается на косвенных данных), которая в свою очередь подразделяется на инференциальность (основывающуюся на логических выводах субъекта коммуникации), перцептуальность (маркирующую чувственный канал восприятия сообщения) и пересказывательность (передающую сообщение какого-либо другого лица) [Григоренко 2011].

Такая обширная семантика эвиденциальности в русском языке обусловливает существование альтернативных обозначений данной категории – категория очевидности высказывания» [Демина 1974], «неочевидность»,

«неочевидное наклонение» [Буторин 2005], «засвидетельствованность», «заглазность», «пересказывательность», «непересказывательность», «инференциальность», «неинференциальность» [Козинцева 2007: 15], «перцептивность» [Григоренко 2009], «эвиденциональность» [Никонова 2022].

В английском языке, «эвиденциальность» («evidentiality») обозначает некое выводимое умозаключение, обладающее некоторой степенью истинности и принадлежит к числу модусных категорий. Данное обстоятельство связано с выделением в структуре ЭВ диктумной и модусной частей, первая из которых содержит описание факта действительности, а вторая является сопровождающим элементом сообщения, репрезентирующим источник сведений, а также их оценку говорящим [Корди 2001: 205]. Подобная оценка обладает различными оттенками эвиденциального значения: актуальности / потенциальности, достоверности / недостоверности, утверждения / отрицания, пересказывания / непересказывания. Указанные оттенки значений объединяются в модели, отражающей представленность эвиденциальности в языке, и актуализируются с помощью разноуровневых языковых средств [Апресян 1974; Стернин 2015].

Ввиду того, что английский язык утратил большинство глагольных флексий, в нем практически отсутствуют морфологические средства выражения эвиденциальности, однако используются иные средства для выражения данной категории на современном этапе развития – синтаксические и лексические. К числу синтаксических эвиденциальных показателей принадлежат конструкции типа парентез (*I think they will be talking about other problems*), *Complex Subject* (*She is known to live in France*), сложных предложений с эвиденциальной модусной частью (*We will make it clear when we are ready*). К лексическим средствам выражения эвиденциальности относятся различные устойчивые словосочетания (*according to his story, in fact, in my opinion, generally / frankly speaking*), модальные слова и выражения (*decidedly, evidently, of course, possibly, surely, undoubtedly*), глаголы (*desire, emphasize, point out, proclaim, say, think*),

существительные (*argument, belief, idea, purpose, reason, suggestion, thought*), а также личные местоимения (*I, we, you, they*) [Кобрина 2003, Васильева 2010].

Описанные выше синтаксические и лексические средства репрезентируют определенные эвиденциальные значения в зависимости от способа, с помощью которого говорящий узнал о сообщаемой информации, а также с учетом типа источника информации. Такого рода разграничение возможной эвиденциальной семантики привело к возникновению альтернативных обозначений данной категории – «inference» («инференция»), «reported evidence», «hearsay» (пересказывательность), «eyewitness» («заглазность»), «noneyewitness» («незаглазность»), «nonfirsthand» («косвенное свидетельство») [Aikhenvald, Dixon 2003: 24].

Таким образом, в ряде языков (например, албанском, болгарском, корейском, македонском) эвиденциальность реализуется при помощи глагольных форм и относится к числу грамматических категорий, в то время как в большей части индоевропейских языков (например, английском, немецком, русском, французском) эвиденциальная семантика выражается посредством лексических, морфологических и синтаксических показателей, а сама эвиденциальность рассматривается как функциональная, семантическая, модусная или коммуникативная категория. Как показал приведенный обзор реализации категории «эвиденциальность» в различных языках, лингвисты расходятся во мнениях касательно отнесения тех или иных показателей к числу эвиденциальных, что обусловлено отсутствием понимания четких границ рассматриваемой категории, а также единой классификации типов эвиденциальных значений.

В этой связи к задачам настоящего исследования относится разработка определения, описание семантики и средств выражения эвиденциальности, установление взаимосвязи данной категории с другими языковыми категориями, а также разработка целостного типологического описания эвиденциальности.

1.7.3. Типология эвиденциальности в языке

Несмотря на сравнительно недолгую историю исследования, категория «эвиденциальность» все чаще становится объектом пристального анализа в языкознании. Естественное стремление человека к обозначению источника информации в ходе передачи различного рода сообщений является одной из важнейших функций языка. В этой связи интерес к эвиденциальности не случаен, поскольку она принадлежит к основополагающим составляющим процесса коммуникации, оказывается связанной с языковым кодированием источника сведений, а также характером его определения. Исследователи подчеркивают универсальный характер эвиденциальности, поскольку она в том или ином виде присуща различным языкам.

Обзор существующих классификаций категории «эвиденциальность» направлен на выявление целостной онтологической основы, а также обоснование значимости эвиденциальности как коммуникативной категории, несмотря на различия в ее маркировке в языках мира. Общим для различных типов языков является факт передачи информации и определения источника ее получения, то есть в структуре эвиденциальности всегда имплицируется субъект коммуникации (либо отрицается его наличие), а также некоторое действие, выражаемое при помощи эвиденциальных показателей.

Как утверждает М. Ж. Хардмен, способ получения сведений является основной функцией категории «эвиденциальность» [Hardman 1986: 121]. Опираясь на способ получения сведений, В. А. Плунгян выделяет прямой (субъект был свидетелем ситуации), косвенный (субъект не был свидетелем ситуации), непосредственный (субъект имел личный доступ к транслируемым сведениям) и опосредованный (субъект не имел личного доступа к транслируемым сведениям). Вместе с тем указанные способы получения сведений практически не соотносятся друг с другом, хотя прямой способ имеет непосредственное отношение к субъекту коммуникации в отличие от косвенного, который может обладать как личным, так и опосредованным характером [Плунгян 2000: 322; Plungian 2001: 349]. В этой связи особый интерес

представляют следующие высказывания, характеризующиеся эвиденциальной семантикой:

1). Прямой способ:

(1) *The teacher could* ***see*** *that the children had been fighting* [Cambridge Dictionary] */ Учительница могла* ***видеть****, что дети дрались.*

В данном примере личное свидетельство описываемых событий субъектом коммуникации передается при помощи эвиденциального показателя *see / видеть* (*to be conscious of what is around you by using your eyes* [Cambridge Dictionary] / *осознавать то, что находится вокруг, используя глаза*).

2). Косвенный способ:

(2) *The police have* ***deduced*** *that he must have left his apartment yesterday evening* [Cambridge Dictionary] */ Полиция* ***пришла к выводу****, что он, должно быть, покинул свою квартиру вчера вечером.*

В ЭВ (2) косвенный способ получения информации репрезентируется посредством эвиденциального маркера *deduce / делать вывод* (*to reach an answer or a decision by thinking carefully about the known facts* [Cambridge Dictionary] / *прийти к ответу или принять решение, тщательно обдумав известные факты*), представляющего умозаключения субъекта коммуникации.

3) Непосредственный способ:

(3) *I soon* ***spotted*** *what was wrong with the printer* [Cambridge Dictionary]*/ Вскоре я* ***увидел****, что было не так с принтером.*

Личный доступ говорящего к транслируемым сведениям обозначается с помощью показателя *spot / увидеть* (*to see or notice someone or something, usually because you are looking hard* [Cambridge Dictionary] / *увидеть или заметить кого-то или что-то, обычно потому, что вы пристально смотрите*).

4). Опосредованный способ:

(4) *It* ***seems*** *to me that he isn't the right person for the job* [Cambridge Dictionary] / *Мне* ***кажется****, что он неподходящий человек для этой работы.*

В ЭВ (4) отсутствие доступа субъекта к передаваемым сведениям актуализируется при помощи эвиденциального маркера *seem / казаться* (*to give*

the effect of being; to be judged to be [Cambridge Dictionary] / *создавать впечатление; оцениваться как существующий*).

Согласно точке зрения А. Д. Каксина, в каждом из языков, либо группе родственных языков существует уникальный набор средств выражения эвиденциальности. Несмотря на это, представляется возможным выявить ряд универсальных эвиденциальных показателей. Ученый предлагает собственную классификацию средств выражения эвиденциальных значений и выделяет инферентивное (указание на результат действия), адмиративное (указание на «неожиданное открытие», не интегрированное в картину мира субъекта) и цитативное (пересказывательное) значения [Каксин, Чертыкова 2019]. Примерами обозначенных значений можно считать следующие ЭВ:

1). Инферентивное значение:

(5) *As **mentioned**, we use complex index terms not to replace single-word index terms, but to complement them* [Cambridge Dictionary] */ Как уже **упоминалось**, мы используем сложные индексные термины не для замены односложных индексных терминов, а для их дополнения.*

Стремление автора ЭВ (5) указать на обозначенные ранее факты передается с помощью эвиденциального показателя *mention / упоминать* (*to refer to something or someone* [Cambridge Dictionary] / *ссылаться на что- то или кого-то*).

2). Адмиративное значение:

(6) *Janet was **surprised** how quickly the time passed* [Cambridge Dictionary] */ Джанет была **удивлена**, как быстро пролетело время.*

В данном примере удивление субъекта коммуникации демонстрируется с помощью маркера *surprise / удивляться* (*to make someone feel surprise* [Cambridge Dictionary] / *заставлять кого-либо испытывать удивление*). Указанный эвиденциальный показатель также используется для представления объективного содержания вызвавших такую реакцию субъекта коммуникации сведений.

3). Цитативное значение:

(7) *My friend **told** me you were looking for me* [Cambridge Dictionary] */ Мой друг **сказал** мне, что ты искал меня.*

Семантика квотатива, указывающая на то, что анализируемое ЭВ представляет собой пересказ полученной с чужих слов информации актуализируется с помощью показателя *tell / сказать* (*to say something to someone, often giving them information or instructions* [Cambridge Dictionary] */ сказать что-то кому-то, часто в форме информации или инструкций*).

Как и объект речи, источник сведений зачастую не имеет формального выражения в структуре сообщения, поскольку не является носителем основной информации. В качестве главного источника информации в ЭВ выступает субъект коммуникации, то есть говорящий / пишущий. Субъект непосредственно выражает знания, которые черпает из внутреннего источника (опыта / логики / памяти), либо внешних источников сведений, пересказывает или цитирует слова другого лица [Плунгян 2000]. Для того, чтобы проследить специфику формирования эвиденциальной семантики с учетом роли субъекта коммуникации обратимся к следующим ЭВ:

1). Внешний источник сведений:

(8) *She glanced around the room to **see** who was there* [Cambridge Dictionary] */ Она оглядела комнату, чтобы **посмотреть**, кто там был.*

Субъект коммуникации маркирует внешний источник получения информации при помощи эвиденциального показателя *see / посмотреть* (*to be conscious of what is around you by using your eyes* [Cambridge Dictionary] / *осознавать то, что находится вокруг, используя глаза*).

2). Внутренний источник сведений:

(9) *As he watched the TV show, he suddenly **realized** that he'd seen it before* [Cambridge Dictionary] */ Когда он смотрел телешоу, он внезапно **понял**, что видел его раньше.*

В качестве источника сообщения (9) выступает субъект коммуникации, который обращается к своим воспоминаниям. Эвиденциальная семантика

актуализируется показателем *realize / понять* (*to understand a situation, sometimes suddenly* [Cambridge Dictionary] / *разобраться в ситуации, иногда внезапно*).

3). Пересказ / цитирование другого лица:

(10) *He **cited** a study of the devices as **proof** that the company knew they were dangerous* [Cambridge Dictionary] / *Он **привел** исследование устройств в качестве **доказательства** того, что компания знала, что они опасны.*

В анализируемом ЭВ субъект коммуникации не является первоисточником передаваемых сведений и обращается к проведенным ранее исследованиям. Эвиденциальность передается посредством маркеров *cite / приводить* (*to mention something as proof for a theory or as a reason why something has happened, or to speak or write words taken from a written work* [Cambridge Dictionary] / *упомянуть что-либо в качестве доказательства теории или причины, по которой что-то произошло, либо произнести или написать слова, взятые из письменного произведения*), а также *proof / доказательство* (*a fact or piece of information that shows that something exists or is true* [Cambridge Dictionary] / *факт или часть информации, которая показывает, что что-то существует или является правдой*).

И. П. Сусов, в свою очередь, предлагает более подробную классификацию источников информации. По его мнению, транслируемые при помощи того или иного способа смыслы принадлежат к области эвиденциальных значений наряду с характеристикой сведений, полученных при помощи визуального свидетельства, логических выводов и умозаключений либо «из вторых рук». Тем самым в зависимости от характера получения можно выделить такие источники сведений, как визуальные (визуальное свидетельство), сенсорные (восприятие событий посредством иных органов чувств) и эндофорические (внутренние ощущения). К источникам сведений также относятся инферентивы (выводы по результатам ситуации) и презумптивы (выводы на основе логических соображений) [Сусов 2006]. Следующие утверждения могут служить примерами обращения к различным источникам сведений:

1). Визуальные источники:

(11) *Jacqui* ***saw*** *the car drive up outside the police station* [Cambridge Dictionary] */ Джеки* ***видела****, как машина подъехала к полицейскому участку*.

В примере (11) визуальная засвидетельствованность транслируемых автором ЭВ сведений передается с помощью эвиденциального показателя *see / видеть* (*to be conscious of what is around you by using your eyes* [Cambridge Dictionary] / *осознавать то, что находится вокруг, используя глаза*).

2). Сенсорные источники:

(12) *I* ***heard*** *someone calling my name* [Cambridge Dictionary] */ Я* ***услышал****, как кто-то зовет меня по имени.*

В ЭВ (12) говорящий указывает на аудиальный характер источника информации с помощью маркера *hear* / *слышать* (*to receive or become conscious of a sound using your ears* [Cambridge Dictionary] */ воспринимать звук или осознавать его с помощью своих ушей*).

3). Эндофирические источники:

(13) *I* ***feel*** *that I should be doing more to help her* [Cambridge Dictionary] */ Я* ***чувствую****, что должен делать больше, чтобы помочь ей.*

В рассматриваемом ЭВ эндофирический характер информации маркируется с помощью показателя *feel / чувствовать* (*to have as an opinion or belief* [Cambridge Dictionary] / *иметь мнение или быть убежденным в чем-либо*). Источником сведений является сам говорящий. В своих суждениях он опирается на внутренние ощущения.

4). Инферентивы:

(14) *The jury* ***concluded*** *from the* ***evidence*** *that the defendant was innocent* [Cambridge Dictionary] */ На основании полученных* ***доказательств*** *присяжные* ***пришли к выводу****, что подсудимый был невиновен*.

Приведенный оправдательный вердикт является результатом выводов коллегии судей, сделанных на основании представленных в ходе судебного процесса доказательств. Инферентивный характер источника информации передается посредством эвиденциальных показателей *conclude / приходить к выводу* (*to judge or decide something after thinking carefully about it* [Cambridge

Dictionary] / *судить или принимать решение о чем-то после тщательного обдумывания этого*) *и evidence / доказательства* (*objects, documents, official statements, etc. that are used to prove something is true or not true, especially for legal or insurance purposes* [Cambridge Dictionary] *предметы, документы, официальные заявления и т.д., которые используются для доказательства того, что что-то является правдой или неправдой, особенно в юридических или страховых целях*).

5). Презумптивы:

(15) *An acoustic microscope depends,* ***logically*** *enough, on an acoustic lens* [Cambridge Dictionary] */ Акустический микроскоп, по* ***логике*** *вещей, зависит от акустической линзы.*

Основой транслируемых сведений являются логические суждения автора ЭВ. Немаловажно, что говорящий может апеллировать как к собственному свидетельству, так и к внешним сообщениям о событии. Эвиденциальный маркер *logically / логически* (*in a way that uses reason* [Cambridge Dictionary] */ с использованием разума*) обозначает характер источника информации.

Основы типологического анализа эвиденциальных систем описываются Н. А. Козинцевой, которая полагает, что система языка устроена таким образом, что субъект коммуникации может строить высказывание, не маркируя источник информации, тем не менее при определенных условиях ему приходится определить источник знаний. Исследования Н. А. Козинцевой позволяют говорить о существовании двух типов эвиденциальности – прямой и косвенной (непрямой). Указанные разновидности эвиденциальности противопоставляются друг другу следующим образом:

1). Прямая эвиденциальность – субъект коммуникации полагается на личный опыт, либо сведения, извлекаемые из памяти. Особый интерес представляет утверждение (16):

(16) *Another woman* ***recollected*** *that she was persuaded by a neighbour to visit the centre* [Cambridge Dictionary] */ Другая женщина* ***вспомнила****, что соседка убедила ее посетить центр.*

В анализируемом ЭВ автором воспоминаний является сам субъект коммуникации. Апелляция к собственной памяти выражается с помощью показателя *recollect / вспоминать* (*to remember something* [Cambridge Dictionary] / *помнить что-либо*).

2). Косвенная (непрямая) эвиденциальность – субъект коммуникации сообщает о событии, опираясь на информацию, полученную от «третьих лиц», на снах (сведений, полученных с помощью откровения), а также на догадках (предположительные сведения) [Козинцева 1994: 92]. Рассмотрим реализацию косвенной эвиденциальности на примере утверждения (17):

(17) *The bank* ***suspects*** *that fraud has occurred* [Cambridge Dictionary] */ Банк* ***подозревает****, что имело место мошенничеств*о.

В своих суждениях обобщенный говорящий (руководство банка) опирается на догадки. Транслируемые сведения имеют характер предположения и актуализируются с помощью маркера *suspect / подозревать* (*to believe that something, usually something bad, may be true or may have happened* [Cambridge Dictionary] / *считать, что что-то, обычно что-то плохое, может быть правдой или могло произойти*).

Развивая концепцию прямой и косвенной эвиденциальности и опираясь на работы В. А. Плунгяна, А. А. Сусов разграничивает прямую непосредственную, косвенную непосредственную и косвенную опосредованную эвиденциальность [Сусов 2006]. При помощи прямой непосредственной эвиденциальности говорящий указывает на личное свидетельство повествуемых событий. В некоторых языках также существуют средства маркировки типа источника сведений. Так, в тибетских и ряде индейских языков присутствуют грамматические показатели, позволяющие разграничить визуальные, сенсорные и прочие источники информации [Aikhenvald 2004; Плунгян 2012].

В свою очередь, косвенная непосредственная эвиденциальность связана с различными выводами субъекта коммуникации [Жеребило 2009]. Подобная эвиденциальная семантика характерна для тюркских, дагестанских и финно-угорских языков [Плунгян 2011: 324].

Косвенная опосредованная эвиденциальность опирается на понятие цитатива – пересказывательного значения глагольных систем болгарского, эстонского, латышского и некоторых других языков. Субъект коммуникации передает сведения, полученные от «третьих лиц», а их полнота подвергается сомнению. Тем не менее, данная информация может оцениваться объектом как полная либо неполная в зависимости от «уровня авторитетности» ее источника. При этом становится возможна грамматическая дифференциация опосредованных сведений: актуализация речи конкретного лица, обобщенного / неспецифицированного / неизвестного говорящего, а также передача сведений из общего фонда знаний [Жеребило 2009]. Примерами дифференциации указанных типов эвиденциальности могут послужить утверждения (18), (19), (20):

1). Прямая непосредственная эвиденциальность:

(18) *He **sensed** that his guests were bored, although they were listening politely* [Cambridge Dictionary] */ Он **чувствовал**, что его гостям скучно, хотя они вежливо слушали.*

Непосредственное участие субъекта коммуникации в описываемых событиях маркируется посредством показателя *sense / чувствовать* (*to feel or experience something without being able to explain exactly how* [Cambridge Dictionary] / *чувствовать что-то, не будучи в состоянии точно объяснить, каким образом*).

2). Косвенная непосредственная эвиденциальность:

(19) *The parents **decided** that Sean might be more successful elsewhere, so they enrolled him in a recommended local private school / Родители Шона **решили**, что он может преуспеть в другом месте, поэтому они отправили его в местную частную школу.*

Выводной характер транслируемых ЭВ (19) сведений передается с помощью показателя *decide / решать* (*to choose something, especially after thinking carefully about several possibilities* [Cambridge Dictionary] */ выбрать что-то, особенно после тщательного обдумывания нескольких возможностей*).

3). Косвенная опосредованная эвиденциальность:

(20) *According to **reports** from the US, details of the deal were leaked on internet message boards* [Cambridge Dictionary] / *Согласно **сообщениям** из США, подробности сделки просочились на интернет-доски объявлений.*

В качестве источника транслируемой информации выступает обобщенный говорящий. Семантика косвенной опосредованной эвиденциальности актуализируется с помощью показателя *report / сообщение* (*a statement that may or may not be true* [Cambridge Dictionary] / *утверждение, которое может быть правдой, а может и не быть*).

Общепринятой классификацией типов эвиденциальности является классификация, разработанная Т. Уиллетом, а впоследствии получившая развитие в работах М. В. Медведевой, Г. Дивальд и Е. Смирновой [Медведева 2008; Diewald, Smirnova 2010]. Так, в зависимости от источника сведений, маркируемого субъектом коммуникации, Т. Уиллет определяет три основных типа эвиденциалов (экспликаторов эвиденциальных значений): прямую эвиденциальность (*attested evidence*), содержащую указание на источник информации, доступный для сенсорного восприятия субъектом и репрезентирующую сенсорную засвидетельствованность; косвенную эвиденциальность, включающую обозначение источника передаваемых субъектом сведений, то есть пересказывательность (*reported evidence*); косвенную эвиденциальность, включающую маркировку косвенных показателей, позволяющих субъекту коммуникации восстановить события прошлого, свидетелем которых он не являлся – инференцию (*inferring evidence*) [Willet 1998: 57-58]. Т. Уиллет также подразделяет сенсорные эвиденциалы на визуальные (*visual*), аудитивные (*auditory*), а также иначе воспринимаемые (*other sensory*). Проиллюстрируем репрезентацию различных типов эвиденцильности, проанализировав примеры (21), (22), (23):

1). Прямая эвиденциальность:

(21) *I **heard** the orchestra play at Carnegie Hall last summer* [Cambridge Dictionary] */ Прошлым летом я **слышал**, как оркестр играл в Карнеги-холле.*

Говорящий указывает на личное свидетельство описываемых событий при помощи маркера *hear* / *слышать* (*to receive or become conscious of a sound using your ears* [Cambridge Dictionary] / *воспринимать звук или осознавать его с помощью своих ушей*). Данный показатель также демонстрирует, что сведения были получены при помощи органов слуха.

2). Пересказывательность:

(22) *Another school of thought* ***asserts*** *that there is no necessary linkage between poverty and resource degradation* [Cambridge Dictionary] / *Другая школа мысли* ***утверждает****, что нет необходимой связи между бедностью и деградацией ресурсов.*

Субъект коммуникации может стремиться отстраниться от описываемых данным ЭВ событий, обращаясь к внешнему источнику информации. При этом семантика цитатива актуализируется с помощью маркера *assert / утверждать* (*to say that something is certainly true* [Cambridge Dictionary] / *говорить, что что-то, безусловно, верно*).

3). Инференция:

(23) *Fresh* ***evidence suggests*** *that the statement had been fabricated* [Cambridge Dictionary] / *Новые* ***доказательства свидетельствуют*** *о том, что это заявление было сфабриковано.*

Попытка говорящего передать содержание событий, свидетелем которых он не являлся, осуществляется с помощью показателей *evidence / доказательства* (*objects, documents, official statements, etc. that are used to prove something is true or not true, especially for legal or insurance purposes* [Cambridge Dictionary] *предметы, документы, официальные заявления и т.д., которые используются для доказательства того, что что-то является правдой или неправдой, особенно в юридических или страховых целях*), а также *suggest / свидетельствовать* (*to communicate or show an idea or feeling without stating it directly or giving proof* [Cambridge Dictionary] / *сообщать или демонстрировать идею или чувство, не заявляя об этом прямо или не приводя доказательств*).

По мнению Т. Уиллета, дальнейшее деление рассмотренных выше типов эвиденциальности может быть продолжено с целью уточнения деталей и особенностей категории – например, сенсорная эвиденциальность может охватывать различные сведения, поступающие по различным каналам перцептивной деятельности (осязание, слух, либо все чувства) [Медведева 2008; Diewald, Smirnowa 2010: 54-55].

Также необходимо упомянуть классификацию эвиденциальности по степени субъективности. В зависимости от данного показателя эвиденциальность бывает субъективной и интерсубъективной. Субъективной эвиденциальность считается в том случае, если источником информации выступает субъект коммуникации (владеет природой сведений и делает умозаключения на этом основании). В случае, когда сведениями владеет более обширная аудитория (группа лиц), эвиденциальность является интерсубъективной [Nuyts 2001]. Актуализация обозначенных видов эвиденциальности может быть рассмотрена на примерах (24), (25):

1). Субъективная эвиденциальность:

(24) *I'm* ***convinced*** *that she is lying* [Cambridge Dictionary] */ Я* ***убежден****, что она лжет*

В качестве источника транслируемых сведений выступает сам говорящий, который делает выводы на основании личного восприятия и интерпретации имеющихся данных. Эвиденциальная семантика реализуется с помощью маркера *convinced / убежденный* (*certain* [Cambridge Dictionary] */ уверенный*).

2). Интерсубъективная эвиденциальность:

(25) *It is usually supposed that girls are less aggressive than boys* [Cambridge Dictionary] */ Обычно считается, что девочки менее агрессивны, чем мальчики*.

Источником сведений является обобщенный говорящий, представляющий группу лиц, обладающих специальными знаниями по описываемому ЭВ вопросу. Семантика эвиденциальности передается посредством показателя *suppose / полагать* (*to think that something is likely to be true* [Cambridge Dictionary] */ думать, что что-то, скорее всего, является правдой*).

Важно подчеркнуть, что традиционное понимание эвиденциальности не предполагает отнесения достоверности высказывания к области эвиденциальных смыслов [Donabedian 2001: 43; Matthews 1997: 228]. Согласно С. И. Бурковой, эвиденциальные формы не связаны с оценкой субъектом коммуникации истинности сообщения. Эвиденциальные показатели имеют отношение только к одному из параметров коммуникативной ситуации – источнику сведений, который может многократно упоминаться в высказывании и выражать позицию как одного, так и нескольких наблюдателей [Буркова 2004: 353].

Как показал представленный обзор существующих классификаций, специфика актуализации категории «эвиденциальность» в языке зависит от способа получения транслируемых сведений, источника информации о событии, а также средств выражения эвиденциальных значений. Итогом контаминации обозначенных факторов является формулирование ЭВ, характеризующихся семантикой прямой (прямой непосредственной) или косвенной (косвенной непосредственной / опосредованной) эвиденциальности. Важно подчеркнуть, что ключевую роль в формировании ЭВ играет автор / говорящий / субъект коммуникации, обозначающий источник информации и передающий содержание сообщения с помощью тех или иных эвиденциальных показателей. При этом основу категории «эвиденциальность» могут составлять как личный опыт субъекта коммуникации и личное свидетельствование источника информации, так и выводы / умозаключения говорящего, цитирование / пересказ услышанных / полученных от третьих лиц / общего фонда знаний данных, а транслируемые сведения могут обладать субъективным / интерсубъективным характером. Важность учета роли субъекта коммуникации при маркировке источника информации, а также интерпретации полученных сведений приводит к трансформации взглядов на природу эвиденциальности. В связи с этим, следующий параграф исследования посвящен описанию модусных параметров категории «эвиденциальность».

1.8. Модусный характер категории «эвиденциальность»

В рамках современных исследований традиционная точка зрения на эвиденциальность как категорию, указывающую на источник получения сведений, претерпевает значительные изменения [Comrie 2000]. Так, в 2014 году в Мадриде проводилась международная конференция, посвященная проблематике модальности и эвиденциальности в европейских языках (*International Conference on Evidentiality and Modality in European Languages*), в рамках которой важнейшая роль отводилась исследованию семантического поля эвиденциальности, на повестку дня были поставлены вопросы гендерных различий в употреблении инферентивной эвиденциальности (*assumption evidentials*: *e.g. suppose, know, concider, I remember*), а также рассматривался модусный аспект данной категории на материале английского, испанского, немецкого, нидерландского, русского, тибетского, французского и других языков [Söderqvist 2014, 2017; Langacker 2009]. Необходимо отметить, что в ходе конференции эвиденциальность главным образом рассматривалась в пространстве газетного и научного дискурса, что стало свидетельством формирования нового ракурса исследования данной категории, а также явилось предпосылкой расширения эвиденциальной семантики.

Потенциальная возможность подобного расширения значений эвиденциальности прослеживается в ряде ее определений, учитывающих прагматический аспект сообщения и выдвигающих на первый план образ субъекта коммуникации, что маркирует антропоцентрический характер эвиденциальности. Так, например, У. Чейф представил широкую трактовку категории, согласно которой эвиденциальность выражает отношение говорящего к переживаемому им знанию [Chafe 1986]. Согласно Т. Уиллету, под эвиденциальностью необходимо понимать выводимое умозаключение, обладающее некоторой степенью достоверности [Willet 1988: 57]. По мнению Е. Е. Корди, наряду с указанием на источник сведений, к области эвиденциальных значений также принадлежит учет способа передачи знаний [Корди 2001: 203]. Э. Мак-Криди, в свою очередь, полагает, что

эвиденциальность связана с выражением мнения говорящего относительно передаваемой информации [McCready 2015].

Общим для представленных выше определений эвиденциальности является выделение образа говорящего, интерпретирующего полученные знания и несущего ответственность за репрезентируемые посредством высказывания сведения. Однако, мы полагаем, что представленные определения не отражают весь спектр репрезентируемых посредством эвиденциальной семантики модусных смыслов.

Мы придерживаемся взглядов Н. Н. Болдырева, который небезосновательно относит эвиденциальность к числу модусных категорий [Болдырев 2006]. При подобном ракурсе исследования эвиденциальность рассматривается не только как категория, маркирующая источник получения сведений, но и в качестве инструмента, репрезентирующего степень доверия к данному источнику и, следовательно, степень уверенности субъекта коммуникации в достоверности передаваемой информации. При этом основным значением категории «эвиденциальность» является маркировка источника информации, а в качестве дополнительных значений выступают оценочность и эпистемическая модальность. Согласно системно-коммуникативной иерархии языковых категорий в концепции И. В. Недялкова, оценочность выражается посредством имени существительного, а эвиденциальность и модальность – при помощи глагола [Недялков 2000: 61]. В этой связи будет уместно проследить взаимосвязь и различия указанных категорий.

Согласно точке зрения В. А. Плунгяна, модальность представляет собой двухполюсную зону, включающую элементы оценочности сведений и ирреальности, а пересечение модальности и эвиденциальности осуществляется именно на уровне оценочности (степени достоверности источника информации). По мнению П. Дендала, Л. Тамовски и Ф. де Хаана указанные категории пересекаются в зависимости от типа эвиденциальности [Dendal, Tasmowski 2001; De Haan 1999].

Наиболее подробное исследование по данной тематике принадлежит Я. Нитцу, который изучал разновидности актуализации модальности и ее связь с эвиденциальностью. По его словам, в процессе оценки вероятности гипотетического развертывания тех или иных событий субъект коммуникации может ссылаться как на личное свидетельство, так и на «чужую» информацию, тем самым обращаясь к эвиденциальной семантике. В этом случае эвиденциальность выступает как модусная квалификативная категория, отличная от категории модальности.

По определению В. З. Панфилова, модальность не является отражением реальной действительности в сознании говорящего. Она лишь репрезентирует оценку адекватности отражения действительности, представленной субъектом коммуникации, то есть маркирует степень достоверности сообщения, опираясь на его точку зрения [Панфилов 1977: 41]. Оценка достоверности сведений, то есть оценка истинности пропозиции с точки зрения субъекта, выступает общим семантическим признаком для категории модальности и эвиденциальности. Именно данное семантическое свойство позволяет проследить взаимосвязь модальности с эвиденциальностью. Тем не менее, эвиденциальность не всегда является обязательным компонентом высказывания и может выступать в качестве его общего модального фона [Панфилов 1977: 42].

Сопоставительный анализ приведенных выше исследований позволяет утверждать, что эвиденциальность выступает в качестве самостоятельной категории, тесно связанной с категорией модальности и обладает обширным набором средств выражения модальных значений, который может варьироваться в зависимости от того, какие значения принадлежат к области модальных. Данное обстоятельство обусловливает необходимость экспликации понятия модальности, а также определения спектра модальных значений и их составляющих.

Ряд исследователей рассматривают модальность в качестве составной части модуса, либо отдельного от модуса компонента. Например, Н. Н. Самсонова определяет три основных составляющих логико-семантической

структуры высказывания: диктум (предмет коммуникации), модальность (признак диктума, выражающий отношение объекта к действительности, в соответствии с которым диктум представляется как реальный / нереальный, возможный / невозможный, упорядоченный / случайный), а также модус, передающий отношение субъекта коммуникации к диктуму и модальности (модус знания / незнания, желания / нежелания, позитивной / негативной эмотивности) [Самсонова 1989: 9-10].

Как отмечает Е. И. Беляева, понятие модуса шире понятия модальности. Она рассматривает модальность в качестве одной из составляющих модуса совместно с такими лингвистическими категориями, как коммуникативная установка, аксиологическая и экспресссивно-эмоциональная оценка [Беляева 1988: 12].

Наиболее распространенным является подход, согласно которому модальность соотносится с понятием модуса, а сам модус противопоставляется диктуму. Данные компоненты составляют смысловую структуру предложения, при этом диктум отражает объективную действительность, в то время как модус репрезентирует субъективное отношение мыслящего субъекта к данной действительности. По утверждению Ш. Балли, «…мысль нельзя свести к простому представлению, исключающему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта» [Балли 1955: 43]. Таким образом, предложение обладает обязательным значением коррелятивной операции, производимой субъектом коммуникации над объективным содержанием предложения: оценку, выражение чувства либо воли.

В понимании В. Г. Гака, модус отражает «то, что говорится о диктуме, кем, когда, кому, с какой целью, в каких условиях», он объединяет в себе все субъективно обозначаемые элементы сообщения, в зависимости от коммуникативных намерений субъекта [Гак 1978: 21]. Следовательно, о категории модальности речь может идти исключительно в случае, когда имеет место сочетание «модус – диктум».

В подобной дихотомии Н. Д. Арутюнова прослеживает наиболее яркое выражение оппозиции «не-я» (фактическое содержание, репрезентирующее диктум) и «я» (личная оценка передаваемых сведений, отражающая модус). В более широком понимании модус приравнивают к модальной рамке высказывания, связанного с коммуникативной ситуацией [Чанышева 2016: 402]. В частности, в трудах Г. А. Золотовой отмечается комплексная природа модальной рамки, формируемой в результате взаимодействия нескольких видов модальности, в рамках которой говорящий выступает как мыслящий, чувствующий и воспринимающий субъект коммуникации [Золотова 2007: 18].

По мнению Т. В. Шмелевой, модусные смыслы представляют различные формы и способы отображения субъектом коммуникации события, описываемого в диктуме и могут выражаться эксплицитно либо имплицитно. Находясь в постоянном взаимодействии, модусные смыслы обладают способностью видоизменяться и приобретать новые значения и формы, упорядочивающиеся и актуализирующиеся в языке посредством модусных категорий [Шмелева 1988: 30; Кобрина 2006: 91]. Модусные категории тем самым представляют собой обязательные и необязательные семантические категории, с помощью которых субъект коммуникации выражает свое отношение к описываемым событиям, информации, адресату, высказыванию как речевому произведению, а также собственному сообщению. Квалификативные признаки модусной категории позволяют Т. В. Шмелевой отнести эвиденциальность к их числу. Опираясь на разработанные классификации, Т. В. Шмелева рассматривает эвиденциальность как обязательную квалификативную модусную категорию, что подтверждается при рассмотрении структуры ЭВ [Шмелева 1988].

Для проведения настоящего исследования важен учет точки зрения Н. А. Козинцевой, которая выделяет в структуре ЭВ рамочную (*EV*) и пропозитивную части (*P*): *Г* сообщает, что [*X* видел/полагает/узнал, что] *P*, где *Г* – говорящий, *X* – субъект модуса *EV* («хозяин» информации) [Козинцева 1994: 93]. Внутри ЭВ данным частям

соответствуют обозначенные выше модус (субъективный компонент, указывающий на источник сведений) и диктум (объективный компонент, отражающий содержание сообщения). По утверждению Н. И. Формановской, модус ЭВ представляет набор явно или скрыто выражаемых субъективных смыслов и принадлежит к области прагматики. В свою очередь, диктум представляет объективное содержание сообщения, отражающее положение дел в действительности и главным образом относится к области семантики [Формановская 2000: 59]. Лингвисты подчеркивают особую значимость модуса, поскольку именно он представляет субъект коммуникации, а также выражает позицию, оценку и отношение говорящего к передаваемой информации. Вынесение модуса «за рамки» высказывания как правило приводит к формированию составной конструкции, чаще всего представляющей сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным, главная часть которого является модусом, а придаточная – диктумом [Арутюнова 1998: 10; Шмелева 1988].

Отнесение эвиденциальности к числу модусных категорий, выделение в структуре ЭВ рамочной и пропозитивной части, а также описание эвиденциального функционально-семантического поля позволяет рассматривать эвиденциальность не только в качестве понятийной, но и коммуникативной категории. Реализация ЭВ подразумевает наличие автора, наряду с обязательным присутствием субъекта коммуникации и адресата, а также предполагает определенное коммуникативное воздействие [Григоренко 2009]. При этом рассмотрение функционирования эвиденциальности как модусной категории также предполагает описание ее плана содержания и плана выражения.

План содержания эвиденциальности объединяет объект, субъект, а также основания эвиденциальной квалификации информации. Объект квалификации содержит описание событий и их результата и представляет объективную часть семантики ЭВ. В качестве субъекта эвиденциальной квалификации (квалификатора) выступает автор, говорящий, либо действующее лицо, осуществляющее квалификацию сведений. Основанием квалификации

выступает коммуникативное намерение квалификатора интерпретировать разворачивающие события, а также указать на источник получения информации. Тем самым эвиденциальный план содержания характеризуется оппозицией *свое* (опыт квалификатора) / *чужое* (цитируемый источник сведений). Данное противопоставление находит отражение в модусах прямой (эксплицитной и имплицитной) и косвенной (эксплицитной) эвиденциальности [Козинцева 1994; Кобрина 2003]. Важность обращения к эвиденциальной семантике в данном контексте не вызывает сомнения, поскольку именно достоверность источника сведений влияет на восприятие информации адресатом сообщения, а выбранный квалификатором способ описания источника сведений, а также интерпретация событий напрямую зависят от его уверенности в надежности информации, а также коммуникативных намерений субъекта.

Можно выделить ситуации простой, проблематичной, а также категоричной достоверности [Васильева 2010]. В ситуации простой достоверности квалификатор уверен в истинности передаваемых сведений и считает, что подтверждение наличия либо отсутствия взаимосвязи предмета и его признака не требуется. В случае проблематичной достоверности квалификатор не обладает необходимыми доводами, доказывающими истинность передаваемых сведений. В связи с этим позиция квалификатора имеет субъективный характер и представляет собой умозаключения, предсказания, либо предположения субъекта коммуникации о вероятном исходе описываемых посредством ЭВ событий [Беляева 1988]. В ситуации категоричной достоверности квалификатор стремится оказать воздействие на адресата, оценивает и интерпретирует полученную информацию, высказывает свое мнение в категоричной форме [Васильева 2010]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что эвиденциальность характеризуется наличием собственной шкалы достоверности информации. В некоторых случаях данная категория также приобретает временное отношение, отличное от исходного высказывания.

В свою очередь, план выражения эвиденциальности основывается на средствах и способах осуществления оценки и интерпретации информации и ее

источника квалификатором, при этом выбор эвиденциальных маркеров и особенности их использования в рамках ЭВ обусловливаются коммуникативными намерениями субъекта [Нагорный 2001: 28].

Учитывая регулярность выявления эвиденциальной семантики в языке, Г. Чинк указывает на необходимость введения особого эвиденциального наклонения, выступающего основанием для передачи сообщения, маркирующего источник информации, а также описывающего степень достоверности сведений. Одновременно с этим, показатели эвиденциального наклонения согласуются с оценочным (выражающим оценку говорящим плохого / хорошего, удачного / неудачного, удивительного / обыденного положения дел) и речеактным (маркирующим тип речевого акта) наклонением, а также эпистемическим модусом (репрезентирующим степень уверенности субъекта коммуникации в достоверности сведений) [Cinque 1999]. Таким образом, эвиденциальность предстает как категория, суть которой состоит в содействии в передаче новых для адресата сведений, а также в описании его реакции на данную информацию. Тем не менее, несмотря на многоплановость проявления эвиденциальности в языке говорить о наличии эвиденциального наклонения представляется преждевременным по причине отсутствия утвержденной методики исследования системы модусных категорий.

В результате рассмотрения модусных параметров, изучения структуры, а также особенностей функционирования эвиденциальности в языке, представляется возможным вывести единое определение данного лингвистического понятия, релевантного для настоящего исследования: эвиденциальность – это модусная категория, выполняющая роль указания на источник информации, выражающая отношение субъекта коммуникации к описываемым событиям и обеспечивающая возможность различной интерпретации того или иного концептуального содержания и формирования на его основе отдельных смыслов с целью оказания определенного воздействия на адресата.

1.9. Лингвистические средства репрезентации модусной категории «эвиденциальность»

Выделение в структуре ЭВ рамочной и пропозитивной части позволяет описать функционально-семантическое поле эвиденциальности, представляющее собой систему лингвистических и паралингвистических эвиденциальных показателей, взаимодействующих на основе общности их семантических функций. По оценке А. В. Бондарко, исследование функционально-семантического поля предполагает анализ структуры, взаимодействия и реализации в речи входящих в него единиц, при этом функционально-семантическое поле предстает в виде иерархической системы, обнаруживающей ядро и периферию [Бондарко 2001].

Применительно к категории «эвиденциальность», ядро функционально-семантического поля будет включать лингвистические средства, выражающие эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно описываемой ситуации. Периферия эвиденциального функционально-семантического поля содержит показатели, репрезентирующие дополнительные сведения об источниках основной информации.

Недостаточная изученность функционально-семантического поля эвиденциальности усложняет задачу описания лингвистических средств передачи модусных параметров данной категории. Однако, применительно к модальным значениям, лингвисты выделяют две обширные группы ресурсов:

1). Языковые (вербальные) ресурсы, к числу которых принадлежат лексические, синтаксические, морфологические, комбинационные средства [Беляева 1988: 15].

2). Невербальные (паралингвистические) ресурсы, включающие мимику, жесты, неязыковые свойства звуковой фонации и способствующие передаче дополнительных сведений [Арама, Шахнарович 1997: 22].

Категория «эвиденциальность» обладает различными лингвистическими ресурсами передачи модусных параметров. По утверждению Л. В. Васильевой, модус эвиденциальности актуализируется в высказывании посредством набора

лексико-грамматических (модальные глаголы, модальные словосочетания, наречия, глаголы говорения, глаголы предположения), а также синтаксических (вводные слова и вводные конструкции, безличные предложения, конструкции типа «сложное подлежащее») средств [Васильева 2010: 14]. Указанные языковые средства образуют 10 групп эвиденциальных показателей:

1). Явного указания – наиболее нейтральные по эмоциональной и смысловой нагрузке маркеры, использующиеся автором / субъектом коммуникации для описания того или иного события, а также указания на источник информации (например, *announce, inform, information, statement, communicable, reportable, naturally, reportedly, it is reported, reports say that, the word is, говорить, называть, информация, рассказ, сообщение, по информации, полученной от*).

2). Косвенного указания – сообщение, передаваемое посредством показателей данной группы, как правило, обладает частным характером, не получает широкой огласки, вследствие чего автор / субъект коммуникации демонстрирует отсутствие уверенности в достоверности источника сведений (например, *hint, intimate, imply, allusion, glimpse, referenced, mentioned, on/from/by hearsay, there is a rumour, болтать, намекать, поговаривать, слух, сплетня, по непроверенным данным, по неподтвержденной информации*).

3). Выражения мнения – показатели рассматриваемой группы используются в ходе актуализации субъективной точки зрения автора / субъекта коммуникации относительно передаваемых сведений. При этом в роли источника сообщения чаще всего выступает автор высказывания, делающий выводы на основании личного опыта и восприятия ситуации, либо известных ему фактах действительности (например, *accept, appear, believe, consideration, idea, judgement, considerably, happily, believable, confessed, in his judgement, in my opinion, generally/strictly/frankly speaking, remark, представлять, расценивать, представление, точка зрения, согласно распространенному мнению*).

4). Мыслительной деятельности – показатели данной группы демонстрируют мыслительную деятельность автора / субъекта коммуникации,

квалифицирующего сведения на основании логических выводов и известных фактов действительности (например, *contemplate, dream, mind, reflection, speculation, advisedly, deliberately, imaginable, reflected, debate a matter in one's mind, думать, обдумывать, мысль, понимание, как показал проведенный анализ*).

5). Уверенности в знании – автор / субъект коммуникации демонстрирует абсолютную уверенность в достоверности сведений и их источника / обладает неопровержимыми доказательствами произошедшего события (например, *conclude, know, learn, evidence, fact, evidently, of course, surely, clear, obvious, beyond all question / doubt, without a shadow, знать, подтверждать, признавать, заключение, факт, действительно, конечно, ни для кого не секрет*).

6). Усиления значимости высказывания – автор / субъект коммуникации акцентирует внимание адресата на значимости передаваемых сведений посредством показателей данной группы, что также свидетельствует об уверенности говорящего в надежности источника информации (например, *advert, claim, declare, allegedly, assertion, declaration, declared, it has been argued that, it has been alleged that, заявлять, отмечать, провозглашать, заявление, утверждение, как подчеркивают*).

7). Прогнозирования – автор / субъект коммуникации пытается предугадать ход или итог развития событий и делает предположения, посредством показателей данной группы. При этом источник сведений может предстать в искаженном виде (например, *forecast, foretell, expectation, predication, expectedly, prospectively, possible, potential, according to expectations / forecasts, as expected, надеяться, ожидать, предсказывать, ожидание, предположение, согласно ожиданиям/прогнозам*).

8). Сомнения – характерной особенностью данной группы эвиденциальных показателей выступает отсутствие уверенности автора / субъекта коммуникации в истинности передаваемого сообщения и достоверности его источника (например *admit, assume, concede, doubt, hesitation, wonder, may be, doubtful, questionable, at a guess, допускать, казаться,*

предполагать, вероятность, подозрение, маловероятно, может быть, как знать, надо понимать).

9). Умственного восприятия – обращаясь к показателям данной группы, автор / субъект коммуникации квалифицирует сведения и их источник с опорой на воспоминания / личный опыт, самостоятельно определяя уровень достоверности информации. Немаловажно, что в отличие от показателей мыслительной деятельности, описывающих процесс восприятия, осмысления, выведения новый сведений на основании имеющихся данных, показатели умственного восприятия свидетельствуют о факте обращения к мыслительной деятельности (например, *cite, forget, recall, flashback, memory, memorably, notable, unforgettable, it is one's recollection that, вспоминать, помнить, память, как / насколько помнится*).

10). Чувственного восприятия – в ходе передачи сообщения и маркировки его источника автор / субъект коммуникации опирается на сведения, полученные посредством органов чувств. При этом источником информации может являться как сам автор высказывания, так и иное лицо (например, *hear, feel, notice, bystander, listener, optically, perceptually, hearable, visible, one was right glad to hear, spy out, видеть, заметить, заприметить, визуально, зрительно, наблюдатель, слушатель, по словам очевидцев*) [Козловский 2013, 2023].

Немаловажно, что в рамках предложенной классификации лексических маркеров модусной категории «эвиденциальность» представляется возможным выделить три смысловых уровня, определяющих характер представления сведений в ЭВ: в зависимости от канала восприятия, специфики квалификации данных автором / субъектом коммуникации, а также степени эксплицированности транслируемой информации и ее источника. Первый уровень включает маркеры мыслительной деятельности, умственного восприятия и чувственного восприятия, второй – маркеры выражения мнения, уверенности в знании, усиления значимости высказывания, прогнозирования и сомнения, а третий – маркеры явного и косвенного указания.

В свою очередь, к невербальным средствам передачи эвиденциальных значений относятся:

1). Мимические показатели – описание движений лицевых мышц субъекта коммуникации (например, *smile, frown, knit brow, dimple up, улыбнуться, наморщиться, удивленно поднять брови*).

2). Визуальные показатели – описание использования субъектом коммуникации зрительного контакта (например, *glance; peek; take a slant; give a glance; give a look, пристально смотреть, бросить взгляд, внимательно рассматривать*).

3). Позиционные показатели – обозначение положения тела субъекта в ситуации (например, *bend, bow, fold one's hands, согнуться пополам, расправить плечи, вытянуть ноги*).

4). Жестикулярные показатели – употребление описательных (маркирующих размер, форму и положение объектов), коммуникативных (используемых для приветствия и прощания, угрозы, привлечения внимания, приглашения, дразнения, утверждения, отрицания, вопроса, благодарности, примирения и других), а также модальных (содержащих оценку объектов действительности) жестов (например, *swing ones' arms, wave at each other, raise one's hand in salute, пригрозить пальцем, развести руки в стороны, поднять руку в знак приветствия*).

5). Фонические показатели – маркировка паузации и различных психологических проявлений (смех, плач, вздохи) (например, *fetch a sigh, heave a groan, let out a chuckle, промолчать*).

6). Просодические показатели – описание изменения высоты, громкости, тембра голоса и силы ударения (например, *raise the tone of voice, shout at, begin to squeal, повысить голос, вздохнуть, засмеяться*).

7). Такесические показатели – обозначение динамических прикосновений в виде рукопожатий, похлопываний, поцелуев (например, *shake somebody by the hand, hug, pull into arms, пожать руки, поцеловать, похлопать по плечу*).

8). Проксемические показатели – указание расположения коммуникантов относительно друг друга в момент общения, а также обозначение дистанции между ними (например, *sit knee to knee, sit opposite, draw back to one side, сидеть рядом, стоять напротив, находиться в стороне*).

9). Имматериальные показатели – вербальные отсылки к невербальным знакам, принадлежащим к нематериальным сферам (например, *dispensation, foresight, have an epiphany, have a revelation, heavenly witnesses, inner voice, insight, providence, road to Damascus for, witness in the sky*).

Невербальные эвиденциальные маркеры взаимодействуют с вербальными показателями эвиденциальности, специфицируют источник получения сведений и придают информации дополнительное значение в зависимости от контекста. Немаловажно, что указанные невербальные средства выступают в качестве объекта истолкования не сами по себе, а только при взаимодействии с вербальными средствами репрезентации эвиденциальности. Наряду с этим, в зависимости от используемых коммуникантами невербальных эвиденциальных средств формируются соответствующие виды невербальной эвиденциальности: мимическая, визуальная, позиционная, жестикулярная, фоническая, просодическая, такесическая, проксемическая и имматериальная [Козловский 2013: 103].

Подводя итог приведенным классификациям вербальных и невербальных эвиденциальных показателей, есть все основания констатировать, что, несмотря на заметный всплеск интереса к эвиденциальности, она остается одной из наименее изученных модусных категорий. Исследовательская проблематика, связанная с эвиденциальностью, обширна и связана с такими вопросами, как доказательство ее принадлежности к числу модусных квалификационных коммуникативных категорий, анализ особенностей функционирования эвиденциальных маркеров (лингвистических, паралингвистических), изучение взаимосвязи эвиденциальности и других модусных категорий. Для настоящего исследования релевантными являются вопросы, связанные с описанием универсальной методики исследования эвиденциальности в различных типах

дискурса, что будет предложено в следующих параграфах данной главы диссертации.

Выводы по главе 1

1) Категории объединяют основные и наиболее общие понятия различных наук, отражающие существенные свойства действительности. Категории тесно взаимосвязаны между собой, имеют тенденцию к трансформациям и переходу из одного состояния в другое, отражая взаимосвязь и взаимообусловленность явлений действительности. Систематизация категориальной системы позволяет упорядочить взаимосвязь философских, понятийных и языковых категорий.

2) Философские категории отражают законы и закономерности, всеобщую связь и принципы развития вещей, определяются понятиями, выражающими их аспекты, конкретные формы проявления и объединяющимися в понятийные категории. Данные категории являются выразителями норм сознания в языке, выступая в качестве соединяющего элемента, объединяющего язык с мышлением, тем самым с логическими и психологическими категориями. Значимость языковой репрезентации характеризующих понятийные категории концептов приводит к обращению к языковой сфере, в рамках которой различные группы элементов на основании общих свойств объединяются в языковые категории.

3) Широкий спектр выделяемых разновидностей языковых категорий обеспечивается возможностью одновременной актуализации нескольких принципов в процессе их формирования, стирает границы между выделяемыми типами и усложняет определение структурных и содержательных характеристик для каждой отдельной категории. Результатом обращения к когнитивному подходу в процессе разрешения проблемы лингвистической категоризации является возможность формирования и упорядочивания системы языковых категорий. Данные категории оказываются способны изменять свою структурно-

содержательную организацию в зависимости от выражаемых лексических, грамматических и модусных значений.

4) Обращение к основополагающим моделям категориального видения мира, включающим лексическую, грамматическую и модусную модели, способствует разработке категориальных схем, исследованию функционирования и взаимодействия различных категорий в рамках принципиально новой системы организации.

5) В ряде языков (болгарском, македонском, албанском) эвиденциальность актуализируется посредством глагольных форм и относится к числу грамматических категорий, но в большинстве индоевропейских языков (русском, немецком, французском, английском) репрезентируется с помощью лексических, морфологических либо синтаксических показателей, что приводит к рассмотрению эвиденциальности как лексической, функциональной, семантической, модусной или коммуникативной категории.

6) Анализ различных классификаций эвиденциальности демонстрирует, что смысловую основу данной категории составляют личный опыт, свидетельствование, выводы, умозаключения автора / субъекта коммуникации, а также цитирование, пересказ полученных ранее сведений, обладающих субъективным или интерсубъективным характером. Выявление такого рода семантики позволяет определить эвиденциальность как модусную категорию, характеризующуюся наличием функционально-семантического поля, представляющего набор взаимодействующих лингвистических и паралингвистических эвиденциальных показателей.

7) На основании анализа различных взглядов на природу эвиденциальности, а также в соответствии с поставленными исследовательскими задачами, в настоящем диссертационном исследовании принимается следующее рабочее определение: эвиденциальность – это модусная категория, служащая для указания на источник получения информации и репрезентирующая субъективное отношение говорящего к передаваемым сведениям, что

обеспечивает возможность смыслообразования с целью оказания необходимого воздействия на адресата.

8) Дальнейшее рассмотрение функционирования модусной категории «эвиденциальность» предполагает исследование ее репрезентации в дискурсивном пространстве, в силу того что указание на источник полученных сведений является его неотъемлемой составляющей, а сама эвиденциальность выступает в качестве аксиологической составляющей различных дискурсивных образований, способствуя реализации коммуникативных стратегий автора / субъекта коммуникации.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ»

В рамках второй главы «Лингвосинергетический аспект исследования дискурсивной реализации категории «эвиденциальность» обосновывается дискурсивный статус, а также аргументируется значимость изучения функционирования модусной категории «эвиденциальность» с позиции лингвосинергетики. Изучение основных лингвистических подходов к дискурс-анализу обусловливает обращение к лингвистической синергетике как к интегральному направлению научных исследований.

Применение основополагающих принципов лингвистической синергетики к рассмотрению функционирования категории «эвиденциальность» в пространстве массмедийного дискурса позволяет разработать и описать методику исследования данной категории, способствующую изучению структурных и содержательных особенностей ЭВ. Значимость определения границ ЭДК приводит к описанию синергетической эвиденциальной модели и разработке алгоритма ее анализа. Основные лингвосинергетические принципы взаимопроникновения, взаимодополнения и самоорганизации продуктивно ложатся на дискурсивный анализ эвиденциальности, которая вступает во взаимодействие с другими категориями модуса. Построение синергетической эвиденциальной модели, характеризующей сцепление эвиденциальности с модусными категориями «авторизация» (*A*), «аппроксимация» (*Aprx*), «восприятие» (*Ap*), «модальность» (*M*), «отрицание» (*D*), «оценочность» (*Evl*), «персональность» (*Ps*), «персуазивность» (*P*), «экспрессивность» (*Ex*), «эмотивность» (*Emt*) и «темпоральность» (*T*) позволяет доказать необходимость и потенциал представленной лингвосинергетической методики. Кроме того, определение типов взаимодействия эвиденциальности и других модусных категорий будет способствовать детальному изучению специфики актуализации модусных смыслов в различных типах массмедийного дискурса.

2.1. Дискурсивный анализ как междисциплинарная парадигма

2.1.1. Определение и описание системных характеристик дискурса

Термин «дискурс» принадлежит к числу наиболее популярных и широко используемых исследователями. Он употребляется в различных значениях и контекстах, зачастую обозначая отличные друг от друга явления. Последнее обстоятельство представляет главную трудность для определения данного понятия.

Само слово «дискурс» произошло от позднелатинского *discursus* - рассуждение, довод, беготня, суета, маневр, круговорот [Арутюнова 1990; Бабаян 1997]. Во французском языке *discours* обозначает динамическую речь. Согласно словарю немецкого языка Якоба и Вильгельма Гримма «Deutsches Wörterbuch», данное слово может переводиться как *диалог, беседа, речь, лекция* [Миронова 1998]. В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т. М. Николаевой «дискурс» обозначает полисемичное понятие лингвистики текста и употребляется в следующих основных значениях: связанный текст, устная форма текста, диалог, набор высказываний, объединенных между собой по смыслу, а также письменное или устное речевое произведение [Николаева 1978: 467].

По нашему мнению, можно выделить три основных класса употребления рассматриваемого термина: формальное, типологическое и лингво-коммуникативное. В связи с трудностью формализации лингвистических процессов дискурс не является центральным объектом формальной лингвистики. Однако, некоторые ученые предпринимают попытки употребления понятия «дискурс» в контексте генеративной грамматики [Stubbs 1983]. Формальный подход рассматривает дискурс в качестве вербально артикулированной формы объективации содержания человеческого сознания, регулируемой доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности [Можейко, Гутнер, Огурцов, Керимов 2016]. С позиций структурно ориентированной лингвистики, дискурс понимается как «язык выше уровня предложения или словосочетания» (*language above the sentence or above*

the clause) и представляет собой совокупность двух или нескольких предложений, обладающих смысловой связью [Stubbs 1983: 1; Schiffrin 1994: 23].

В типологическом понимании понятие «дискурс» обозначает текущую речевую деятельность в той или иной сфере (например, политический дискурс, религиозный дискурс, педагогический дискурс, юридический дискурс, художественный дискурс, военный дискурс, научный дискурс) [Степанов 1997]. Подобный ракурс рассмотрения дискурса обнаруживается в работах французских структуралистов и постструктуралистов [Барт 1987; Морен 2005; Серио 2001; Фуко 1996]. Задача исследования дискурса предполагает необходимость уточнения общепринятых понятий стиля и специфики языка, а сам дискурс представляет собой способ повествования и характеризуется определенной жанровой принадлежностью [Сокулер 1998].

В лингво-коммуникативном понимании дискурс рассматривается как речь в контексте разворачивающейся коммуникативной ситуации, единица общения, «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1998: 137]. Таким образом, лингвистические (например, речь), невербальные (например, жесты, мимика, темп речи) и экстралингвистические (например, эмоциональная оценка, опыт, мировоззрение коммуникантов) средства, используемые в процессе общения, могут составлять коммуникативное событие.

Согласно определению Т. А. ван Дейка, дискурс предстает в виде речевого потока, постоянно изменяющегося языка и включает в себя многообразие исторической эпохи, личных и социальных характеристик коммуникантов и коммуникативной ситуации. Одновременно с этим, дискурс отражает менталитет и индивидуальную, национальную, либо всеобщую культуру [Дейк 1989].

Дефиниция дискурса, представленная В. В. Петровым и Ю. Н. Карауловым, аккумулирует лингвистические воззрения Т. А. ван Дейка. По мнению ученых, дискурс представляет собой комплексное коммуникативное явление, объединяет текст и экстралингвистические факторы, такие как знания о мире, мнения, установки, цели адресанта [Караулов, Петров 1989: 8].

Подобных взглядов придерживается и А. А. Кибрик, который рассматривает дискурс как совокупность процесса языковой деятельности и ее результата, представляющего собой текст. Основные различия между текстом и дискурсом заключаются в их разном функционале. Дискурс включает в себя текст (устный или письменный), возникающий в ходе языковой деятельности как статический объект. Помимо текста, к области дискурса также принадлежат процессы его создания и понимания, разворачивающиеся во времени [Кибрик 2003: 4].

В настоящем исследовании термин «дискурс» рассматривается с учетом его лингвистической природы и определяется как лингвистическая коммуникативная знаковая система, отражающая многообразие как субъективной, так и объективной картин мира и включающая в себя ситуацию, участников социального взаимодействия, социальные нормы и критерии, а также культурологические представления и формы.

Дискурсивная система обладает специфическими особенностями, при этом основными из них являются ее целостность и связность. Понятие целостности дискурса связано с общностью его компонентов и реализуется в рамках взаимодействия содержательно-структурных элементов, выявляемых в результате восприятия дискурса как комплекса событий [ФС 2001]. В свою очередь, связность дискурса проявляется в его континуальности и определяется закономерностями и правилами, составляющими основу образования сложных коммуникативных языковых единиц [Падучева 2017]. По мнению некоторых лингвистов, связность дискурса является его основным свойством [Гришаева 2006: 12].

Целостность дискурса тесно связана с его информативностью, так как обмен сведениями является одним из важнейших условий реализации коммуникативного процесса. Необходимо отметить, что в настоящее время критерии информативности недостаточно четко определены. Данное обстоятельство связано с необходимостью определения рассматриваемого понятия, измерения его уровня, описания типичных форм репрезентации

сведений в дискурсивном пространстве, а также степени восприятия информации [Григорьева 1998].

В дискурсе отражаются характерные особенности процесса коммуникации, например, участие двух или более субъектов, наличие единой или схожей системы кодификации и декодификации у коммуникатора и реципиента и интенциональность. В качестве адресата дискурса может выступать языковая личность в любой коммуникативной роли (слушающего, читателя и т.д.), на которую направлено речевое воздействие автора. Важной характеристикой дискурса также является его процессуальность, признаки которой содержатся в коммуникации. Коммуникативный процесс представляет собой взаимную координацию деятельности посредством вербальных и невербальных знаковых систем [Болдырева 2001; Кашкин 2005]. В то же время дискурсивное является точкой в процессе коммуникации, обладает определенными рамками и состоит из речевых единиц коммуникативного уровня различной направленности на адресата дискурса [Зернецкий 1990: 61]. Единицы, составляющие дискурс, обладают относительными функциями целостности. Таким образом, континуальность и делимость дискурса принадлежат к числу его основополагающих признаков [Зализняк, Шмелев 2017].

Выступая в качестве языкового знака высшего уровня, дискурс также характеризуется модальностью и может обладать различной коммуникативной направленностью, определяемой его автором. Так, дискурсы с явным выражением модальности нацелены на материальную (речевую / неречевую) деятельность адресата. П. В. Зернецкий выделяет дискурсы желания, долженствования, возможности, обладающие различными мотивами и целями. Конечной целью дискурса желания является формирование и прогнозирование желания адресата его автором. В свою очередь, дискурс долженствования характеризуется невыраженностью смысловой стороны, а также отсутствием аргументации и мотивирования, что открыто выражается автором и требует от адресата определенных речевых / неречевых действий. Наконец, дискурс

возможности полагается на аккумулирующее действие и нацелен на получение от адресата сведений различного рода: сигматических, семантических либо прагматических [Зернецкий 1990: 65–66].

Таким образом, любой дискурс реализуется в рамках передачи адресантом информативного и фатического содержания с целью оказания воздействия на интеллектуальную и эмоциональную сферу адресата, регулирования его практических действий и умственных реакций, а также упорядочивания речевой и неречевой деятельности для достижения определенной коммуникативной цели. Подобный ракурс исследования дискурсивной системы предполагает изучение не только конечного результата процесса коммуникации, но и самого речевого поведения личности как процесса осуществления речевых намерений субъекта коммуникации, а также их интерпретации объектом в определенной речевой ситуации, с учетом экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и иных факторов.

Таким образом, включение коммуникантов в научную парадигму лингвистических исследований привело к тому, что антропоцентрический фактор стал центральным, определяющим при исследовании различных аспектов языка и речи. Указанное явление обусловило становление современной лингвистической единицы – дискурса, учитывающей, помимо лингвистических, экстралингвистические, прагматические, социокультурные, психологические и другие смежные факторы.

2.1.2. Современные лингвистические подходы к анализу дискурса

Одним из наиболее передовых направлений, связанных с изучением функционирования дискурса, в настоящее время является дискурсивный анализ. Данное понятие было впервые упомянуто в лингвистике в середине прошлого века З. С. Харрисом, который стремился перенести дистрибутивный метод с предложения на связный текст, использовав для его описания социокультурную ситуацию. В своей статье «Discourse Analysis» З. С. Харрис обозначал понятием «дискурсивный анализ» метод исследования распространения сведений в

пространстве дискурса. В середине XX века данный термин начал ассоциироваться с немецким термином «textlinguistik» / «лингвистика текста» [Переверзев 2017].

В качестве отдельного направления научного знания дискурсивный анализ возник в 60-е годы XX века во Франции и стал итогом объединения лингвистики, критической социологии, а также психоанализа в контексте основополагающих тенденций развития идеологии структурализма. В трудах Э. Бенвениста, Р. Якобсона развивались идеи Ф. де Соссюра, связанные с дифференциацией языка и речи при попытке их объединения с теорией речевых актов, лингвистикой устной речи, когнитивной прагматикой текста [Бенвенист 1974; Якобсон 1972].

В последние годы дискурсивный анализ рассматривается как один из наиболее популярных методов исследования в рамках общественных и гуманитарных наук. Под дискурсивным анализом понимается междисциплинарная область знания, в функционировании которой наряду с лингвистами принимают участие представители из областей науки, включая психологов, социологов, этнографов, стилистов, литературоведов и философов. Исследования в области дискурсивного анализа способствуют уточнению структуры и особенностей функционирования речи, раскрытию ментальных процессов, а также пониманию взаимосвязи данных процессов с психологическими и социокультурными факторами [Иванова 2022].

Невозможно выделить конкретную школу, связанную с разработкой методики дискурсивного анализа, однако, можно назвать несколько принципиально значимых работ, посвященных ее описанию. Так, исследование Л. Филлипс и М. Йоргенсен «Discourse Analysis as Theory and Method» содержит практическую выжимку из различных областей научного знания, включая лингвистику, социологию и психологию. Ученые выделяют три основополагающих подхода к дискурсивному анализу: теорию дискурса Лакло-Муфф, критический дискурс-анализ (КДА), а также дискурсивную психологию [Йоргенсен, Филлипс 2008].

Основные положения теории Лакло-Муфф представлены в труде Э. Лакло и Ш. Муфф «Гегемония и социалистическая стратегия: к радикальной демократической политике» [Laclau, Mouffe 1985]. Э. Лакло уточняет основные моменты представленной теории в работе «Новое осмысление революции нашего времени» [Laclau 1990] в сборнике статей «Освобождение» [Laclau 1996], а также в диалогах «Универсальность, гегемония, идентичность» [Buttler, Laclau, Žižek 2000]. В общем виде данная теория представляет собой постструктуралистское учение, базирующееся на идее о том, что социальный мир семантически конструируется дискурсом. Теория объединяет ряд идей аналитической философии, феноменологии и структурализма, отрицая при этом прямой доступ к референту, феномену и знаку и сближаясь в данном вопросе со взглядами М. Фуко и Ж. Дерриды. В качестве источников своей теории Э. Лакло называет концепцию языковых игр Л. Витгенштейна, а также теорию постструктурализма, дискурсивные формации М. Фуко, психоанализ Ж. Лакана, деконструкцию Ж. Дерриды и семиологию Р. Барта.

Согласно теории Лакло-Муфф, термин «дискурс» обозначает определенный способ общения и восприятия действительности и предстает в виде области, в которой образуются смыслы и значения [Рагозина 2013: 30]. Обобщая взгляды Э. Лакло и Ш. Муфф, можно утверждать, что не существует объектов вне дискурса. Объекты могут существовать в виде физических либо энергетических субстанций, но осознать их сущность становится возможно исключительно в рамках определенного дискурса. В теории Лакло-Муфф также подчеркивается важность определения особенностей смыслопорождения. Ученые подчеркивают, что смысл возникает в результате действия логики различия (*logic of difference*), раскрывающей сущность дискурсивного элемента, а также логики эквивалентности (*logic of equivalence*), определяющей идентичность и границы дискурсивной системы. При этом система дискурса динамична и постоянно взаимодействует с другими дискурсивными образованиями. Эти системы придают структуре дискурса замкнутый характер и

одновременно разрушают организацию системы за счет логического противоречия [Laclau, Zac 1994: 16].

Таким образом, существующие дискурсы обладают незавершенным и замкнутым характером, подвержены изменениям и стремятся к преобладанию, фиксируя закрепленные за ними значения в языке. Наряду с этим, в теории Лакло-Муфф отрицается различие между дискурсивной и недискурсивной практикой и утверждается концепция формирования речевых и поведенческих практик в ходе развертывания рассматриваемого дискурса. Любая социальная практика (например, экономическая, политическая, эстетическая) дискурсивна, а существующие языковые формы данных практик не обладают глубинным смыслом и репрезентируют объективную социальную действительность [Laclau 1998: 154].

Согласно теории дискурса Лакло-Муфф, проведение дискурсивного анализа предполагает идентификацию узловых точек дискурса – привилегированных знаков, фиксирующих вокруг себя дискурсивное пространство и упорядочивающих значение прочих знаков – полисемичных элементов, значения которых еще не закреплены. Методика дискурсивного анализа также включает изучение взаимодействия узловых точек с другими знаками (изменчивыми знаками). Такого рода анализ позволяет выявить знаки, являющиеся объектами «борьбы» за значение, а также знаки, обладающие не спорными, фиксированными значениями (моменты) [Laclau, Mouffe 1985: 112].

Критический дискурс-анализ представляет собой разновидность дискурсивного анализа и был представлен Н. Фэркло. В рамках данной концепции дискурс рассматривается в качестве одного из аспектов языковой практики. Основной областью интереса критического дискурсивного анализа является изучение трансформаций дискурса, возникающих по причине интертекстуальности – механизма, посредством которого отдельно взятый текст привлекает другие дискурсы и языковые средства иных текстов. Комбинирование различных языковых средств приводит к изменению отдельно

взятого дискурса, и, как следствие, к трансформации языковой картины мира [Fairclough 2013].

В качестве основного метода критического дискурсивного анализа выступает нормативная и эксплицитная критика. Нормативная критика позволяет понять, насколько действительность согласуется с основополагающими ценностями общества. Эксплицитная критика пытается объяснить объективную реальность, демонстрируя итоги деятельности механизмов либо сил, анализирующих разворачивающиеся события. Посредством критического дискурсивного анализа осуществляется перенос критической традиции из области социологического анализа в языковые исследования. Наряду с этим происходит смещение фокуса анализа на дискурс, а также взаимодействие между дискурсом и языковыми средствами [Fairclough 2013: 178–179].

Тексто-ориентированная форма дискурс-анализа объединяет три традиции: подробный лингвистический анализ текста, макросоциологический анализ социальной практики, а также микросоциологическую интерпретативную традицию в социологии. Детальный анализ текста позволяет понять, как дискурсивные процессы лингвистически актуализируются в тех или иных текстах. Однако помимо текстового анализа, не проясняющего связи между текстами, социальными и культурными процессами, дискурсивный анализ также предполагает обращение к междисциплинарному подходу, в рамках которого объединяется текстовый и социальный анализ.

Н. Фэркло предложил трехмерную модель критического дискурс-анализа, включающую текст, дискурсивную практику, а также социальную практику и представляющую собой аналитическую структуру для эмпирического изучения дискурса. В частности, процедура анализа предполагает рассмотрение формальных особенностей текста – лексики, грамматики и связности предложений. В свою очередь, дискурсивная практика концентрируется на специфике потребления, восприятия, интерпретации и применении типов дискурса и жанров адресатом дискурса. Наконец, социальная практика включает

в себя дискурсивную практику, в пространстве которой, в свою очередь, формируются тексты. Немаловажно, что в рамках социальной практики анализируется характер дискурсивной практики и ее последствия: воспроизводит ли она действующий порядок дискурса либо трансформирует его [Fairclough 2013].

Таким образом, общая цель трехмерной модели заключается в обеспечении аналитической структуры для дискурсивного анализа. Во время проведения дискурсивного анализа особое внимание необходимо сосредоточить не только на лингвистических особенностях текста, но также и на процессах производства / восприятия текста адресатом / читателем (дискурсивной практике) и более широкой социальной практике.

Дискурсивная психология как подход к анализу дискурса связана с описанием психологических феноменов в ходе лингвистического взаимодействия. В отличие от других подходов к дискурсу как к отражению мыслей, намерений и мотивов людей, дискурсивная психология предполагает, что дискурсивное пространство не отражает действительность, а лишь косвенно воссоздает ее при помощи лингвистических средств. Дискурсивная психология не полагается на непосредственное исследование личности, акцентируя внимание на опосредованные свидетельства взглядов и убеждений, которые обнаруживаются в письменной и устной речи [Potter, Edwards 2001].

Одним из первых последователей и теоретиков дискурсивной психологии являлся британский философ Р. Харре. Он отмечал, что обыденный язык является одним из наиболее важных источников познания психики в связи с тем, что исследование человека необходимо производить с учетом отнесения личности к определенному ситуативному языковому контексту, не ограничиваясь представлением нейронных процессов. В этой связи важная роль в концепции дискурсивной психологии отводится вопросу изучения вариаций и аттитюдов людей. Вариации определяют то, каким образом согласованность и несогласованность мнений людей, используются в качестве риторических стратегий в ситуативном применении языка. В свою очередь, аттитюды

представляют собой управляющие действия людей, осуществляемые с помощью производства постоянных ментальных оценок окружающего мира. Таким образом, одной из целей дискурсивной психологии является увеличение возможности того или иного дискурса модифицировать аттитюды и установки его потенциального адресата [Переверзев 2017].

В соответствии с дискурсивной психологией язык не является каналом, передающим психологическую реальность, выступающей основой для опыта. Напротив, субъективная психологическая реальность формируется с помощью дискурса. «Инвестиции» в значения тех или иных явлений играют важную роль в создании субъектов и объектов. Люди активно используют дискурс в качестве ресурса оказания воздействия, однако, при этом сами подвергаются его влиянию. В этой связи в рамках дискурсивной психологии анализируется роль дискурса в социальной ориентации на действие – то, каким образом производится социальная организация посредством коммуникации. Исследователей главным образом интересуют вопросы модификаций, которые коммуниканты вносят в свои высказывания, а также используемые дискурсивные ресурсы воздействия. Заключительным объектом анализа является смысл, произведенный участниками коммуникации [Касавин 2006].

Важно подчеркнуть, что дискурсивная психология также заимствует методы, характерные для других подходов к дискурсивному анализу (например, для критического дискурс-анализа), и определяет дискурс как набор интерпретаций, представляющий совокупность вероятных последовательностей высказываний в определенных ситуативных, временных, культурных и институциональных рамках. Таким образом, акцент анализа делается на содержании дискурса в социальной интеракции, осуществляемой в определенном контексте. Высказывания коммуникантов рассматриваются как контекстуально-обусловленные, а их значения – как зависимые от риторического контекста при подтверждающей аргументации.

Особая роль в дискурсивной психологии отводится изучению специфики идентификации личности – способов, с помощью которых человек

позиционирует себя в дискурсе. Конструкция идентичности ограничена перечнем дискурсивных средств. Идентичность выступает в роли ресурса, использующегося субъектом коммуникации для достижения коммуникативной цели, а также является неотъемлемой частью процесса конструирования мнения о себе в ходе развертывания дискурса. В качестве источника аргументации выступают слова, различные комбинации которых вносят вклад в социальные изменения. Тем самым дискурс предстает в виде гибкого ресурса поддержания либо трансформации мнения других людей. Кроме того, в рамках дискурсивной психологии подчеркивается значимая роль рефлексивности – применения исследователем собственной теории к дискурсивной практике, а также акцентирование внимания на личной интерпретации и аргументации полученных результатов [Йоргенсен, Филлипс 2008].

К числу сравнительно новых подходов к дискурсивному анализу, возникших в процессе научных дебатов с критическим дискурсивным анализом относится культурологический подход. Данный подход отрицает существование универсальной методологии анализа дискурсивной системы, поскольку любой дискурс обладает собственной культурной, исторической и лингвистической традицией [Shi-xu 2014: 2-10]. Наряду с дискурсом в качестве второго ключевого понятия этого подхода выступает культура, под которой понимается набор концепций, знаков, ценностей, идентичностей, взглядов, правил и поведенческих моделей [Ионова 2016; Shi-xu, 2015: 8]. Культура возникает, поддерживается, оспаривается и изменяется в ходе коммуникации и при помощи языковых средств. В самом названии подхода подчеркивается важность обращения к анализу культурного контекста в рамках исследования дискурса. Как отмечает Ши Сю, дискурсы отличаются на уровне языков и культур, взаимодействуют, проникают и конкурируют друг с другом [Го Ли 2019; Shi-xu, Prah, Pardo 2016].

Методологическая составляющая культурологического подхода к анализу дискурса неоднозначна, что связано с невозможностью создания универсальной методологии, учитывающей культурные, языковые и исторические особенности

рассматриваемого дискурса. Культурологический подход утверждает важность исследования не только коммуникативного акта, но и того, что не было сказано либо сделано, а также каким образом это осуществлялось и каковы были последствия. Лингвисты связывают данные особенности рассматриваемого подхода с дискурсивной традицией азиатских стран, которая может быть описана конфуцианской формулой *юанбуцзин и* (язык не способен передать всю суть вещей) [Shi-xu 2014]. При этом выбор метода зависит от типа дискурса и стоящих перед исследователем целей. По мнению Ши Сю, культурологический подход к дискурсивному анализу не может быть описан как единое целое. Данным обстоятельством обусловлено его обозначение *studies* (исследования), обобщающее подходы к анализу дискурсов различных стран. В качестве объекта анализа выступает не изучение взаимосвязи между проблемой и ее решением либо между семиотическими и внесемиотическими языковыми элементами, а исследование конкретной дискурсивной категории посредством описания, объяснения, интерпретации и оценки дискурсивного акта [Карасик 2023; Shi-xu 2013: 296].

Таким образом, в рамках культурологического подхода к анализу дискурса главенствующую роль играет субъект, самостоятельно формулирующий цели, задачи и создающий собственную методику исследования. В ходе изучения дискурсивной системы знак обретает значение исключительно в культурном и историческом контексте, а в качестве дискурсивных форм предстают лингвистические действия субъектов в контексте коммуникации.

В рамках рассмотрения существующих подходов к дискурсивному анализу невозможно не упомянуть дескриптивный подход. Любой дискурсивный анализ по своей природе дескриптивен. В этой связи дескриптивный подход предстает не как отдельное направление в лингвистике, а как набор методов качественного и количественного анализа, к которому обращаются все остальные подходы. Его целью является попытка охарактеризовать и объяснить существующую действительность с помощью различных стратегий и правил интерпретации дискурса. Несмотря на то, что формально подобный анализ не обладает

идеологической составляющей, главенствующая роль в нем принадлежит личности исследователя, поэтому соотношение интерпретации и анализа зависит от поставленных задач и применяемых методов [Dijk 1988].

Дескриптивный подход главным образом связан с формой использования языка, в связи с этим ученые выделяют в нем следующие преобладающие лингвистические методы интерпретации текстов: морфологическое описание (позволяющее исследовать несколько уровней дискурса с позиции разнообразных лингвистических единиц и возникающих между ними отношений), функциональный анализ (анализ взаимосвязи дискурса с когнитивным, социальным и культурным контекстами), герменевтика (отмечающая роль субъекта в интерпретации информации и вовлекающая в процесс анализа личный опыт, а также чувства исследователя), идеологический анализ (подчеркивающий субъективный характер дискурсивного анализа и рассматривающий дискурс в качестве инструмента выражения классовых конфликтов, эксплуатации или властных отношений в обществе, а также индикатора интересов социума), социолингвистический (исследующий взаимосвязь между текстом и контекстом) [Dijk 1987: 113; Дейк 1989: 200].

Количественные исследования в рамках дескриптивного подхода репрезентируются посредством метода контент-анализа. Он изучает трансформации категорий качественного анализа (например, слов, предложений, стилистических фигур) на протяжении времени. Дескриптивный подход также исследует взаимосвязь между категориями качественного анализа и другими дискурсивными элементами посредством количественных методов, что упрощает обработку больших текстовых объемов [Мальцева, Бабаян 2024]. Б. Берельсон определяет дескриптивный подход как методику исследования, представляющую объективное, систематическое и количественное описание содержания коммуникации, например, использование определенного слова в письменном дискурсе [Berelson 1952: 18]. При этом для выявления скрытого содержания дискурса применяется методика кодирования, позволяющая разделить слова на категории и провести их классификацию. В контент-анализе

используются различные методики кодирования в зависимости от целей исследования. Область применения контент-анализа включает изучение сообщений СМИ, газетных заголовков, публичных выступлений политиков, интернет-контента и связывает дискурсивный анализ с наукой о коммуникации [Леонтович 2011; Семенова, Корсуновская 2010].

В результате рассмотрения различных подходов к интерпретации дискурса можно сделать вывод о том, что все подходы к анализу дискурса исходят из того, что социальные события, процессы и трансформации напрямую связаны с языком. Выбор теории дискурса Лакло-Муфф, критического дискурс-анализа, дискурсивной психологии, культурологического, а также дескриптивного подходов в качестве стратегии проведения анализа обусловлен необходимостью обращения к присущим им теориям и методам. Имплементация базовых принципов данных подходов способствует наиболее эффективному исследованию тех или иных аспектов функционирования языковых категорий в дискурсе. Таким образом, указанные подходы составляют целостный теоретико-методологический комплекс, объединяющий философские предпосылки становления категорий в социальных структурах мира, образование понятийных категориальных общностей, а также их дальнейшую лингвистическую реализацию в рамках дискурса. Одновременно с этим, каждый подход по-своему трактует содержательную часть дискурсивного пространства. Таким образом, выбор способа исследования дискурса зависит от целей исследования, природы изучаемого материала, научных интересов ученого, а также языковых, культурных, исторических и социальных особенностей исследовательского контекста. Тем не менее, вышеперечисленные подходы не не содержат универсальной методики исследования репрезентации языковых категорий. Данное обстоятельство вызывает необходимость разработки нового комплексного подхода к дискурсивному анализу с помощью комбинирования теоретических постулатов и методов различных дискурс-аналитических подходов в соответствии с принципами дискурс-анализа. В качестве такого интегрального подхода, объединяющего все существующие подходы к

дискурсивному анализу и отвечающего сути и природе дискурса, на наш взгляд, выступает лингвосинергетический подход.

2.2. Теоретические основы лингвосинергетического подхода в дискурсивных исследованиях

В условиях изменяющихся научных парадигм, а также развития новых методологических инструментов, позволяющих раскрыть особенности функционирования языка, общепринятые подходы к анализу языковой структуры теряют универсальность. Рассмотрение функционирования языковых единиц в дискурсивном пространстве требует переосмысления существующих подходов и изучения потенциала современных парадигм. В качестве одного из таких современных подходов выступает лингвосинергетический подход к анализу дискурса [Храмченко 2014]. В рамках лингвосинергетического подхода на базе основополагающих принципов синергетики и лингвистической синергетики производится синтез существующих теоретических основ дискурсивного анализа. Практическое применение лингвосинергетического подхода к анализу дискурса требует представления краткой характеристики упомянутых выше научных направлений, описания функционирования дискурсивного пространства сквозь призму лингвосинергетики, а также обоснования специфики комбинирования теоретических основ существовавших ранее подходов к анализу дискурса в рамках лингвосинергетического подхода.

Говоря о синергетике как о направлении научных исследований, ученые как правило отмечают его современность и формирующийся характер. Данное понятие было впервые использовано в 1969 году профессором теоретической физики университета Штутгарта Г. Хакеном для обозначения современного научного направления [Хакен 1980]. Термин «синергия» (от греческого συνεργία – кооперация, совместное деятельность, взаимодействие) предполагает «объединение энергий», так как развитие любой системы происходит в ходе взаимодополнения и взаимопроникновения входящих в нее элементов вне зависимости от доли участия данных элементов в общем функционировании

системы. Основная идея синергетики состоит в возможности спонтанного возникновения порядка и организации из беспорядка в результате процессов самоорганизации внутри системы, а также обмена данными с внешней средой [Моташкова 2015]. В контексте синергетики, развитие системы осуществляется посредством чередования упорядоченных и хаотичных состояний, стимулирующих процессы адаптации и самосохранения системы, прохождение периодов обострения и, в конечном итоге, выход на следующий уровень существования. В связи с этим синергетическое направление получило название динамико-системного метода [Мышкина 1999, 2005].

Синергетика позволяет по-новому взглянуть на эволюцию открытых систем. Комплексная незамкнутая система по мере движения к аттрактору (наиболее устойчивому состоянию) на некотором этапе пребывает в состоянии относительного равновесия, определяемого параметрами порядка (функциональными факторами) [Пономаренко 2006]. Со временем динамические процессы, происходящие внутри системы, а также сигналы, поступающие из внешней среды, выводят ее из состояния равновесия и приводят к возникновению флуктуаций (хаотических колебаний). Усиление данных колебаний оказывает влияние на систему и приближает ее к точке бифуркации (моменту выбора дальнейшего пути развития). В точке ветвления каждый поступающий сигнал может стать толчком к изменению системы и ее развитию в различных направлениях. По мере сопротивления тенденциям дезорганизации, система стремится избавиться от излишков энергии либо информации за счет их диссипации (рассеивания) во внешнюю среду. Одновременно с этим осуществляется приток различных ресурсов извне, что способствует упорядочиванию системы. Итогом комплексного нелинейного взаимодополнения и взаимопроникновения всех входящих в нее компонентов становится проявление системой спонтанных свойств. Она стремится избрать дальнейший путь развития и переходит на новый уровень организации функционирования, в рамках которого определенным образом преобразуются

параметры порядка, а приведенный механизм развития запускается снова. В противном случае система будет разрушена [Пономаренко 2007].

Синергетический анализ позволяет раскрыть механизмы самоорганизации, а также выявить параметры порядка, которые обеспечивают самосохранение системы и регулируют процессы взаимодополнения и взаимопроникновения ее элементов [Князева, Курдюмов 2002]. Таким образом, процедура синергетического анализа предполагает обращение к трем основополагающим принципам синергетики: взаимодополнению, взаимопроникновению и самоорганизации.

Ввиду растущего интереса к исследованию синергии языковой системы, в рамках синергетики выделяется направление, получившее название «лингвистическая синергетика». Лингвосинергетика – это наука, изучающая скрытые от непосредственного наблюдения объекты и процессы языковой системы [Лесников 2023: 470]. К характерным особенностям лингвосинергетики относятся акцентирование внимания на идеях систематизации и их имплементация в процессе моделирования мыслительной деятельности и порождения речи [Пиотровский 1996, 2006, Харьковская 2019].

Лингвосинергетический подход реализуется в соответствии с принципами функционально-коммуникативной теории языка, согласно которой язык выступает в роли коммуникативной системы. Лингвосинергетика рассматривает язык в качестве самоорганизующейся системы, связанной с сознанием участников коммуникации и общей языковой системой [Герман 2000: 65]. Рассматриваемые системы находятся в непрерывном взаимодействии, в процессе которого излишки данных отторгаются семантической системой языка и рассеиваются во внешнюю среду. Приток ресурсов осуществляется извне, что заполняет пробелы в смысловой языковой системе. Взаимодействие указанных систем приводит к функциональным колебаниям и отклонениям от равновесного положения смыслового поля [Храмченко 2009: 170]. Результатом данного взаимодействия становится стремление системы языка к наиболее

благоприятному режиму функционирования – достижению коммуникативной цели [Леонтович 2011].

Принципы лингвосинергетического подхода применимы к изучению различных систем, включая категориальную систему языка. Для настоящего исследования особый научный интерес представляет анализ процессов самоорганизации категориальной системы в пространстве дискурса. В этой связи в настоящее время активно развивается направление, связанное с анализом дискурса сквозь призму лингвосинергетики [Харьковская 2019: 141].

Сама этимология слова «дискурс» уже включает значения многозначности, неопределенности, развертывания (см. 2.1.1.). Согласно теории В. Г. Борботько, отражающей основополагающие идеи синергетики в дискурсивном пространстве «на общей линейной основе, соответствующей линейности речевого канала, создается расходящийся дискурсивный узел. При многократном расщеплении фазовой траектории каждый полученный сегмент является фазой в составе крупного сегмента (синтагмы), что в итоге дает фрактальную структуру дискурса, состоящую из вложений одних сегментов в другие. Дискурсия действует нелинейно, создавая расщепления – смысловые узлы» [Борботько 2011:231]. Таким образом, структура дискурса оказывается склонной к синергии и смыслообразованию. В дискурсивном пространстве осуществляется постоянный процесс, в ходе которого, в результате взаимодополнения и взаимопроникновения лингвистического (словоформы, предложения) и экстралингвистического (ситуация, социальные, прагматические, социокультурные, психологические факторы) компонентов, возникают смысловые единицы, формирующие более сложные единства, способствующие объективации содержания сознания человека [Алимурадов 2006: 4; Горбунов 2013].

Нелинейность структуры дискурса вызывает необходимость изучения роли так называемых «хаотических» элементов. Данное понятие носит условный характер в дискурсе и связано с включением в систему дискурса элементов, идущих вразрез с общими тенденциями либо начальными условиями эволюции

системы [Князева, Курдюмов 2002]. Лингвосинергетический подход предполагает рассмотрение хаоса в качестве слабоструктурированного состояния системы в ситуации, когда случайные изменения в функционировании ее элементов не только дезорганизуют, но и обладают конструктивным характером – благодаря хаотическому элементу в дискурсивной системе возникают новые тенденции. Таким образом, хаотизация может рассматриваться как необходимый механизм эволюции семантической системы дискурса. Нарушая плавность движения дискурсивной системы к аттрактору, хаотические элементы приводят к функциональным изменениям в ее структурно-смысловом развитии, повышая динамику функционирования дискурса и расширяя возможные пути эволюции дискурсивного пространства. В результате взаимодополнения и взаимопроникновения порождающих факторов дискурсивной системы происходит консолидация их «энергий», итогом которой является онтологическая и функциональная самоорганизация дискурсивного пространства, а также смысловая дифференциация его единиц [Алефиренко 2002, 2005].

Очевидно, что в дискурсе действуют некие параметры порядка, которые регламентируют и регулируют его системные свойства и целостность, что позволяет коммуникантам понимать друг друга. Вследствие этого, в рамках дискурса одно из основополагающих положений синергетики о решающем значении параметров порядка для самосохранения системы должно раскрываться посредством анализа стабилизирующих, устойчивых характеристик, направляющих дискурсивные элементы в процессе самоорганизации.

Структура дискурса представляет собой двустороннее образование, обладающее планом выражения и планом содержания [Сусов 1988: 8]. Под планом содержания понимается смысловая структура дискурса, включающая реляционный (характеризующий факт, как признаковые взаимодействия между объектами), референциальный (соотносящий аргументы пропозиции с объектами) и предикационный (упорядочивающий сущностные признаки

семантического субъекта) аспекты [Алефиренко 2011]. В свою очередь, план выражения дискурса представляет последовательность минимальных языковых единиц, с четко определенными характеристиками (временем, местом и целью формирования). В качестве таких единиц А. А. Кибрик предлагает рассматривать клаузы, к основополагающим характеристикам которых относятся тематическая структура и диалогическая функция [Кибрик 2003]. Итогом комплексных лингвосинергетических преобразований в дискурсивной системе (сокращения и трансформации плана выражения, а также образной конденсации плана содержания) формируются знаки производной номинации, отражающие свернутые модели дискурсивной деятельности субъектов коммуникации и актуализирующиеся при помощи различных языковых категорий [Мышкина 2011: 94].

Центральная роль в дискурсе принадлежит субъекту коммуникации, создающему дискурс и воздействующему на адресата, а в качестве базовых структурных элементов дискурсивной системы выступают участники, события, перформативные сведения, а также не-события – информация, необходимая для соотнесения дискурса и события (например, фоновая информация, оценка данных субъектом) [Демьянков 1983: 203]. Таким образом, дискурс формируется, интерпретируется и воспринимается субъектом и адресатом, вне учета которых возможно говорить только о «теле дискурса», представляющем определенную последовательность единиц дискурса. «Тело дискурса», без учета основополагающих речевых субъектов, репрезентирует только структурные особенности дискурса, не отражая образ действительности. Следовательно, основополагающим условием проведения лингвосинергетического анализа дискурса является рассмотрение дискурсивного контекста, учитывающего роль субъектов коммуникации, а также психологические, социокультурные, политические и прагматические особенности дискурсивного пространства, формирующие знаки образной номинации. Релевантность контекста для адекватного понимания смыслов регулируется и определяется социальной, политической, идеологической практикой, в то время как выявление значимых

аспектов контекста при интерпретации дискурса рассматривается в связи с дискурсивной компетентностью субъекта [Чернявская 2017: 83; Чернявская Нефедов 2020: 85]. Дискурс концентрируется вокруг опорного концепта (дискурсивного узла), образует конкретный речемыслительный контекст, включающий различные сведения (например, о субъекте, объекте, времени, месте, обстоятельствах) и репрезентирует образ мира, который может являться реальным либо вымышленным, выступая в качестве одного из потенциальных миров дискурсивного пространства [Алефиренко 2011: 30].

Универсальный характер лингвосинергетического подхода к исследованию дискурса проявляется в возможности комбинирования сильных сторон существующих подходов в специфических проекциях дискурс-анализа. В частности, в рамках указанного подхода используется идея теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф относительно главенствующей роли дискурсов в формировании значений и смыслов. С позиции лингвосинергетики дискурсивное пространство не является замкнутым и завершенным: оно постоянно изменяется в процессе функционирования. Элементы, составляющие дискурсивную структуру, оказываются вовлечены в постоянную борьбу за превосходство, в попытке систематизировать, упорядочить и зафиксировать те или иные репрезентируемые смыслы. Тем самым в рамках лингвосинергетического подхода дискурс представляет собой самоорганизующуюся систему дискурсивных смыслов и формируется с помощью их речевой репрезентации. Функциональный потенциал элементов системы дискурса активизируется по мере их движения к аттрактору, представляющему собой коммуникативную цель / намерение автора [Пономаренко 2013, 2015]. Данная трактовка дискурса находится в соответствии с обязательными признаками лингвосинергетики – системностью, саморегулированием, динамичностью, направленностью к аттрактору, комплексностью и когерентностью взаимодополнения и взаимопроникновения элементов. Помимо этого, приведенное выше определение позволяет избежать

амбивалентности в контексте самоорганизации, поскольку четко идентифицирует функционально-смысловой аспект саморегулирования.

Несомненно, что самоорганизация / саморегулирование смыслов также представляет собой лингвосинергетический нелинейный процесс, не подчиняющийся определенному алгоритму и происходящий в ходе постоянного взаимодействия и усиления прагма-семантической нагрузки всех элементов дискурса [Пономаренко 2022]. По мнению Л. В. Щербы, язык подчиняется правилам смыслосложения – объединение смыслов представляют не их сумму, а новые смыслы [Щерба 1974: 24]. В противном случае, язык лишился бы ряда важнейших составляющих, таких как импликация, образные средства выражения, прецедентность и так далее, а область семантики и прагматики языка была бы значительно беднее. Немаловажно, что идея лингвосинергетического процесса самоорганизации и саморегулирования дискурсивных смыслов на основе смыслосложения была заимствована из критического дискурс-анализа, в рамках которого исследованию подлежит комбинирование элементов различных дискурсов в новые интердискурсивные сочетания, выступающие индикаторами дискурсивных и социокультурных изменений. Лингвосинергетический подход следует базовому для критического анализа принципу отслеживания изменений, позволяющему проанализировать отношения и взаимосвязь между различными элементами дискурсивной структуры.

Лингвосинергетический подход к дискурсивному анализу также включает ряд основополагающих постулатов дискурсивной психологии. Взаимосвязь данных подходов проявляется в их внимании к использованию языка в социальном взаимодействии. Как и в случае дискурсивной психологии одной из задач исследователя в рамках лингвосинергетического подхода является изучение использования коммуникантами дискурсивного пространства в создании и отражении своих взглядов и представлений о мире, а также репрезентации их идентичности. В контексте лингвосинергетики внешняя дискурсивная среда тесно связана с речетворчеством и постоянно дополняет систему смыслов новыми элементами, что связано с различиями в

концептуальных системах коммуникантов [Слышкин 2022]. Каждый из них имеет собственный жизненный и коммуникативный опыт, обладает различным уровнем эрудиции, понимания определенной коммуникативной ситуации, способностью выражать мысли, чувства и настроения [Пономаренко 2013]. В этой связи один и тот же текст может представлять различные дискурсы для нескольких участников коммуникации, а одной из задач лингвосинергетического дискурсивного анализа, как и в случае дискурсивной психологии, является определение роли процессов социального взаимодействия в изменении пространства дискурса.

Несомненно, дискурс характеризуется рядом факторов, определяющих его системность и целостность, что позволяет коммуникантам понимать друг друга. Одним из таких факторов является умение использовать язык в определенном социальном контексте. Данная проблематика затрагивает культурные и исторические особенности дискурсивного пространства, в рамках которого осуществляется взаимодействие между коммуникантами. Значимость учета культурного аспекта в дискурсе в рамках лингвосинергетического подхода свидетельствует о его близости с культурологическим подходом, анализирующим влияние культуры на дискурс в микро- (коммуникативная ситуация) и макроконтексте (историческом, социальном, политическом и т.д.). Использование автором дискурса соответствующих контексту языковых единиц запускает процессы функциональной самоорганизации, поскольку восприятие речи адресатом осуществляется не как последовательное объединение возникающих смысловых компонентов, а в ходе их интеграции в цельное функциональное дискурсивное пространство [Храмченко 2009]. Вследствие этого, применительно к дискурсу ключевое положение лингвосинергетического подхода о решающем значении порядка для самосохранения системы репрезентируется посредством анализа постоянных характеристик дискурса, направляющих его элементы в ходе процесса самоорганизации.

Наряду с культурной и контекстуальной спецификой дискурса, в русле лингвосинергетического подхода в качестве регулирующих параметров,

сохраняющих целостность дискурсивной системы, выступают функциональные отношения, которые, вслед за Т. А. ван Дейком, понимаются как особая функция высказываний применительно друг к другу, базирующаяся на семантических связях между пропозициями, а также на взаимодействии фактов и их свойств. Подобное взаимодействие компонентов дискурса становится возможным в случае смысловой совместимости элементов каждого из высказываний в конкретной коммуникативной ситуации [Dijk 1981: 270].

Важно подчеркнуть, что большинство существующих подходов не обеспечивают единственно возможную интерпретацию дискурсивного пространства, представляя лишь одну из возможных вариаций анализа. Данное обстоятельство служит иллюстрацией релятивизма дискурс-анализа. Значимость ухода от субъективизма в ходе проведения лингвосинергетического анализа сближает данный подход с дескриптивным подходом к дискурс-анализу. Исследователь стремится описать и объяснить функционирование дискурса, избегая собственной оценки с целью достижения и сохранения научной объективности, формальности, а также структурированности исследования. Подобный подход способствует достижению принципов надежности и валидности исследования. Как и дескриптивный подход, лингвосинергетический подход также предполагает разработку критериев определения валидности анализа.

Таким образом, лингвосинергетический подход к дискурсивному анализу является целостным подходом к изучению дискурсивной структуры. Универсальность лингвосинергетического подхода обусловлена: (1) опорой на синергетические принципы взаимопроникновения, взаимодополнения и самоорганизации, а также базовые антиномии системы языка и системы речи; (2) исследованием скрытых от наблюдения процессов моделирования речемыслительной деятельности; (3) рассмотрением дискурса как системы, склонной к синергии и смыслообразованию, объединяющей лингвистический и экстралингвистический компонент; (4) определением центральной роли субъекта коммуникации в формировании и функционировании дискурса;

(5) синтезом теоретических основ теории дискурса Лакло-Муфф, критического дискурс-анализа, дискурсивной психологии, культурологического, дескриптивного подходов.

В целом, лингвосинергетический подход к анализу дискурса способствует изучению механизмов функциональной, прагмасемантической эволюции дискурсивной системы, а также позволяет понять, при помощи каких языковых элементов дискурс порождает и актуализирует нелинейные лингвосинергетические смысловые компоненты. Указанный подход также предполагает рассмотрение трансформаций, возникающих в содержательно-смысловой и композиционно-речевой системах организации дискурса в ходе их стремления к достижению коммуникативной цели, с учетом психологических, социальных, политических, национально-культурных, прагматических особенностей. Реализация лингвосинергетического подхода к дискурс-анализу становится возможной благодаря обращению к основополагающим принципам синергетики – взаимодополнению, взаимопроникновению и самоорганизации. Однако, стоит заметить, что наиболее востребованными в рамках исследования дискурса являются принципы взаимодополнения и взаимопроникновения, поскольку именно обращение к ним позволяет приобретать новое знание о смыслообразовании и организации, а также выявить принципы формирования дискурса. Применяя идеи синергетики о нелинейности к системе дискурса и исследуя непроизвольность в возникновении речи, лингвосинергетический подход дает возможность определить влияние коммуникативной среды на семантическое содержание речевых произведений. И если общепринятые лингвистические подходы к анализу языковой структуры в значительной мере теряют свою эвристичность, то идеи синергетики о нелинейности могут быть успешно экстраполированы на дискурсивную систему. При этом задача лингвиста заключается в том, чтобы сформулировать и имплементировать метод анализа, способствующий достижению надежности и валидности исследования.

Рост интереса к рассмотрению особенностей функционирования дискурса с позиции лингвосинергетики обусловливает обращение исследователей к

различным типам дискурса. В рамках настоящего исследования будет рассмотрено функционирование модусной категории эвиденциальность в массмедийном дискурсе. Описание методики лингвосинергетического анализа эвиденциальности в медиапространстве требует общих замечаний касательно сущности массмедийного дискурса как предметной области анализа, а также значимости обращения к лингвосинергетической методике в ходе рассмотрения пространства медиадискурса.

2.3. Массмедийный дискурс как объект лингвосинергетического анализа

Популяризация и существенная трансформация средств массовой информации привели к становлению отдельного направления научной мысли – медиалингвистики, связанного с исследованием функциональных особенностей языка в сфере массмедиа [Добросклонская 2008]. Основным объектом изучения медиалингвистики является массмедийный дискурс [Абрамова 2014]. Возникновение массмедийного дискурса обусловлено тенденциями глобализации, интернационализации и цифровизации, а также развитием современных телекоммуникационных технологий в мировом сообществе [Слышкин 2022].

Необходимо отметить, что исследователи не выработали единой позиции относительно терминологического аппарата массмедийного дискурса. В этой связи с этим в научной литературе встречаются различные альтернативные обозначения данного понятия, такие как: массмедиальный дискурс [Желтухина 2003], массово-информационный дискурс [Карасик 2000], медийный дискурс [Кибрик 2009], медиадискурс [Кожемякин 2010], дискурс массмедиа [Кузьмин и др. 2021; Сычова 2011].

В общих чертах массмедийный дискурс представляет собой совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации [Добросклонская 2006]. Данный тип дискурса фиксирует важнейшие когнитивные и коммуникативные характеристики речемыслительной

деятельности, проявляющиеся в информационном поле массмедиа [Кожемякин, Переверзев 2008].

Медиадискурс образует связное информационное поле средств массовой информации, формирующее и распространяющее влияние на различные социальные группы. Специфика медиадискурса определяется (1) когнитивными установками адресанта (идеологической направленностью, идеей текста); (2) характеристиками адресата (целевой аудитории, на которую направлен данный текст); (3) различными лингвистическими и экстралингвистическими стратегиями (стратегиями представления информации, содержащимися в тексте) [Темникова 2016].

Медиадискурс относится к институциональному типу дискурса в силу того, что его участники представляют определенную сферу массмедиа, то есть определенный институт. Коммуникативная направленность массмедийного дискурса заключается в непосредственном воздействии на сознание общества, социальную практику, а также приведение их в соответствие с разрабатываемой обществом духовно-нравственной формулой социального блага. Медиадискурс призван имплементировать актуальную социальную практику, а также творческую динамику социальной мысли, репрезентирующую особенности когнитивного и коммуникативного опыта человека, его волю и характер притязаний, в тексты культуры [Грибовод 2013: 118].

Единицей измерения массмедийного дискурса является медиатекст, представляющий собой сложное явление, объединяющее различные семиотические коды (вербальные, медийные, невербальные) и характеризующееся открытостью на знаковом, композиционно-структурном и содержательно-смысловом уровнях [Казак 2012]. Ключевую роль в медиатексте играет автор, присутствующий на всех этапах создания текста. Автор не только является продуцентом текста, но и выступает в качестве значимого субъекта коммуникации, устанавливающего контакт с реципиентом и аудиторией [Овчарова 2014].

Таким образом, медиадискурс представляет собой институциональный тип дискурса, содержит срез текущего языкового и культурного состояния социума, отражает его языковые и культурные особенности, включает в себя отправителя и получателя сведений, канал сообщения, обратную связь, а также коммуникативную ситуацию / контекст. Медиадискурс ориентирован на оказание влияния на целевую аудиторию посредством информирования и интерпретации тех или иных фрагментов знаний. Единицей измерения дискурса является медиатекст, обладающей своей спецификой и прагматическими установками.

Понятие «массмедийный дискурс» относится к проблемному полю массовой коммуникации в силу своей многомерности, а также ряда других факторов таких как специфика взаимодействия его участников, тематический охват, а также функциональный потенциал [Акбаева 2023]. В частности, для массмедийного дискурса характерна монологическая, отсроченная во времени и пространстве форма коммуникации, что обусловлено отсутствием непосредственного контакта участников дискурса. Кроме того, уникальность коммуникантов, а также ориентированность медиадискурса на массового адресата – реципиентов, принадлежащих к разным возрастным, гендерным, социальным, а также этническим группам, требуют от автора дискурса высокого уровня профессионализма, способностей анализировать и прогнозировать вкусы, идеалы, потребности и ценности адресата [Солганик 2001]. Важнейшую роль в массмедийном дискурсе играет взаимодействие адресант – адресат. Тесная взаимосвязь обозначенных элементов коммуникативной цепи обусловливает ее планомерную работу, а также достижение необходимых целей [Акбаева 2023].

Особое роль при изучении массмедийного дискурса отводится его тематическому устройству – набору тем, регулярно освещаемых в средствах массовой информации. Несомненно, тематическая организация дискурса массмедиа обусловливает и объясняет разнообразие медиатекстов в соответствии с перечнем обсуждаемых в массмедийном пространстве проблем.

[Современный медиатекст 2011]. Наряду с этим, широкая и разнообразная тематическая направленность медиадискурса связана с необходимостью обеспечения высокого уровня осведомленности целевой аудитории в вопросах, описываемых массмедийными текстами, с целью формирования общественного мнения [Казак 2012; Руженцева, Кошкарова 2021].

Функциональный потенциал массмедийного дискурса также является предметом научных споров ввиду «диффузности», «размытости» и «гибридизации» различных его типов [Добросклонская 2008; Цвик 2000; Шибаева 2000; Шкловский 1970]. Несмотря на это, традиционно выделяются следующие функции: (1) информативная (связанная с передачей актуальной и значимой информации); (2) регулятивная / суггестивная / воздействующая (предполагающая осуществление контроля и манипуляцию сознанием социума); (3) рекламная (обусловленная значимостью накопления знаний и формирования системы ценностей, а также необходимостью создания особого настроения у адресата) [Дубских 2014; Сажина 2021].

Многосторонность массмедийного дискурса и сложность его изучения требуют выхода за рамки чисто лингвистических методов исследования и обусловливают привлечение ряда других наук, таких как когнитология, лингвокультурология, социолингвистика и других [Молодыченко, Чернявская 2022: 103]. В последние годы активно развивается направление, связанное с анализом массмедийного дискурса в русле лингвистической синергетики.

Выбор данного направления исследования обусловлен междисциплинарностью лингвосинергетики, находящейся на стыке компьютерных- и нейронаук, психолингвистики, когнитивной лингвистики, а также смежных научных направлений таких как социология, психология, философия. Возможность обращения к методам исследования, характерным для различных научных направлений способствует достижению оптимальных результатов при изучении массмедийного дискурса. Основная задача лингвосинергетики состоит в выявлении и описании внутренней динамической структуры медиадискурса, объяснении механизмов происходящих

трансформаций его пространства, в том числе в точках бифуркации (ветвления), а также в ситуациях реорганизации и реструктуризации [Малахова 2021]. В частности, лингвосинергетика позволяет определить параметры, способствующие формированию пространственных и временных характеристик в системе дискурса массмедиа, а также выявить принципы успешной коммуникации его участников и способы воздействия автора дискурса на общественное мнение. Лингвосинергетика также способствует изучению условий и процессов активизации тех или иных характеристик дискурса в зависимости от его тематической направленности и интенциональности. Она дает возможность изучения функциональных особенностей медиадискурса за счет рассмотрения его пространства как системы, создающей смысл и взаимосвязь формы и значения. Помимо этого, лингвосинергетика позволяет объединить структурную (системную) информацию, отраженную в медиадискурсе с экстралингвистическими факторами в интегрированное описание.

Еще одной характерной особенностью лингвистической синергетики является ее взаимосвязь с прагматикой. Данное обстоятельство способствует интерпретации смысла в зависимости от типа медиадискурса. Иначе говоря, лингвосинергетика позволяет проанализировать, каким образом тот или иной смысл, представляющий прагма-семантическое целое, создается при помощи языковыми средствами в определенном дискурсивном контексте, а также какие вспомогательные факторы оказывают воздействие на этот процесс [Малахова 2021].

Наконец, лингвосинергетика позволяет выявить механизмы смыслообразования в пространстве медиадискурса за счет рассмотрения специфики взаимосвязи его элементов. Синергизм проявляется в способности системы дискурса упорядочивать элементы таким образом, что их общий эффект превышает линейное сложение компонентов. Подобная нелинейность также характерна для речи, так как общий смысл текста как правило не равен сумме семантики его единиц [Абдуллаева 2021].

Таким образом, лингвосинергетика отвечает особенностям медиадискурса и способствует его полномасштабному изучению за счет возможности проведения детального анализа его структуры, элементов, специфики взаимодействия коммуникантов, а также исследования интенциональной, прагматической, тематической и функциональной направленности. Применение основополагающих принципов лингвистической синергетики к рассмотрению функционирования категории «эвиденциальность» в пространстве медиадискурса позволит разработать и описать методику исследования данной категории.

2.4. Лингвосинергетический подход к анализу репрезентации эвиденциальности в массмедийном дискурсе

Теоретические основы лингвосинергетического подхода невозможно использовать в отрыве от методологической базы, а также объекта исследования. Лингвосинергетический подход к дискурсивному анализу представляет собой теоретическое и методологическое единство и предполагает выход на новый исследовательский ракурс, а именно разработку методики, обеспечивающей комплексное изучение смыслового наполнения дискурсивного медиапространства – лингвосинергетического анализа.

В основе лингвосинергетического анализа лежит используемый в большинстве современных экспериментальных наук метод гипотез и моделей. Данный метод подразумевает последовательное осуществление определенного набора действий. Важным условием проведения лингвосинергетического анализа является идентификация дискурсивных элементов, которые с большей степенью вероятности будут подвергаться воздействию внутренних механизмов самоорганизации и саморазвития системы. Лингвисту также следует четко сформулировать выдвигаемую гипотезу, не исключая при этом возможность существования альтернативных вариантов. Данная гипотеза впоследствии должна быть подвергнута доказательно-экспериментальной проверке в ходе построения и описания лингвосинергетической модели исследования.

Лингвосинергетический анализ учитывает антиномии языка и речи, совместно с разграничением синергетики языковых парадигм и дискурсивной синергетики [Пиотровский 1996, 2006].

Немаловажно, что в контексте лингвосинергетического анализа выбор исследователем применяемых методов и приемов определяется спецификой исследуемой проблемы. В русле настоящего исследования особый интерес представляет изучение актуализации модусной категории «эвиденциальность» в массмедийном дискурсе. По аналогии с моделью «Смысл-текст», описанной в работе И. А. Мельчука [Мельчук 2012], мы можем представить формулу лингвосинергетического анализа модусной категории «эвиденциальность» в медиапространстве: $X + Y = Z$, где X – специфика функционирования эвиденциальности, Y – основополагающие принципы лингвосинергетического подхода, а Z – методика лингвосинергетического анализа эвиденциальности. Тем самым лингвосинергетический анализ является результатом имплементации основополагающих принципов лингвосинергетического подхода к функционированию модусной категории «эвиденциальность» в дискурсивном пространстве массмедиа.

Процедура лингвосинергетического анализа категории «эвиденциальность» предполагает исследование актуализации эвиденциальной семантики в дискурсивном пространстве массмедиа с учетом основополагающих принципов синергетики: взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации. Указанные принципы реализуются следующим образом: взаимодополнение актуализируется посредством описания взаимодействия эвиденциальных операторов в дискурсивном пространстве массмедиа; взаимопроникновение обнаруживается в ходе исследования функционирования эвиденциальности в системе других модусных категорий, при этом к важнейшим характеристикам данной системы относятся открытость, нелинейность и динамичность, что способствует приобретению эвиденциальностью добавочных смыслов в зависимости от контекстуальных особенностей рассматриваемого дискурса; самоорганизация раскрывается в контексте рассмотрения

эвиденциальности как коммуникативной системы, объединяющей автора / субъект коммуникации, эвиденциальные маркеры, передаваемые сведения, дискурсивный контекст и адресата ЭВ (под ЭВ мы понимаем дискурсивную единицу, маркирующую источник информации, а также выражающую отношение субъекта коммуникации к передаваемым сведениям). Немаловажно, что перечисленные структурные элементы вступают во взаимодействие, упорядочиваются и распределяются в пространстве эвиденциальной системы по мере ее движения к относительно устойчивому состоянию, определяемому коммуникативными целями и намерениями автора.

В качестве гипотезы настоящего исследования выступает предположение о том, что в дискурсивном пространстве массмедиа осуществляется синергетическое сцепление эвиденциальности и других модусных категорий, результатом которого является не сумма значений, актуализируемых посредством данных категорий, а «коллективный синергетический эффект», базирующийся на взаимодополнении, взаимопроникновении их значений и отражающий принципы самоорганизации системы дискурса. При этом лингвистические эвиденциальные показатели вступают во взаимодействие, обладают синергетическим сцеплением и репрезентируют различные модусные смыслы в зависимости от рассматриваемого типа дискурса.

Интегральный характер лингвосинергетического подхода к дискурсивному анализу позволяет включить ряд методов и приемов, присущих рассмотренным ранее дискурс-аналитическим процедурам, в методологию лингвосинергетического анализа модусной категории «эвиденциальность» в дискурсивном пространстве массмедиа. В частности, по аналогии с методом, применяемым в теории дискурса Лакло-Муфф, лингвосинергетический анализ предполагает методику идентификации узловых точек развертывания ЭДК, к числу которых можно отнести точку обозначения сведений о субъекте коммуникации, а также точку актуализации оператора в ЭВ. Кроме того, в рамках такого анализа возможно проследить взаимодействие узловых точек с

промежуточной областью развертывания ЭДК, включающей все его пространство за исключением точек развертывания ЭВ.

Наряду с этим, в ходе лингвосинергетического анализа эвиденциальности применяется методика исследования дискурсивных контекстов с учетом типологических, жанровых лексических, грамматических и синтаксических характеристик массмедийного дискурса, особенностей квалификации и интерпретации передаваемых сведений автором / субъектом коммуникации, а также восприятия и оценки сообщений адресатом / читателем. Данный метод также предполагает выведение модели ЭВ, синергетической эвиденциальной модели, а также разработку алгоритма интерпретации результатов анализа. Лингвосинергетический анализ является адаптированной версией трехмерной модели критического дискурс-анализа, предложенной Н. Фэркло, позволяющей исследовать функционирование эвиденциальности в дискурсивном пространстве информационного, рекламного и политического дискурса массмедиа.

Лингвосинергетический анализ категории «эвиденциальность» включает ряд методов, характерных для дискурсивной психологии, акцентируя внимание исследователя на сложной совокупности полимодальных смыслов, присущих ЭВ и актуализируемых в процессе социальной интеракции субъектов дискурса в определенном дискурсивном контексте. Данный метод требует выведения синергетической модели сцепления эвиденциальности с модусными категориями «авторизация», «персональность», «темпоральность», «аппроксимация», «восприятие», «отрицание», «персуазивность», «модальность», «оценочность», «экспрессивность», «эмотивность», что позволяет описать возможные модели и типы сцепления данных категорий в дискурсивном пространстве массмедиа. Подобный ракурс исследования также способствует пониманию механизмов передачи, получения и восприятия сообщений коммуникантами.

По аналогии с методикой, применяемой в дискурсивной психологии, лингвосинергетический анализ раскрывает специфику идентификации и

рефлексивности личности автора ЭДК, обнаруживая значимость эвиденциальности как коммуникативной категории, обеспечивающей выполнение коммуникативных задач, стоящих перед автором сообщения. Зачастую данные задачи оказываются связанными с необходимостью интерпретации, оценки передаваемых фактов, а также убеждения адресата в истинности сообщаемых автором данных. Из вышесказанного следует, что в дискурсивном пространстве массмедиа в самом характере передачи фактического содержания заложен механизм субъективного отбора и компоновки репрезентируемых сведений, не исключающий вероятности их случайного / целенаправленного искажения. Очевидно, что поскольку подход к отбору, структурированию и преобразованию информации является пристрастным, аргументация и обоснование авторской оценки сведений, а также выбор способа указания на их источник обретают идеологически направленный характер и зависят от авторской установки [Рогожникова 2023]. Описанная методика предполагает проведение классификации видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации, а также в зависимости от коммуникативной стратегии в различных типах массмедийного дискурса.

Близость лингвосинергетического анализа с методикой культурологического подхода к анализу дискурса наблюдается в относительной научной свободе исследователя в формировании целей, задач и методов исследования. Данное обстоятельство реализуется в обращении к основополагающим принципам лингвосинергетики, позволяющим исследовать сложное и синергетичное по своей природе устройство дискурса. Гибкость и универсальность лингвосинергетического подхода способствует выявлению и описанию всевозможных наслоений в структуре дискурсивного пространства массмедиа. В частности, применяемый метод делает возможным проведение лингвосинергетического моделирования модусной категории «эвиденциальность» в различных типах медиадискурса. Итогом моделирования является изменение интенциональной направленности исходного ЭДК. При этом

задача исследователя состоит в объяснении, интерпретации и оценке полученного ЭДК.

Наконец, как и в случае дескриптивного подхода, в рамках лингвосинергетического анализа применяются методы количественного и качественного анализа типов эвиденциальности, синергетических моделей сцепления, полимодальных эвиденциальных смыслов, а также групп эвиденциальных операторов в дискурсивном пространстве массмедиа. Несмотря на преобладающую роль личности исследователя, интерпретирующего и квалифицирующего полученные данные с учетом поставленных задач и применяемых методов, достоверность и объективность анализа достигается за счет всестороннего рассмотрения функционирования эвиденциальности в дискурсе, предполагающего использование сразу нескольких методик, проведение сравнительного анализа сведений, а также способствующего их взаимопроверяемости.

Таким образом, методика лингвосинергетического анализа модусной категории «эвиденциальность» представляет собой инструмент, предназначенный для исследования функционирования данной категории в дискурсивном медиапространстве, предполагает выдвижение гипотезы, ее доказательно-экспериментальную проверку посредством лингвосинергетического моделирования и с учетом основополагающих синергетических принципов взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации. Интегральный характер лингвосинергетического анализа дает возможность использования ряда методов, присущих теории дискурса Лакло-Муфф, критическому дискурс-анализу, дискурсивной психологии, культурологическому, а также дескриптивному подходам. При этом лингвосинергетический анализ – это не комплексная методика анализа функционирования эвиденциальности в медиадискурсе. Напротив, обращение к лингвосинергетике вызвано невозможностью полноценного изучения репрезентации эвиденциальности в массмедийном дискурсе посредством комбинирования отдельных дискурс-аналитических методов.

Лингвосинергетический ракурс исследования обусловлен модусной природой эвиденциальности, обнаруживающей склонность к синергии сложных аксиологических смыслов. Кроме того, лингвосинергетика способствует выявлению и описанию скрытых от взгляда исследователя явлений и процессов, происходящих в дискурсивном пространстве массмедиа.

Очевидно, что исследование эвиденциальности требует применения лингвосинергетической методики. С одной стороны, лингвосинергетика отвечает особенностям массмедийного дискурса, способствуя детальному изучению его (1) структуры (последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями); (2) элементов (излагаемых событий; коммуникантов; перформативной информации; обстоятельств, сопутствующих событиям; фона, поясняющего события; оценок участников событий; информации, соотносящей дискурс с событиями); (3) интенциональной, прагматической, тематической и функциональной направленности. С другой стороны, интегральный характер лингвосинергетики позволяет установить особенности процесса смыслообразования в пространстве медиадискурса. Применение принципов и методов лингвосинергетики к рассмотрению функционирования эвиденциальности в массмедийном дискурсе делает возможным описание структурных особенностей ЭВ / ЭДК, определение смыслового содержания категории, а также выявление ее взаимосвязи с другими категориями модуса. В этой связи представляется необходимым (1) исследование синергетической модели ЭВ; (2) построение синергетической эвиденциальной дискурсивной модели и разработка алгоритма ее интерпретации; (3) выведение синергетической модели сцепления эвиденциальности с модусными категориями «авторизация», «персональность», «темпоральность», «аппроксимация», «восприятие», «отрицание», «персуазивность», «модальность», «оценочность», «экспрессивность», «эмотивность»; (4) идентификация базовых моделей и типов сцепления эвиденциальности и других модусных категорий в дискурсивном пространстве

массмедиа; (5) обозначение узловых точек и промежуточной области развертывания ЭДК.

Последовательная реализация описанных выше шагов лингвосинергетического анализа обеспечивает возможность детального изучения специфики функционирования эвиденциальности в массмедийном дискурсе. Обращение к пространству медиадискурса позволяет (1) исследовать совокупность полимодальных смыслов, характеризующих ЭВ и реализующихся в дискурсивном пространстве массмедиа; (2) идентифицировать специфику рефлексивности личности автора ЭДК; (3) осуществить комплексный лингвистический анализ ЭДК; (4) классифицировать виды эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации и коммуникативной стратегии в информационном, рекламном и политическом дискурсе массмедиа; (5) осуществить лингвосинергетическое моделирование модусной категории эвиденциальность с учетом изменения интенциональной направленности исходного дискурсивного контекста в массмедийном пространстве.

Таким образом, к важнейшим отличительным чертам лингвосинергетического анализа модусной категории «эвиденциальность» относятся его несомненный эвристический потенциал, связанный с возможностью экстраполирования различных дискурс-аналитических методов к исследованию репрезентации модусной категории эвиденциальность в медиапространстве, а также валидность получаемых результатов, обеспечиваемая целостностью и прозрачностью разработанной методики анализа. Все вышеперечисленное выделяет лингвосинергетический анализ из числа методик, присущих другим дискурс-аналитическим подходам к анализу (теория дискурса Лакло-Муфф, критический дискурс-анализ, дискурсивная психология, культурологический подход, дескриптивный подход), акцентирующим внимание исследователя на определенном ракурсе рассмотрения дискурса. Лингвосинергетический анализ позволяет «осветить» реализацию модусной категории «эвиденциальность» в дискурсивном пространстве массмедиа с различных точек зрения и таким образом вскрыть суть

протекающих в дискурсе процессов. К преимуществам предлагаемой методики дискурсивного анализа также относится идентификация форм знаний, производимых в рамках каждого из перечисленных подходов с целью обеспечения совместимости философских предпосылок, теорий и методов различных подходов и создания на их основе целостной методики анализа. Вследствие этого, лингвосинергетический анализ способствует формированию более широкого представления о смысловом поле категории «эвиденциальность», а также обнаруживает соответствие критическому исследованию, благодаря возможности построения и экспериментальной проверки различных моделей и гипотез в процессе исследования функционирования эвиденциальности в синергетичном дискурсивном пространстве.

2.5. Модель эвиденциального высказывания в дискурсе

В ракурсе лингвистической синергетики дискурс предстает как нелинейный динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, а также ее результат (текст) [Хуриатуллин 2009: 37]. Коммуникативные единицы дискурса находятся в постоянной интеракции, реализуя принципы синергетического взаимодополнения и взаимопроникновения смыслов, результатом чего является достижение «идеала всеобщей коммуникации» [Афанасьев 1980: 211]. Направление развития и самоорганизации дискурса задается точками бифуркации (ветвления) – дискурсивными единицами, определяющими дальнейшее функционирование системы и необходимыми для передачи коммуникативных намерений автора / субъекта коммуникации. Выступая в качестве критических величин «напряжения» точки бифуркации обеспечивают продвижение системы смыслов к аттрактору [Герман 2000; Пономаренко 2013; Самкова 2013: 74].

С позиций лингвосинергетики области бифуркации репрезентируются базовыми фазами речевого взаимодействия – профазой и эпифазой. Профаза (подготовительная фаза) задает тематическую, смысловую и интенциональную

направленность высказываний, составляющих дискурс, в то время как эпифаза (исполнительная фаза) способствует семантическому развертыванию обозначенной темы. Целью профазы является проектирование прошлого в настоящем, а эпифаза обращена в будущее. Кроме того, в семантическом смысле «эпифаза» конкретизирует, модифицирует или суммирует значение «профазы» [Борботько 2011: 120].

Выявление и описание нелинейной взаимосвязи профазы и эпифазы позволяет описать фрактальную, телескопическую, многоуровневую структуру дискурса и составляет основу дискурсивного анализа [Леонова, Ступина 2016]. Наряду с этим, необходимым условием анализа дискурса является воссоздание «ментального мира», в котором, по мнению автора / интерпретатора, субъект коммуникации формировал дискурс и в рамках которого отражается реальное / желаемое / нереальное положение дел. Ментальный мир репрезентирует сущность объектов, время, место и обстоятельства разворачивающихся событий, основные характеристики и деятельность их участников. Ментальный мир также включает воссоздаваемые автором / интерпретатором (с опорой на жизненный опыт) детали и оценки. Формируемые «образы мира» представляют дискурсивные структуры в виде «моделей», обладающих вымышленными либо обобщенными смыслами и характеризующихся различными семантическими планами [Демьянков 2002: 33].

С позиций лингвосинергетики рассматриваемая дискурсивная модель может быть описана как двухфазовое действие. При этом, первая фаза репрезентирует «материал» (совокупность форм, представляющих базу будущей модели), а вторая – создающий и специфицирующий ее «оператор» (синтаксическая единица, обладающая значением операции). Модель может быть построена двумя способами в зависимости от того, в какой фазе располагается оператор: в профазе или в эпифазе высказывания. Таким образом, модель может иметь вид материала в сочетании с налагаемым оператором, либо оператора, вместе с материалом, подвергающимся его воздействию. Данная

схема применима к процессам построения любых лингвистических моделей [Борботько 2011: 279–281].

По аналогии с описанием взаимостимулирующих лингвосинергетических фаз речевого воздействия в дискурсивном пространстве, любое ЭВ характеризуется профазой и эпифазой. Профаза представляет подготовительный этап ЭВ, а эпифаза – исполнительный этап, в процессе которого осуществляется детализация, модификация, либо генерализация интенционального аспекта, формируемого с помощью профазы.

Схема построения модели ЭВ может быть представлена следующим образом: профаза ЭВ содержит указание на автора / субъекта коммуникации либо его отсутствие. Кроме этого, в профазе находится оператор, относящийся к одной из групп эвиденциальных маркеров. Эпифаза включает в себя материал, актуализирующий описываемые сведения. При помощи оператора автор / субъект коммуникации оказывает воздействие на исходный материал. Таким образом, профаза и эпифаза задают направление развертывания ЭВ, распределяют, упорядочивают и систематизируют входящие в их состав элементы – точки бифуркации, а также определяют специфику взаимопроникновения и взаимодополнения формируемых в процессе их взаимодействия модусных смыслов, тем самым способствуя актуализации принципа самоорганизации пространства ЭВ. Важно подчеркнуть, что целью ЭВ является достижение аттрактора как коммуникативного намерения/цели автора / субъекта коммуникации / нарратора.

Таблица 1. Синергетическая модель ЭВ

Профаза		Эпифаза
Указание на субъект / отсутствие субъекта	Эвиденциальный оператор	Материал
He	*believes that*	*all children are born with equal intelligence.*

Представленный в Таблице 1 пример (26) иллюстрирует функционирование синергетической модели ЭВ в дискурсе.

(26) *He **believes** that all children are born with equal intelligence* [Cambridge Dictionary] */ Он **считает**, что все дети рождаются с одинаковым интеллектом.*

Эпифаза эвиденциальной клаузы *all children are born with equal intelligence / все дети рождаются с одинаковым интеллектом* результирует и наполняет смыслом профазу *he believes that / он считает, что.* Оператор выражения мнения *believe / считать* (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] */ думать, что что-то является истинным, корректным или реальным*), используемый в профазе высказывания, придает репрезентируемым сведениям косвенный интерсубъективный характер размышления, указывая на внутренний источник получения информации. Субъект коммуникации, актуализируемый при помощи местоимения *he / он,* выражает свою точку зрения, опираясь на знания и опыт.

Таким образом, исследование функционирования модусной категории «эвиденциальность» с позиции лингвосинергетики позволяет определить специфику формирования ЭВ в дискурсивном пространстве, а также способствует установлению взаимосвязи между порядком развертывания дискурса и ЭВ. Нелинейный характер структуры дискурса обусловливает отсутствие строгого порядка следования обязательных элементов описанной выше дискурсивной модели. Тем самым положение профазы и эпифазы ЭВ относительно друг друга не является строго фиксированным и определяется авторскими интенциями. Следовательно, можно наблюдать эвиденциальные конструкции с пре-, пост-, а также интерпозицией по отношению к эпифазе ЭВ. Иллюстрацией высказанных положений служат примеры (27), (28) и (29):

1) ЭВ с препозицией эвиденциального оператора

(27) *He **overheard** his daughter telling her doll not to be so naughty* [Cambridge Dictionary] / *Он **случайно услышал**, как его дочь говорила своей кукле, чтобы она не была такой непослушной.*

Пример (27) отображает стандартное расположение структурных элементов ЭВ. Прямая эвиденциальная семантика актуализируется при помощи оператора чувственного восприятия *overhear / случайно услышать* в значении *to hear what other people are saying without intending to and without their knowledge* [Cambridge Dictionary 2022] / *слышать, что говорят другие люди, не намереваясь делать этого и без их ведома*. Данный оператор указывает на чувственный канал восприятия транслируемых сведений говорящим.

2) ЭВ с интерпозицией эвиденциального оператора

(28) *It's very frightening, this – the* ***thought*** *that people actually know about it* [Cambridge Dictionary] / *Это очень страшно, а именно* ***мысль*** *о том, что люди на самом деле знают об этом.*

Данный пример репрезентирует ЭВ, характеризующиеся интерпозицией эвиденциального оператора мыслительной деятельности *thought / мысль* (*the act of thinking about or considering something, an idea or opinion, or a set of ideas about a particular subject* [Cambridge Dictionary] / *процесс размышления или обдумывания чего-либо, идея или мнение, либо набор идей о конкретном предмете*). Подобное расположение эвиденциального оператора позволяет говорящему одновременно передавать объективное содержание сообщения, а также выражать субъективное отношение к транслируемым сведениям.

3) ЭВ с постпозицией эвиденциального оператора

(29) *I wasn't entirely honest with him, I* ***admit*** [Cambridge Dictionary] / *Я был не совсем честен с ним,* ***признаю*** *это.*

Пример (29) характеризуется постпозицией содержащегося в профазе ЭВ оператора косвенного указания *admit / признавать* (*to agree that something is true, especially unwillingly* [Cambridge Dictionary 2022] / *соглашаться с тем, что что-то является правдой, особенно неохотно*). Такой порядок следования элементов ЭВ обусловлен стремлением автора акцентировать внимание адресата на содержании транслируемого сообщения, в то время как квалификация сведений субъектом коммуникации имеет второстепенный характер.

Наряду с этим, встречаются комплексные эвиденциальные конструкции, в ходе развертывания которых происходит наложение одного ЭВ на другое. В их структуре обнаруживается наличие двух профаз и эпифаз, и, соответственно, двух субъектов коммуникации, двух эвиденциальных операторов, а также двух блоков материала. При этом профаза одной эвиденциальной клаузы может выступать в качестве эпифазы другой. Таким образом, подобные ЭВ характеризуются сложноподчиненной структурой, в рамках которой придаточная часть занимает постпозицию по отношению к главной, что позволяет определить главную и придаточную эвиденциальные клаузы. Модусные рамки данных конструкций также находятся в состоянии подчинения, что способствует взаимодополнению и взаимопроникновению репрезентируемых модусных смыслов. В этой связи интерес представляет следующий пример (30):

(30) *But one **look** at the line and it is **obvious** that few actually **believe** the ascent could be that hard* [Cambridge Dictionary] */ Но стоит лишь **взглянуть** на выстроившуюся очередь и становится **очевидно**, что на самом деле мало кто **считает**, что восхождение может быть сложным.*

ЭВ (30) обладает сложноподчиненной структурой, в рамках которой выделяются две эвиденциальных клаузы:
(1) *is obvious that few actually believe / становится очевидно, что на самом деле мало кто считает;* (2) *few actually believe the ascent could be that hard / мало кто считает, что восхождение может быть сложным*. При этом клауза (1) подчиняет клаузу (2), а профаза клаузы (2) служит эпифазой клаузы (1). Вербальная эвиденциальность в данном высказывании передается при помощи оператора уверенности в знании *obvious / очевидно* (*easy to see, recognize, or understand* [Cambridge Dictionary] */ легко увидеть, распознать или понять*), указывающего на непосредственный способ получения информации и подчеркивающего уверенность говорящего в ее достоверности, а также оператора выражения мнения *believe / считать* (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] */ думать, что что-то является истинным,*

корректным или реальным), репрезентирующего интерсубъективный характер сведений. Данное ЭВ также характеризуется сочетанием лингвистических и паралингвистических эвиденциальных средств. Невербальная визуальная эвиденциальность в данном высказывании репрезентируется посредством клаузы *but one look at the line / но стоит лишь взглянуть на выстроившуюся очередь*, дополнительно маркируя зрительное свидетельство обобщенного субъекта коммуникации и уточняя вербальную эвиденциальную семантику. Сочетание вербальных и невербальных эвиденциальных показателей, а также наложение модусных эвиденциальных рамок друг на друга придают рассматриваемому ЭВ значение адмиратива.

Очевидно, что взаимодействие «материала» и «оператора» в рассмотренных ЭВ является примером интеракции субъекта и объекта коммуникации. Данное взаимодействие происходит в рамках дискурсивного пространства и определяется автором / субъектом коммуникации. Тем самым особенности интерпретации субъектом передаваемых сведений определяют характер построения, развертывания и репрезентации ЭВ в дискурсе.

Описанная дискурсивная модель обладает комплексной структурой, объединяет профазу и эпифазу ЭВ, а также входящие в их состав элементы (точки бифуркации): указание на автора / субъекта коммуникации, оператор, материал. Структурные элементы модели упорядочиваются в соответствии с основополагающим лингвосинергетическим принципом самоорганизации. Кроме того, в процессе взаимодействия профазы и эпифазы ЭВ реализуются принципы взаимопроникновения и взаимодополнения за счет переплетения эвиденциальных модусных рамок. Необходимо отметить, что в качестве субъекта, формирующего ЭВ выступает автор / говорящий / нарратор, в то время как конечным активным объектом восприятия является читатель. В связи с этим в контексте рассмотрения дискурсивного пространства значимость приобретает изучение особенностей воздействия автора / субъекта коммуникации на конечного адресата / читателя дискурса посредством ЭВ.

2.6. Синергетическая эвиденциальная дискурсивная модель и алгоритм ее интерпретации

Проведение лингвосинергетического анализа дискурса требует определения его основополагающих единиц. В качестве объекта анализа выступает сам дискурс как динамическая единица исходного порядка, обладающая необходимыми качествами для передачи информации (связанность, цельность, коммуникативная направленность). По мнению А. А. Чувакина, дискурс существует в особых границах – макро- и микросреде. Микросреда отражает акт коммуникативной деятельности человека посредством дискурса и включает в себя автора дискурса, текст и читателя. Макросреда представляет собой область, включающую культуру, природу и социальную сферу деятельности коммуникантов [Чувакин 2015: 18].

ЭДК единовременно образуется в условиях микро- и макросреды дискурса, в результате чего формируются специфические эвиденциальные значения, в качестве лингвистических маркеров которых выступают эвиденциальные операторы. При этом в дискурсивном пространстве в зависимости от контекста модифицируется как авторский образ, который может обезличиваться либо, напротив, максимально ярко проявляться, так и читательский образ, актуализация которого варьируется исходя из целевой установки дискурса [Иванова 2020: 82].

Проведение анализа микро- и макросреды дискурса позволяет расширить рассмотренную выше модель ЭВ и представить синергетическую эвиденциальную дискурсивную модель. Очевидно, что ЭВ недопустимо рассматривать в качестве единственного объекта исследования. Лингвосинергетический метод анализа категории «эвиденциальность» также предполагает изучение окружающего *эвиденциального дискурсивного контекста (ЭДК), репрезентирующего дискурсивный отрывок, характеризующийся субъектной перспективой и ситуационным компонентом.* Субъектная перспектива исследуется в контексте жизнедеятельности, мировоззрения и взаимодействия участников событий, а ситуационный

компонент обладает блоковой организационной структурой, в рамках которой осуществляется его взаимодействие с речевым компонентом [Зализняк, Падучева 2018: 630]. Учет роли ЭДК позволяет обратиться к «мысленному миру» субъектов коммуникации, посредством которых репрезентируется реальное / желаемое / нереальное положение дел. Тем самым структура ЭДК представляет собой модель участия субъектов в ситуации, в рамках которой определяются языковые средства, участвующие в отображении ситуации. Специфическая семантическая роль составляющих ЭДК высказываний по отношению друг к другу базируется на смысловых связях между пропозициями, а также на отношениях между сообщаемыми фактами и их свойствами в единой коммуникативной ситуации.

По аналогии с концептуальной функционально-синергетической моделью дискурса [Пономаренко 2007, 2013] в рамках ЭДК становится возможным выделить базовое высказывание, развитие темы, рему. Подобное разграничение ЭДК носит условный характер (ввиду вариативности функциональной перспективы дискурса), однако отражает общие тенденции самоорганизации его пространства, предполагающей необходимость объединения элементов контекста (языковых средств различного уровня) по мере движения к аттрактору (реализации коммуникативных целей и намерений автора дискурса). Очевидно, что самоорганизация / саморегулирование ЭДК представляет собой именно синергийный нелинейный процесс, не подчиняется четко регламентированному алгоритму и протекает в режиме многомерного взаимодействия и взаимоусиления функциональной нагрузки всех составляющих его элементов. Подобный ракурс рассмотрения позволяет выявить изначально скрытые от взгляда исследователя явления и процессы, происходящие в дискурсивном пространстве и обогащающие его семантику и прагматику.

ЭДК представляет собой основу синергетической эвиденциальной дискурсивной модели. Центральным структурным элементом данной модели является выступающий в роли нарратора эвиденциальный субъект (автор высказывания), обладающий определенным жизненным и коммуникативным

опытом, пониманием конкретной ситуации общения, способностью выражать мысли и настроения, уровнем эрудиции. Автор / субъект коммуникации обозначает источник сведений и регулирует направленность высказывания на адресата. Эвиденциальный субъект также интерпретирует и оценивает передаваемую информацию при помощи эвиденциальных показателей. Немаловажно, что в качестве автора оригинального речевого сообщения и источника сведений, относящихся к эпифазе ЭВ и репрезентирующих материал указанной синергетической модели, выступает автор-каузатор. Одновременно с этим исследуемый ЭДК может включать несколько коммуникативных субъектов, а автор может совпадать с одним из них. Данное разграничение каузаторной и субъектной отнесенности ЭВ в дискурсе не противоречит выделению авторской и субъектной эвиденциальности [Козловский 2013: 273].

В качестве заключительного структурного элемента рассматриваемой синергетической эвиденциальной модели выступает адресат / читатель, который является итоговым объектом восприятия, оценивает и интерпретирует полученные сведения [Викулова 2022: 106]. Автор / нарратор подготавливает, направляет и регулирует перцепцию информации адресатом / читателем, разграничивая визуальный и вербальный планы выражения, а также мнение действующего лица и мнение автора-каузатора за счет отстранения последнего от актуализируемых данных.

В целом, ЭДК характеризуется фокусом автора / нарратора на адресата / читателя, заключенного в рамки гендерных, возрастных, территориальных и социокультурных параметров, а также степенью осведомленности и ценностными ориентациями последнего. В дискурсивном пространстве ЭДК проявляется в актуальности / неактуальности особенностей личности читателя, его понимании как осведомленного / неосведомленного участника коммуникативного процесса, а также пристрастного / беспристрастного читателя, разделяющего / отрицающего точку зрения автора / нарратора / субъекта коммуникации. Раскрытие такой добавочной семантики оказывается возможным за счет учета лингвосинергетического взаимодополнения и

взаимопроникновения модусных смыслов, а также рассмотрения специфики самоорганизации структурных (дискурсивных) единиц, составляющих пространство дискурса. Описанная синергетическая эвиденциальная дискурсивная модель представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Синергетическая эвиденциальная дискурсивная модель

<table>
<tr><td colspan="3">ЭДК</td></tr>
<tr><td colspan="2">Профаза</td><td>Эпифаза</td></tr>
<tr><td>Автор / нарратор / субъект</td><td>Оператор</td><td>Материал</td></tr>
<tr><td>Many</td><td>worried that</td><td>shelters would act as incubators for covid-19</td></tr>
<tr><td colspan="3">Читатель</td></tr>
</table>

(31) (a) *The visibility of encampments does not necessarily* ***mean*** *that overall homelessness rose during the pandemic.* (b) *As the virus began to spread, many* ***worried*** *that shelters would act as incubators for covid-19.* (c) *States and cities across the country moved people into hotels where they could safely quarantine.* (d) *King County, which includes Seattle,* ***saw*** *reduced rates of covid-19 and higher exit rates to permanent housing after moving homeless people from shelters to hotels.* (e) *A study published in March* ***reported*** *similar results for a hotel scheme in San Francisco, where the number of tents fell in the past year* [The pandemic has made homelessness more visible in many American cities 2021] / (a) *Наличие временных лагерей не обязательно* ***означает****, что во время пандемии выросло общее количество бездомных.* (b) *Когда вирус начал распространяться, многие* ***опасались****, что приюты станут инкубаторами для коронавируса.* (c) *Власти штатов и городов по всей стране переселили людей в отели, где они могли безопасно изолироваться.* (d) *В округе Кинг, в который входит Сиэтл,* ***наметилось***

снижение показателей заболеваемости коронавирусом и повышение показателей ПМЖ как результат переселения бездомных из приютов в отели.
(e) *В исследовании, опубликованном в марте,* ***сообщалось*** *о схожих показателях гостиничного бизнеса в Сан-Франциско, где за последний год количество палаточных лагерей резко снизилось.*

Проанализируем содержащееся в Таблице 2 ЭВ, а также окружающий его дискурсивный контекст. Применение метода лингвосинергетического дискурсивного анализа требует выведения алгоритма интерпретации синергетической эвиденциальной дискурсивной модели. Данный алгоритм включает в себя 5 ступеней:

1). *Определение тематической направленности, границ и описание специфики самоорганизации ЭДК.*

Данный дискурсивный отрывок представляет собой фрагмент статьи, посвященной проблеме роста количества бездомных в США в условиях пандемии коронавируса *COVID-19* (см. базовое высказывание (a), развитие темы (b), (c)). Рассматриваемый ЭДК также содержит доводы, отрицающие взаимосвязь роста количества лагерей и числа бездомных (высказывания (d), (e)).

2). *Установление субъектно-объектной организации рассматриваемого ЭДК.*

Главным субъектом коммуникации (*C1*) в дискурсивном отрывке (31) является автор статьи, который вводит дополнительные обобщенные субъекты, репрезентируемые посредством местоимения *many / многие* (*a large number (of), or a lot (of)* [Cambridge Dictionary] */ большое количество, или много*) (C2), имени собственного *King County* / *округ Кинг* (C3), а также существительного *study / исследование* (*the activity of examining a subject in detail in order to discover new information* [Cambridge Dictionary] / *деятельность по детальному изучению предмета с целью обнаружения новой информации*) (*C4*). Заключительным объектом эвиденциального воздействия является читатель. Автор ведет с читателем диалог, опираясь на общественное мнение, а также статистические

данные и приходит к собственным выводам по мере развертывания повествования.

3). *Выявление эвиденциальных операторов в исследуемом ЭДК.*

В рассматриваем эвиденциальном дискурсивном отрывке представляется возможным выделить ряд эвиденциальных маркеров: оператор выражения мнения *mean / означать* (*to express or represent something such as an idea, thought, or fact* [Cambridge Dictionary] / *выразить или представить что-либо, например, идею, мысль или факт*), оператор усиления значимости высказывания *worry / опасаться* (*to think about problems or unpleasant things that might happen in a way that makes you feel unhappy and frightened* [Cambridge Dictionary] / *думать о проблемах или неприятных вещах, которые могут произойти и чувствовать себя несчастным и напуганным*), оператор чувственного восприятия *see / намечаться* (*to consider or think about, especially to think about someone or something in a particular way, or to imagine someone doing a particular activity* [Cambridge Dictionary] */ рассматривать или размышлять о чем-то, в частности, думать о ком-то или чем-то определенным образом, или представлять кого-то, выполняющего определенную деятельность*), а также оператор явного указания *report / сообщать* (*to give a description of something or information about it to someone* [Cambridge Dictionary] / *предоставить кому-либо информацию или описание чего-либо*).

4). *Описание эвиденциальной семантики ЭДК.*

Эвиденциальность настоящего дискурсивного отрывка выражается за счет обращения к операторам, выявленным на 4-м этапе анализа. Настороженное отношение населения (*C2*) к возникновению новых лагерей для бездомных выражается посредством оператора усиления значимости высказывания *worry*, указывающего на внутренний источник получения информации. Рассматриваемый оператор также придает высказываемым общественностью опасениям семантику адмиратива, что может свидетельствовать о неготовности или нежелании жителей США принять данные изменения. В свою очередь, возможная попытка автора (*C1*) сгладить возникающие социальные волнения

передается посредством наречия *necessarily / обязательно* (*in all cases; as an expected result* [Cambridge Dictionary] / *в любом случае; ожидаемый результат*) в сочетании с оператором выражения мнения *mean,* репрезентирующим субъективную эвиденциальность и обладающим характером презумптива, что указывает на выводной характер получения сведений об отсутствии обязательной взаимосвязи между ростом количества временных лагерей и числа бездомных во время пандемии, а также на оценку данных сведений как достоверных. В своем стремлении подчеркнуть, что власти прислушиваются к мнению общественности, (*C1*) обращается к оператору чувственного восприятия *see*, маркирующему непосредственный способ получения информации о предпринимаемых в округе Кинг (*C3*) мерах по переселению бездомных из временных убежищ в гостиницы и указывающему на сенсорный источник передаваемых сведений. Позиция автора подкрепляется оператором явного указания *report*, используемым обобщенным субъектом коммуникации (*C4*) для передачи данных исследования, подтверждающего слова *C1*. Данный оператор имплементирует семантику косвенной эвиденциальности и свидетельствует об опосредованном характере получения информации. Необходимо также отметить, что обращение к обобщенным субъектам коммуникации *C2, C3* и *C4* также позволяет автору снять с себя ответственность за истинность передаваемых сведений.

5). *Экспликация взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов в рассматриваемом ЭДК.*

Изучаемый ЭДК реализует коммуникативную функцию и связывает разворачивающееся повествование и коммуникативную ситуацию при помощи использования эвиденциальных операторов. В контексте рассматриваемого дискурсивного отрывка значение эвиденциальности дополняется персуазивной семантикой, реализующейся в стремлении автора сгладить негативные настроения общественности, вызванные возникновением новых лагерей для бездомных, а также ростом числа заболеваемости коронавирусом. Автор убеждает читателя в достоверности передаваемой информации и ее источника, а

также квалифицирует имеющиеся факты с опорой на рациональное обоснование. В процессе рассуждений автор приходит к выводу о напрасности опасений относительно взаимосвязи количества бездомных и динамики коронавируса в США. Кроме того, автор подчеркивает готовность властей прислушиваться к общественному мнению, а также стремится убедить читателя в своей точке зрения, обращаясь к сведениям, представленным обобщенными субъектами коммуникации. Тем самым автор может стремиться снять с себя ответственность за истинность передаваемых сообщений. Немаловажно, что дифференциация позиции автора и позиции обобщенных говорящих в изучаемом ЭДК может служить триггером внимания и иметь задачу вызвать повышенный читательский интерес.

Таким образом, исследование микро- и макросреды дискурсивного пространства показало, что эвиденциальная семантика связывает три коммуницирующие субъектные зоны – зону автора / нарратора, зону субъекта / действующего лица дискурса и зону адресата / читателя. Учет данных субъектных зон дал возможность расширить описанную выше синергетическую модель ЭВ в дискурсе и представить синергетическую эвиденциальную дискурсивную модель, в процессе развертывания которой автор / субъект коммуникации оказывает воздействие на «материал» с помощью эвиденциальных операторов. Коммуникативная направленность дискурса определяет характер расположения и взаимодействия исследуемых дискурсивных элементов. Итогом данной интеракции становится реализация различных факторов воздействия автора / нарратора / субъекта коммуникации на адресата / читателя. Необходимо подчеркнуть, что коммуникативная стратегия исследуемого ЭДК, как правило, совпадает с коммуникативной стратегией дискурсивного отрывка в целом.

Представленный алгоритм анализа синергетической эвиденциальной дискурсивной модели предполагает обозначение границ и выявление принципов самоорганизации ЭДК, дальнейшее описание его субъектной организации, определение эвиденциальных операторов, рассмотрение эвиденциальной

семантики дискурсивного контекста, а также анализ взаимодополнения и взаимопроникновения формируемых модусных смыслов. Важно подчеркнуть, что специфика самоорганизации пространства дискурсивного контекста может быть изучена в ходе представления эвиденциальной семантики, что обусловливается вариативностью его функциональной перспективы.

Применение алгоритма интерпретации синергетической эвиденциальной дискурсивной модели позволяет понять, почему сообщения субъектов коммуникации рассматриваемого ЭДК организованы тем или иным образом. Значимость обращения к вышеописанному алгоритму лингвосинергетического анализа также раскрывается в ходе исследования особенностей воздействия автора / нарратора / субъекта коммуникации на адресата / читателя.

2.7. Специфика лингвосинергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий

Исследование структурных особенностей ЭВ / ЭДК, а также разработка алгоритма интерпретации синергетической эвиденциальной дискурсивной модели позволили установить, что в ходе развертывания дискурсивного контекста характер и специфика транслируемых автором / субъектом коммуникации сведений, а также особенности их восприятия адресатом / читателем определяются не только базовой эвиденциальной семантикой, отражающей смысловое (мыслительное) содержание сообщаемых фактов и связанной с представлением и характеризацией источника информации о событии, но и дополнительными модусными смыслами, способствующими реализации интерпретационного компонента ЭВ / ЭДК – языковой интерпретации смысловой основы представленной информации, осуществляемой с помощью показателей других модусных категорий [Карпова 2004; Крюкова 2013]. Объединение смыслового и интерпретационного компонентов в рамках ЭДК позволяет автору / субъекту коммуникации выразить одно и то же смысловое содержание (содержание, имеющее инвариантную смысловую основу) разными средствами, отличающимися с точки зрения

интерпретации смыслового инварианта. Другой стороной актуализации указанных компонентов в дискурсе является тот факт, что адресат / читатель воспринимает ЭВ с отличающимся языковым содержанием их элементов по-разному (Необходимо отметить, что выявление и разграничение смыслового и интерпретационного компонентов языкового содержания ЭВ / ЭДК как различных аспектов единого целого соотносится с известной дифференциацией универсальных и неуниверсальных сторон содержания, представленной в работе С. Д. Кацнельсона «Типология языка и речевое мышление» [Кацнельсон 1972]).

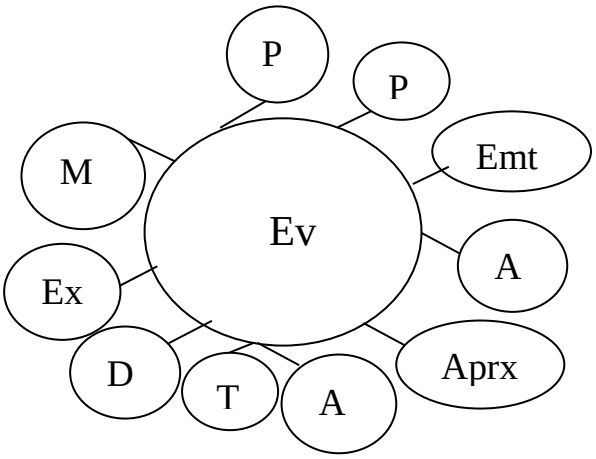
Очевидно, что дальнейшее рассмотрение функционирования категории «эвиденциальность» в дискурсивном пространстве невозможно без учета описанной выше семантики. Данное обстоятельство обусловливает изучение комплексных модусных смыслов, возникающих в результате взаимодействия эвиденциальности и других модусных категорий и приводит к обращению к методу моделей и гипотез как к основному лингвосинергетическому приему исследования [Шимон 2017: 55]. Указанный метод заключается в экспликации в структуре дискурса устойчивых моделей, проведении их структурного анализа, изучении функционирования, а также практическом доказательстве полученных результатов и гипотезы исследования.

Итогом применения метода моделей и гипотез для изучения специфики актуализации эвиденциальных смыслов в дискурсе является построение синергетической модели, в пространстве которой систематизируются и упорядочиваются ментальные образы, в процессе их сопоставления. Процедура выстраивания синергетической эвиденциальной модели представляет действие из двух фаз, первая из которых предполагает определение структурных компонентов описываемой модели, а вторая – выявление специфики их взаимодействия, определяющей функционирование модели.

Будучи отнесенной к числу квалификативных модусных категорий, эвиденциальность вступает во взаимодействие как с обязательными модусными категориями, так и с необязательными [Боуфал 2017; Кобрина 2006; Кораблина 2018]. Подобное взаимодействие становится возможным благодаря реализации

основополагающих лингвосинергетических принципов взаимопроникновения, взаимодополнения и самоорганизации. Есть все основания полагать, что характеризующаяся разнообразными операторами модусная категория «эвиденциальность» (*Ev*) обнаруживает взаимосвязь с другими модусными категориями и может быть представлена как элемент синергетической эвиденциальной модели, совместно с категориями «авторизация» (*A*), «аппроксимация» (*Aprx*), «восприятие» (*Ap*), «модальность» (*M*), «отрицание» (*D*), «оценочность» (*Evl*), «персональность» (*Ps*), «персуазивность» (*P*), «экспрессивность» (*Ex*), «эмотивность» (*Emt*) и «темпоральность» (*T*) (см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Синергетическая эвиденциальная модель



В соответствии с триадой свойств сложных синергетических систем (нелинейность-когерентность-открытость) [Аршинов 2005; Буданов 2003; Пригожий 2005], представленная синергетическая эвиденциальная модель функционирует как открытое, подвижное, частично упорядоченное образование, в рамках которого на основании механизма положительной и отрицательной обратной связи происходит взаимодополнение, взаимопроникновение и самоорганизация входящих в нее модусных категорий и их значений. Описанная модель находит свое отражение в дискурсивном пространстве массмедиа.

Свойства синергетической эвиденциальной модели определяются: (1) упомянутыми выше основополагающими лингвосинергетическими принципами взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации;

(2) принципами построения устойчивых синергетических моделей сцепления в рамках метода моделей и гипотез (оператор-материал); (3) триадой свойств сложных открытых синергетических систем (нелинейность-когерентность-открытость). Данные предположения относительно свойств синергетической эвиденциальной модели определяют ракурс ее рассмотрения, а также базовые принципы лингвосинергетического моделирования.

В качестве гипотезы, предпосланной предлагаемому лингвосинергетическому анализу, выступает понимание того, что, функционируя в дискурсивном пространстве массмедиа, модусная категория «эвиденциальность» характеризуется синергетическим сцеплением с категориями «модальность», «оценочность», «экспрессивность», «эмотивность», «персуазивность», «авторизация», «персональность», «аппроксимация», «темпоральность», «восприятие» и «отрицание». В ходе взаимодействия указанных категорий реализуются принципы взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов в зависимости от контекста. Немаловажно, что центральным элементом описываемой синергетической модели является модусная категория «эвиденциальность», в то время как другие модусные категории, составляющие элементы модели, упорядочиваются вокруг эвиденциальности в рамках реализации основополагающего лингвосинергетического принципа самоорганизации. Кроме того, выведение гипотезы лингвосинергетического анализа обусловливает необходимость поиска, сбора и анализа фактов, позволяющих обоснованно подтвердить или опровергнуть выдвинутое предположение. К числу данных фактов принадлежит необходимость установления специфики пересечения эвиденциальной семантики и смыслов других модусных категорий.

Достижение указанной цели предполагает: (1) определение возможных типов синергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий; (2) выявление роли эвиденциальных операторов и показателей других модусных категорий в формировании полимодальной семантики в массмедийном дискурсе; (3) установление возможных эвиденциальных

синергетических моделей сцепления; (4) описание принципов эвиденциального воздействия автора / субъекта коммуникации на адресата читателя в ходе развертывания ЭВ / ЭДК.

Изучение синергетической эвиденциальной модели предусматривает выполнение следующих шагов: (1) доказательство синергетического сцепления категории «эвиденциальность» с каждой из модусных категорий, входящих в состав модели; (2) представление общих принципов, определяющих взаимосвязь эвиденциальности с модальностью, оценочностью, экспрессивностью, эмотивностью, персуазивностью, авторизацией, персональностью, аппроксимацией, темпоральностью, восприятием, отрицанием и позволяющих разграничить типы и подтипы их синергетического сцепления.

Ограничения в изучении описываемой модели включают в себя: (1) необходимость обращения к исследованию ЭВ / ЭДК в ходе рассмотрения взаимосвязи эвиденциальности и других модусных категорий, а также значимость проведения тщательного лингвосинергетического анализа в каждом отдельном случае; (2) обязательность идентификации и рассмотрения лексических эвиденциальных показателей и маркеров других модусных категорий в ходе проведения анализа; (3) потребность в учете роли автора / субъекта коммуникации в формировании эвиденциальной семантики, а также особенностей восприятия полученных сведений адресатом.

Возможности в исследовании проявляются в (1) допустимости адаптации синергетической эвиденциальной модели для изучения различных модусных категорий, входящих в ее состав; (2) перспективе использования синергетической эвиденциальной модели для изучения особенностей реализации комплексных модусных смыслов в различных типах дискурса; (3) достижимости обращения к принципам взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов для оказания воздействия на адресата в зависимости от коммуникативных намерений автора / субъекта коммуникации.

В целом, обращение к лингвосинергетическому методу моделей и гипотез, связано с необходимостью выявления и описания сложных взаимосвязей модусных категорий, а также репрезентируемых категориальных смыслов в массмедийном дискурсе. Предлагаемая синергетическая модель обусловлена природой эвиденциальности как модусной категории, а также актуализацией основополагающих лингвосинергетических принципов взаимопроникновения, взаимодополнения и самоорганизации в дискурсивном пространстве. Данная модель отражает возможную специфику взаимодействия категорий «эвиденциальность», «модальность», «оценочность», «экспрессивность», «эмотивность», «персуазивность», «авторизация», «персональность», «аппроксимация», «темпоральность», «восприятие» и «отрицание» и устанавливает определенный ракурс исследования. Центральное место в структуре модели принадлежит категории «эвиденциальность», которая обнаруживает взаимосвязь с другими модусными категориями, выступающими в качестве условно-зависимых самоорганизующихся элементов. Согласно гипотезе исследования итогом взаимодействия составляющих синергетическую эвиденциальную модель модусных категорий и их значений становится возникновение комплексных модусных смыслов. В следующих параграфах в рамках проведения лингвосинергетического анализа будет рассмотрена специфика синергетического сцепления эвиденциальности и обозначенных модусных категорий, определены типы и возможные модели категориального взаимодействия, что позволит подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу.

2.7.1. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «авторизация»

Несмотря на то, что категория «авторизация» являлась объектом многочисленных лингвистических исследований, она до сих пор продолжает вызывать интерес ученых [Арутюнова 2000; Боуфал, 2017; Волошина 2013; Всеволодова 2000; Гнездечко 2015; Гричин, Демешкина 2016; Гурин 2012;

Демешкина 2013; Золотова 1973; Копытов 2004; Краснова 2002; Сыроватская 2009; Шацкая 2008; Шмелева 1988].

Впервые понятие «авторизация» упоминает Г. А. Золотова. Согласно ее точке зрения, сущность авторизации состоит в том, что «разнообразными, но вполне поддающимися описанию способами в предложение вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [Золотова 2005: 263].

В свою очередь, Т. А. Демешкина изучает авторизацию в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, определяя ее «как категорию когнитивного уровня» [Демешкина, 2013: 34]. По мнению лингвиста, под авторизацией следует понимать «речевое средство, маркирующее в тексте элементы когнитивно-дискурсивной деятельности автора-ученого, состоящей в воплощении в тексте формирующегося знания, структурированного в соответствии с авторской концепцией, картиной мира и погруженного в эпистемические условия его порождения» [Гричин, Демешкина 2016: 6].

М. В. Всеволодова не разделяет подобные взгляды на авторизацию и придерживается иной точки зрения. Не отрицая безусловную модусную природу данной категории, исследователь полагает, что авторизация связана не только с репрезентацией модусных смыслов, но и может входить в содержательную диктумную часть высказывания. М. В. Всеволодова выделяет два типа авторизации: (1) субъективированная (я / мы авторизация), характеризующаяся совпадением говорящего и авторизатора; (2) объективированная (ты / вы, он / они авторизация), в рамках реализации которой разграничиваются субъект и объект авторизации [Всеволодова 2000; Гурин 2012].

Т. И. Краснова рассматривает авторизацию в качестве сущностной характеристики модуса, выделяя (1) объективный, неавторизованный модус, в контексте актуализации которого присутствие субъекта коммуникации минимизировано; (2) субъективный, авторизованный модус, отражающий

свойства субъекта коммуникации в разной манере и степени [Краснова 2002: 131].

Согласно О. Н. Копытову, авторизация представляет «указание на источник знания / мнения или субъекта иллокутивной силы, или принадлежность состояния определенному лицу» [Копытов 2004]. Вступая во взаимодействие с другими модусными смыслами, авторизация отражает коммуникативные цели автора, а также способствует распознаванию авторских интенций адресатом / читателем.

Таким образом, несмотря на наличие различных подходов к интерпретации авторизации, все ученые сходятся в одном: авторизация принадлежит к числу модусных категорий. В рамках настоящего исследования, вслед за Т. В. Шмелевой, *мы рассматриваем авторизацию в качестве обязательной модусной категории, связанной с квалификацией источника передаваемых сведений, а также способа их получения в контексте «свой / чужой»* [Шмелева 1988].

Система средств выражения категории «авторизация» репрезентируется в дискурсе при помощи авторизационных грамматических и лексико-синтаксических конструкций, а также форм со значением непосредственного восприятия (например, *мне кажется, стало рассветать / чувствую, стало рассветать, it seems she was happy / I believe he is a lawyer*). Данная характеристика содержания высказывания является обязательной [Гричин, Демешкина 2016].

Невозможно не отметить семантическую близость авторизации и эвиденциальности. В дискурсивном пространстве синергетическое сцепление данных категорий состоит в приобретении высказыванием, обладающим значением прямой или косвенной эвиденциальности, дополнительной семантики авторизации. Подтвердим данное положение на следующем примере:

(32) *According to **reports**, ten pupils were expelled* [Cambridge Dictionary] / *Согласно **сообщениям**, десять учеников были отчислены.*

В высказывании (32), характеризующемся семантикой косвенной эвиденциальности, оператор явного указания *report / сообщение* (*a statement that may or may not be true* [Cambridge Dictionary] / *утверждение, которое может быть правдой, а может и не быть*), маркирующий опосредованный способ получения информации, одновременно обладает значением авторизации, способствуя представлению сведений как «чужих».

Таким образом, ЭВ дополняется значением авторизации в контексте обозначения «авторства» высказывания – принадлежности актуализируемой информации автору / нарратору / говорящему, либо иному субъекту коммуникации. Тем самым эвиденциальность и авторизация взаимодействуют в пределах формирования модусного смысла, маркировки источника сведений и дифференциации своего и чужого слова. При этом можно предположить, что объем понятия «эвиденциальность» оказывается шире авторизации, поскольку включает в себя весь комплекс авторизационных значений.

2.7.2. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «персональность»

В свою очередь, категория «персональность» оказывается связанной со значением лица и рассматривается исследователями в качестве обязательной языковой категории [Архипов 2005; Арутюнова 1969; Бондарко 1991; Ваулина 2013; Гин 1996; Золотова, 1973; Кузнецова 2019; Лаврова 2010; Соловей 2019; Стратийчук 2006; Сусов 1986; Тихонова 2010; Харабаева 2015; Шмелева 1984].

Под персональностью А. В. Бондарко понимает группировку разноуровневых морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинаторных лексико-грамматических лингвистических показателей, репрезентирующих различные способы отношения к лицу. Основой формирования персональности является функционально-семантическое поле, обладающее центром и периферией [Бондарко 1991].

Согласно Е. Ю. Стратийчук, персональность является важнейшей текстообразующей категорией. Категория «персональность» обусловлена

организацией повествования на основании авторской точки зрения. Вследствие этого данная категория рассматривается в качестве категории «образа автора» [Стратийчук 2006].

Данную точку зрения разделяет и М. А. Кузнецова. По мнению лингвиста, персональность определяет содержание и характеристики текстовых категорий, реализующих коммуникативные намерения автора. Совместно с другими категориями персональность формирует адресованность – определяет выбор автором адресата и формирует мотивацию в коммуникации. Персональные значения включаются в процесс соотнесения текста с объектом, отражают взаимосвязи между явлениями реальности. Персональность также предстает как компонент системы образа автора, воздействует на отражение в тексте внеязыковой реальности при помощи интерпретации, оценки и рефлексии отражаемых в тексте явлений. Кроме того, свойственное категории «персональность» отношение автора к сообщаемому и адресату / читателю, формирует ключевые мотивационные и целевые компоненты текстового сообщения [Кузнецова 2019].

В современной науке существует различные взгляды на категориальный статус персональности. Так, Я. И. Гин относит персональность к «ядерным» категориям грамматики, определяющим структуру и специфику текста. С позиции исследователя, грамматическое лицо не только создает коммуникативную рамку, но и играет важнейшую роль в формировании смысла текста [Гин 1996: 109].

Подобных взглядов придерживается и О. А. Тихонова, которая рассматривает персональность как грамматическую и семантическую категорию, важнейшей функцией которой является эмоционально-оценочное отражение образа автора в тексте, а также его способность воздействовать на адресата. Характер и способ языковой репрезентации грамматической категории «персональность» в тексте выявляет индивидуальность и мировоззрение автора [Тихонова 2010: 138].

Как отмечает Е. И. Соловей, основанием для понимания персональности как функционально-семантической категории является учет специфики взаимодействия глагольных и местоименных форм лица. Указанные средства вступают во взаимодействие друг с другом, а также с другими средствами выражения отношения к лицу, образуя систему, в рамках которой выделяются центральные и периферийные компоненты [Соловей 2019].

По утверждению Ж. Дюбуа, категория «персональность» представляет собой модальную рамку высказывания и, соответственно, относится к числу модусных категорий. Посредством языковых средств персональности отражается целевая установка высказывания [Dubois 1974].

Опираясь на взгляды Т. И. Кораблиной, *под персональностью мы понимаем обязательную модусную категорию, соотносящую описываемую ситуацию с ее действующими лицами – прежде всего с субъектом коммуникации* [Кораблина 2018: 39]. Говоря о персональности, необходимо отметить, что значение лица основывается на отношении пересечения / непересечения субъекта коммуникации с участниками коммуникативного акта, при этом под «пересечением» понимается отношение тождества (например, единство автора высказывания и субъекта коммуникации) либо включения (например, указание на то, что автор принадлежит к группе лиц, включающих субъекта коммуникации). «Непересечение» с субъектом коммуникации может свидетельствовать либо о пересечении с читателем, либо принадлежность ситуации к группе лиц, не принимающих участие в коммуникативном акте либо к объектам действительности. Определенное отношение к лицу устанавливается с учетом позиции автора высказывания и опирается на субъект коммуникации как на ключевую фигуру коммуникативного процесса, что составляет сущность персональности в качестве актуализационной категории [Бондарко 1991].

Лексическими средствами выражения категории «персональность» являются существительные (*директор, человек, peasant, worker*); личные, притяжательные и определительные местоимения (*я, ты, его, all, both, everybody*); а также междометия (*браво, эх, ух, hurrah, gosh, dear*). На

синтаксическом уровне персональность обнаруживается в неполных безличных, инфинитивных, а также вопросительных предложениях [Кузнецова 2019: 188].

Как показал проведенный Е. Ю. Стратийчук анализ, общими лексико-семантическими средствами актуализации категории «персональность» являются антропоморфизмы, ассоциативно-образные сравнения, коннотативные значения слов эмоционально-экспрессивная лексика, эпитеты. К числу грамматических средств выражения персональности принадлежат авторизирующие глаголы, безличные предложения, вводные слова и выражения, модальные глаголы, обращения к читателю, парцеллированные конструкции и риторические вопросы, сочинительные союзы, а также предложения, подлежащее которых является местоимением 1 лица единственного числа [Стратийчук 2006].

Синергетическое сцепление эвиденциальности и персональности прослеживается в контексте необходимости обозначения автора ЭВ, в качестве которого может выступать автор / нарратор / персонаж / субъект коммуникации / обобщенный говорящий. Подобная дифференциация субъектной принадлежности ЭВ в пространстве дискурса находится в соответствии с выделением авторской и субъектной эвиденциальности [Козловский 2013: 273]. Для того, чтобы проследить взаимосвязь указанных категорий обратимся к примеру (33):

(33) *He* ***emphasized*** *that all the people taking part in the research were volunteers* [Cambridge Dictionary] / *Он* ***подчеркнул****, что все люди, принимавшие участие в исследовании, были добровольцами.*

В данном утверждении эвиденциальная семантика выражается при помощи оператора усиления значимости высказывания *emphasize / подчеркивать* (*to show that something is very important or worth giving attention to* [Cambridge Dictionary] */ показывать важность чего-либо или что на это следует обратить внимание*), указывающего на непосредственный характер источника сведений. В анализируемом примере автор цитирует слова субъекта

коммуникации, что свидетельствует об их непересечении. Тем самым можно говорить о синергетическом сцеплении эвиденциальности и персональности.

Таким образом, в рамках ЭВ становится возможным определить принадлежность сообщения к субъекту коммуникации, обладающему определенными характеристиками, обусловливающими характер передачи сведений, а также маркировку их источника. Значимость выявления синергетического сцепления эвиденциальности и персональности заключается в возможности установления стремления автора / говорящего / субъекта коммуникации зафиксировать внимание собеседника / адресата / читателя на тех или иных особенностях информации. Тем самым в модусной семантике эвиденциальности маркировка первого лица отражает «личный компонент» высказывания, в то время как указание на второе или третье лицо характеризуется большей полемической заостренностью.

2.7.3. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «персуазивность»

Обратимся к модусной категории «персуазивность» и попытаемся описать особенности ее синергетического сцепления с категорией эвиденциальность. Как показывают исследования, понятие «персуазивность» не является однозначным. Семантика уверенности / неуверенности субъекта коммуникации в истинности сведений может определяться терминами «субъективная модальность» [Золотова 1973], «категория достоверности» [Беляева 1990], «эпистемическая модальность» [Шатуновский 1996; Мустайоки 2006], «модальность истинности» [Грепл 1978: 57], «персуазивная модальность» [Панфилов 1977: 28–44], а также «персуазивность» [Ревякина, 2008; Шацкая 2011; Шмелева 1988]. Сама дефиниция понятия «персуазивность» (от лат. *persuasio*) – уговаривание, уверение, убеждение, мнение, уверенность [Ревякина 2010] также трактуется в теории дискурса неоднозначно.

В работах русскоязычных лингвистов, посвященных исследованию дискурса, персуазивность понимается как модусная категория,

репрезентирующая авторскую рефлексию относительно своего / чужого утверждения с опорой на достоверность / недостоверность данных [Долбик 2005]. Немаловажно, что под «достоверностью» понимается субъективное отношение автора к транслируемым сведениям, а не «объективное свойство информации, подлежащее проверке» [Шмелева 1995: 28].

Наряду с этим, модусная категория «персуазивность» реализует попытку воздействия субъекта на объект коммуникации с целью добиться от него принятия самостоятельного решения о совершении того или иного действия [Кобрина 2006: 98] В зарубежной лингвистике, а также в ряде современных отечественных работ персуазивность определяется как разновидность манипулирования сознанием и поведением коммуникантов [Голоднов 2003; Pratkanis 1992]. С подобным рассмотрением персуазивности оказывается связан выделяемый Р. Т. Лакофф персуазивный вид дискурса, основной задачей которого является убеждение [Lakoff 1982].

Настоящее исследование опирается на концепцию О. А. Кобриной, в рамках которой *персуазивность рассматривается как модусная категория, квалифицирующая сведения в контексте уверенности / неуверенности субъекта коммуникации в их достоверности. Персуазивность оказывается связанной с коммуникативно-прагматической стратегией убеждения, так как используется для оказания воздействия субъекта на адресата* [Кобрина 2006]. Несмотря на то, что зачастую персуазивный дискурс связывается со сферами медиа и политики, персуазивная семантика характерна для любой коммуникативной ситуации, подразумевающей убеждение, а персуазивным может обозначаться любое действие, направленное на формирование определенного отношения адресата высказывания [Ермакова 2015; Логинова 2005]. В связи с этим, наличие большого числа персуазивных маркеров в высказывании актуализирует проблему изучения персуазивных стратегий в дискурсивном пространстве. Рассмотрение персуазивности как модусной категории также позволяет исследовать языковые средства выражения субъективного отношения при выражении объективной реальности.

Е. К. Сычова выделяет следующие лексические средства выражения категории «персуазивность»: модальные слова, обладающие семантикой различной степени уверенности / неуверенности (*действительно, очевидно, definitely, surely*); показатели со значением возможности / невозможности (*вероятно, невозможно, possible, impossible*); показатели со значением достоверности / недостоверности (*истинно, подлинно, uncertainly, unreliable*) [Сычова 2006]. На синтаксическом уровне персуазивность репрезентируется с помощью изъяснительных конструкций, в главной части которых содержится модус высказывания (*можно сказать, хочется думать, may be said, I'd like to think*) [Долбик 2005].

Основанием для включения персуазивности в предложенную синергетическую модель является неоднозначное отношение к надежности источников получения сведений [Khramchenko 2023]. Семантика ЭВ может включать указание на достоверность / недостоверность информации, репрезентируемой профазой высказывания. При этом восприятие надежности различных источников сведений варьируется в зависимости от адресата, а также интенций говорящего. Исходя из этого, средства выражения эвиденциальности могут совпадать с персуазивными показателями в контексте выражения коммуникативных намерений субъекта, усиления / снижения воздействия истинности пропозиции на достижение коммуникативной цели высказывания. Таким образом, любая эвиденциальная клауза, задача которой заключается в формировании определенного отношения и действий адресата в интересах субъекта коммуникации, может обозначаться в качестве персуазивной. В этой связи интерес представляет утверждение (34):

(34) *The police* ***insist*** *that they are not relaxing their campaign against drugs* [Cambridge Dictionary] */ Полиция* ***утверждает****, что они не ослабляют свою кампанию против наркотиков*.

В рамках рассматриваемого высказывания семантика прямой интерсубъективной эвиденциальности, репрезентируемая посредством оператора усиления значимости высказывания *insist / утверждать* (*to say firmly*

or demand forcefully, especially when others disagree with or oppose what you say [Cambridge Dictionary] / *твердо говорить или настойчиво требовать чего-либо, в особенности, когда другие не согласны с тем, что вы говорите, или выступают против этого*), указывающего на внешний источник сведений, дополняется семантикой персуазивности за счет демонстрации уверенности обобщенного субъекта коммуникации *the police / полиция* в достоверности передаваемой информации, что может приводить к изменению восприятия данных адресатом (читателем).

Таким образом, синергетическое сцепление эвиденциальности и персуазивности отражает сближение модальности эвиденциальности с модальностью достоверности / недостоверности информации. Подобная семантика обнаруживается в ходе рассмотрения специфики квалификации и интерпретации транслируемых сведений автором / говорящим / субъектом коммуникации. Персуазивные смыслы формируются в том случае, когда говорящий анализирует объем передаваемых сведений, степень их полноты, устанавливает причинно-следственные связи между явлениями и приходит на их основании к определенным выводам. При этом выбор говорящим эвиденциальных показателей, характеризующихся добавочной персуазивной семантикой обусловливается его коммуникативными намерениями и имеет целью оказание определенного воздействия на адресата.

2.7.4. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «модальность»

В русле современной лингвосинергетической парадигмы ученые все чаще соотносят модусную категорию «эвиденциальность» с модальностью. Модальность относится к числу универсальных понятийных категорий философии, логики и языкознания [Лешкевич 2019: 80]. В философии модальность определяется как способ существования явления / объекта либо как способ понимания суждения о явлении / объекте [ФЭС 1983]. Основополагающими исследованиями в области изучения модальности в

лингвистике являются работы Ш. Балли, предложившего концепцию двухчастной структуры высказывания (диктум-модус) [Балли 1955], а также лингвистов Арно и Лансло, которые задали начальное понимание данной категории в области языкознания [Арно, Лансло 1990] и дифференцировали указанный термин от ранних философских и логических подходов, например, подхода Аристотеля, рассуждавшего об истинности / ложности пропозиции в зависимости от модуса высказывания [Аристотель 1939].

Существуют различные определения модальности. По мнению В. В. Виноградова, модальность – это «то, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как потенциальное, как не действительное» [Виноградов 1960]. В свою очередь, А. В. Бондарко понимает модальность как актуализационную категорию, отражающую пропозитивную основу содержания высказывания к действительности по признаку реальности / ирреальности с позиции говорящего [Бондарко 1990, 2001]. Схожее определение модальности можно встретить и у О. С. Ахмановой, которая рассматривает ее в качестве понятийной категории, выражающей отношение говорящего к сообщаемым сведениям, а также отношение содержания высказывания к действительности [СЛТ 1966].

Разграничение объективной и субъективной модальности ознаменовало новое направление в исследовании данной проблемы. Под объективной модальностью понимается отношение сообщаемых сведений к действительности, а также различные языковые формы мысли о реальном в настоящем, прошлом, будущем либо ирреальном возможном, желаемом, обязательном или требуемом [Шведова 1970: 542]. В свою очередь, субъективная модальность репрезентирует отношение субъекта коммуникации к сообщаемому (семантика согласия / несогласия, уверенности / неуверенности, усиления) [Там же: 611]. Подобных взглядов придерживается и М. В. Ляпон, которая считает, что посредством объективной модальности передается

реальность / ирреальность сообщаемого, в то время как субъективная модальность используется в процессе квалификации сведений [Ляпон 1990].

Проблема экспликации модальности в дискурсивном пространстве привлекает внимание ученых различных школ и направлений всех отраслей гуманитарного знания. На сегодняшний день изучением категории модальности занимаются такие отечественные ученые, как Г. А. Золотова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал [Золотова 2007; Чудинов 2003; Шейгал 2002]. Среди зарубежных ученых, вплотную занимающихся вопросом модальности, можно назвать Д. Лайонза, Р. Палмера, П. Портнера, М. Тулан [Lyons 1977; Palmer 1986; Portner 2009; Toolan 2001].

В русле современных научных разработок *модальность предстает как одна из наиболее частотных модусных квалификативных категорий и определяет истинность / ложность высказываний по отношению к действительности, либо отношение субъекта коммуникации к высказываемой идее.* При этом в зависимости от контекста и цели высказывания модальность может являться реальной – содержащей истинные сведения, ирреальной, подразумевающей условие или невозможность осуществления действия, а также императивной, характеризующейся семантикой повеления либо приказа [Кобрина 2006].

В контексте настоящего исследования особый интерес представляют семантические области реальности и ирреальности. Реальность репрезентирует положение дел в прошлом / настоящем / будущем – то, что было, есть, будет в действительности. Ирреальность модифицирует данное положение дел, переносит его в область нереальности / предположительности / прогностичности. К числу ирреальных модальностей, как известно, относятся императив, сослагательность, условность, желательность, а также долженствование. Немаловажно, что описанные модели представляют смысл в определенном регистре. Зачастую говорящий сам определяет специфику их устройства, что приводит к формированию квазиреальности, неотличимой от

реальной модели, но являющейся синтетической по процедуре построения – синтезирующей образ из языковых выражений [Борботько 2010: 150-155].

Модальность может быть присуща не только модусной, но и диктумной, информативной части высказывания. В связи с подобной широкой семантической ориентированностью модальность актуализируется при помощи различных средств. В рамках данной модусной категории сформировалось большое количество модусных значений, таких как реальность, желательность, возможность, вероятность, необходимость, предположительность, информированность, достоверность, вероятность, побуждение, отрицание, намерение [Васильева 2009: 113].

К основным средствам выражения модальности относятся лексические и грамматические показатели. Лексические маркеры модальности включают в себя: модальные глаголы (*возможно, следует, can, must, may*); модальные слова и модальные словосочетания (*конечно, определенно, of course, surely, in fact*); модальные частицы (*уже, только что, yet, simply, just*); полифункциональные глаголы, осуществляющие функцию модальных глаголов (*следует, shall, should, will*) и инфинитивные конструкции (*дополнение, Complex Subject*). В свою очередь, к грамматическим показателям модальности относятся формы наклонения (*повелительное наклонение, сослагательно наклонение, Indicative Mood, Imperative Mood, Subjunctive Mood*), инверсия, а также интонация [Аржанова 2008].

Эксплицитные средства выражения модальности относятся к содержательно-факультативной информации текста и могут вербализовываться посредством модально окрашенной лексики, содержащей особое эмоциональное восприятие, а также авторские характеристики; особых грамматических форм; определенных синтаксических конструкций [Ваулина 2013: 93].

Синергетическое сцепление значений модусных категорий «эвиденциальность» и «модальность» оказывается связанным с соотнесением содержания передаваемой информации с плоскостями реальности / ирреальности. Во время формулирования ЭВ, в ходе маркировки источника

информации, а также передачи данных субъект коммуникации может опираться на сведения, симметричные сенсорному образу действительности, либо делать предположения на основе предыдущего опыта / логики, прогнозировать возможное развитие ситуации, выражая неуверенное знание, тем самым смещая акцент в сторону вымысла. В подобном ракурсе все ирреальное предстает как реальное, а реальное в ирреальных формах. Тем самым в рамках одного и того же высказывания может обнаруживаться смешение эвиденциальной и модальной семантики. Необходимо отметить, что подобное разграничение реальности и ирреальности находится в соответствии с лингвосинергетической классификацией языковых моделей, предложенной В. Г. Борботько [Борботько 2011]. Примером взаимодействия эвиденциальности и модальности может служить утверждение (35):

(35) *One might* ***wonder*** *how children's pronunciation is influenced by the teachers' nonnative oral skills* [Cambridge Dictionary] */ Можно было бы* ***задаться вопросом****, как на произношение детей влияют неродственные устные навыки учителей.*

Эвиденциальная семантика данного высказывания передается при помощи оператора *wonder / задаваться вопросом* (*to ask yourself questions or express a wish to know about something* [Cambridge Dictionary] / *задавать себе вопросы или выражать желание узнать о чем-либо*), используемого с обобщенным субъектом коммуникации *one / кто-либо* (*any person, but not a particular person* [Cambridge Dictionary] / *любой, не конкретный человек*) и указывающего на внутренний источник сведений. Обращение к данному оператору, а также обобщенному субъекту коммуникации демонстрирует желание автора снять с себя ответственность за передаваемые сведения, представленные в виде догадок, основывающихся на внутренней логике и умозаключениях и репрезентируют ирреальную модель действительности. Таким образом, данное высказывание характеризуется объединением значений модальности и эвиденциальности.

Соответственно, в ходе развертывания ЭВ субъект коммуникации может обращаться к модальности в ходе оценки реальности / ирреальности

передаваемых сведений и их источника, а также возможности / невозможности существования описываемой ситуации в реальном мире. Наряду с этим, модальность используется для выражения субъективного отношения автора к сообщению, способствует актуализации семантики неуверенного знания, а также позволяет говорящему дистанцироваться от информации, выступая в роли формального посредника при передаче данных.

2.7.5. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «оценочность»

Семантическая близость категорий «модальность» и «оценочность» обусловливает необходимость рассмотрения синергетического сцепления эвиденциальности и оценочности. Логические и языковые особенности оценки с древнейших времен привлекают внимание исследователей из различных областей научного знания. Упоминание данного понятия можно обнаружить в трудах Платона, Аристотеля, Б. Спинозы. В широком смысле слова оценка понимается как приписывание положительных / отрицательных характеристик субъекту речи [Никонова 2019: 57]. Основу оценки составляет «мнение субъекта оценки о положительной или отрицательной (негативной) ценности обозначаемого в целом или какого-либо его свойства, основанное на неписаных, но узуальных нормах ценностной картины мира, сложившейся в данном языковом коллективе и на основе его жизненной философии» [Телия 1991]. По мнению М. В. Никитина, оценка репрезентирует мыслительное действие, базирующееся на интуиции, имеющее целью ориентировочно установить наличие тех или иных признаков у объектов [Никитин 2000]. Оценка выражает отношение субъекта к объекту и всегда субъективна [Клименко 2015]. В свою очередь, понятие «оценочность» предстает как «свойство речевой единицы, ее потенциал, способность эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта», заключается в оценочном компоненте лексической единицы и формируется на всех языковых уровнях [Марьянчик 2011: 101; Пантеева 2019: 59].

В конце XX в. оценочность становится объектом пристального внимания ученых. Интерес лингвистов к вопросам оценочности отражают многочисленные исследования таких ученых, как Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. А. Звегинцев, В. Н. Телия, В. И. Шаховский. В этой связи в лингвистике сформировался новый подход, определяющий оценку в качестве самостоятельной языковой категории [Арутюнова 1988; Вольф 1979; Телия 1986, Шаховский 1983].

В контексте современных исследований *модусная категория «оценочность» представляет собой особый ментальный акт, явившийся результатом взаимодействия человека с реальным миром, который актуализируется в разнообразных оценках (например, аксиологических, экзистенциональных, пространственных, временных)* [Ильина 1984: 2; Кобрина 2006: 93]. Понимание оценочности как одной из модусных квалификативных категорий предполагает ее отнесение к числу обязательных компонентов структуры отражательной деятельности сознания человека в модусном плане. Тем самым оценочность определяется как важнейшая составляющая рефлексивной деятельности человека. По мнению Н. Д. Арутюновой, суть категории «оценочность» заключается в имплементации функции сопоставления этических и лингвистических «понятий нормы, нормативной картины мира, альтернативности и выбора, практического рассуждения принятия решений» [Арутюнова 1988: 4]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что оценочность обладает прагматической направленностью. Оценка высказываний, поведения, различных явлений действительности является естественным поведением человека. При этом в процессе осмысления оценка приобретает смысловое выражение. Данная категория обнаруживает связь с модальностью, которую можно проследить при рассмотрении разнообразных модально-оценочных слов. Оценка предполагает квалификацию действительности по ряду критериев, таких как хорошо / плохо, полезно / вредно, приятно / неприятно, интересно / неинтересно, необходимо / ненужно, важно / неважно и других [Никитин 2000: 17]. Еще одной особенностью оценочности является то, что она

играет важную роль в репрезентации деятельности сознания человека [Там же: 7]. Таким образом, любая оценка отражает картину мира индивида. Человек практически ежеминутно обращается к данной категории, потому что каждый раз при принятии решения возникает необходимость оценить действия, их возможный результат и последствия.

К общеязыковым средствам выражения эксплицитной оценочности относятся (1) лексические (пейоративы, мелиоративы); (2) морфологические (суффиксы / аффиксы); (3) синтаксические (повествовательные, вопросительные, побудительные предложения); (4) фонетические (интонационные средства изменения частотных, динамических и временных компонентов речевого сигнала); (5) графические (курсив, кавычки, тире, многоточие, восклицательный знак, удвоение (утроение) отдельных графем) показатели. Указанные средства, отображают различные элементы коммуникативной ситуации и ее модус.

В свою очередь, к числу языковых средств имплицитной оценочности относятся: контекст, квазисинонимическая ситуация, квазицитата. Скрытая оценка может также осуществляться с помощью интонации – удивления, недоумения, восхищения, а также жестов и мимики [Якушина 2003].

Однако, большинство лингвистов считают, что основным уровнем выражения оценки является лексический. По мнению В. В. Виноградова «слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но и в то же время выражает оценку» [Виноградов 1986: 21]. Именно в данном свойстве оценочности заключается ее синергетическое сцепление с эвиденциальностью. Репрезентируя источник сведений и обрабатывая передаваемую информацию, субъект коммуникации использует те или иные эвиденциальные маркеры с целью воздействия на адресата. В качестве таких маркеров зачастую выступают эвиденциальные операторы, обладающие дополнительной семантикой оценочности. Рассмотрим актуализацию взаимосвязи эвиденциальности и оценочности на следующем примере:

(36) *He, too,* ***admires*** *himself for his qualities: his beauty, cleverness, talents and for his success and achievements* [Cambridge Dictionary] / *Он тоже* ***восхищается*** *собой – своими качествами: красотой, умом, талантами - а также своими успехами и достижениями.*

Высказывание (36) обладает эвиденциальным значением, выражаемым при помощи оператора усиления значимости высказывания *admire / восхищаться* (*to respect or approve of someone or something* [Cambridge Dictionary] / *уважать или одобрять кого-то или что-то*), указывающим на личный доступ говорящего к ситуации. При помощи оператора осуществляется не только передача, но и положительная квалификация сведений субъектом коммуникации. Таким образом, можно утверждать, что эвиденциальная семантика может дополняться значением оценочности.

Модально-оценочная квалификация автором / говорящим / субъектом коммуникации передаваемых сведений обусловлена прагматикой ЭВ. Синергетическое сцепление эвиденциальности и оценочности предполагает совмещение указательной и эмоционально-оценочной функции в рамках того или иного эвиденциального оператора и может способствовать формированию негативного, нейтрального или положительного отношения адресата / читателя к информации, преподносимой автором ЭВ. Необходимо отметить, что сцепление эвиденциальности и оценочности наблюдается не только на лексическом уровне. Более подробно взаимодействие указанных категорий будет рассмотрено в следующих параграфах настоящего исследования.

2.7.6. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «экспрессивность»

Отдельное место в системе модусных категорий занимает «экспрессивность». Различия в понимании данной категории лингвистами дополняют и уточняют теорию экспрессивности, способствуя ее лучшему пониманию и дифференциации в системе категорий модуса [Арнольд 1981;

Ахманова 1966; Васильев 1985; Галкина-Федорук 1958; Гридин 1983; Тошович 2006].

Так, О. С. Ахманова определяет «экспрессивность» как «выразительно-изобразительное качество речи, отличающее ее от обычной, стилистически нейтральной, придающее ей образность» [Ахманова 1966: 524]. Дополняя данное определение, Е. М. Галкина-Федорук описывает экспрессивность как «усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного… и все, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей» [Галкина-Федорук 1958: 101].

Ряд ученых усматривают в лингвистическом феномене экспрессивности когнитивно-психологическое основание. В частности, Л. М. Васильев считает экспрессивность структурным компонентом лексического значения, репрезентирующим интеллектуальное содержание, не выраженное в четких логических понятиях. По его мнению, основу категории «экспрессивность» составляют обобщенные представления о явлениях реальной действительности, а также их наглядно чувственные образы [Васильев 1962: 108]. В. И. Шаховский также рассматривает экспрессивность как компонент лексического значения языковой единицы, связанный с представлениями и выступающий качественной характеристикой речи [Шаховский 1975].

В свою очередь, Н. А. Лукьянова предлагает рассматривать данное понятие в двух смыслах – узком и широком. «В широком понимании экспрессивность рассматривается как свойство речи и приравнивается к выразительности. Экспрессивность в узком смысле оценивается как явление языка, как семантический признак слова и лексико-семантический вариант» [Лукьянова 1987: 22].

Наконец, в рамках текстолингвистического подхода, категория «экспрессивность» репрезентирует признак, соотносимый с «нейтральной формой изложения», причем вне данного соотнесения экспрессивность теряет логико-понятийное свойство неразличимости [Галеева 2002: 147]. Необходимо отметить, что подобная дихотомия («стандарт – экспрессия») [Adamzik 2004:

243] соответствует принципу организации языка как диагностической системы, характеризующейся двумя тенденциями: регулярностью и противоположной ей направленностью, выражающейся в экспрессивности, свойственной единицам всех языковых уровней [Гридин 1983].

Экспрессивность стремится к максимальному языковому разнообразию, к образной номинации с целью наибольшего воздействия на адресата сообщения. Тем самым экспрессивность оказывается ориентированной на говорящего (субъекта коммуникации) и адресата (читателя) и имеет своей целью выделение логического и эстетического в коммуникации, а также выражение воздействующего (положительно или отрицательно окрашенного) отношения субъекта коммуникации к сообщаемому и передачу данного отношения реципиенту [Голубева, Борисова 2012: 116]. Говорящий / пишущий прибегает к экспрессивности, исходя из «коммуникативно-прагматических установок, направленных на адресата» [Телия 1991: 105]. В этой связи экспрессивность часто рассматривается как совокупность семантико-стилистических признаков языковых единиц, используемых в коммуникативном аспекте как средство субъективного выражения отношения говорящего / автора / субъекта коммуникации к содержанию или адресату речи / читателю [БЭС 1998: 591].

В контексте современных исследований *экспрессивность понимается как модусная категория, используемая для выражения сознательного, целенаправленного, эстетизированного и субъективного отношения субъекта коммуникации к рассматриваемому объекту либо предмету* [Болдырев 2010, 2011; Голубева 2012; Козловский 2023; Ромашова 2001]. Экспрессивность представляет собой единство диктума, обязательных модусных смыслов и добавочного экспрессивно-интенционального модуса, обладает функцией воздействия и используется для усиления значимости высказывания [Ромашова 2001: 6]. Необходимо отметить, что экспрессивность является одной из основополагающих движущих сил в функционировании и развитии дискурса, поскольку способствует формированию новых средств, используемых для

наиболее полной репрезентации мыслей и чувств субъекта коммуникации [Аванесова 2010: 5; Bally 1935]. Тем самым экспрессивность не только эффективно реализует коммуникативные намерения автора / субъекта коммуникации, но и представляет образ его личности в дискурсивном пространстве [Рожнова 2014; Сакиева 1991].

В соответствии с данной точкой зрения, *в рамках настоящего исследования экспрессивность определяется как усиление выразительности сообщаемых автором / говорящим / субъектом коммуникации сведений с целью воздействия на восприятие адресата / читателя.* Экспрессивность выступает в качестве всеобъемлющего свойства дискурса, наиболее интенсивно передающего его смысл, в результате чего формируется его образное / необразное логическое усиление [Арнольд 1981: 62]. При этом под экспрессивностью дискурса понимается система языковых средств, с помощью которой его содержание и позиция автора / говорящего / субъекта коммуникации представлены более выразительно, заинтересовано и категорично [Маслова 1991: 179]. Экспрессивность мотивирована стремлением автора / говорящего / субъекта коммуникации усилить коммуникативную направленность сообщаемого для достижения перлокутивного эффекта [Ромашова 2001].

Модусная категория «экспрессивность» также включает разнообразные выражения, обладающие модально-оценочной / эмфатической / символической экспрессией [Васильев 1985: 5]. В пространстве дискурса экспрессивность может проявляться и усиливаться при соотношении экспрессивных высказываний с нейтральными по выразительности конструкциями на основе наличия / отсутствия особых приемов оптимизации речевого взаимодействия коммуникантов. Это положение весьма актуально для новостного, политического и рекламного типов дискурса, в которых экспрессивные средства имеют четко заданные прагматические цели.

Экспрессивные средства в языке характеризуются системностью. Главной особенностью данной системы является то, что она представлена единицами разных уровней языка. Категория «экспрессивность» может выражаться с

помощью различных лексических, морфологических, синтаксических и фонетических языковых единиц. Наличие многочисленных эксплицитных и имплицитных экспрессивных средств Ш. Балли выводит из «ассоциаций, порожденных присутствием в памяти выражений, аналогичных данному, создающих своего рода бессознательную синонимию» [Балли 1955]. Экспрессивные элементы способствуют усилению аргументированности высказывания, вступают во взаимодействие с другими языковыми показателями и тем самым упрощают восприятие наиболее сложных моментов изложения адресатом / читателем. По мнению Н. Н. Милованової, «с помощью экспрессивно-эмоциональных средств изложение материала уточняется, становится легко постижимым и наиболее убедительно выраженным» [Милованова 1976: 142]. Употребление экспрессивных средств необходимо для успешного осуществления коммуникации, так как доступность сведений во многом определяется их выразительностью. Введение в дискурс экспрессивных элементов помогает точнее донести до адресата содержание передаваемой информации [Кохтев 1976: 32].

К числу эксплицитных показателей экспрессивности принадлежат фонетический облик слов либо фразеологизмов, аллитерация, добавочное ударение, необычный интонационный рисунок предложения, нарушение стандартного порядка слов, ритм речи, а также специальные словообразовательные средства. Имплицитные маркеры экспрессивности представлены посредством образной мотивации, характерной для переосмысления семантики высказывания, а также алогизмами и парадоксами [Гаджиева 2020: 143].

В ходе формирования ЭВ субъект коммуникации, помимо определения источника информации, может выражать субъективное отношение к сведениям, осуществляя интерпретацию сообщаемого с помощью определенных экспрессивных средств, с целью оказания воздействия на адресата. Данный аспект характеризует синергетическое сцепление категорий «эвиденциальность»

и «экспрессивность». Для того, чтобы продемонстрировать, каким образом категория «экспрессивность» находит отражение в ЭВ, рассмотрим пример (37):

(37) *I'll* ***accept it on faith*** *that he knows the truth.* [Dictionary by Merriam-Webster] *Я* ***приму на веру****, что он знает правду.*

Анализируемое высказывание характеризуется семантикой непосредственной эвиденциальности, реализуемой при помощи оператора уверенности в знании *take on faith / принять на веру* (*to accept (something) as true without proof or evidence that it is true* [Cambridge Dictionary] / *принимать (что-то) за истину без доказательств того, что это правда*) используемого субъектом коммуникации для указания на личный доступ к сведениям, а также с целью демонстрации уверенности в их достоверности. Указанный маркер также репрезентирует субъективное отношение говорящего к информации,

акцентирует внимание адресата на содержании сообщения, а также усиливает выразительность речи субъекта коммуникации, что свидетельствует о близости значений эвиденциальности и экспрессивности.

Таким образом, репрезентативная функция ЭВ может совмещаться с экспрессивной, о чем свидетельствует использование автором / говорящим / субъектом коммуникации дополнительных лексических, синтаксических и стилистических средств создания экспрессивного плана выражения. В качестве таких средств могут выступать эвиденциальные операторы определенных групп. Экспрессивная семантика способствует приобретению сообщением дополнительных смысловых оттенков, наслаивающихся на основное значение ЭВ за счет интенсификации образности передаваемых сведений.

2.7.7. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «эмотивность»

ЭВ также могут характеризоваться эмотивной семантикой. В этой связи, рассмотрим особенности синергетического сцепления эмотивности и эвиденциальности. Суть лингвистического понимания категории «эмотивность»

состоит в естественной природе эмоциональности, ее принадлежности семантике слов. Эмотивность изучается как набор лингвистических средств (В. А. Маслова), как стилистическая категория (И. В. Арнольд, М. Н. Кожина, Т. В. Матвеева), как разновидность модальноro текста (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. Г. Гак), как один из аспектов семантики текста (В. И. Болотов). Однако, несмотря на наличие большого количества работ, рассматривающих особенности языкового выражения эмотивности, ученые отмечают недостаточную степень изученности данной категории [Арнольд 1981; Арутюнова 1981; Болотов 1981; Вольф 1979; Гак 1971; Кожина 2014; Матвеева 1990; Маслова 1991].

Согласно В. И. Шаховскому, эмотивность является языковой категорией, репрезентирующей эмоциональность как факт психики с помощью системы языковых средств. Эмотивность способствует актуализации индивидуальных и социальных эмоций, отраженных в семантике языковых единиц [Шаховский 2008: 69]. У эмотивности есть два плана: план содержания и план выражения. План содержания представляет смысловой компонент значения языковой единицы, связанный с отражением действительности в сознании говорящего, в то время как план выражения – эмотивный компонент, актуализирующий эмоциональные отношения / состояния коммуникантов. Эмотивно-содержательный план сопровождается модальной квалификацией (эмотивным компонентом), что способствует усилению эмотивной квалификации сообщаемого [Нагорный, Ивницкий 2020]. Сам по себе эмотивный компонент значения языковой единицы не несет информации об обозначаемом объекте, а связан исключительно с выражением эмоционального отношения субъекта коммуникации к транслируемым сведениям и относится к коннотации [Солодилова, Шепеля 2015: 176]. Подтверждение данной точки зрения можно найти в работе А. Вежбицкой, описывающей сигнификативный и коннотативный аспекты значения слова посредством метаязыка – определенной рамки, или фрейма: коннотативный аспект включен, по ее мнению, в модальную

рамку «я чувствую», а сигнификативный – в модальную рамку «я хочу сообщить» [Wierzbicka 1973: 146].

Выделение плана выражения и плана содержания эмотивности, а также разграничение смыслового и эмотивного компонентов обусловило изменение понимания природы данной категории. В рамках новейших исследований ученые относят эмотивность к числу модусных категорий [Кобрина 2006; Нагорный, Ивницкий 2020; Скубиева 2022; Филимонова 2005, 2007; Шевченко 2004]. *Модусная категория «эмотивность» репрезентирует эмоциональное состояние – чувства и эмоции говорящего / субъекта коммуникации, которые выражаются с целью каким-либо образом воздействовать на адресата / слушающего.* Тем самым эмотивность представляет собой взаимодействие иллокутивной цели (выразить эмоциональное состояние говорящего) и перлокутивной задачи (воздействовать на адресата), при этом иллокутивная цель выступает в качестве вспомогательного средства реализации перлокутивной задачи [Шевченко 2004: 6]. Описываемая семантика может быть представлена как в рамках устного, так и письменного дискурса [Филимонова 2007]. Эмотивность зачастую реализуется посредством презентации субъекта коммуникации через его сознание и речевые приемы. В этой связи О. Е. Филимонова использует понятие «лингворефлексия» для указания на содержащееся в дискурсе внутреннее размышление субъекта о фактах либо языковых единицах [Филимонова 2005]. Данный прием сопровождается лингвистической дифференциацией субъективного и объективного при помощи приемов межтекстовых включений и несобственно-прямой речи. Категория «эмотивность» предстает как сложная для систематизации область в силу того, что она имеет непосредственное отношение к психологии и эмоциональному состоянию человека [Синтоцкая 2000]. Таким образом, эмотивность обладает наиболее антропонимичной природой среди всех прочих модусных категорий, тесно связана с окружающей действительностью и взаимодействует с внутренним миром субъекта коммуникации.

Границы данной модусной категории размыты и обнаруживаются в основном в пространстве письменного дискурса. В подобном ракурсе эмотивность изучается с опорой на эмотивный фон, эмотивную тональность, эмотивную окраску, эмотивную направленность, эмотивную модальность и эмотивные интенции дискурса [Мамлеева 2008].

Актуализация эмотивности в дискурсе осуществляется на лексическом (антонимы, заимствования, лексика ограниченного употребления, междометия, синонимы, устойчивые выражения), морфологическом (префиксы, суффиксы), синтаксическом (межтекстовые включения, несобственно-прямая речь), фонетическом (ассонанс, аллитерация, ономатопея), а также графическом (дефис, курсив, многоточие) уровнях [Ленько 2011].

Одной из основных проблем при изучении категории «эмотивность» является разграничение эмотивности и экспрессивности. Смешение экспрессивного и эмотивного в языке приводит к тому, что термины «эмотивность» и «экспрессивность» зачастую используются как абсолютные синонимы [Там же]. Дифференциация данных понятий становится возможной в контексте рассмотрения эмотивности как функционально-семантической категории, экспрессивности как коммуникативной. Эмотивность, в таком случае, понимается как содержательная составляющая текста, а экспрессивность – как характеристика формы выражения содержательных сведений, иными словами, выразительности, яркости, образности, интенсивности. Эмотивный дискурс может являться экспрессивным и неэкспрессивным – констатирующим либо описывающим наличие у субъекта коммуникации определенного эмоционального состояния [Романова 2008].

Смешение значений эвиденциальности и эмотивности происходит на уровне ЭВ, которое может представлять собой описание чувств, эмоций и размышлений автора / нарратора / субъекта коммуникации в процессе интерпретации сведений и определении их источника. В качестве примера взаимодействия данных категорий можно привести ЭВ (38):

(38) *He **says** approaching bends he's **worried** because he has **flashbacks** of someone losing control and crashing into him* [Cambridge Dictionary] */ Он **говорит**, что, приближаясь к поворотам, он **беспокоится**, потому что у него возникают **воспоминания** о том, как кто-то теряет управление и врезается в него.*

Данное утверждение представляет собой комплексную эвиденциальную конструкцию, в процессе актуализации которой происходит наложение эвиденциальных клауз. Рассматриваемое сложноподчиненное предложение состоит из трех профаз и трех эпифаз, характеризующихся взаимодополнением и взаимопроникновением репрезентируемых модусных смыслов. Эвиденциальная семантика выражается при помощи оператора явного указания *say / говорить* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] */ произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*), оператора усиления значимости высказывания *worry / опасаться* (*to think about problems or unpleasant things that might happen in a way that makes you feel unhappy and frightened* [Cambridge Dictionary] / *думать о проблемах или неприятных вещах, которые могут произойти и чувствовать себя несчастным и напуганным*), а также оператора умственного восприятия *flashback / воспоминание* (*if you have a flashback to a past experience, you have a sudden and very clear memory of it* [Collins Dictionary] / *если у вас возникает воспоминание о прошлом, у вас появляется внезапное и очень четкое воспоминание о чем-либо*). Оператор *say / говорить* обладает значением прямой эвиденциальности, выступает в качестве вводного элемента комплексной эвиденциальной конструкции и используется для передачи фактической информации о событиях, представляющих собой описание размышлений субъекта коммуникации касательно негативного опыта вождения и передающих его угнетенное эмоциональное состояние. При этом оператор *flashback / воспоминание* указывает на внешний источник информации и репрезентирует ретроспективу событий, вызывающих беспокойство субъекта, что подчеркивается посредством оператора субъективной эвиденциальности

worry / опасаться. Переплетение значений эвиденциальных операторов, используемых субъектом коммуникации в ходе интерпретации сведений, маркировки их источника и отражающее его размышления, позволяет сделать вывод об эмоциональном состоянии субъекта, что свидетельствует о синергетическом сцеплении категорий «эвиденциальность» и «эмотивность».

Таким образом, взаимосвязь эвиденциальности и эмотивности проявляется в описании чувств, эмоций, субъективного отношения автора / субъекта коммуникации в ходе передачи сообщения и характеризации его источника. Обращение к дополнительной эмотивной семантике в ходе развертывания ЭВ может быть вызвано стремлением говорящего подчеркнуть значимость сведений, привлечь внимание либо изменить отношение адресата / читателя к описываемой проблематике. В качестве коммуникативной задачи эмотивной семантики может также выступать желание автора / субъекта коммуникации передать свои эмоции собеседнику, а не просто сообщить адресату о том или ином событии. Важно подчеркнуть, что значимым компонентом при рассмотрении синергетического сцепления категорий «эвиденциальность» и «эмотивность» является контекст, без которого не всегда возможно выявить эмотивность на уровне ЭВ. Особенности взаимодействия указанных категорий будут более подробно рассмотрены в следующих параграфах данного исследования.

2.7.8. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «аппроксимация»

В контексте обращения к оценочности немаловажным также является вопрос пересечения значений эвиденциальности и аппроксимации, представляющей собой еще одну разновидность модуса. По причине того, что аппроксимация связана с определенными компонентами клауз, либо относится ко всему высказыванию в целом, существуют различные трактовки данного понятия. Аппроксимация рассматривается как оценочная категория с добавочным оттенком приблизительности [Сорокин 1998], как субкатегория в

рамках функционально-семантической категории градуальности [Пристинская 1998], как оценочность по типу категоричность / некатегоричность в функции создания иронических смыслов и умолчания о достоверности информации [Смирнова 1998], как выражение неточного количества [Гулыга, Шенделькс 1969] либо как некатегоричная оценка степени актуализации признака [Вольф 1979]. По мнению Е. А. Бочаровой, категорию аппроксимации следует изучать совместно с категориями «неопределенность», «модальность», «интенсивность», «градуальность», «компаративность» [Бочарова 2002]. Е. Ю. Дубовицкая отмечает, что понятие «аппроксимация» составляют три основополагающих характеристики: приблизительность, сопоставляемость, неточность [Дубовицкая 2006: 8]. Существующие различия в трактовке и терминологии объясняются неполной изученностью аппроксимации, а также характерным для коммуникативных категорий многообразием репрезентируемых смыслов и языковых средств их выражения.

В рамках настоящего исследования мы рассматриваем аппроксимацию как модусную категорию. С точки зрения О. А. Кобриной, *аппроксимация репрезентирует субъективное отношение субъекта коммуникации к фактам действительности.* Данная категория обладает концептуально-языковой природой и ориентирована на оценку и интерпретацию сведений в ходе их языковой передачи [Болдырев 2005; Кобрина 2006]. Подобная оценка осуществляется при употреблении языковых единиц с семантикой приблизительности для обозначения той или иной степени неопределенности или неточности в знаниях говорящего. Посредством аппроксимации субъект выражает контекстные значения отсутствия четкого восприятия объекта ввиду различных экстралингвистических факторов, нежелания / неумения категорично и исчерпывающе выражать свои мысли, либо стремления представить объект / событие с меньшей степенью направленности, с соблюдением норм этикета, сдержанности, преуменьшения, либо уничижительности [Лужнова 2000: 249]. Наряду с этим приблизительные номинации могут быть обусловлены нерелевантностью точной номинации, либо поиском наиболее подходящего

обозначения предмета речи в ходе порождения высказывания, для того чтобы у адресата сформировалось верное представление о сообщаемом [Пристинская 2019: 247].

В качестве средств выражения аппроксимации выступают различные фонетические (интонация, акцентированность, паузация), морфологические (суффиксы, префиксы), лексические (частотные наречия), фразеологические (устойчивые словосочетания) и синтаксические (сочинительные союзы) показатели. Однако, чаще всего категория «аппроксимация» выражается именно лексическими средствами [Болдырев 2005: 33].

Семантическая близость аппроксимации и оценочности вызывает необходимость дифференциации данных категорий. Их главное отличие заключается в *нежелании, в случае аппроксимации, коммуникативного субъекта высказывания точно обозначить свое отношение к передаваемым сведениям*.

Синергетическое сцепление категорий «аппроксимация» и «эвиденциальность» состоит в использовании субъектом коммуникации лексических аппроксиматоров в ходе развертывания ЭВ. Маркеры категории «аппроксимация» способствуют более точной маркировке источника информации, а также интерпретации передаваемых сведений, результатом чего является оказание комплексного прагматического воздействия на адресата / читателя. Проследим взаимодействие указанных категорий на примере (39):

(39) *It is **almost certain** that such an appearance never took place* [Cambridge Dictionary] */ ***Практически наверняка** такого появления никогда не было*.

Рассматриваемое высказывание обладает эвиденциальной семантикой, актуализируемой посредством оператора *certain / наверняка* (*having no doubt or knowing exactly that something is true, or known to be true, correct, exact, or effective* [Cambridge Dictionary] */ не сомневаться или точно знать, что что-либо является истинным или заведомо правильным, точным и эффективным*). Указанный эвиденциальный оператор репрезентирует субъективную оценку источника высказываемых сведений. Вместе с тем, данное высказывание характеризуется значением аппроксимации, выражаемым при помощи

аппроксиматора *almost / практически* (*nearly, but not quite* [Cambridge Dictionary] / *практически, но не совсем*), который, примыкая к эвиденциальному оператору *certain / наверняка*, может указывать на отсутствие абсолютной уверенности субъекта коммуникации в достоверности своих слов, а также на его нежелание обозначать свое отношение к транслируемым сведениям. Подобное взаимодополнение значений эвиденциальности и аппроксимации указывает на синергетическое сцепление данных модусных категорий.

Таким образом, взаимодействие эвиденциальности и аппроксимации в рамках ЭВ проявляется в обращении к средствам объективации значения приблизительности в ходе передачи информации и квалификации ее источника. Аппроксиматоры могут употребляться автором / говорящим (прямая эвиденциальность) или субъектом коммуникации (косвенная эвиденциальность) в связи с незнанием точного наименования, природы, количества, объема и других характеристик актуализируемых сведений, описании сложных для восприятия адресата / читателя данных, либо ввиду нежелания быть категоричным при выражении своего мнения. Посредством использования аппроксиматоров говорящий также может стремиться снять с себя ответственность за неточные или недостоверные сведения, содержащиеся в ЭВ.

2.7.9. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «отрицание»

Еще одной модусной категорией, обладающей синергетическим сцеплением с эвиденциальностью является «отрицание». Интерес к данной категории в языкознании возник давно. На смену традиционному подходу к исследованию отрицания пришел когнитивный подход, что не только стало основанием для ее рассмотрения в новом ракурсе, но и позволило дополнить существующие научные разработки, а также открыть новые области изучаемой категории. Первоначально отрицание в языкознании исследовалось с позиции структурализма и упоминалось в работах О. С. Ахмановой и М. Я. Блоха [Ахманова 1966; Блох 1973]. Отрицание рассматривалось в качестве

грамматической категории, репрезентируемой на уровне предложения, однако данное понимание вскоре сменилось иным ракурсом научного рассмотрения, в рамках которого отрицание вошло в число семантических категорий. Подобных взглядов придерживались А. Т. Амиров, Н. С. Горкина и Г. Н. Макарова [Амиров 1981; Горкина 1971; Макарова 1978]. В ранних исследованиях Ш. Балли и А. М. Пешковского отрицание впервые рассматривалось на уровне высказывания [Балли 1961; Пешковский 1956]. Именно Ш. Балли стал ученым, который изучил функционирование отрицательных высказываний в речи. Акцентируя внимание на том, что при помощи отрицания субъектом коммуникации отвергается как ложное предыдущее утвердительное предложение, Ш. Балли пришел к заключению о том, что отрицание было тесно связано с порождением диалогической речи, а также с семантической модификацией предикатных слов. Данная идея получила развитие в работах Е. В. Падучевой, которая обращается к категориально-семантическому статусу отрицания [Падучева 2001].

Значительный вклад в изучение отрицания внесла прагматическая концепция, согласно которой отрицание понималось не как чисто грамматическая категория, но как комплексная коммуникативная операция, посредством которой субъект коммуникации передавал адресату отношение к факту действительности [Schmidt 1973: 181–182]. Тем самым отрицание выступало в качестве глубинного индикатора коммуникативного потенциала высказывания, обладающего функцией отклонения или изменения точки зрения адресата о положении вещей.

В контексте современных исследований категория «отрицание» обретает модусный статус. Это означает, что *отрицание выступает в качестве категории, семантическое содержание которой опирается на значение отсутствия чего-либо, а грамматический план соотносится с отрицательной оценкой предикативной связи, что не может происходить без наличия субъективного фактора – то есть без существования субъекта коммуникации.* Субъект осуществляет оценку сведений при определенных условиях

коммуникации, когда возникает необходимость отреагировать на происходящие события, например, интерпретировать полученную информацию, дать указания. Результат оценки может репрезентироваться в виде утверждения, заключения, вывода с отрицательной коннотацией [Болдырев 2005: 38].

Таким образом, модусная категория «отрицание» выражает отношение говорящего к содержанию высказывания, актуализируемое посредством отрицательных языковых средств, к числу которых принадлежат отрицательные частицы (*не, ни, по, not*), отрицательные префиксы (*im-, ir-, un-*), отрицательные местоимения (*никто, ничто, nobody, nothing*), отрицательные наречия (*незачем, никуда, nowhere, nothing*), отрицательные устойчивые словосочетания (*ни зги не видно, никакого покоя*) [Болдырев 2005]. В случае имплицитного выражения категории «отрицание» для осознания смысла высказывания особую роль приобретает контекст, интонация, порядок слов, а также такие экстралингвистические факторы, как речевая ситуация и внелингвистический опыт коммуникантов.

Синергетическое сцепление отрицания и эвиденциальности обнаруживается в обращении субъекта коммуникации к языковым средствам категории «отрицание» в ходе формирования ЭВ. Указанные средства дополнительно характеризуют источник сведений могут придавать высказыванию дополнительную семантику отрицания, удивления, недоумения, раздражения, наставления, сомнения, уверенности в знании. Посредством комбинации языковых показателей отрицания и эвиденциальности субъект коммуникации также может подчеркнуть, выделить, обратить внимание читателя на определенный факт, убеждая его в своих словах. Опишем специфику взаимосвязи обозначенных категорий, рассмотрев следующий пример:

(40) *It* ***seems impossible*** *that I could have walked by without noticing her* [Cambridge Dictionary] / ***Кажется невозможным****, что я мог пройти мимо, не заметив ее.*

Высказывание (40) обладает семантикой прямой эвиденциальности, актуализируемой посредством эвиденциального оператора сомнения *seem* /

казаться (*to give the effect of being; to be judged to be* [Cambridge Dictionary] / *создавать впечатление; оцениваться как существующий*), указывающего на субъективный характер передаваемых сведений, а также оператора усиления значимости высказывания *impossible / невозможно* (*if an action or event is impossible, it cannot happen or be achieved* [Cambridge Dictionary] / *если действие или событие невозможно, оно не может произойти или быть достигнуто*), включающего в себя отрицательный префикс *im-*. Подобное сочетание модусных показателей эвиденциальности и отрицания придает сведениям категоричный характер.

В целом, синергетическое сцепление эвиденциальности и отрицания предполагает приобретение транслируемыми в рамках ЭВ сведениями добавочной семантики, способствующей модификации действия, актуализируемого эвиденциальным оператором, либо, в случае отнесенности маркера отрицания к высказыванию в целом, к изменению значения всего высказывания и определяется коммуникативным замыслом автора / говорящего / субъекта коммуникации. Итогом взаимодействия эвиденциальности и отрицания является формирование определенной картины действительности в сознании адресата / читателя за счет употребления отрицательной семантической полярности.

2.7.10. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «темпоральность»

В связи с тем, что модусная категория «эвиденциальность» связана с передачей сведений в контексте определенного времени, немаловажным является вопрос взаимодействия эвиденциальности и темпоральности. Данная категория является объектом пристального внимания многих лингвистов [Бондарко 1990; Борисова 1997; Голубева 1989; Ефремова 2014; Золотова 2002; Мордкович 2015; Сударева 2007; Смирнов 2010].

Согласно точке зрения А. В. Бондарко, темпоральность представляет собой категорию, репрезентирующую восприятие и осмысление индивидом времени

рассматриваемых событий и их особенностей по отношению к моменту речи субъекта коммуникации, либо иной точки отсчета [Бондарко 1990]. В связи с тем, выступает ли в качестве временного центра момент высказывания либо иной момент, А. В. Бондарко выделяет абсолютное и относительное время. В случае абсолютной временной организации временным центром, к которому относится высказывание является момент речи субъекта коммуникации. В ситуации относительной организации в качестве центра выступает момент, обозначенный лингвистическими средствами, репрезентирующими показатели исходного момента времени, в отношении которого определяется время данного действия.

Как модусная категория темпоральность выражает актуализируемую в речи субъекта коммуникации специфическую взаимосвязь моментов времени и временных характеристик. Другими словами, темпоральность способствует временной локализации событий по отношению к факту сообщения. Кроме того, употребление определенных временных рамок в ходе передачи различного рода сведений способствует определению образа субъекта коммуникации [Богуславская 2022: 34]. Модусная категория «темпоральность» изучает динамику различных явлений и процессов действительности, характерные черты которых обусловлены коммуникативной спецификой взаимодействия. В дискурсивном контексте в качестве объекта исследования темпоральности выступает временная сущность явлений, динамика изменений явлений и процессов действительности, качественная особенность которых обусловлена коммуникативной направленностью дискурса [Ярская-Смирнова 2021].

Основным средством выражения категории «темпоральность» выступают временные формы глагола (*знал, видел, understood, hear*). Помимо этого, значение времени актуализируется посредством аналитических форм страдательных причастий (*был изучен, будет прочитан, was studied, will be introduced*), формами полных причастий прошедшего и настоящего времени (*прочитанный, написанный, emphasized, estimated*), безглагольными синтаксическими конструкциями с семантикой настоящего времени (*был, будет*), деепричастиями в составе полипропозитивных предложений

(*усматривая, прочитав, watching, listening*), лексическими и контекстуальными показателями темпоральных отношений, не обладающими однородной структурной характеристикой (*в более поздних произведениях, вспоминается, later on, afterwards*), лексическими обстоятельственными маркерами (*сейчас, завтра, currently, tomorrow*), конструкциями с временными союзами (*когда, пока, while, when*), а также различными устойчивыми словосочетаниями (*давным-давно, во времена, bring back to memory, turn back time*) [Кораблина 2018: 46].

Синергетическое сцепление темпоральности и эвиденциальности можно проследить в контексте временной отнесенности операторов категории «эвиденциальность» в процессе формулирования ЭВ субъектом коммуникации, а также ЭДК, включающего темпоральные показатели, способствующие уточнению временной привязки передаваемых сведений и спецификации их источника. Примером взаимодействия эвиденциальности и темпоральности является утверждение (41):

(41) *I* ***understand*** *that the show* ***will go on****, but with a different cast* [Cambridge Dictionary] */ Я* ***понимаю****, что шоу будет продолжаться, но с другим актерским составом.*

Данное высказывание обладает семантикой косвенной непосредственной эвиденциальности, репрезентируемой при помощи оператора умственного восприятия *understand / понимать* (*to believe something is true because you have been told something that causes you to think it* [Cambridge Dictionary] */ верить в истинность чего-либо, потому что вам сообщили то, что заставляет вас так думать*), маркирующего эндофирический источник сведений. Немаловажно, что указанный оператор, обнаруживается в профазе *I understand / я понимаю* и характеризуется временной формой *Present Simple Tense,* что соотносит высказывание с определенным моментом настоящего, выступающим в качестве центра абсолютной временной организации дискурсивного контекста. Тем самым субъект коммуникации играет центральную роль в повествовании, определяет направление развертывания ЭВ, в частности, обращаясь к временной

форме *Future Simple* в рамках эпифазы *the show will go on, but with a different cast / что шоу будет продолжаться, но с другим актерским составом* для представления сведений о дальнейшей судьбе шоу. Подобное взаимопроникновение значений эвиденциальности и темпоральности свидетельствует о синергетическом сцеплении данных модусных категорий.

В целом, взаимодействие указанных категорий носит совмещенный (диффузный) эвиденциально-темпоральный характер и проявляется в отражении временных отношений между автором / говорящим / субъектом коммуникации, актуализирующим те или иные сведения и непосредственным содержанием сообщения, репрезентируемым диктумной частью ЭВ и происходящим в определенный момент времени. Посредством темпоральности автор / говорящий / субъект коммуникации также выражает временную засвидетельствованность / незасвидетельствованность действия, выражаемого модусной частью ЭВ. Тем самым синергетическое сцепление эвиденциальности и темпоральности способствует формированию двучленных модусно-диктумных оппозиций.

2.7.11. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «восприятие»

Наконец, эвиденциальность оказывается тесно связанной с модусной категорией «восприятие». Восприятие представляет собой субъективное познание предметов и объективных ситуаций субъектом коммуникации, характеризующееся специфическим переживанием непосредственного контакта с реальным миром [Запорожец 1967]. Несмотря на то, что исследованию восприятия посвящены множество трудов [Апресян 1995; Бондарко 2004; Колесов 2008; Муравьева 2016; Падучева 2001; Рябцева 2005; Хасанова 2015], проблема принадлежности понятия «восприятие» к диктумной или модусной части высказывания до сих пор является одной из дискуссионных тем в лингвистике.

Существует два понимания семантики восприятия. Первое из них рассматривает событийную пропозицию восприятия, представляющую собой

модус [Шмелева 1988]. Противоположной точки зрения придерживается Г. А. Золотова, которая отмечает, что пропозиция «восприятие» теряет рамочную структуру и репрезентирует семантику диктума [Золотова 2004: 280]. Тем не менее, в ходе исследования типологии пропозиций, Т. В. Шмелева определяет пропозиции, которые могут относиться и к диктумной, и к модусной части. К числу подобного типа пропозиций исследователь относит восприятие, отмечая его близость к модусной семантике [Шмелева 2008].

В рамках настоящего исследования мы придерживаемся взглядов Т. И. Кораблиной, которая *рассматривает восприятие в качестве модусной категории, обнаруживаемой в ходе анализа дискурса* [Кораблина 2018]. Восприятие относится к области субъективного в связи с тем, что «процесс ви́дения» ограничен «видящим лицом» [Вежбицка 1986: 345]. Схожее понимание восприятия демонстрирует Н. К. Рябцева, отмечая антропоцентричность перцептивно полученных знаний, поскольку любой человек воспринимает происходящее свозь призму своей картины мира [Рябцева 2005: 234]. *Восприятие обладает субъективным характером, так как обусловливается особенностями личности автора / субъекта коммуникации, сознание которого выделяет из реальности значимые для него детали.* Таким образом, можно говорить об интерпретирующем характере восприятия.

В своей работе «Память и вербализация прошлого опыта» У. Л. Чейф развивает данные взгляды. По мнению ученого, все то, что принадлежит сознанию является убеждением по отношению к тому, что составляет действительность. Данное убеждение формируется посредством органов чувств, окружающего дискурсивного контекста, а также культурной и личностной предрасположенности. Сочетание данных факторов способствует осуществлению интерпретации происходящих в реальном мире событий [Чейф 1983: 37].

В качестве главного средства выражения категории «восприятие» в дискурсивном пространстве выступает слово: его лексическое значение и особенности словоупотребления. Лексические единицы – в первую очередь,

глаголы, становятся маркерами репрезентации модуса восприятия. Восприятие также выражается при помощи местоимений, частиц, союзов, наречий, а также номинативных предложений. Морфологические показатели, такие как вид, время, наклонение, лицо, падеж являются вспомогательными средствами актуализации восприятия. Наряду с этим, подобную вспомогательную роль выполняют синтаксические конструкции, репрезентация которых обусловлена грамматическими особенностями реализации перцептивной лексики, либо смысловым контекстом использования употребляемых конструкций [Авдевнина 2014; Ван 2013: 213].

Синергетическое сцепление модусных категорий «восприятие» и «эвиденциальность» обнаруживается в области пересечения их значений. Семантика категории восприятия соприкасается с эвиденциальной в контексте обозначения авторства сведений (свои / чужие), способа получения информации (услышал / увидел / почувствовал / сделал выводы), а также отношения к передаваемым сведениям (сомнение / уверенность / предчувствие). Перечисленные значения являются общими для восприятия и эвиденциальности, однако, смысловое поле последней представляется значительно шире. Тем самым мы можем говорить о включении значений категории «восприятие» в эвиденциальную семантику. Проиллюстрируем высказанное положение следующим примером:

(42) *We **noticed** first that the velocity of the downstream or upstream waves decreases with rising throughput* [Cambridge Dictionary] / *Сначала мы **заметили**, что скорость нисходящих или восходящих по течению волн уменьшается с увеличением пропускной способности.*

Пример (42) обладает семантикой прямой непосредственной эвиденциальности, актуализируемой при помощи оператора чувственного восприятия *notice / заметить* (*to see or hear somebody / something; to become aware of somebody / something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *видеть или слышать кого-либо / что-либо; узнавать о ком-либо / о чем-либо*). При помощи данного оператора передаются выводы субъектов коммуникации относительно

зависимости скорости нисходящих или восходящих волн от пропускной способности. Формируемая эвиденциальная семантика совпадает с семантикой категории «восприятие», что позволяет говорить о взаимопроникновении репрезентируемых посредством данных категорий смыслов и, как следствие, о синергетическом сцеплении указанных категорий.

Таким образом, взаимосвязь эвиденциальности и восприятия прослеживается как в модусной части ЭВ, содержащей авторскую / субъектную квалификацию сведений и их источника, так и в диктумной части, репрезентирующей событийную пропозицию передаваемого сообщения. Ввиду того, что восприятие напрямую обусловлено особенностями личности автора / субъекта коммуникации, такого рода семантика придает любому ЭВ субъективный характер. Интерпретирующая направленность восприятия также позволяет говорящему выделять в сообщении наиболее значимые для него детали, с целью оказания воздействия на адресата / читателя.

2.8. Типы взаимодействия эвиденциальности и других модусных категорий

В предыдущем параграфе были представлены особенности синергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий. Как показало исследование, обладающая основным значением передачи сведений и маркировки их источника модусная категория «эвиденциальность» формирует информационный базис дискурсивного высказывания. Реализуя принципы лингвосинергетического взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации, эмоционально-оценочные смыслы и значения, характерные для других модусных категорий вступают во взаимодействие с модусом эвиденциальности, что способствует уточнению источника информации, а также более точной интерпретации сведений субъектом коммуникации. Приобретенные ЭВ смыслы позволяют субъекту коммуникации более эффективно и активно воздействовать на адресата высказывания для достижения поставленной коммуникативной цели. Кроме того, в дискурсивном

пространстве эвиденциальность предстает не только как инструмент передачи сведений об источнике информации, но и одновременно репрезентирует отношение субъекта коммуникации к сообщаемым фактам, тем самым способствуя формированию определенной картины действительности в сознании адресата высказывания.

В русле настоящего исследования особое значение приобретает выявление типов взаимодействия эвиденциальности и других модусных категорий, а также определение возможных комбинаций выражаемых модусных смыслов в представленной синергетической эвиденциальной модели. Рассмотрение языкового материала по данной проблематике позволяет определить, что в дискурсивном пространстве они реализуют два возможных типа взаимодействия – *взаимопроникновение и взаимодополнение* модусных смыслов.

Взаимопроникновение характеризуется имплицитным взаимодействием и осуществляется на семантическом уровне том в случае, когда посредством эвиденциальных показателей могут выражаться те или иные модусные смыслы. Данный тип сцепления также реализуется за счет включения одного субъективного модусного смысла в другой в ситуации, когда эвиденциальность оказывается в семантическом плане шире, чем другая модусная категория. Необходимо отметить, что взаимопроникновение может реализовываться в том случае, если модусные смыслы эвиденциальности и других категорий пересекаются в *узловых точках* развертывания рассматриваемого ЭДК, к числу которых мы относим точку обозначения сведений о субъекте коммуникации, а также точку актуализации оператора в ЭВ. В силу того, что узловые точки развертывания обнаруживаются в области профазы, в соответствии с описанной в п. 2.5. моделью ЭВ они одновременно являются точками бифуркации, определяющими направление развития и самоорганизации ЭДК.

Однако синергетическое сцепление эвиденциальности и других категорий модуса может осуществляться не только на семантическом уровне, но также и на уровне сочетаемости показателей репрезентируемых субъективных смыслов. В этом случае можно говорить о реализации лингвосинергетического

взаимодополнения. *Взаимодополнение* может осуществляться при обнаружении дополнительных модусных смыслов в *промежуточной области* развертывания ЭДК, к которой принадлежит все его пространство за исключением точек развертывания ЭВ. Необходимо отметить, что дискурсивные единицы, обладающие модусной семантикой, дополняющие базовую эвиденциальную семантику и принадлежащие промежуточной области развертывания ЭДК относятся к числу точек бифуркации в соответствии с основополагающим лингвосинергетическим принципом самоорганизации пространства дискурса.

Таким образом, тип синергетического сцепления эвиденциальности с другими модусными категориями также оказывается непосредственно связанным с особенностями взаимодействия языковых средств выражения данных категорий. При этом возможны два варианта: (1) полное совпадение средств актуализации эвиденциальности и других модусных категорий в ЭВ в рамках анализируемого дискурсивного контекста; (2) взаимодействие эвиденциальных операторов с маркерами других модусных категорий в пространстве ЭВ / ЭДК.

Таким образом, в зависимости от лингвистических средств актуализации модусных категорий, вступающих во взаимодействие с эвиденциальностью, а также по причине того, что одни и те же эвиденциальные маркеры могут одновременно принадлежать к нескольким группам операторов, эвиденциальность коррелирует с различными модусными категориями неодинаково. В ходе проведенного лингвосинергетического анализа было выделено четыре подтипа синергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий:

1. *Обязательное взаимопроникновение*

Данный подтип предполагает обязательное включение значений других модусных категорий в смысловое поле эвиденциальности (*Ev*), что обусловлено ее более широкой семантикой. К числу таких категорий относятся «авторизация» (*A*), «персональность» (*Ps*) и «восприятие» (*Ap*).

Синергетическое сцепление эвиденциальности (*Ev*) и авторизации (*A*) отражает принцип взаимопроникновения модусных смыслов, что связано с обязательным включением семантики свое / чужое в область модусных эвиденциальных смыслов. Рассмотрим специфику взаимодействия эвиденциальности с авторизацией, проанализировав пример (43):

(43) *Russia's flagship airline Aeroflot has suspended several pilots for refusing to vaccinate against the coronavirus, the RBC news website* ***reported*** *Monday,* ***citing*** *a company spokesperson* [Russian Airline Aeroflot Suspends Unvaccinated Pilots 2021] / *Флагманская авиакомпания России «Аэрофлот» отстранила от полетов несколько пилотов за отказ от вакцинации от коронавируса,* ***сообщил*** *в понедельник новостной сайт РБК* ***со ссылкой*** *на представителя компании.*

В рассматриваемом высказывании эвиденциальная семантика репрезентируется посредством оператора явного указания *report / сообщать* (*to give a description of something or information about it to someone* [Cambridge Dictionary] / *предоставить кому-либо информацию или описание чего-либо*), а также оператора умственного восприятия *cite / ссылаться* (*to speak or write words taken from a particular writer or written work* [Cambridge Dictionary] / *произносить или писать слова, уже озвученные другим автором или в другом письменном произведении*), используемых для передачи данных об отстранении непривитых пилотов от полетов и указывающих на опосредованный характер получения информации. Указанные операторы также обладают значением авторизации, характеризуя представляемые сведения как «чужое», что позволяет автору снять с себя ответственность за их достоверность.

Аналогичная ситуация наблюдается при рассмотрении сцепления эвиденциальности (*Ev*) и персональности (*Ps*). Особенность взаимодействия данных модусных категорий обусловлена тем, что эвиденциальность в семантическом плане шире: значение соотнесения ситуации с субъектом коммуникации репрезентирует лишь одно из смысловых полей эвиденциальности. Тем самым сцепление указанных категорий отражает

принцип лингвосинергетического взаимопроникновения. Проиллюстрируем высказанные положения примером (44):

(44) (a) *Russia's labor minister* ***warned*** *this summer that unvaccinated workers risk being sent on unpaid leave.* (b) *He* ***noted****, however, that Russia's labor code does not prescribe firings for refusing vaccination* [Russian Airline Aeroflot Suspends Unvaccinated Pilots 2021] / (a) *Этим летом министр труда России* ***предупредил****, что непривитые рабочие рискуют отправиться в неоплачиваемый отпуск.* (b) *Однако он* ***отметил****, что Трудовой кодекс России не предусматривает увольнений за отказ от прохождения вакцинации.*

Настоящий дискурсивный контекст характеризуется семантикой косвенной эвиденциальности, выражаемой при помощи оператора прогнозирования *warn / предупреждать* (*to make someone realize a possible danger or problem, especially one in the future* [Cambridge Dictionary] / *заставить кого-то осознать возможную опасность или проблему, особенно в будущем*) (см. базовое высказывание (a)), а также оператора усиления значимости высказывания *note / отмечать* (*to give your attention to something by discussing it or making a written record of it* [Cambridge Dictionary] / *уделять внимание чему-либо, обсуждая или делая письменную запись об этом*) (см. развитие темы (b)), используемых для передачи информации о возможных последствиях отказа от вакцинации. Косвенный характер информации подчеркивается за счет несовпадения автора новостного отрывка с субъектом коммуникации в точке бифуркации *labor minister / министр труда России.* Данное обстоятельство также свидетельствует о нейтральном отношении автора к репрезентируемым сведениям, что позволяет говорить о взаимопроникновении значений эвиденциальности и персональности в рамках рассматриваемого дискурсивного контекста.

В свою очередь, категория «восприятие» (*Ap*) представляет более сложный тип синергии с категорией «эвиденциальность» (*Ev*). Автор / говорящий / субъект коммуникации воспринимает информацию о событии и его источнике сквозь призму личной картины мира, интерпретирует и передает

сведения, осуществляя их квалификацию посредством того или иного эвиденциального оператора. Данное обстоятельство указывает на то, что взаимодействие эвиденциальности и восприятия происходит исключительно в узловых точках ЭВ, объединяет субъект коммуникации и квалифицирующий эвиденциальный оператор и репрезентирует принцип взаимопроникновения модусных смыслов. Особый интерес вызывает пример (45) из журнала *The Moscow Times*:

(45) *The pilots' labor union complained to Aeroflot CEO Mikhail Poluboyarinov of discrimination,* ***arguing*** *that unvaccinated flight attendants and technical support staff do not face similar dismissals* [Russian Airline Aeroflot Suspends Unvaccinated Pilots 2021] / *Профсоюз пилотов пожаловался генеральному директору Аэрофлота Михаилу Полубояринову на дискриминацию,* ***аргументируя*** *это тем, что непривитым бортпроводникам и сотрудникам службы технической поддержки не грозят подобные меры.*

Эвиденциальная семантика высказывания (45) передается при помощи оператора усиления значимости высказывания *argue / аргументировать* (*to give the reasons for your opinion, idea, belief, etc.* [Cambridge Dictionary] / *выражать свое мнение, идеи, убеждения и т.д.*), используемого при передаче высказываний членов профсоюза пилотов и свидетельствующего об их уверенности в достоверности сообщаемых сведений. При этом разграничение позиции автора новостного отрывка и субъекта коммуникации в точке бифуркации *the pilots' labor union / профсоюз пилотов* может свидетельствовать о субъективном характере сообщаемых фактах, воспринимаемых сквозь призму субъективной картины мира сотрудников. Таким образом, можно говорить о взаимопроникновении значений эвиденциальности и восприятия в рамках настоящего дискурсивного контекста. Также необходимо отметить, что подобное сочетание модусной семантики может использоваться для формирования у читателя понимания важности вакцинации в условиях пандемии во избежание возникновении проблем на рабочем месте.

2. Обязательное взаимодополнение / взаимопроникновение

Данный подтип связан с необходимостью реализации одного из основополагающих принципов синергетики – взаимодополнения либо взаимопроникновения модусных смыслов в ходе осуществления взаимодействия эвиденциальности (*Ev*) и других модусных категорий.

В рамках выделенной модели синергетического сцепления к числу таких категорий относится темпоральность (*T*). Указанная модусная категория принадлежит к ядру эвиденциальной семантики исключительно в случае актуализации ЭВ посредством операторов, выраженных глаголами, причастиями и деепричастиями. Во всех иных случаях (например, в ситуации, когда в качестве эвиденциального оператора выступает существительное) синергетическое сцепление эвиденциальности и темпоральности реализует принцип взаимодополнения модусных смыслов. Подтверждением высказанным выше положениям могут служить примеры (46), (47):

(46) *He **argued** that Aeroflot, which **employs** 2,300 pilots, should not **adopt** punitive measures against unvaccinated employees **given** that the airline **reached** an 84 % vaccination rate among its overall staff* [Russian Airline Aeroflot Suspends Unvaccinated Pilots 2021] */ Он **утверждал**, что Аэрофлот, в котором **работают** 2300 пилотов, не должен принимать карательные меры против невакцинированных сотрудников, **принимая во внимание тот факт**, что уровень вакцинации среди всего персонала авиакомпании **составил** 84 %.*

Рассматриваемое ЭВ содержит эвиденциальный оператор усиления значимости высказывания *argue / утверждать* (*to give the reasons for your opinion about the truth of something or to explain why you believe something should be done* [Cambridge Dictionary] / *обосновывать свое мнение об истинности чего-либо или объяснить, почему вы считаете, что что-то должно быть сделано*), а также оператор явного указания *given / принимая во внимание тот факт, что* (*knowing about or considering a particular thing / знать или принимать во внимание какой-то конкретный факт*). Обозначенные эвиденциальные маркеры свидетельствуют о непосредственном способе получения сведений с

опорой на достоверный источник информации. В рамках данного дискурсивного контекста также происходит взаимопроникновение и взаимодополнение семантики эвиденциальности и темпоральности за счет употребления форм настоящего и прошедшего времени. При этом взаимопроникновение актуализируется в описанных выше эвиденциальных операторах профаз *argue / утверждать* и *given* / *принимая во внимание тот факт, что,* в то время как взаимодополнение обнаруживается в эпифазах эвиденциальных клауз и актуализируется темпоральными показателями *employs / работают*, *adopt / принимать* и *reached / составил*. Подобное сочетание модусной семантики указанных категорий в точках бифуркации способствует формированию двучленных диктумно-модусных оппозиций, а также самоорганизации пространства ЭВ и может свидетельствовать о стремлении автора убедить читателя в необходимости прохождения вакцинации от коронавируса, в том числе за счет указания процента уже привитых сотрудников с целью формирования коллективного поведенческого эффекта.

(47) (a) *The fact that atoms* ***are*** *also waves* ***can have*** *important applications.* (b) *"Build a better accelerometer and the world will make a beaten path to your door"* [Quantum weirdness helps design better accelerometers 2021] / (a) *Тот* ***факт***, *что атомы также* ***являются*** *волнами,* ***может иметь*** *важное практическое применение.* (b) *«Постройте лучший акселерометр, и мир проложит проторенный путь к вашей двери».*

Дискурсивный отрывок (47) посвящен описанию современных разработок в области акселерометров. Семантика косвенной эвиденциальности передается при помощи оператора явного указания *fact / факт* (*something that is known to have happened or to exist, especially something for which proof exists, or about which there is information* [Cambridge Dictionary] / *что-то, о чем известно, что оно произошло или существует, особенно то, для чего существуют доказательства или о чем есть информация*), подчеркивающего достоверность передаваемых сведений о природе атомов (см. базовое высказывание (a)). Пересечение значений эвиденциальности и темпоральности происходит в промежуточной

области развертывания ЭВ (a) и репрезентируется клаузой *atoms are also waves can have important applications / атомы также являются волнами*, актуализирующей семантику настоящего времени. Немаловажно, что расположение темпоральных показателей *are / являются* и *can have / может иметь* в области эпифазы свидетельствует о ситуации относительной временной организации и позволяет сместить смысловой акцент высказывания на необходимость применения результатов исследования в практической деятельности. Значимость представленных сведений подкрепляется пародией на известную метафору Р. У. Эмерсона, посвященной силе инноваций и представляющей развитие темы (b). Подобная комплексная модусная синергетическая семантика может использоваться автором для того, чтобы привлечь внимание читателя к настоящей статье, а также может свидетельствовать об оригинальности и актуальности приведенных в ней данных.

3. Возможное взаимодополнение

Данный подтип характеризуется возможностью реализации синергетического принципа взаимодополнения модусных смыслов в рамках осуществления взаимодействия эвиденциальности (*Ev*) и других модусных категорий. На основании описанной модели синергетического сцепления к числу таких категорий можно отнести аппроксимацию (*Aprx*).

Как показало исследование взаимодействия эвиденциальности (*Ev*) и аппроксимации (*Aprx*), модусные значения последней формируются исключительно в промежуточной области развертывания ЭВ в пространстве дискурсивного контекста. Данное обстоятельство оказывается связанным с особенностями лингвистической представленности аппроксимации в дискурсивном пространстве. Аппроксиматоры вступают во взаимодействие с эвиденциальными операторами, дополняют их семантику и способствуют маркировке источника информации, а также интерпретации сведений субъектом коммуникации. Для того, чтобы проследить синергетическое сцепление эвиденциальности и аппроксимации, обратимся к примеру (48):

(48) *But one also wants some* ***sort of explanation*** *for why being a non-calculating friend makes one's life better* [Cambridge Dictionary] */ Но человек также хочет получить* ***какое-то объяснение*** *тому, почему не стоит быть расчетливым с друзьями.*

Рассматриваемое высказывание обладает семантикой косвенной эвиденциальности, актуализируемой посредством эвиденциального оператора явного указания *explanation / объяснение* (*the details or reasons that someone gives to make something clear or easy to understand to have a particular idea or opinion about something/somebody; to believe something* [Cambridge Dictionary] / *детали или причины, которые кто-то приводит, чтобы сделать что-то ясным или легким для понимания, чтобы иметь определенное представление или мнение о чем-то / ком-то; верить во что-то*) в сочетании с аппроксиматором *sort of / какой-то (used to describe a situation approximately* [Cambridge Dictionary] */ используется для приблизительного описания ситуации*). Представленный маркер аппроксимации придает транслируемым сведениям добавочное значение приблизительности, что позволяет сделать вывод о дополнении эвиденциальной семантики значением аппроксимации в рамках настоящего ЭВ.

4. Возможное взаимодополнение / взаимопроникновение

Данный подтип предполагает возможность реализации базовых синергетических принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов в ходе осуществления взаимодействия эвиденциальности (*Ev*) и других модусных категорий. Настоящий подтип является наиболее распространенным ввиду разнообразия существующих средств актуализации модусных категорий в дискурсивном пространстве. К числу категорий, принадлежащих к данному подтипу, относятся «отрицание» (*D*), «персуазивность» (*P*), «экспрессивность» (*Ex*), «эмотивность» (*Emt*), «оценочность» (*Evl*) и «модальность» (*M*).

В случае категории «отрицание» (*D*) актуализируемый тип синергетического сцепления с эвиденциальностью (*Ev*) зависит от лексических средств выражения семантики отрицания. О взаимопроникновении модусных

смыслов речь может идти в контексте репрезентации отрицания при помощи отрицательных префиксов и устойчивых словосочетаний. Взаимодополнение обнаруживается при выражении семантики отрицания посредством отрицательных частиц, отрицательных местоимений и отрицательных наречий, которые вступают во взаимодействие с эвиденциальным оператором. Лингвосинергетический анализ примеров (49), (50) позволит подтвердить высказанные положения:

(49) *It is* ***impossible*** *that old prejudices and hostilities should longer exist, while such an instrument has been created for the exchange of thought between all the nations of the earth* [What the Internet cannot do 2020] / ***Невозможно****, чтобы старые предрассудки и вражда продолжали существовать, с момента появления этого инструмента, позволяющего обмениваться мыслями всем народам земли.*

Эвиденциальность в данном примере передается при помощи оператора усиления значимости высказывания *impossible / невозможно* (*if an action or event is impossible, it cannot happen or be achieved* [Cambridge Dictionary] / *если действие или событие невозможно, оно не может произойти или быть достигнуто*), репрезентирующего непосредственный способ получения информации и демонстрирующего уверенность субъекта коммуникации в достоверности утверждения о судьбоносном характере возникновения интернета и оказываемого им воздействия на человечество. В рамках ЭВ можно наблюдать сочетание модусной семантики эвиденциальности и отрицания, возникающее в узловой точке развертывания (точке бифуркации) рассматриваемого дискурсивного контекста, представленной эвиденциальным оператором. При этом отрицание актуализируется негативным префиксом *im-*, что позволяет говорить о реализации принципа синергетического взаимопроникновения модусных смыслов данных категорий. Выбор автором новостного отрывка оператора с негативным префиксом не только указывает на стремление автора выразить свое отношение к передаваемым сведениям, но и

может свидетельствовать о его желании подчеркнуть важность своих слов с целью оказания определенного воздействия на читателя.

(50) (a) *The correlations between higher weight and greater health risk are weak except at statistical extremes.* (b) *The extent to which those correlations are causal is poorly established.* (c) *There is literally* ***not*** *a shred of* ***evidence*** *that turning fat people into thin people improves their health.* (d) *And the* ***reason*** *there's* ***no evidence*** *is that there's* ***no*** *way to do it* [America's Moral Panic Over Obesity 2009] / (a) *Сложно проследить взаимосвязь между излишним весом и повышенным риском для здоровья, за исключением крайних статистических показателей.* (b) *Плохо установлена степень причинности данной взаимосвязи.* (c) *На самом деле* ***не*** *существует исключительных* ***доказательств*** *того, что похудение благоприятно сказывается на здоровье человека.* (d) *И* ***причина****, по которой не существует* ***доказательств****, заключается в том, что нет способа получить их.*

ЭДК (50) является фрагментом газетной статьи, посвященной проблеме лишнего веса у населения США (см. базовое высказывание (a)). Формируемая эвиденциальная семантика является результатом отражения объективного хода событий (см. развитие темы (b)) и репрезентируется посредством оператора уверенности в знании *evidence / доказательство* (*anything that helps to prove that something is or is not true* [Cambridge Dictionary] / *то, что помогает доказать, что что-либо является или не является истинным*), обладающего значением интерсубъективной эвиденциальности и используемого для передачи результатов медицинских исследований проблем ожирения (см. рему (c)). Рассматриваемый ЭДК также содержит комплексную эвиденциальную конструкцию, актуализируемую эвиденциальными операторами явного указания *reason / причина* (*the cause of an event or situation or something that provides an excuse or explanation* [Cambridge Dictionary] / *причина события или ситуации или что-то, что дает оправдание или объяснение*) и уверенности в знании *evidence / доказательство* (*anything that helps to prove that something is or is not true* [Cambridge Dictionary] / *то, что помогает доказать, что что-либо является или не является истинным*). В рамках представленного

сложноподчиненного предложения происходит взаимодействие эвиденциальных операторов (см. рему (d)). Подобное расположение ЭВ в структуре ЭДК позволяет автору оказать дополнительное воздействие на адресата. Наряду с этим, для того чтобы убедить читателя в истинности выдвигаемых суждений, автор обращается к семантике модусной категории отрицания, выражаемой при помощи отрицательных частиц *not* и *no*, которые в сочетании с обозначенными выше эвиденциальными операторами способствуют реализации принципа лингвосинергетического взаимодополнения и могут использоваться в качестве вспомогательного психологического приема убеждения.

Модусные категории «эвиденциальность» (*Ev*) и «модальность» (*M*) также репрезентируют два типа лингвосинергетического сцепления – взаимопроникновение и взаимодополнение. Первый тип реализуется в случае пересечения эвиденциальных и модальных показателей в узловых точках развертывания ЭВ в пространстве исследуемого дискурсивного контекста. Взаимодополнение модусных смыслов эвиденциальности и модальности можно наблюдать в ситуации, когда модальность не находит формального выражения в ЭДК, обладает имплицитным характером, передается посредством синтаксических средств, либо реализуется в промежуточной области развертывания ЭВ. Проанализируем специфику взаимодействия указанных категорий на основании дискурсивных контекстов (51), (52):

(51) (a) *Widespread* ***claims*** *that our unemployment crisis is structural are not only inaccurate, but they imply that macroeconomic tools such as fiscal policy (spending or tax cuts) or monetary policy cannot address our unemployment crisis.* (b) ***Surprisingly***, ***perhaps amazingly***, *there's no systematic empirical evidence for such assertions.* (c) *Policy makers should* ***understand*** *that the problem faced by the unemployed is a simple scarcity of jobs, a feature of the labor market facing every group of workers regardless of education, sector, occupation or location* [Bomb-throwing 2010] / (a) *Широко распространенные* ***заявления*** *о том, что кризис безработицы носит структурный характер, не только неточны, но и*

подразумевают, что макроэкономические инструменты, такие как фискальная политика (расходы или сокращение налогов) или денежно-кредитная политика, не могут решить наш кризис безработицы. (b) ***Удивительно**, а **быть может**, и **поразительно**, что для таких утверждений нет никаких систематических эмпирических доказательств.* (c) *Лица, определяющие политику, **должны понимать**, что проблема, с которой сталкиваются безработные – это просто нехватка рабочих мест – особенность рынка труда, с которой сталкиваются все группы работников, независимо от образования, сферы деятельности либо местоположения.*

Анализируемый ЭДК обладает семантикой косвенной опосредованной эвиденциальности, выражаемой оператором усиления значимости высказывания *claim / заявление* (*a statement of something you believe is true, although you have no proof* [Cambridge Dictionary] / *утверждение о том, что по вашему мнению является правдой, хотя это и не было доказано*). Данный эвиденциальный показатель придает утверждениям обобщенного говорящего о безработице категоричный характер (см. базовое высказывание (a)). Наряду с этим эвиденциальность вербализуется при помощи оператора сомнения *perhaps / может быть* (*used to show that something is possible or that you are not certain about something* [Cambridge Dictionary] / *используется для того, чтобы говорить, что что-либо возможно, но точная уверенность в этом отсутствует*), указывающего на субъективный характер информации, операторов усиления значимости высказывания *surpisingly / удивительно* (*unexpectedly or in a way that is unusual* [Cambridge Dictionary] / *неожиданно или необычно*) и *amazingly / поразительно* (*in a way that is extremely surprising* [Cambridge Dictionary] / *чрезвычайно удивительно*), обладающими адмиративным значением (см. развитие темы (b)), а также оператора умственного восприятия *understand / понимать understand / понимать* (*to believe something is true because you have been told something that causes you to think it* [Cambridge Dictionary] / *верить в истинность чего-либо, потому что вам сообщили то, что заставляет вас так думать*), используемого для указания на

внутренний источник сведений, базирующийся на воззрениях автора новостного отрывка (см. рему (с)). Необходимо подчеркнуть, что в настоящем эвиденциальном дискурсивном отрывке реализуется принцип лингвосинергетического взаимопроникновения модусных смыслов, актуализируемый в узловых точках развертывания (точках бифуркации) ЭВ и выражаемый модальными вводными словами *surpisingly / удивительно, amazingly / поразительно, perhaps / может быть,* а также модальным глаголом *should* / *должен* (*used to say or ask what is the correct or best thing to do* [Cambridge Dictionary] / *используется для того, чтобы говорить или спрашивать о том, какое действие является лучшим*). Таким образом, указанные маркеры сочетают эвиденциальные и модальные смыслы и репрезентируют отношение субъекта коммуникации к проблеме безработицы. Формируемая полимодальная семантика может быть использована для того, чтобы убедить читателя в истинности высказываемых автором новостного отрывка суждений.

(52) *Occasionally I longed for a proper layer cake, and* ***wondered*** *why I shouldn't attempt to make one, but an expat chef friend* ***told*** *me once that Russian sugar was far too heavy for classic cake baking, and this kept my sifter and cake pans on the top shelf for almost a decade* [Russia's Favorite Cake 2021] / *Время от времени мне хотелось получить хороший слоеный пирог, и я* ***задавался вопросом****, почему бы мне не попробовать его приготовить, но мой друг-шеф-повар-эмигрант однажды* ***сказал*** *мне, что российский сахар слишком тяжел для классической выпечки торта, и из-за этого мое сито и формы для торта оставались лежать на верхней полке буфета почти 10 лет.*

Значение эвиденциальности в дискурсивном высказывании (52) репрезентируется посредством оператора сомнения *wonder / задаваться вопросом* (*to ask yourself questions or express a wish to know about something* [Cambridge Dictionary] / *задавать себе вопросы или выражать желание узнать о чем-либо*), указывающего на прямую эвиденциальность и свидетельствующего о субъективном характере источника информации, а также оператора явного указания *tell / сказать* (*to say something to someone, often giving them information*

or instructions [Cambridge Dictionary] / *сказать что-то кому-то, часто в форме информации или инструкций*), демонстрирующего нейтральный характер описываемых данных о причинах, по которым не следовало пытаться приготовить традиционный русский слоеный пирог. Немаловажно, что наряду с эвиденциальной семантикой, рассматриваемый новостной отрывок обладает имплицитной семантикой модальности, актуализируемой в промежуточной области развертывания дискурсивного контекста. Значение модальности обнаруживается в эвиденциальной эпифазе *why I shouldn't attempt to make one / почему бы мне не попробовать его приготовить*, что придает высказыванию автора характер размышлений, итогом которых становится обсуждение возникших сомнений с его другом, выступающим в качестве второго субъекта коммуникации. Несмотря на то, что рассматриваемый дискурсивный отрывок газетной статьи, очевидно, носит развлекательный характер, описанное сочетание модусной семантики может использоваться для того, чтобы вызвать читательский интерес к описываемому в конце статьи рецепту медовика.

Синергетическое сцепление эвиденциальности (*Ev*) и оценочности (*Evl*) обнаруживается в результате совпадения семантики лингвистических средств выражения данных категорий в ходе развертывания ЭВ и актуализируется в аксиологических оценках субъекта коммуникации сведений и их источника. В этом случае речь идет о взаимопроникновении модусных смыслов. В свою очередь, тип взаимодополнения оценочности и эвиденциальности реализуется при отсутствии лингвистической репрезентации оценочных смыслов, которые, однако, находят формальное выражение в рассматриваемом ЭДК и легко интерпретируются адресатом. Примерами репрезентации обозначенных типов взаимодействия могут служить ЭДК (53), (54):

(53) (a) *The heart of his first formal address to a joint session of Congress on February 28th was the line: "Above all else, we will keep our promises to the American people."* (b) *Mr Trump's opponents also* ***seem sure*** *that he is keeping his promises, albeit to their horror* [Why do most Americans seem sure that the president is keeping his promises 2017] / (a) *Основу его первого официального выступления*

на совместном заседании Конгресса 28 февраля составляла фраза: «Прежде всего, мы выполним наши обещания, данные американскому народу». (b) *Оппоненты Трампа, к их ужасу, также,* ***по-видимому, уверены****, что он выполняет свои обещания.*

Семантика косвенной опосредованной эвиденциальности в анализируемом дискурсивном отрывке является результатом модификации сведений, представленных в базовом высказывании (a) и передается посредством оператора уверенности в знании *sure / уверен* (*certain; without any doubt* [Cambridge Dictionary] */ уверенный; без каких-либо сомнений*), дополняемым оператором сомнения *seem / по-видимому* (*to give the effect of being; to be judged to be* [Cambridge Dictionary] / *создавать впечатление; оцениваться как существующий*) (см. рему (b)). Подобное сочетание эвиденциальных операторов, с одной стороны, свидетельствует о стремлении автора новостного отрывка выразить уверенность субъекта коммуникации, актуализируемого обобщенным говорящим, в достоверности утверждения о выполнении экс-президентом США Д. Трампом своих обещаний, а с другой – указывают на сомнения автора и его желание разграничить свою позицию и описываемые сведения. Таким образом, автор стремится не давать категоричную оценку транслируемой информации, что позволяет говорить о взаимопроникновении модусных смыслов эвиденциальности и оценочности в рамках настоящего дискурсивного отрывка. Такая авторская оценка сведений обладает прагматической направленностью и может иметь целью навести читателя на размышления об эффективности руководства страной президентом.

(54) (a) *The latest plan to solve the debt crisis,* ***according to*** *the FT, is for a tax on banks to raise €30 billion to help with the Greek bailout.* (b) *Now it is* ***true*** *that banks are very unpopular at the moment, but this seems very much like a case of robbing Peter to pay Paul* [Taxing the banks 2011] */* (a) *Последний разработанный план по разрешению долгового кризиса,* ***по данным*** *FT, заключается в том, чтобы ввести налог для банков, чтобы собрать 30 миллиардов евро для помощи Греции.* (b) *Это* ***правда****, что в настоящее время банки не пользуются особой*

популярностью, но в данном случае это очень похоже на ограбление Питера для того, чтобы заплатить Полу.

Дискурсивный отрывок (54) описывает проблемы долгового кризиса и налоговой политики в Греции (см. базовое высказывание (a)). Эвиденциальная семантика выражается посредством оператора явного указания *according to / по данным* (*as stated by* [Cambridge Dictionary] / *как указывается кем-либо*), репрезентирующим цитативное значение и указывающим на опосредованный источник информации, а также оператором уверенности *true / правда* (*especially of facts or statements: right and not wrong; correct* [Cambridge Dictionary] / *в частности, в отношении фактов или утверждений: правильные, не ошибочные; верные*), подчеркивающим уверенность субъекта коммуникации в достоверности передаваемых сведений. Взаимодополнение значений эвиденциальности и оценочности прослеживается в промежуточной области развертывания ЭДК и актуализируется клаузой *this seems very much like a case of robbing Peter to pay Paul / это очень похоже на ограбление Питера для того, чтобы заплатить Полу* (см. рему (b)). Обращение к данной когнитивной метафоре придает авторской оценке разработанного антикризисного плана негативную коннотацию, что также нацелено на оказание определенного воздействия на восприятие информации читателем.

В случае взаимодействия персуазивности (*P*) и эвиденциальности (*Ev*) также можно наблюдать взаимопроникновение и взаимодополнение модусных смыслов. Взаимопроникновение характеризуется эксплицитной представленностью персуазивных средств в ЭВ, а также их полным совпадением с операторами категории «эвиденциальность». Посредством персуазивной эвиденциальности субъект коммуникации оказывает определенное воздействие на адресата, направленное на достижение коммуникативных целей нарратора посредством контроля над сознанием и отношением, а также регулирования действиями и поведением адресата. Помимо этого, субъект коммуникации осуществляет оценку объективного содержания высказывания с позиции его достоверности / недостоверности, репрезентации уверенного / неуверенного

знания либо интерпретации полученных сведений. Взаимодополнение обнаруживается при имплицитном выражении наличия / отсутствия сомнений субъекта коммуникации в достоверности передаваемой информации в ЭДК. Необходимо отметить, что подобная персуазивная семантика устанавливается в специфической ситуации: (1) когда субъект не обладает необходимыми знаниями для описания объекта / предмета ситуации; (2) в ходе высказывания различного рода предположений; (3) при передаче информации, вызывающей сомнения у субъекта коммуникации; (4) для того, чтобы снять с себя ответственность за передаваемую информацию; (5) для достижения эффекта «синтаксической вежливости», исключающей категоричность выражения мыслей; (6) в ситуациях дискуссии, спора, с целью оказания определенного воздействия на адресата [Всеволодова 2000: 308; Шмелева 1988: 37]. В обоснование представленных положений, проведем лингвосинергетический анализ ЭДК (55), (56):

(55) (a) *Bryukhanova **insists** she is in the race to win.* (b) *Should she defy the odds, she **hopes** to force the Duma to start talking about issues it has long shunned* [There Is Fatigue After 20 Years: A Young Russian Duma Candidate Pushes for Change 2021] / (a) *Брюханова **настаивает**, что она настроена на победу.* (b) *В том случае, если ей удастся одержать победу, она **надеется** заставить Думу начать говорить о проблемах, которых она давно избегает.*

Данный фрагмент новостной статьи освещает предвыборную программу одного из кандидатов в государственную думу. Эвиденциальная семантика передается посредством оператора усиления значимости высказывания *insist / настаивать* (*to say firmly or demand forcefully, especially when others disagree with or oppose what you say* [Cambridge Dictionary] / *твердо говорить или настойчиво требовать чего-либо, в особенности, когда другие не согласны с тем, что вы говорите, или выступают против этого*), указывающего на эндофирический источник сведений и демонстрирующий уверенность политика в результатах выборов (см. рему (a)), а также оператора прогнозирования *hope / надеяться* (*to want something to happen or to be true, and usually have a good reason to think that*

it might [Cambridge Dictionary] / *хотеть, чтобы что-либо произошло или было правдой, и обычно иметь вескую причину думать, что это может случиться*), используемого для передачи значения субъективной эвиденциальности и описания деятельности депутата в случае избрания на должность (см. базовое высказывание (b)). Настоящий ЭДК характеризуется взаимопроникновением и взаимодополнением модусных смыслов эвиденциальности и персуазивности. При этом принцип взаимопроникновения актуализируется в эвиденциальных операторах *insist / настаивать* и *hope / надеяться,* репрезентирующих узловые точки развертывания (точки бифуркации) ЭДК, а принцип взаимодополнения обнаруживается в промежуточной области развертывания ЭДК, представленной клаузой *should she defy the odds / в том случае, если ей удастся одержать победу.* Эвиденциальный оператор *insist / настаивать* может использоваться субъектом коммуникации для того, чтобы убедить потенциальных избирателей, ознакомившихся с данной статьей, отдать свой голос за представленного кандидата, в то время как оператор *hope / надеяться,* в сочетании с клаузой *should she defy the odds / в том случае, если ей удастся одержать победу* позволят депутату снять с себя ответственность за передаваемые сведения в случае неудачи на выборах, а также возможных изменений, связанных с принятием политических решений в будущем.

Говоря о взаимопроникновении эвиденциальности (*Ev*) и экспрессивности (*Ex*), необходимо подчеркнуть стремление субъекта коммуникации выразить субъективное отношение к передаваемой информации в ходе ее интерпретации, а также маркировки источника сведений. Данный тип лингвосинергетического сцепления характеризуется совпадением показателей эвиденциальности и экспрессивности в ЭВ. Взаимодополнение модусных смыслов указанных категорий возможно в случае несовпадения операторов эвиденциальности с экспрессивными маркерами в анализируемом дискурсивном отрывке. Подтвердим высказанные положения следующим примером:

(56) *The Kremlin has **maintained** that Russia's vaccination campaign is purely voluntary, but **urged** vaccine-hesitant workers in professions where vaccines are mandatory to change jobs* [Russian Airline Aeroflot Suspends Unvaccinated Pilots 2021] / *Кремль **утверждает,** что кампания по вакцинации в России является исключительно добровольной, однако, **призвал** не решающихся пройти вакцинацию работников профессий, где вакцинация является обязательной, сменить работу.*

Высказывание (56) характеризуется эвиденциальным значением, актуализируемым при помощи оператора усиления значимости высказывания *maintain / утверждать* (*to express firmly your belief that something is true* [Cambridge Dictionary] */ подчеркивать свою уверенность в том, что что-либо является правдой*), используемого для передачи непосредственной эвиденциальности, а также уверенности в достоверности источника сведений о добровольном характере вакцинации в России. Необходимо отметить, что настоящий отрывок реализует принципы взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов эвиденциальности и экспрессивности. Принцип взаимопроникновения актуализируется в узловой точке развертывания контекста посредством оператора *maintain / настаивать,* а взаимодополнение обнаруживается в промежуточной области и актуализируется экспрессивным маркером *urge / призывать* (*to strongly advise or try to persuade someone to do a particular thing* [Cambridge Dictionary] / *настоятельно советовать или пытаться убедить кого-либо сделать что-то определенное*). Указанные маркеры распределяются в рамках ЭВ определенным образом, выражают субъективное отношение субъекта коммуникации, представленного обобщенным говорящим к кампании по вакцинации, используются для того, чтобы проинформировать конечного адресата о позиции руководства страны по данному вопросу, а также могут иметь целью убедить читателя в необходимости сделать прививку от коронавируса.

Наконец, синергетическое сцепление эвиденциальности (*Ev*) и эмотивности (*Emt*) репрезентирует взаимопроникновение значений данных

модусных категорий в авторских ЭВ либо несобственно-прямой речи субъекта коммуникации, отражающей его эмоциональное состояние. Тип «взаимодополнение» обнаруживается в случае актуализации эмотивности в промежуточной области развертывания ЭДК. Рассмотрим пример, раскрывающий специфику взаимодействия указанных модусных категорий:

(57) (a) *Anyway, he was chief of police in our Iowa town, and still dressed for work, which meant he had a handgun in a shoulder holster under his suit coat.* (b) *I can* ***remember*** *this at all only because I had an unusual* ***thought*** *that day, and that* ***thought*** *gave me an unusual* ***feeling*** *which* ***left a lasting impression*** [Change we don't believe in 2023] / *Как бы то ни было, он был начальником полиции в нашем городке в Айове и все еще был одет в форму, а это означало, что у него был пистолет в наплечной кобуре под пиджаком. Я вообще могу* ***вспомнить*** *это только потому, что в тот день мне пришла в голову необычная* ***мысль****, и эта* ***мысль*** *вызвала у меня необычное* ***чувство****, которое оставило* ***неизгладимое впечатление****.*

ЭДК (57) характеризуется семантикой прямой непосредственной эвиденциальности. Личное свидетельство событий (см. базовое высказывание (a)) говорящим репрезентируется посредством оператора умственного восприятия *remember / вспоминать* (*if you remember that something is the case, you become aware of it again after a time when you did not think about it* [Collins Dictionary] *если вы вспоминаете о чем-либо, вы снова осознаете это спустя некоторое время, когда вы об этом не думали*), оператора мыслительной деятельности *thought / мысль* (*the act of thinking about or considering something, an idea or opinion, or a set of ideas about a particular subject* [Cambridge Dictionary] / *процесс размышления или обдумывания чего-либо, идея или мнение, или набор идей о конкретном предмете*), а также оператора чувственного восприятия *feeling / чувство* (*a feeling is an emotion, such as anger or happiness* [Collins Dictionary] / *чувство – это эмоция, такая как гнев или счастье*). В рамках данного ЭДК реализуются принципы синергетического взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов эвиденциальности и эмотивности.

Принцип взаимопроникновения актуализируется в узловых точках развертывания ЭДК, представленных операторами *remember / вспоминать, thought / мысль* и *feeling / чувство,* использующимися для описания мыслей и чувств говорящего. Значение взаимодополнения обнаруживается в промежуточной области развертывания и выражается клаузой *left a lasting impression / оставило неизгладимое впечатление*, описывающей эффект информационного воздействия на эмоциональное состояние говорящего (см. рему (b)).

Как показало проведенное исследование, особенности взаимодействия эвиденциальности и других модусных категорий отражают два возможных типа сцепления – взаимопроникновение (обязательное / возможное) и взаимодополнение (обязательное / возможное). Реализация описываемых типов синергетического сцепления тесно связана с выделением профазы и эпифазы в структуре ЭВ. Посредством профазы при помощи эвиденциального оператора реализуется коммуникативные намерения автора / субъекта коммуникации, а также происходит переход к эпифазе – исполнительному этапу, в рамках которого актуализируются, генерализируются либо модифицируются передаваемые сведения. Следовательно, взаимопроникновение принадлежит к области профазы, а взаимодополнение – к области эпифазы ЭВ. Данное наблюдение позволяет сделать вывод о том, что взаимопроникновение модусных смыслов отражает эксплицитное, направленное воздействие автора / нарратора / говорящего / субъекта коммуникации на адресата / читателя, в то время как взаимодополнение репрезентирует имплицитное, косвенное воздействие. Кроме того, необходимо отметить, что воздействие автора на адресата / читателя происходит в рамках ЭДК, носит нелинейный, комплексный характер, усиливается под влиянием добавочных модусных смыслов и осуществляется в точках бифуркации соответствии с принципом самоорганизации синергетической эвиденциальной модели (см п. 2.6).

В результате синергетического взаимодействия эвиденциальности с категориями «авторизация» (*A*), «персональность» (*Ps*) и «восприятие» (*Ap*)

осуществляется принцип лингвосинергетического взаимопроникновения модусных смыслов. Важно подчеркнуть, что поскольку эвиденциальность оказывается семантически шире авторизации, персональности и восприятия и включает значения данных категорий, принцип взаимопроникновения реализуется в обязательном порядке (обязательное взаимопроникновение). Наряду с этим, в ходе взаимодействия эвиденциальности (*Ev*) и темпоральности (*T*) по умолчанию актуализируются принципы взаимодополнения либо взаимопроникновения модусных смыслов (обязательное взаимодополнение / взаимопроникновение). Наконец, синергия эвиденциальности и аппроксимации (*Aprx*), репрезентирует принцип взаимодополнения (возможное взаимодополнение).

Однако большинство модусных категорий могут вступать с эвиденциальностью в разные типы взаимодействия, в зависимости от коммуникативной ситуации, реализуя принципы лингвосинергетического взаимопроникновения либо взаимодополнения модусных смыслов. Как показал проведенный анализ, указанные типы сцепления могут обнаруживаться в результате взаимодействия эвиденциальности с категориями «персуазивность» (*P*), «отрицание» (*D*), «экспрессивность» (*Ex*), «эмотивность» (*Emt*), «оценочность» (*Evl*) и «модальность» (*M*) (возможное взаимодополнение / взаимопроникновение).

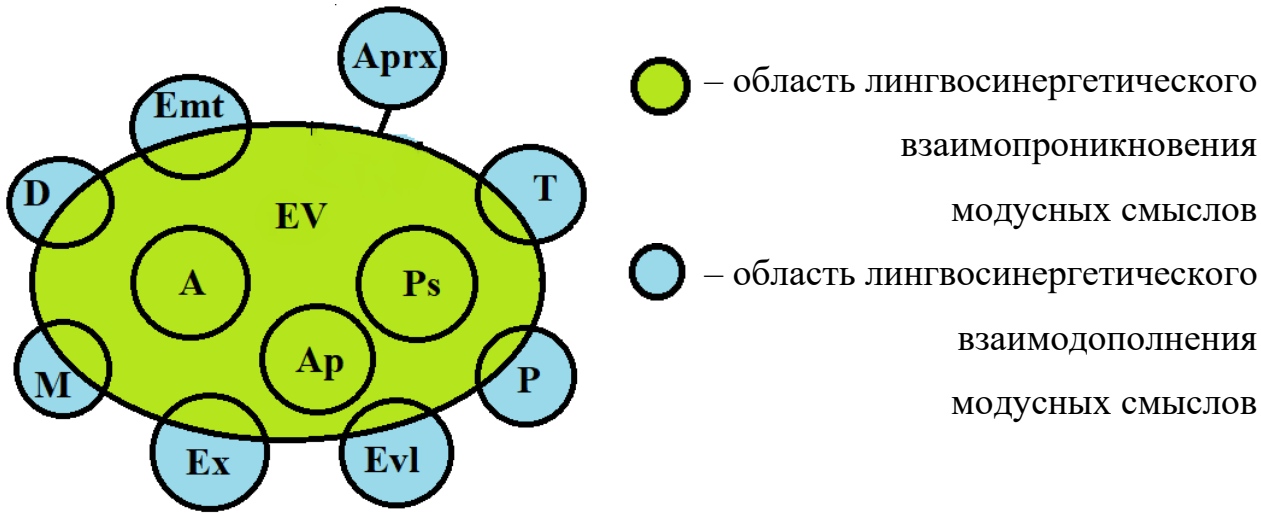
Немаловажно, что в контексте осуществления лингвосинергетического анализа речь о взаимопроникновении (обязательном / возможном) может идти лишь в том случае, если: (1) модусные смыслы эвиденциальности и других категорий пересекаются в узловых точках развертывания ЭВ в рамках анализируемого дискурсивного контекста; (2) эвиденциальные операторы одновременно являются маркерами других модусных категорий.

Напротив, взаимодополнение (обязательное / возможное) реализуется в результате (1) взаимодействия модусных смыслов на синтагматическом уровне в промежуточной области формирования эвиденциального дискурсивного

контекста; (2) синергии эвиденциальных операторов, и маркеров других модусных категорий.

Исходя из вышесказанного, мы можем внести уточнения во выведенную ранее эвиденциальную синергетическую модель (см. п. 2.7.):

Рисунок 2. Синергетическая эвиденциальная модель



Представленная синергетическая модель отражает возможные типы и подтипы сцепления эвиденциальности и других модусных категорий. В процессе развертывания ЭДК автор / нарратор / говорящий / субъект коммуникации обращается к указанным принципам для оказания воздействия на адресата / читателя, при этом характер данного воздействия определяется коммуникативными интенциями автора и спецификой дискурса. Формируемые комплексные модусные смыслы отражают мыслительное содержание транслируемых сведений, а также способствуют языковой интерпретации смысловой основы представленной информации. Итогом воздействия автора на читателя является приведение полимодальных эвиденциальных смыслов через неравновесность, хаотизацию и нелинейность к упорядоченному состоянию внутри модели. Немаловажно, что систематизация модусных смыслов происходит в соответствии с принципом самоорганизации пространства описываемой синергетической модели.

Как показал проведенный анализ, возможны ситуации, при которых, в рамках, определяемых ЭДК, реализуются сразу оба основополагающих

принципа лингвистической синергетики и, соответственно, одновременно актуализируются два типа синергетического сцепления модусных категорий. Определение особенностей лингвосинергетического взаимодействия указанных категорий в каждом конкретном случае потребует проведения тщательного лингвосинергетического анализа.

Представленная синергетическая эвиденциальная модель может быть использована для изучения особенностей проявления модусных смыслов в различных типах медиадискурса. Данная проблематика будет подробно освещена в следующей главе настоящего исследования.

Выводы по главе 2

1) Проведенный анализ существующих парадигм гуманитарного знания позволяет вывести определение, характеризующее дискурс как лингвистическое понятие. Дискурс представляет собой лингвистическую знаковую систему, репрезентирующую многообразие субъективной и объективной картин мира, объединяющую коммуникативную ситуацию и ее участников, социальные нормы и критерии, а также культурологические представления и формы. Изучение системы дискурса требует рассмотрения как результата процесса коммуникации, так и особенностей реализации намерений автора / субъекта, а также интерпретацию данных намерений адресатом / объектом воздействия в определенной коммуникативной ситуации с учетом экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и иных факторов.

2) Дальнейшее рассмотрение функционирования модусной категории «эвиденциальность» предполагает исследование ее репрезентации в дискурсивном пространстве, в силу того что указание на источник полученных сведений является его неотъемлемой составляющей, а сама эвиденциальность выступает в качестве аксиологической составляющей различных дискурсивных типов, способствуя реализации коммуникативных стратегий автора / субъекта коммуникации. Модусная категория «эвиденциальность», выступающая частью

категориальной системы языка, может быть наиболее подробно изучена в рамках дискурсивного подхода, что предполагает интерпретацию содержания и исследование аксиологических смыслов, порождаемых автором / субъектом коммуникации в ходе формирования дискурса, а также особенностей восприятия передаваемых сведений адресатом.

3) В рамках постоянно трансформирующейся системы языка ни один из общепринятых подходов (теория дискурса Лакло-Муфф, критический дискурс-анализ, дискурсивная психология, культурологический подход, дескриптивный подход) не дает возможности целостного изучения дискурсивного пространства ввиду акцентирования внимания исследователя на таком ракурсе анализа, который исключает возможность единой интерпретации комплексной многоуровневой структуры дискурса. Данное обстоятельство обусловливает обращение к синергетике как междисциплинарному направлению научных исследований.

4) Экстраполирование идей синергетики на изучение языка указывает на эвристичность лингвосинергетического подхода к дискурсивному анализу. Обращение к данному интегральному подходу к дискурс-анализу позволяет рассмотреть структуру дискурса с опорой на антиномии системы языка и системы речи. В процессе анализа также учитываются принципы взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации дискурсивных единиц. Применительно к модусной категории «эвиденциальность» принцип взаимодополнения актуализируется в рамках описания интеракции эвиденциальных операторов в дискурсивном пространстве, взаимопроникновение предполагает исследование взаимодействия эвиденциальности с другими модусными категориями, в то время как принцип самоорганизации прослеживается в контексте рассмотрения эвиденциальности как коммуникативной системы, объединяющей автора / субъект коммуникации, эвиденциальные операторы, передаваемую информацию, дискурсивный контекст и адресата / читателя.

5) Сложный многоплановый характер дискурса массмедиа предопределяет необходимость разработки методики лингвосинергетического анализа эвиденциальности, способствующей подробному изучению структуры и особенностей функционирования данной категории. К важнейшим отличительным чертам лингвосинергетического анализа можно отнести его несомненную продуктивность, а также валидность получаемых результатов, обеспечиваемую целостностью и прозрачностью изучения дискурсивного пространства массмедиа. В соответствии с ключевыми принципами синергетики лингвосинергетический анализ модусной категории «эвиденциальность» представляет универсальный способ исследования функционирования данной категории в дискурсивном пространстве, предполагает выдвижение гипотезы, ее доказательно-экспериментальную проверку с помощью лингвосинергетического моделирования.

6) Гипотеза проводимого лингвосинергетического анализа формулируется следующим образом: в дискурсивном пространстве массмедиа осуществляется синергетическое сцепление эвиденциальности и других модусных категорий, результатом которого является не сумма значений, актуализируемых посредством данных категорий, а «коллективный синергетический эффект», базирующийся на взаимодополнении, взаимопроникновении их значений и отражающий принципы самоорганизации системы дискурса. При этом лингвистические эвиденциальные показатели вступают во взаимодействие, обладают синергетическим сцеплением и репрезентируют различные модусные смыслы в зависимости от рассматриваемого типа дискурса.

7) Разработанная методика лингвосинергетического анализа эвиденциальности предполагает (1) исследование синергетической модели ЭВ; (2) построение синергетической эвиденциальной дискурсивной модели и разработку алгоритма ее интерпретации; (3) выведение синергетической модели сцепления эвиденциальности с другими модусными категориями; (4) установление базовых моделей и типов сцепления эвиденциальности и других

модусных категорий в дискурсивном пространстве массмедиа; (5) обозначение узловых точек и промежуточной области развертывания ЭДК; (6) изучение совокупности полимодальных смыслов, актуализирующихся в медиадискурсе; (7) идентификацию специфики рефлексивности личности автора ЭДК; (8) осуществление лингвистического анализа ЭДК; (9) проведение классификации видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации и коммуникативной стратегии в информационном, рекламном и политическом дискурсе массмедиа; (10) осуществление лингвосинергетического моделирования модусной категории эвиденциальность.

8) Выявление синергетической модели ЭВ позволяет проследить взаимосвязь между порядком развертывания дискурса и эвиденциальных клауз. Данная модель характеризуется определенным порядком следования структурных элементов. Схема построения модели описывает взаимодействие профазы и эпифазы ЭВ. Профаза определяет субъект коммуникации либо указывает на его отсутствие. Помимо этого, в профазе содержится оператор (синтаксическая единица, выражающая значение операции), принадлежащий к одной из групп эвиденциальных показателей. В свою очередь, эпифаза включает материал, актуализирующий передаваемые сведения. Посредством оператора субъект коммуникации воздействует на исходный материал, что влияет на восприятие данных объектом коммуникации.

9) Предлагаемая синергетическая эвиденциальная дискурсивная модель, объединяющая ЭВ и окружающий его дискурсивный контекст, позволяет детально описать взаимодействие автора, субъекта и адресата ЭДК. Разработанный алгоритм анализа способствует определению тематической направленности, границ и специфики самоорганизации контекста, установлению его субъектно-объектной организации, выявлению эвиденциальных операторов, описанию эвиденциальной семантики, а также экспликации взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов.

10) Значимость уточнения семантических границ, а также дальнейшего рассмотрения специфики функционирования категории «эвиденциальность» в

дискурсе требует учета не только базовых эвиденциальных смыслов, репрезентирующих мыслительную основу языкового содержания, но и добавочной полимодальной семантики, способствующей реализации интерпретационного компонента ЭВ / ЭДК. Изучение взаимодействия смыслового и интерпретационного компонентов в ходе осуществления лингвосинергетического анализа ЭВ / ЭДК будет способствовать всестороннему раскрытию модусного потенциала категории «эвиденциальность».

11) Исследование особенностей взаимосвязи эвиденциальности и других модусных категорий обусловливает необходимость выявления и описания синергетической эвиденциальной модели, в рамках которой в соответствии с основополагающими принципами лингвосинергетики осуществляется самоорганизация входящих в нее элементов, а также происходит взаимопроникновение и взаимодополнение различных модусных смыслов.

12) Модусная категория «эвиденциальность» (*Ev*) может быть представлена как центральный элемент синергетической эвиденциальной модели, объединяющей эвиденциальность с категориями «авторизация» (*A*), «аппроксимация» (*Aprx*), «восприятие» (*Ap*), «модальность» (*M*), «отрицание» (*D*), «оценочность» (*Evl*), «персональность» (*Ps*), «персуазивность» (*P*), «экспрессивность» (*Ex*), «эмотивность» (*Emt*) и «темпоральность» (*T*). Элементы модели вступают во взаимодействие и упорядочиваются вокруг эвиденциальности, формирующей зону доминантного смысла.

13) Изучение синергетической эвиденциальной модели позволяет установить опорные категориальные модели сцепления: *Ev + A, Ev + Aprx, Ev + Ap, Ev + M, Ev + D, Ev + Evl, Ev + Ps, Ev + P, Ev + Ex, Ev + Emt.* Описанные модели будут являться основой дальнейшего рассмотрения актуализации полимодальных смыслов в дискурсивном пространстве массмедиа.

14) Взаимосвязь эвиденциальности с каждой из представленных в модели модусных категорий способствует выявлению возможных типов их сцепления: взаимодополнения (обязательного / возможного) и

взаимопроникновения (обязательного / возможного), определяющих специфику воздействие автора / говорящего / субъекта коммуникации на адресата / читателя в ходе передачи различного рода сведений. При этом взаимодополнение предполагает оказание имплицитного воздействия, а взаимопроникновение характеризуется эксплицитным суггестивным характером.

15) Реализация взаимопроникновения и взаимодополнения эвиденциальной семантики и семантики других модусных категорий происходит в узловых точках и промежуточной области развертывания ЭВ / ЭДК, соответствующих точкам бифуркации синергетической эвиденциальной модели. Точки бифуркации определяют направления развития модели по мере ее движения к аттрактору – относительно устойчивому состоянию, обусловленному реализацией тех или иных коммуникативных замыслов автора.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИМОДАЛЬНОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАССМЕДИА

Третья глава настоящего диссертационного исследования посвящена рассмотрению специфики возникновения и актуализации эвиденциальной семантики в современном новостном, рекламном и политическом массмедийном дискурсе. В предыдущих главах нами была описана модусная природа категории «эвиденциальность», представлены языковые средства выражения эвиденциальности в языке, выявлена принадлежность категории «эвиденциальность» к пространству дискурса, раскрыта сущность лингвосинергетического подхода к исследованию функционирования эвиденциальности, сформулирована модель эвиденциального высказывания, синергетическая эвиденциальная дискурсивная модель, освещены особенности лингвосинергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий, а также обозначены опорные модели их синергетического сцепления. Дальнейший анализ репрезентации эвиденциальной семантики в дискурсивном медиапространстве требует общих замечаний, аргументирующих последовательность шагов, способствующих достижению поставленной цели.

В частности, уточнение функционирования представленной синергетической эвиденциальной модели будет способствовать идентификации и описанию базовой и добавочной полимодальной семантики в массмедийном дискурсе с учетом роли эвиденциальных операторов и маркеров других модусных категорий, выведению возможных комбинаций опорных синергетических категориальных моделей сцепления. Необходимо отметить, что поскольку дальнейшее рассмотрение функционирования эвиденциальности строится на изучении базовой и добавочной семантики, формируемой в результате взаимопроникновения, взаимодополнения и самоорганизации эвиденциальных смыслов, а также смыслов, актуализируемых другими категориями модуса, сначала описывается синергетическая модель сцепления

эвиденциальности и модусных категорий (см. главу 2), а затем исследуется репрезентация эвиденциальности в дискурсивном пространстве (см. главу 3). В силу того, что специфика формируемой эвиденциальной семантики зависит от интенциональности дискурсивного пространства, в качестве объекта анализа выступают новостной, рекламный и политический типы медиадискурса, в рамках которых ярко раскрываются интенции, характерные для медиасферы. Необходимо отметить, что выявление и анализ полимодальной эвиденциальной семантики в указанных типах дискурса осуществляется с опорой на лингвосинергетический принцип взаимопроникновения модусных смыслов и становится основой построения классификаций модусной категории «эвиденциальность», а также лингвосинергетического моделирования данной категории в дискурсивном медиапространстве.

Значимость осуществления комплексного лингвосинергетического анализа репрезентации эвиденциальной семантики в медиадискурсе с учетом не только взаимопроникновения, но и взаимодополнения модусных смыслов, вызывает необходимость разграничения ЭВ автора и действующих лиц в рамках ЭДК. Итогом дифференциации авторской и субъектной эвиденциальности становится классифицирования видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в медиадискурсе. Формируемая эвиденциальная семантика позволяет оказывать необходимое воздействие на адресата / читателя, зависит от целей и задач, преследуемых автором / субъектом коммуникации и предполагает выведение видов эвиденциальности в зависимости от коммуникативной стратегии дискурса. Полученная классификация видов модусной категории «эвиденциальность» объединяет все предшествующие классификации, обеспечивает учет основных интенций, актуализируемых в массмедийном дискурсе, а также определяет информативную составляющую транслируемых сведений. Указанные факторы лежат в основе лингвосинергетического моделирования эвиденциальности в медиадискурсе.

3.1. Специфика формирования и реализации полимодальной эвиденциальной семантики в массмедийном дискурсе

В предыдущей главе исследования была определена синергетическая эвиденциальная модель. Данная модель свидетельствует, что в дискурсивном пространстве эвиденциальность вступает во взаимодействие с модусными категориями «модальность» (*M*), «оценочность» (*Evl*), «экспрессивность» (*Ex*), «эмотивность» (*Emt*), «персуазивность» (*P*), «авторизация» (*A*), «персональность» (*Ps*), «аппроксимация» (*Aprx*), «темпоральность» (*T*), «восприятие» (*Ap*) и «отрицание» (*D*). Результатом взаимодействия указанных категорий становится возникновение сложных модусных смыслов, изучение специфики формирования и реализации которых в рамках массмедийного дискурса потребует (1) идентификации базовой и добавочной полимодальной семантики; (2) выделения синергетических эвиденциальных моделей сцепления; (3) учета роли эвиденциальных операторов и маркеров других модусных категорий в формировании полимодальной семантики; (4) определения особенностей реализации принципов взаимодополнения и взаимопроникновения в рамках базовой и добавочной эвиденциальной семантики; (5) обоснования выбора новостного, политического и рекламного типов массмедийного дискурса в качестве объекта анализа.

В целом, пересечение модусных смыслов эвиденциальности (*Ev*) и других модусных категорий (*A, Ap, Ps, T, Aprx, D, M, Evl, P, Ex, Emt*) приводит к формированию полимодальной эвиденциальной семантики. Необходимо отметить, что *под полимодальной эвиденциальной семантикой мы понимаем комбинирование значений эвиденциальности и других модусных категорий, возникающее в пространстве синергетической эвиденциальной модели и реализуемое в соответствии с принципами взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации модусных смыслов*.

Представленная синергетическая эвиденциальная модель свидетельствует, что эвиденциальность (*Ev*) оказывается семантически шире категорий авторизации (*A*), восприятия (*Ap*) и персональности (*Ps*) и включает в себя

значения данных категорий. Помимо этого, эвиденциальность в обязательном порядке включает в себя значение темпоральности (*T*), либо дополняется им. Таким образом, в дальнейшем, *говоря о базовой эвиденциальной семантике (Evs), мы будем подразумевать совокупность значений Ev и A, Ap, Ps, T* (*Evs=Ev+A+Ap+Ps+T*). Применительно к модусным категориям отрицания (*D*), модальности (*M*), оценочности (*Evl*), персуазивности (*P*), экспрессивности (*Ex*) и эмотивности (*Emt*) можно говорить о взаимодополнении либо взаимопроникновении модусных смыслов, а в случае аппроксимации (*Aprx*) исключительно о синергетическом взаимодополнении. При этом *возможны различные комбинации модусных значений Evs и Aprx, D, M, Evl, P, Ex, Emt, составляющие добавочную эвиденциальную семантику*. В результате проведенного компьютерного моделирования и с учетом специфики самоорганизации модусных категорий внутри описанной ранее модели (см. п. 3.13.) нами были выделены следующие возможные эвиденциальные синергетические модели сцепления, различающиеся как числом входящих в них элементов (от 1 до 8), так и входящими в них модусными категориями:

1. Модель *Evs* (*Ev+A+Ap+Ps+T*).
2. Модели, состоящие их двух элементов (*Evs+X*):

Evs+Aprx; Evs+D; Evs+M; Evs+Evl; Evs+P; Evs+Ex; Evs+Emt.

3. Модели, состоящие их трех элементов (*Evs+X+X*):

Evs+Aprx+D; Evs+Aprx+M; Evs+D+M; Evs+Aprx+Evl; Evs+D+Evl; Evs+M+Evl; Evs+Aprx+P; Evs+D+P; Evs+M+P; Evs+Evl+P; Evs+Aprx+Ex; Evs+D+Ex; Evs+M+Ex; Evs+Evl+Ex; Evs+P+Ex; Evs+Aprx+Emt; Evs+D+Emt; Evs+M+Emt; Evs+Evl+Emt; Evs+P+Emt; Evs+Ex+Emt.

4. Модели, состоящие их четырех элементов (*Evs+X+X+X*):

Evs+Aprx+D+M; Evs+Aprx+D+Evl; Evs+Aprx+M+Evl; Evs+D+M+Evl; Evs+Aprx+D+P; Evs+Aprx+M+P; Evs+D+M+P; Evs+Aprx+Evl+P; Evs+D+Evl+P; Evs+M+Evl+P; Evs+Aprx+D+Ex; Evs+Aprx+M+Ex; Evs+D+M+Ex; Evs+Aprx+Evl+Ex; Evs+D+Evl+Ex; Evs+M+Evl+Ex; Evs+Aprx+P+Ex; Evs+D+P+Ex; Evs+M+P+Ex; Evs+Evl+P+Ex;

Evs+Aprx+D+Emt; Evs+Aprx+M+Emt; Evs+D+M+Emt; Evs+Aprx+Evl+Emt; Evs+D+Evl+Emt; Evs+M+Evl+Emt; Evs+Aprx+P+Emt; Evs+D+P+Emt; Evs+M+P+Emt; Evs+Evl+P+Emt; Evs+Aprx+Ex+Emt; Evs+D+Ex+Emt; Evs+M+Ex+Emt; Evs+Evl+Ex+Emt; Evs+P+Ex+Emt.

5. Модели, состоящие их пяти элементов (*Evs+X+X+X+X*):

Evs+Aprx+D+M+Evl; Evs+Aprx+D+M+P; Evs+Aprx+D+Evl+P; Evs+Aprx+M+Evl+P; Evs+D+M+Evl+P; Evs+Aprx+D+M+Ex; Evs+Aprx+D+Evl+Ex; Evs+Aprx+M+Evl+Ex; Evs+D+M+Evl+Ex; Evs+Aprx+D+P+Ex; Evs+Aprx+M+P+Ex; Evs+D+M+P+Ex; Evs+Aprx+Evl+P+Ex; Evs+D+Evl+P+Ex; Evs+M+Evl+P+Ex; Evs+Aprx+D+M+Emt; Evs+Aprx+D+Evl+Emt; Evs+Aprx+M+Evl+Emt; Evs+D+M+Evl+Emt; Evs+Aprx+D+P+Emt; Evs+Aprx+M+P+Emt; Evs+D+M+P+Emt; Evs+Aprx+Evl+P+Emt; Evs+D+Evl+P+Emt; Evs+M+Evl+P+Emt; Evs+Aprx+D+Ex+Emt; Evs+Aprx+M+Ex+Emt; Evs+D+M+Ex+Emt; Evs+Aprx+Evl+Ex+Emt; Evs+D+Evl+Ex+Emt; Evs+M+Evl+Ex+Emt; Evs+Aprx+P+Ex+Emt; Evs+D+P+Ex+Emt; Evs+M+P+Ex+Emt; Evs+Evl+P+Ex+Emt.

6. Модели, состоящие их шести элементов (*Evs+X+X+X+X+X*):

Evs+Aprx+D+M+Evl+P; Evs+Aprx+D+M+Evl+Ex; Evs+Aprx+D+M+P+Ex; Evs+Aprx+D+Evl+P+Ex; Evs+Aprx+M+Evl+P+Ex; Evs+D+M+Evl+P+Ex; Evs+Aprx+D+M+Evl+Emt; Evs+Aprx+D+M+P+Emt; Evs+Aprx+D+Evl+P+Emt; Evs+Aprx+M+Evl+P+Emt; Evs+D+M+Evl+P+Emt; Evs+Aprx+D+M+Ex+Emt; Evs+Aprx+D+Evl+Ex+Emt; Evs+Aprx+M+Evl+Ex+Emt; Evs+D+M+Evl+Ex+Emt; Evs+Aprx+D+P+Ex+Emt; Evs+Aprx+M+P+Ex+Emt; Evs+D+M+P+Ex+Emt; Evs+Aprx+Evl+P+Ex+Emt; Evs+D+Evl+P+Ex+Emt; Evs+M+Evl+P+Ex+Emt.

7. Модели, состоящие их семи элементов (*Evs+X+X+X+X+X+X*):

Evs+Aprx+D+M+Evl+P+Ex; Evs+Aprx+D+M+Evl+P+Emt; Evs+Aprx+D+M+Evl+Ex+Emt; Evs+Aprx+D+M+P+Ex+Emt;

Evs+Aprx+D+Evl+P+Ex+Emt; *Evs+Aprx+M+Evl+P+Ex+Emt;* *Evs+D+M+Evl+P+Ex+Emt.*

8. Модели, состоящие из восьми элементов (*Evs+X+X+X+X+X+X+X+X*):

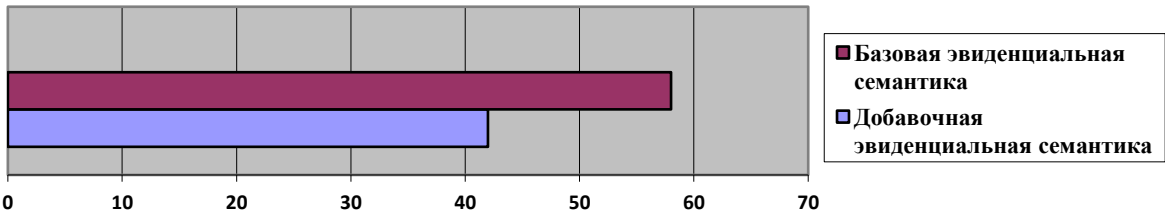
Evs+Aprx+D+M+Evl+P+Ex+Emt.

В рамках рассмотрения особенностей актуализации полимодальной эвиденциальной семантики в медиадискурсе важно обратиться к средствам выражения различных модусных категорий. Значимость их рассмотрения определяется обязательным обращением к эвиденциальным операторам, а также возможностью использования маркеров других модусных категорий автором / субъектом коммуникации в процессе формирования ЭВ. Тем самым лексические показатели модусных категорий «эвиденциальность», «модальность», «оценочность», «экспрессивность», «эмотивность», «персуазивность», «авторизация», «персональность», «аппроксимация», «темпоральность», «восприятие» и «отрицание» могут обнаруживаться в самом эвиденциальном высказывании либо в структуре анализируемого ЭДК. При этом особый интерес представляют следующие аспекты исследования: (1) совпадение / несовпадение эвиденциальных операторов и показателей других модусных категорий; (2) пересечение семантики эвиденциальности и других модусных категорий в точках бифуркации (узловых точках / промежуточной области развертывания) ЭВ / ЭДК.

Значимость детального изучения специфики взаимодействия полимодальных показателей обусловила применение метода сравнительно-сопоставительного анализа эвиденциальных операторов, а также маркеров других модусных категорий. За основу нами была взята классификация эвиденциальных показателей (см. п. 1.9.), а также существующие классификации средств выражения других модусных категорий (см. п. 2.7.1. – 2.7.11.). Возможность проведения подобного анализа обеспечивалась пониманием модусной природы исследуемых категорий, позволяющей выявить модусную и диктумную части и, как следствие, определить узловые точки и промежуточную

область развертывания ЭДК, а также выявленные ранее типы синергетического сцепления, репрезентирующие основополагающие принципы взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов (см. п. 2.8.). Нами было проанализировано 1000 ЭДК, полученных методом сплошной выборки из массмедийного дискурса. Было установлено, что базовая эвиденциальная семантика обнаруживается в 58 % примеров и дополняется значением других модусных категорий в 42 % проанализированных ЭДК (см. Диаграмму 1).

Диаграмма 1. Репрезентация базовой и добавочной эвиденциальной семантики в дискурсивном пространстве массмедиа



Полученные результаты анализа объясняются частотой актуализации модусных смыслов категорий, составляющих базовую и добавочную эвиденциальную семантику в ходе передачи различного рода сообщений, а также значимостью для массмедийного дискурса формируемой полимодальной эвиденциальной семантики. В процессе передачи информации в контексте ЭВ автор / говорящий / субъект коммуникации в обязательном порядке маркирует источник информации (*A*), обозначает ту или иную форму отнесенности вербализованной ситуации к настоящему, прошлому или будущему (*T*), соотносит происходящие события с действующими лицами (*Ps*), осуществляет ментальную обработку и интерпретирует полученные сведения (*Ap*). Кроме того, автор / говорящий / субъект коммуникации может демонстрировать нежелание вербализовывать и оценивать передаваемые данные (*Aprx*), указывать на недостатки / отсутствие / нехватку чего-либо (*D*), осуществлять субъективную квалификацию информации (*Evl*), определять ее истинность / ложность по отношению к действительности (*M*), а также стремиться убедить адресата / читателя в достоверности / недостоверности транслируемых сведений (*P*) с помощью средств художественной выразительности (*Ex*), создания

определенного эмотивного фона и придания необходимой эмотивной окраски своим высказываниям (*Emt*).

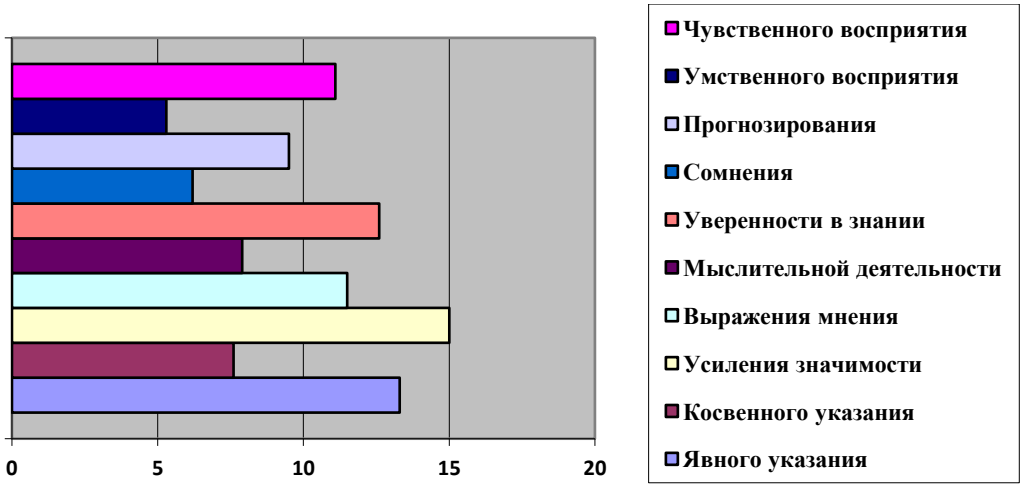
В ситуациях пересечения в точке актуализации оператора в ЭВ, эвиденциальные показатели (*Ev*) могут одновременно являться маркерами модусных категорий отрицания (*D*) – 13 % примеров, темпоральности (*T*) – 75 % примеров, восприятия (*Ap*) – 72 % примеров, модальности (*M*) – 20 % примеров, оценочности (*Evl*) – 15 % примеров, персуазивности (*P*) – 21 % примеров, экспрессивности (*Ex*) – 18 % примеров, эмотивности (*Emt*) – 13 % примеров, авторизации (*A*) – 89 % примеров.

Необходимо отметить, что несмотря на обязательное пересечение значений эвиденциальности (*Ev*) и модусной категории персональности (*Ps*) в узловых точках развертывания ЭДК, данные категории обладают разными лингвистическими средствами выражения. Применительно к авторизации (*A*) лингвистические показатели данной категории и эвиденциальности могут совпадать только в случае отнесения передаваемых сведений к области «чужих» сведений, в то время как эвиденциальность и аппроксимация (*Aprx*) реализуют исключительно принцип лингвосинергетического взаимодополнения и различаются в маркерах. Пересечение маркеров категории «темпоральность» (*T*) и «эвиденциальность» (*Ev*) обнаруживается в случае репрезентации значений последней с помощью глагольных форм. Совпадение эвиденциальных операторов с показателями модусных категорий отрицания (*D*), эмотивности (*Emt*), персуазивности (*P*), оценочности (*Evl*), экспрессивности (*Ex*) и модальности (*M*) в узловых точках развертывания ЭДК позволяет говорить о реализации принципа лингвосинергетического взаимопроникновения модусных смыслов, в то время как при выявлении показателей указанных категорий в промежуточной области развертывания реализуется принцип синергетического взаимодополнения модусных смыслов, что исключает возможность совпадения их средств выражения. Таким образом, эвиденциальные показатели могут испытывать влияние других модусных категорий.

В ходе сравнительно-сопоставительного анализа значений эвиденциальных операторов и маркеров других модусных категорий также было установлено, что категории «темпоральность», «восприятие», «авторизация», «экспрессивность» и «эмотивность», «отрицание» могут выражаться всеми группами эвиденциальных показателей; категория «персуазивность» репрезентируется операторами явного указания, косвенного указания, усиления значимости высказывания, выражения мнения, уверенности в знании, сомнения и прогнозирования; категории «модальность» и «оценочность» – операторами усиления значимости высказывания, уверенности в знании, сомнения, прогнозирования; категории «персональность» и «аппроксимация» не выражаются при помощи эвиденциальных операторов. Очевидно, что дополнительным модусным значением чаще всего обладают операторы усиления значимости высказывания, уверенности в знании, сомнения и прогнозирования, операторы явного указания, косвенного указания и выражения мнения занимают промежуточную позицию, а операторы чувственного восприятия, умственного восприятия не склонны к полимодальной семантике и соответствуют традиционным взглядам на эвиденциальность как на грамматическую категорию, основным значением которой является указание на источник сведений о том или ином событии.

Кроме того, анализ примеров продемонстрировал следующее процентное распределение частотности эвиденциальных показателей в дискурсивном пространстве: операторы усиления значимости высказывания (15 % примеров), операторы явного указания (13,3 %), операторы уверенности в знании (12,6 % примеров); операторы выражения мнения (11,5 % примеров), операторы прогнозирования (9,5 % примеров), операторы чувственного восприятия (11,1 % примеров), операторы косвенного указания (7,6 % примеров), операторы сомнения (7,9 % примеров), операторы мыслительной деятельности (6,2 % примеров), операторы умственного восприятия (5,3 % примеров). Полученные результаты количественного анализа эмпирического материла представлены в Диаграмме 2.

Диаграмма 2. Группы эвиденциальных операторов в дискурсивном пространстве массмедиа

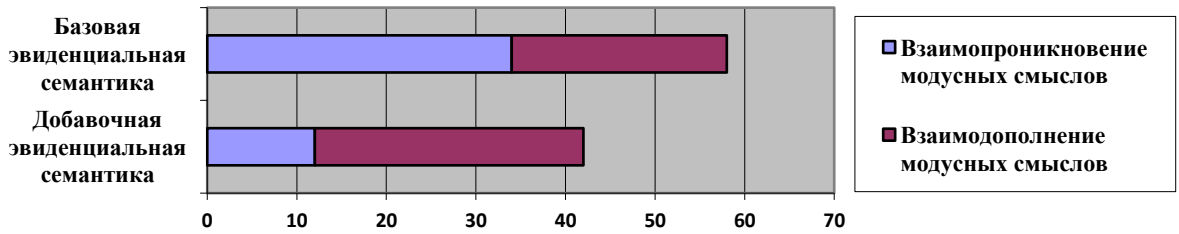


Наиболее востребованными эвиденциальными показателями в медиадискурсе явились маркеры усиления значимости высказывания, выражения мнения, уверенности в знании и чувственного восприятия, а наименее частотными – маркеры косвенного указания, умственного восприятия, а также сомнения. Большое количество маркеров усиления значимости высказывания и уверенности в знании может объясняться направленностью массмедийного дискурса на сознание потенциального адресата / читателя с целью формирования актуального общественного мнения, в то время как значительная представленность маркеров выражения мнения и чувственного восприятия обусловлена репрезентацией картины действительности автора, а также его интерпретацией передаваемых сведений в ходе развертывания ЭВ. Вместе с тем, преобладание операторов указанных групп может быть связано с повышенным вниманием англоязычных коммуникантов к собственной речи, деловитостью стиля обсуждения вопросов, стремлением к гиперболизации и выражению эмоций, а также ориентацией на достижение желаемого результата коммуникации. Незначительная представленность операторов косвенного указания, умственного восприятия и сомнения свидетельствует о четкой установке на тот или иной тип прагматики – в зависимости от целей, притязаний и ожиданий автора / нарратора, а также определяется особенностями англоязычного коммуникативного поведения. В частности, сравнительно

небольшое число маркеров косвенного указания репрезентирует характерную тенденцию англоязычных говорящих к передаче исключительно достоверных сведений. Отличительной чертой культуры носителей рассматриваемого языка является также стремление скорее забыть прошлое, особенно если оно связано с чем-то неприятным [Артюнина 2013: 136; Правда 1991], что приводит к снижению роли маркеров умственного восприятия как средств передачи эвиденциальной семантики. И, наконец, высокий уровень доверия к источнику письменной информации о событии, а также нерасположенность к негативной оценке сведений оказало влияние на число маркеров «сомнения» в структуре англоязычного массмедийного дискурса. Приведенные объяснения не противоречат оценкам исследователей, занимающихся изучением национально-культурной специфики коммуникативного поведения (см. Стернин, Ларина, Стернина 2003: 146]). Выводы о лексических эвиденциальных показателях, а также репрезентируемых посредством них модусных смыслах соответствуют результатам проведенного ранее анализа полимодальной семантики в массмедийном дискурсивном пространстве.

Таким образом, пространство массмедийного дискурса характеризуется базовой (58 % примеров) и добавочной (42 % примеров) эвиденциальной семантикой. Немаловажно, что совпадение эвиденциальных операторов и маркеров других модусных категорий в узловых точках развертывания) ЭВ / ЭДК осуществляется в рамках взаимопроникновения модусных смыслов, актуализируемых данными категориями. В случае обнаружения модусных показателей в промежуточной области развертывания ЭВ / ЭДК можно наблюдать дополнение эвиденциальности семантикой других модусных категорий. Результаты количественного анализа примеров представлены в Диаграмме 3.

Диаграмма 3. Реализация принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов в рамках базовой и добавочной эвиденциальной семантики



Базовая эвиденциальная семантика характеризуется преобладанием взаимопроникновения (59 % примеров) по сравнению с ситуациями взаимодополнения (41 % примеров) модусных смыслов. В случае добавочной эвиденциальной семантики наблюдается картина противоположная базовой эвиденциальной семантике. В подавляющем большинстве случаев (71 % примеров) эвиденциальная семантика формируется за счет взаимодополнения эвиденциальных операторов и показателей других модусных категорий, в то время как совпадение маркеров эвиденциальности и других модусных категорий наблюдается значительно реже (29 % примеров). Полученные результаты обусловлены спецификой актуализации эвиденциальности, а также других модусных категорий, составляющих базовую и добавочную эвиденциальную семантику.

С учетом исследования особенностей синергетического сцепления эвиденциальности с авторизацией, аппроксимацией, восприятием, модальностью, отрицанием, оценочностью, персональностью, персуазивностью, темпоральностью, экспрессивностью и эмотивностью, а также обнаруженной ранее взаимосвязи между типом сцепления и спецификой воздействия, оказываемого автором / субъектом коммуникации на адресата / читателя в рамках ЭВ, можно сделать вывод о том, что базовая эвиденциальная семантика (*Ev+A+Ap+Ps+T*) зачастую указывает на активную позицию автора / субъекта коммуникации, обусловленную необходимостью достижения поставленной коммуникативной цели. Тем самым в рамках формируемой автором / субъектом коммуникации базовой эвиденциальной семантики ведущей характеристикой

является оказание эксплицитного (категоричного / некатегоричного) воздействия на адресата / читателя. Высказываемые положения находят подтверждение в работах В. И. Карасика и М. А. Кульковой, которые подчеркивают значимость учета интенции говорящего в ходе рассмотрения его высказываний, а также рассматривают директивное воздействие в качестве инструмента волеизъявления, направленного на каузацию деятельности адресата / читателя, а также достижение перлокутивного эффекта [Карасик 2002: 69; Кулькова 2006: 468].

Применительно к добавочной эвиденциальной семантике в большинстве случаев представляется возможным говорить об имплицитном, косвенном воздействии автора / говорящего на адресата / читателя. Такого рода воздействие осуществляется при помощи маркеров модусных категорий «аппроксимация», «модальность», «отрицание», «оценочность», «персуазивность», «экспрессивность», «эмотивность», принадлежащих к области эпифазы, дополняющих и модифицирующих базовую эвиденциальную семантику, формируемую посредством эвиденциальных операторов, содержащихся в профазе ЭВ. Имплицитный способ представления транслируемых сведений позволяет установить контакт, доверительные отношения с адресатом / читателем, повышает экспрессивность / эмотивность / персуазивность высказываний говорящего, уточняет оценку и интерпретацию информации, упрощает выделение наиболее значимых данных, способствуя достижению иллокутивного замысла автора / субъекта коммуникации (см. [Данилова 2018; Литвяк 2018; Мазикова 2020]).

В целом, взаимодополнение и взаимопроникновение модусных смыслов эвиденциальности и категорий «авторизация», «аппроксимация», «восприятие», «отрицание», «модальность», «оценочность», «персональность», «персуазивность», «темпоральность», «экспрессивность» и «эмотивность» в рамках полученных синергетических эвиденциальных моделей сцепления, реализуемое в ходе развертывания ЭВ / ЭДК, может усиливать суггестивное воздействие автора / нарратора / говорящего / субъекта коммуникации на

адресата / читателя. Эффект оказываемого воздействия определяется выбором определенных эвиденциальных операторов и маркеров других модусных категорий, спецификой их самоорганизации в пространстве ЭВ / ЭДК особенностями коммуникативной ситуации, а также интенциями автора / нарратора / говорящего / субъекта коммуникации. Описанная выше базовая и добавочная эвиденциальная семантика обнаруживается в пространстве массмедийного дискурса, способствует реализации стратегий и тактик воздействия автора / субъекта коммуникации на адресата / читателя в процессе представления и интерпретации различного рода сведений (достижению состояния аттрактора). В результате взаимодействия базовой и добавочной эвиденциальной семантики формируется комплексная полимодальная эвиденциальная семантика, особенности которой могут быть наиболее подробно изучены в ходе рассмотрения различных типов массмедийного дискурса, характеризующихся наличием специфических конститутивных, институциональных и нейтральных признаков, коммуникативных целей, а также функциональных средств их достижения. В качестве таких типов нами были выбраны новостной медиадискурс, политический медиадискурс, а также рекламный медиадискурс.

Новостной медиадискурс представляет собой «совокупность текстов, функционирующих в сфере новостного вещания, взятых в единстве всех языковых и экстралингвистических характеристик, связанных с их производством, распространением и восприятием». К базовым характеристикам данного типа дискурса относятся многообразие освещаемых тем, актуальность информации, значимость, оперативность и краткость передаваемых сведений, краткость содержания, а также пространственная / психологическая близость к адресату / читателю [Добросклонская 2016; Морозова 2010; Чернявская 2014].

Напротив, рекламный медиадискурс отражает специфическую область дискурсивного пространства, продуктом которой является рекламный текст. Рекламная информация инициируется адресантом / рекламодателем и содержит отобранную, оптимизированную информацию о предмете рекламирования,

позволяющую сформировать рекламный образ, привлечь внимание адресата / потребителя и побудить его приобрести рекламируемый товар или воспользоваться некоторой услугой. В отличие от информационного дискурса рекламный дискурс массмедиа обладает однонаправленным действием (от рекламодателя к потребителю), характеризуется воздействующим, игровым оценочным и прагматическим характером, а также имеет своей единственной целью получение прибыли [Ухова 2012; Шейгал 2005].

В свою очередь, политический медиадискурс репрезентирует институциональный и неинституциональный подходы к передаче речи и определяется как «дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ речей политиков» [Dijk 2000: 8]. Главной составляющей политического медиадискурса являются различные тексты политического характера, при этом в основе данного типа дискурса находятся исключительно тексты политической среды, а на периферии – тексты, сочетающие в себе элементы различных дискурсов [Кибрик, Плунгян, 2002]. Базисные характеристики политического медиадискурса включают коммуникативную природу, оценочность, агрессивность речи, тематическую определенность, идеологическую составляющую, а также персуазивную направленность [Чудинов 2006].

Выбор новостного, рекламного и политического медиадискурса в качестве объекта изучения репрезентации полимодальной эвиденциальной семантики продиктован их природой и интенциональной доминантой. Согласно Т. В. Шмелевой выделяются пять различных интенций, характерных для медиасферы: «информировать, разъяснять с опорой на анализ и оценки, убеждать, рационально и эмоционально воздействуя, развлекать, привлекать и побуждать» [Шмелева 2012: 43]. В рамках исследования ЭДК именно интенции автора / субъекта коммуникации определяют особенности его воздействия на материал, что в конечном итоге формирует определенное восприятие полученных сведений адресатом / читателем.

Несмотря на несомненную «размытость», «гибридизацию» [Добросклонская 2008; Шибаева 2000] и «диффузность» [Цвик 2000] типов дискурса, можно утверждать, что в рамках новостного массмедийного дискурса преобладающей интенцией является стремление автора информировать, развлекать и разъяснять с опорой на анализ и оценку. Применительно к рекламному дискурсу речь идет о привлечении внимания потребителя, его убеждении приобрести какой-либо продукт, или воспользоваться определенными услугами, в то время как политический дискурс призван изменить представление адресата о том или ином событии посредством переконцептуализации реальности в сознании читателей. Необходимо отметить, что подобное разграничение интенционального потенциала дискурса также соответствуют воззрениям Л. Р. Дускаевой, которая исследует дискурс в аспекте речевых жанров и выделяет информационные, оценочные и персуазивные группы жанров, отмечая, что жанры первых двух групп «ориентируют в мире событий и идей», а жанры последней группы «способствуют выработке какой-либо формы поведения у аудитории» [Дускаева 2013: 53].

Очевидно, что в рамках новостного, рекламного и политического массмедийного дискурса эвиденциальная семантика актуализируется различным образом и определяется интенциональной доминантой, присущей тому или иному типу дискурсу. Особенности реализации интенций, характерных для различных типов дискурса посредством полимодальной эвиденциальной семантики, будут детально рассмотрены в следующих параграфах настоящего исследования.

3.1.1. Особенности синергии модусных эвиденциальных смыслов в массмедийном новостном дискурсе

В настоящее время, характеризуемое некоторыми исследователями как эпоха «информационного противостояния», важнейшую роль приобретает комплексный анализ новостей, отражающих информационную картину мира и оказывающих воздействие на восприятие информации и формирование

общественного мнения [Добросклонская 2016: 13]. Новости обладают важной структурирующей функцией и выступают в качестве стержневого компонента массмедийного дискурса, вокруг которого создается медиаконтент. Тем самым новости представляют собой опору пространственно-временной организации бесконечного потока медиаматериалов. Новостные тексты обладают доминирующей ролью в пространстве массмедийного дискурса и репрезентируют информационную функцию средств массовой коммуникации.

В последнее время новости все чаще становятся объектом изучения как российских, так и зарубежных исследователей. По существу, можно говорить о существовании целого направления «новостная лингвистика» (*news linguistics*), связанного с анализом различных новостей. В контексте исследования дискурсивного пространства наряду с понятием «массмедийный дискурс» возникает термин «новостной дискурс» [Иванова 2020, 2022]. Данный тип дискурса представляет собой вид медиадискурса, задача которого заключается в информировании и осведомлении адресата / читателя о тех или иных событиях и фактах. В качестве дискретной единицы новостного дискурса выступает новостной текст, который является отражением процесса, а также результатом речевой деятельности человека. Кодификация событий в рамках новостного дискурса происходит в поликодовом и мультимодальном режиме, что позволяет оказывать наиболее эффективное воздействие на адресата / читателя [Пантина 2018: 8; Тивьяева 2023: 54].

В контексте настоящего исследования особый интерес представляет положение о нарративном характере новостного дискурса. По мнению Т. ван Дейка, «для когнитивного анализа общения посредством новостных текстов особенно важной представляется конструируемая читателями модель того события, которое отражено и эффективно представлено в тексте сообщения» [Dijk 1988; Дейк 1989]. Очевидно, что представление новостной информации является нарративным актом, в силу событийного характера новизны, а презентация чего-либо нового – это и есть «событие». Таким образом, нарративность новостного дискурса заключается в вербальном развертывании

автором / нарратором передаваемых сведений о событии. При этом формируемая рецептивная картина действительности может не совпадать с видением автора, а также с тем образом, который он стремится создать у адресата / читателя. Обращаясь к новостному дискурсу, автор / нарратор / субъект коммуникации придает освещаемому событию высокую информативную значимость – его актуальность на момент передачи, действенность сообщаемых фактов здесь и сейчас [Тюпа 2017: 43]. При этом каждое очередное сообщение снижает либо отменяет повествовательную ценность предшествующего. В этом свойстве состоит отличие новостного дискурса от художественного.

Одна из наиболее значимых особенностей новостного дискурса заключается в том, что он, как правило, не предполагает прямого, непосредственного воздействия автора / нарратора на адресата / читателя: суггестивного, регулятивного, провокативного или инспиративного. Подобное воздействие обладает косвенным информативным характером и регулируется личностным опытом реципиентов. Тем не менее, в силу того что новость в общем значении представляет изменение ситуации действительности, характеризуется актуальностью и реконструирует саму коммуникативную ситуацию, презентация новости может актуализироваться в декларативной форме [Тюпа 2017: 44].

Тем самым на примере новостного медиадискурса можно наблюдать отход от классической модели, предполагающей актуализацию исключительно структурирующей и организующей функции дискурса. В рамках новейших исследований дискурсивного пространства массмедиа было установлено, что коммуникативная природа новостного дискурса характеризуется синергией нарративного и перформативного аспектов репрезентации информации [Тюпа 2001, 2011]. В массмедийном пространстве новостного дискурса в качестве преобладающей интенциональной доминанты выступает нарративная информативность, которая дополняется посредством перформативной суггестивности. Немаловажно, что обе интенции обязательно соприсутствуют –

в противном случае передаваемые сведения не будут обладать новостной природой.

Описанные выше характерные особенности новостного дискурса массмедиа прослеживаются в эвиденциальной семантике. Нами было изучено 1000 ЭДК, полученных методом сплошной выборки из новостных источников массмедиа. Было установлено, что в рамках рассматриваемого типа дискурса эвиденциальность отражает стремление автора / субъекта коммуникации к передаче данных с целью информирования / развлечения адресата / читателя и актуализируется посредством эвиденциальной модели *Evs* (*Ev + A + P + Ps + T*). При этом в зависимости от специфики информации, а также коммуникативной направленности новостного отрывка автор может разъяснять адресату те или иные сведения, тем самым расширяя возможную модусную семантику, которая дополняется модусными категориями «экспрессивность» (*Ex*), «отрицание» (*D*), а также в некоторых случаях категориями «модальность» (*M*), «персуазивность» (*P*), «оценочность» (*Evl*), «эмотивность» (*Emt*) и «аппроксимация» (*Aprx*). Подтвердим высказанные положения примерами (58) и (59):

(58) *Federal Minister for Information and Broadcasting Fawad Chaudhry on Wednesday* ***declared*** *that the "Sharif family has become habitual to distorting the truth," as he* ***strongly criticised*** *Shahbaz Sharif for "lying for more than an hour during his press conference"* [Sharif family has become habitual to distorting the truth, says Fawad Chaudhry 2021] / *Федеральный министр информации и радиовещания Фавад Чаудри в среду* ***заявил****, что «искажать правду стало обычным делом для семьи Шариф»,* ***резко раскритиковав*** *Шахбаза Шарифа за то, что он «лгал более часа во время своей пресс-конференции».*

ЭВ (58) является фрагментом новостного отрывка, посвященного выступлению министра информации и радиовещания Пакистана Фавада Хуссейна Чаудри (*C2*). Семантика косвенной непосредственной эвиденциальности репрезентируется при помощи оператора усиления значимости высказывания *declare / заявить* (*if you declare that something is true, you say that it is true in a firm, deliberate way* [Collins Dictionary] / *если вы*

заявляете, что что-либо истинно, вы твердо и обдуманно высказываете это), обладающего цитативным значением и используемого автором (*C1*) для передачи мнения министра по поводу семьи государственного деятеля Шахбаза Шарифа. Обращение *C1* к данному виду эвиденциальности, может быть обусловлено его стремлением разграничить свою позицию и точку зрения *C2*, категоричность слов которого подчеркивается посредством использования оператора явного указания. Немаловажно, что данный ЭДК характеризуется пересечением эвиденциальной семантики (*Evs*) с модусом категории «экспрессивность», выражаемым эксплицитно (за счет совпадения с эвиденциальным оператором *declare / заявлять* в точке бифуркации (узловой точке развертывания высказывания) и имплицитно (посредством экспрессивного маркера *strongly criticise / резко раскритиковать* (*to express disapproval of someone or something* [Cambridge Dictionary] */ выражать неодобрение чего-либо или недовольство кем-либо*), актуализируемым в промежуточной области развертывания ЭДК). Таким образом, настоящий новостной отрывок отражает синергетическую модель сцепления *Evs* + *Ex*. Важно отметить, что экспрессивная семантика (*Ex*) формирует образный акцент новостного отрывка, что может повысить читательский интерес.

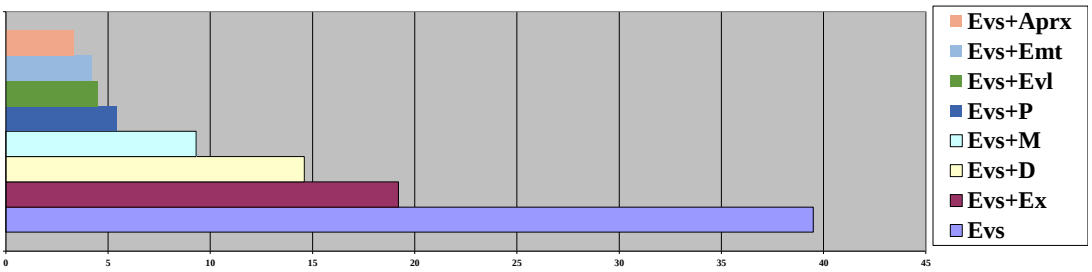
(59) (a) *Late in the evening police arrested a suspect who matched video images of a man at the scene.* (b) *But they **said** they were still seeking other persons of interest, and **did not know** whether the attacker had acted alone or whether he was linked to a terrorist organisation.* (c) *The Swedish press **reported** that explosives had been found in the truck, but those reports **had not yet been confirmed*** [Sweden becomes the latest victim of vehicular terrorism 2017] / (a) *Поздно вечером полиция задержала подозреваемого, внешность которого соответствовала мужчине на видео, запечатленного на месте преступления.* (b) *Но они **сказали**, что все еще ищут других лиц, представляющих интерес для следствия, и **не знают**, действовал ли нападавший в одиночку и был ли он связан с террористической организацией.* (c) *Шведская пресса **сообщила**, что в грузовике были обнаружены взрывчатые вещества, но эти сообщения еще **не подтвердились**.*

Анализируемый ЭДК содержит описание последствий теракта, произошедшего в центральном торговом районе Стокгольма (см. базовое высказывание (a)). Эвиденциальность репрезентируется при помощи оператора явного указания *say / сказать* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] / *произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*), обладающего значением косвенной эвиденциальности и используемого автором (*C1*) для передачи сведений, полученных от третьих лиц (полиции – *C2*); оператора уверенности в знании *know / знать* (*to have information in your mind* [Cambridge Dictionary] / *иметь информацию в уме*), который в сочетании с маркером отрицания *not / не* (*used to give the next word or group of words a negative meaning* [Cambridge Dictionary] / *используется для придания следующему слову или группе слов отрицательного значения*) указывает на отсутствие уверенности *C2* в достоверности передаваемых сведений (см. развитие темы (b)); оператора явного указания *report / сообщать* (*to give a description of something or information about it to someone* [Cambridge Dictionary] / *предоставить кому-либо информацию или описание чего-либо*), употребляемого *C1* для обозначения источника сведений, передаваемых шведской прессой (*C3*) и обладающего значением пересказывательности (см. рему (c)). Немаловажно, что в промежуточной области развертывания ЭДК значение эвиденциальности также дополняется значением отрицания, вербализуемого частицей *not / не* в клаузе *but those reports had not yet been confirmed / но эти сообщения еще не подтвердились.* Таким образом, в рамках данного дискурсивного контекста реализуются принципы самоорганизации его элементов, а также синергетического взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов, которые актуализируются посредством сочетания модели *Evs* с семантикой отрицания (*D*), репрезентируя лингвосинергетическую модель *Evs + D*. При этом *Evs* содержит указание источника сведений (*Ev*), обозначение авторства высказывания (*A*) и непересечения *C1* с субъектами коммуникации *C2* и *C3* (*Ps*),

отражает особенности интерпретации сведений субъектами коммуникации (*Ap*), а также временные рамки контекста (*T*), в то время как *D* употребляется для обозначения сомнений *C2* в истинности передаваемых данных о подозреваемом, а также возможного изменения точки зрения *C3* касательно хода расследования. Тем самым формируемая нейтральная эвиденциальная семантика настоящего новостного отрывка способствует передаче фактуальной информации.

В результате проведенного лингвосинергетического анализа было установлено, что в пространстве новостного медиадискурса категория «эвиденциальность» реализует принципы взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов за счет пересечения показателей эвиденциальности и других модусных категорий в узловых точках, а также в промежуточной области развертывания ЭДК. Как показал анализ, эвиденциальная семантика может дополняться значениями эмотивности (*Emt*) (4,2 % примеров), экспрессивности (*Ex*) (19,2 % примеров), персуазивности (*P*) (5,4 % примеров), модальности (*M*) (9,3 % примеров), оценочности (*Evl*) (4,5 % примеров), аппроксимации (*Aprx*) (3,3 % примеров) и отрицания (*D*) (14,6 % примеров) и репрезентироваться посредством синергетических моделей. Указанные данные графически представлены в Диаграмме 4.

Диаграмма 4. Синергетические модели сцепления эвиденциальности и других модусных категорий в новостном медиадискурсе



Как следует из диаграммы, в пространстве новостного массмедийного дискурса эвиденциальная семантика наиболее часто представлена синергетической моделью *Evs* (*Ev* + *A* + *Ap* + *Ps* + *T*), *Evs* + *Ex*, а также *Evs* + *D*, в то время как модели *Evs+Aprx* и *Evs+Emt* актуализируются реже всего. Подобная дифференциация моделей объясняется прежде всего преобладающей интенциональной доминантой новостного дискурса, в качестве которой

выступает желание автора / нарратора донести до адресата / читателя актуальную, востребованную, новую информацию через создание интерпретаций новостных медиатопиков. *Evs* является наиболее подходящей моделью для реализации данной доминанты, поскольку объединяет в себе источник сведений (*Ev*), автора высказывания (*A*), ситуации пересечения / непересечения автора с субъектами новостного отрывка, интерпретацию информации субъектами коммуникации (*Ap*) и временные рамки дискурсивного контекста (*T*). Значительный процент примеров актуализации моделей *Evs + Ex,* а также *Evs + D* может быть связан с необходимостью подчеркнуть значимость описываемых событий, а также важностью пространственной и психологической близости к адресату. Несмотря на известные трансформации, которые испытывает новостной медиадискурс, в своих прототипических образцах данному типу текста не свойственна интенция убеждения читателя, передача эмоционального состояния автора, семантика оценочности и ирреальности данных [Иванова 2022]. Наряду с этим, выявленная представленность лингвосинергетических моделей, может обусловливаться особенностями англоязычного коммуникативного поведения в рамках реализации коммуникативной неимпозитивности – необходимости соблюдения коммуникативной неприкосновенности читателя [Власян 2013: 256; Кожухова 2021: 32; Стернин, Ларина, Стернина 2003: 146]. Для того, чтобы текст новости соответствовал прототипу, автор применяет коммуникативные стратегии, нацеленные на дистанцирование, а также смягчения воздействия на читателя: например, обращается к семантике косвенной эвиденциальности и синергетической модели сцепления *Evs + D*.

Таким образом, в рамках новостного медиадискурса представляется возможным выделить ключевые модели синергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий: *Evs*, *Evs + Ex* и *Evs + D*. При этом возможны ситуации одновременного пересечения значений сразу нескольких категориальных моделей.

3.1.2. Особенности синергии модусных эвиденциальных смыслов в массмедийном рекламном дискурсе

Рекламный дискурс является неотъемлемой составляющей медиадискурса. Истоки рекламного дискурса уходят в культурные пласты человечества, однако, для каждого сообщества реклама представляет собой продукт, соответствующий определенному культурному коду и обращенный к целевой аудитории. Можно предположить, что в рамках социума реклама обладает дифференцирующим характером, тем не менее, важно подчеркнуть ее коммуникативный потенциал.

Согласно определению, представленному У. Уэллсом, «реклама – это оплаченная, не персонализированная коммуникация, осуществляемая идентифицированным спонсором и использующая средства массовой информации с целью склонить (к чему-то) или повлиять (как-то) на аудиторию» [Уэллс 1999: 32]. Общее понимание рекламы предполагает ее рассмотрение как разновидности маркетинговой коммуникации, используемой с целью побуждения аудитории к осуществлению либо продолжению некоторого действия, как правило связанного с коммерческим предложением или идеологической поддержкой.

В зависимости от ее конечной цели реклама разделяется на коммерческую и некоммерческую. Коммерческая реклама позволяет повысить потребление продукции либо услуг посредством брендинга, который предполагает формирование в сознании потребителя определенных ассоциаций, связывающих название продукта и базовую идею с его отличительными характеристиками. Некоммерческая реклама формирует позитивную и негативную оценку в отношении политических партий, общественных движений, религиозных организаций и государственных органов при помощи убеждения и работы с общественным мнением. Разновидностями такой рекламы является социальная реклама и политическая реклама.

Классификация рекламы также может проводиться по целому ряду критериев: (1) по представляемому объекту (например, реклама товара, фирмы, услуги); (2) по реципиенту (ориентированная на массового потребителя либо на

узкий круг лиц); (3) по носителю информации (например, реклама печатная, телевизионная, интернет-реклама, наружная реклама); (4) по способу воздействия (например, образная, ассоциативная, предметная, эмоциональная, рациональная); (5) по средствам репрезентации (прямая, иносказательная, «мягкая», «жесткая») [Грошев 2000, Гуссейнова 1999].

Немаловажно, что каждый из перечисленных видов рекламы обладает характерными особенностями несмотря на то, что основные условия репрезентации рекламы всегда зависят от краткости, достоверности, динамичности и ясности информации [Crystal 2001: 205]. В рамках настоящего исследования мы будем акцентировать внимание на коммерческой интернет-рекламе.

В силу взаимодействия с потребителем, реклама обладает коммуникативным потенциалом, актуализируемым посредством коммуникативной стратегии. Данная стратегия содержит набор речевых действий, нацеленных на достижение некоторой коммуникативной цели [Иссерс 2008, Паршина 2005]. Автор осуществляет коммуникативные стратегии при помощи определенных лингвистических средств, а также трансформирует стратегии в связи с коммуникативной стратегией адресата [Никулина 2021]. Коммуникативным результатом рекламы является возникновение у потребителя намерения к осуществлению определенного действия. Результатом коммуникативной деятельности автора выступает успешность формирования, передачи или изменения интенции адресата [Гаспарян 2017].

Под рекламным дискурсом мы понимаем совокупность отдельных рекламных текстов в контексте экстралингвистических, социокультурных, психологических и иных факторов, целью которых является актуализация интенции, направленной на осуществление определенного действия по приобретению товара или использованию услуг. Рекламные тексты характеризуются принадлежностью к некоторой коммуникативной ситуации, основной целью которой является формирование интенции побуждения [Тюрина 2009]. При этом, в зависимости от типа реализации в рекламном тексте той или

иной интенциональной доминанты, различают информационную, информационно-воздействующую, а также эстетическую стратегии. Реализация информационной стратегии предполагает осуществление речевых действий с целью представления информации о свойствах, местонахождении, а также контактных данных рекламного предложения. Информационно-воздействующая стратегия является превалирующей и предполагает комплекс речевых действий, репрезентирующий сведения о свойствах рекламного предложения наряду с употреблением лингвистических инструментов, побуждающих потребителя к определенному действию. Наконец, эстетическая стратегия понимается как комплекс речевых действий, формирующих интенцию посредством применения информационной и информационно-воздействующей стратегий, а также присвоения передаваемому сообщению определенной эстетической ценности. Это может приводить к качественной трансформации как авторской интенции, так и интенции адресата, что связано с двухсторонним обменом смыслами [Гаспарян 2017: 8].

Указанные интенциональные стратегии находятся во взаимодействии, в результате которого происходит их усложнение. Интенциональный подход отрицает возможность разграничения стратегий в силу их общей направленности для достижения единой цели, а также применения всех доступных средств для ее реализации. Немаловажно, что интенциональные стратегии направлены на адресата, а их эффектом является формирование потребительского намерения приобрести товар, либо воспользоваться услугами [Иссерс 2008].

На основании описываемых в работах Т. Г. Добросклонской интенциональных стратегий [Добросклонская 2008, 2016], была разработана классификация типов массмедийного рекламного дискурса с позиции модальности – репрезентации особого отношения рекламного отрывка к действительности и адресата / читателя к процессу коммуникации. Л. М. Гончарова выделяет 3 типа медиадискурса: констатирование, конструирование и мифологизацию. Констатирование отражает дискурсивные

отрывки, констатирующие реальность и репрезентирующие прагматические факты действительности (например, рекламное объявление, рекламная заметка), в то время как основное внимание автора уделяется передаче различных фактических сведений. К конструированию относятся отрывки, допускающие авторскую интерпретацию сведений, а также различного рода комментарии (например, рекламное интервью, рекламная консультация, буклет), при этом автор / рекламодатель не просто представляет фактическую информацию, но и интерпретирует данные в необходимом ему ключе. Заключительным типом рекламного массмедийного дискурса является мифологизация, представляющая собой целенаправленно сконструированный и отдаленный от действительности образ (например, рекламная статья, рекламный очерк, рекламная листовка). Данные типы оказываются структурно приближены к публицистическим в контексте презентации информации, а также языковым и стилевым особенностям [Гончарова 2014: 62].

Говоря о типовой специфике рекламного массмедийного дискурса, можно отметить, что представленные разновидности отражают сущностно-выразительные структуры, способствующие качественному решению задач, стоящих перед автором масс-медийного отрывка и варьирующиеся в зависимости от интенциональной стратегии дискурса. Автор может прибегнуть к явным (информирование и описание адресата) или косвенным (стимулирование интереса, создание мифов, конструирование восприятия) методам воздействия на потенциального потребителя товаров и услуг.

Рекламный дискурс практически полностью входит в медиапространство, осуществляя воздействие на адресата посредством информирования для формирования мотивации к действию (создания потребности осуществить покупку, формирования имиджа общественных деятелей и организаций, а также побуждения к определенному поведению) [Чернявская, Молодыченко 2023]. Рекламный медиадискурс отражает языковые процессы, происходящие в обществе, актуализируя лексические стилистические и лингвистические трансформации. По причине тесной связи со сферой массмедиа большинство

рекламных отрывков обладают определенным набором отличительных характеристик, к числу которых относятся эмоциональность, образность, ярко выраженная интенциональность, актуализируемая при помощи лингвистических средств, краткость, а также зачастую имплицитность [Борисова 1999; Борисова 2015; Сейдуллаева 2016; Тумский 2015]. Помимо этого, реклама оказывает влияние на массовое сознание за счет использования средств массовой коммуникации. По мнению Т. Г. Добросклонской, рекламный массмедийный дискурс наиболее полно объединяет актуализацию функции воздействия на адресата / читателя в двух ракурсах: «как функцию языка, реализуемую с помощью всего арсенала лингвистических средств выразительности, и как функцию массовой коммуникации, реализуемую с применением особых медиатехнологий, присущих тому или иному средству массовой информации» [Добросклонская 2008].

Рассмотренные выше интенциональные стратегии, а также типовые особенности рекламного дискурса массмедиа прослеживаются в ходе изучения эвиденциальности. Нами было рассмотрено и интерпретировано 1000 дискурсивных эвиденциальных отрывков, полученных методом сплошной выборки из рекламного медиадискурса. В контексте данной разновидности дискурса эвиденциальность репрезентирует основополагающую интенцию автора / субъекта коммуникации, связанную с желанием привлечь внимание адресата / читателя к передаваемым сведениям, а также побудить его приобрести рекламируемый товар, либо воспользоваться некоторой услугой, что вызывает необходимость обращения к семантике оценочности (*Evl*), модальности (*M*) и экспрессивности (*Ex*), что свидетельствует о реализации принципов лингвосинергетического взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов и актуализируется посредством эвиденциальных моделей *Evs, Evs + Evl, Evs + M, Evs + Ex,* а также комбинаций значений модусных категорий, распределяющихся и систематизирующихся внутри данных моделей в соответствии с лингвосинергетическим принципом самоорганизации.

Рассмотрим актуализацию полимодальной эвиденциальной семантики на примерах (60), (61):

(60) (a) ***They say*** *every dog has its day.* (b) *If that day involves eating dynamite, walking home 1,500 miles, fighting off wild hogs, riding freight trains and having a wooden leg, then that dog* ***probably*** *made it into the pages of The New York Times.* (c) *"Dogs: From the Archives of The Times" unleashes more than 140 of our greatest dog stories* [Dogs of the Times 2021] / (a) ***Говорят****, у всех бывают хорошие дни, даже у собак.* (b) *Если этот день включает в себя поедание динамита, прогулки до дома длиной в 1500 миль, борьбу с дикими свиньями, поездки на товарных поездах и деревянные протезы лап, то эта собака,* ***вероятно****, попала на страницы The New York Times.* (c) *Книга «Собаки: из архивов The Times» содержит более 140 величайших историй о собаках.*

Данный ЭДК является фрагментом рекламного объявления книги, содержащей удивительные истории о собаках и размещенной в онлайн-версии газеты *The New York Times* (см. базовое высказывание (a)). Эвиденциальная семантика актуализируется автором (*C1*) посредством оператора явного указания *say / сказать* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] / *произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*), обладающего значением косвенной эвиденциальности и репрезентирующего сведения, источником которых является обобщенный говорящий (*C2*), а также оператора сомнения *probably / вероятно* (*used to mean that something is very likely* [Cambridge Dictionary] / *используется для обозначения того, что что-либо весьма вероятно*), демонстрирующего отсутствие уверенности *C1* в достоверности передаваемой информации (см. развитие темы (b)). Очевидно, что в промежуточной области развертывания настоящего дискурсивного контекста эвиденциальная семантика (*Evs*) дополняется семантикой модальности (*M*), актуализируемой маркером *probably / вероятно,* одновременно выражающим значения двух указанных категорий, что свидетельствует о синергетическом взаимопроникновении

значений эвиденциальности (*Ev*) и модальности (*M*). Модальная семантика (*M*) выражает отношение *C1* к описываемым сведениям. Наряду с этим, обращение *C1* к модальности может быть вызвано его стремлением вызвать интерес адресата к рекламируемому товару за счет описания приблизительного содержания книги. При этом автор избегает категоричной оценки данного произведения, что позволяет осуществлять скрытое воздействие на потенциального покупателя. Немаловажно, что полимодальная семантика оператора *probably / вероятно* дополняет эвиденциальную семантику (*Evs*), выражаемую оператором *say / сказать,* тем самым объединяя сведения, репрезентируемые *C1* и *C2*, что формирует целостную картину в сознании адресата / потенциального покупателя. Таким образом, настоящий дискурсивный отрывок характеризуется синергетическими эвиденциальными моделями сцепления *Evs* и *Evs + M,* вступающими во взаимодействие и формирующими комплексный эффект воздействия с целью побудить адресата / читателя / потенциального покупателя приобрести рекламируемую книгу.

(61) (a) *As Netflix pours more of its resources into original content, Amazon Prime Video is picking up the slack, adding new movies for its subscribers each month.* (b) *Its catalog has grown so* ***impressive***, ***in fact****, that it's a bit* ***overwhelming*** *— and at the same time, movies that are included with a Prime subscription regularly change status, becoming available only for rental or purchase* [The Best Movies on Amazon Prime Video Right Now 2021] / (a) *По мере того как Netflix вкладывает все больше ресурсов в оригинальный контент, Amazon Prime Video набирает обороты, добавляя новые фильмы для своих подписчиков каждый месяц.* (b) *Его каталог стал настолько* ***впечатляющим****, что,* ***на самом деле****, может вас* ***ошеломить*** *– и в то же время фильмы, включенные в подписку Prime, регулярно меняют статус, становясь доступными только для проката или покупки.*

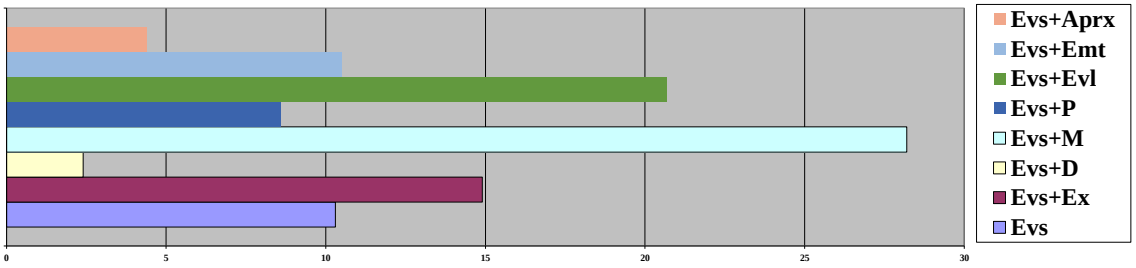
Дискурсивный отрывок (61) содержит рекламу стримингового сервиса компании *Amazon – Amazon Prime Video,* предоставляющего платный доступ к телевизионным передачам, сериалам и фильмам производства *Amazon Studios,* а также прочих производителей в рамках подписки *Amazon Prime* (см. базовое

высказывание (a)). Эвиденциальность выражается при помощи оператора усиления значимости высказывания *in fact / на самом деле* (*used to emphasize a statement, especially one that is the opposite of what has just been mentioned* [Oxford Learner's Dictionaries] / *используется для того, чтобы подчеркнуть утверждение, особенно противоположное тому, что только что было озвучено*), обладающего значением прямой непосредственной эвиденциальности и репрезентирующего интенцию автора сообщения (*C1*) акцентировать внимание на впечатляющем количестве фильмов, предоставляемых зрителям по подписке названной компании (см. рему (b)). Важно подчеркнуть, что эвиденциальная семантика настоящего дискурсивного контекста (*Evs*) сочетается с семантикой экспрессивности (*Ex*), актуализируемой за счет совпадения показателей эвиденциальности и экспрессивности в точке бифуркации, представленной маркером *in fact / на самом деле*, что свидетельствует о реализации принципа лингвосинергетического взаимопроникновения модусных смыслов, а также при помощи экспрессивных показателей *impressive / впечатляющий* (*if an object or achievement is impressive, you admire or respect it, usually because it is special, important, or very large* [Cambridge Dictionary] / *если объект или достижение впечатляют, вы восхищаетесь ими или уважаете их, обычно потому, что они особенные, важные или значительные*) и *overwhelming / ошеломительный* (*very great or very strong; so powerful that you cannot resist it or decide how to react* [Oxford Learner's Dictionaries] / *великий или очень сильный; настолько могущественный, что невозможно сопротивляться этому или решить, как реагировать*), указывающих на синергетическое взаимодополнение значений эвиденциальности и экспрессивности. Ввиду отнесения интенции усиленного воздействия на адресата к числу обязательных параметров экспрессивности [Скребнев 1992: 23], обращение *C1* к семантике данной категории может говорить о его стремлении реализовать информационно-воздействующую стратегию, направленную на адресата / потенциального пользователя рекламируемого сервиса. Посредством указанных операторов автор

интерпретирует передаваемые сведения об объеме каталога фильмов, что может вызвать желание потребителя приобрести платную подписку, чтобы лично убедиться в достоверности слов *C1*, воспользовавшись всеми преимуществами сервиса. Сочетание принципов взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов усиливает синергетический эффект воздействия, формируемый посредством лингвосинергетической модели сцепления *Evs + Ex*.

Таким образом, лингвосинергетический анализ позволяет сделать вывод о том, что в пространстве рекламного медиадискурса эвиденциальная семантика может сочетаться со значениями других модусных категорий в узловых точках либо в промежуточной области развертывания эвиденциального дискурсивного контекста. Проведенный анализ показал, что эвиденциальная семантика (*Evs*) (14,3 % примеров) может сочетаться со значениями эмотивности (*Emt*) (10,5 % примеров), экспрессивности (*Ex*) (14,9 % примеров), персуазивности (*P*) (4,6 % примеров), модальности (*M*) (28,2 % примеров), оценочности (*Evl*) (20,7 % примеров), аппроксимации (*Aprx*) (4,4 % примеров) и отрицания (*D*) (2,4 % примеров) и репрезентироваться посредством синергетических моделей. Полученные данные представлены в Диаграмме 5.

Диаграмма 5. Синергетические модели сцепления эвиденциальности и других модусных категорий в рекламном медиадискурсе



Содержащиеся в диаграмме данные свидетельствуют о том, что в пространстве рекламного дискурса массмедиа модусная эвиденциальная семантика чаще всего репрезентируется лингвосинергетическими моделями *Evs + M, Evs + Evl*, а также *Evs + Ex* и *Evs*. Напротив, реже всего встречается модель *Evs + D*. Такая количественная представленность моделей главным образом связана с реализацией информационно-воздействующей стратегии, а также преобладающей интенцией рекламного дискурса, основанной на стремлении

автора привлечь внимание целевой аудитории, а также вызвать желание потребителя приобрести рекламируемый продукт либо воспользоваться предлагаемыми услугами. Подобная дифференциация вполне соответствует выводу Л. Р. Дускаевой о том, что рекламный дискурс относится к оценочному типу дискурса. Оценочная доминанта рекламного дискурса иллюстрируется посредством лингвосинергетических моделей сцепления *Evs + M* и *Evs + Evl*, объединяя эвиденциальную семантику с отношением автора / субъекта коммуникации к действительности по доминирующим признакам реальности / ирреальности (*M*), а также аксиологической оценкой автором / субъектом коммуникации передаваемых сведений (*Evl*). Большой процент примеров актуализации синергетических моделей *Evs + Ex, Evs + Emt,* и *Evs* может быть связан с отнесением рекламного массмедийного дискурса к числу констатирующих и конструирующих типов дискурса, что обусловливает важность репрезентации фактической информации (*Evs*), а также вызывает необходимость осуществления авторской интерпретации сведений с опорой на образные языковые средства (*Evs + Ex*; *Evs + Emt*), в то время как склонность к изменению поведения адресата / покупателя (*P*), отрицательная коннотация передаваемой информации (*D*), а также нежелание автора / субъекта коммуникации обозначать отсутствие четкого восприятия рекламируемых продуктов / услуг (*Aprx*) менее характерны для рекламного дискурса массмедиа. Помимо этого, отразившееся в диаграмме распределение синергетических моделей может быть связано с субъективностью и некатегоричностью англоязычной коммуникации, а также важной отличительной особенностью английского коммуникативного поведения – гиперболизированной оценочностью, проявляющейся в частом и многократном употреблении оценочных и экспрессивных реплик в различных ситуациях общения [Стернин, Ларина, Стернина 2003: 149].

В ходе проведенного исследования было установлено, что к числу узловых моделей лингвосинергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий в пространстве рекламного массмедийного дискурса

относятся *Evs + M*, *Evs + Evl*, а также *Evs + Ex*. Важно подчеркнуть, что пересечение модусной семантики не ограничивается конвергенцией значений двух категорий – базовая эвиденциальная семантика (*Evs*) может дополняться модусными смыслами сразу нескольких категорий (*Aprx, Emt, Evl, P, M, D, Ex*).

3.1.3. Особенности синергии модусных эвиденциальных смыслов в массмедийном политическом дискурсе

Современная лингвистика поднимает проблемы взаимодействия субъекта и адресата, дискурса и власти, пытается выявить роль языка, в том числе языка массмедиа, в непрекращающейся борьбе человека за влияние и власть. При этом условия протекания массмедийной политической коммуникации обусловлены социоэкономической и политической ситуацией [Желтухина 2004]. С другой стороны, политическая коммуникация обладает универсальным свойством. Как отмечает Р. Блакар, в рамках политической коммуникации невозможно выразиться «нейтрально», так как даже неформальный диалог подразумевает «осуществление власти» – воздействие на восприятие и структурирование действительности адресатом [Блакар 1987: 91].

Особенности политической деятельности служат уточнению и конкретизации дефиниции политического дискурса в рамках различных подходов к определению данного понятия. В контексте социально-информационного подхода Е. В. Горбачева рассматривает политический дискурс как «отражающее менталитет политических субъектов информационно-коммуникативное взаимодействие между индивидами, группами по поводу согласования политических идей, идеологий, принципов, оценок, мнений, происходящее посредством и через социальные институты для достижения политических целей» [Горбачева 2007].

Согласно Г. А. Наминовой, политический дискурс представляет собой особый вид коммуникации, подразумевающий «движение от речевой общности участников политического и социального взаимодействия до конструктивного политического согласия в области социально значимых тем и способов

разрешения существующих проблем на основе широкого, добровольного, свободного и аргументированного диалога» [Наминова 2001]. Помимо выработки общественного консенсуса, политической коммуникации присуще обсуждение и обоснование принятых политических и социально-политических решений [Баранов 1991].

Е. И. Шейгал акцентирует внимание на лингвистических характеристиках политического дискурса и относит его к области коммуникативной деятельности, итогом которой становятся «специфические тексты, вербальные и невербальные знаки, типичные модели речевого поведения, находящие воплощение в конкретных жанрах политического дискурса» [Шейгал 2004]. В свою очередь, О. В. Михалева считает, что политический дискурс, как и любой другой, обладает определенными основополагающими признаками, к числу которых относятся цель и участники коммуникации, а также способ взаимодействия – выбранные стратегии и тактики [Михалева 2004]. А. П. Чудинов описывает антиномии, лежащие в основе политической коммуникации: авторство-анонимность, агрессивность – толерантность, институциональность – личностный характер, интертекстуальность – автономность, редукционизм-многоаспектность, ритуальность – информативность, эзотеричность – общедоступность [Чудинов 2003]. Говоря о порождении политического дискурса, Н. Б. Руженцева выделяет (1) коллективный тип авторства (актуализирующий надличностное начало), (2) индивидуальный тип авторства (отражающий личностное начало), (3) смешанный тип авторства (сочетающий надличностное и личностное начало) [Руженцева 2015: 47]. Опираясь на представленные характеристики, можно утверждать, что политический дискурс имеет коммуникативную направленность, характеризуется наличием политических субъектов, обладает специфической тематикой и речевой культурой, предполагающей достижение аргументированного согласия посредством выражения, обоснования, обсуждения и согласования разнообразных мнений.

Специфика политического дискурса заключается в неравнозначности сторон коммуникации. Одна из сторон оказывается представленной профессионалами – политиками / их представителями, журналистами, обладающими определенной властью, в то время когда другую характеризуют непрофессионалы – люди, граждане, население, нуждающиеся в помощи первой стороны. Таким образом, адресатом политического дискурса являются широкие слои населения. Автор / субъект политического дискурса зачастую представляет определенный политический институт и обладает доступом к специфической информации, которую может использовать для изменения мнения и поведения адресата, тем самым решая стоящие перед ним цели и задачи [Карасик 2000: 44]. Институциональная природа дискурса обусловливает его манипулятивный и персуазивный характер. Наряду с этим, политической коммуникации не свойственна корпоративная замкнутость, политический язык не является специфичным и может использоваться вне рамок политической деятельности: например, в медийной деятельности [Виноградова 2010].

Обладая огромным количеством схожих черт, массмедийный дискурс и политический дискурс пересекаются в определенной области применения. Например, выступление политика на конференции репрезентирует политический дискурс, а его публикация в интернет-издании, сопровождаемая комментариями автора статьи, осуществляющего отбор и обработку материала – политический массмедийный дискурс. Аналогично, текст принятого закона принадлежит к области политического дискурса, в то время как новостной отрывок о процессе его разработки, обсуждения и принятия, либо интерпретация действия данного закона в авторской колонке – политический дискурс массмедиа. Тем самым политический массмедийный дискурс образуется в области пересечения политического дискурса и дискурса средств массовой информации, обладает основополагающими характеристиками политического дискурса и дополняется спецификой массмедиа. Необходимо отметить, что политический массмедийный дискурс превалирует в следующих жанрах:

интервью с политиком, проблемная аналитическая статья, дискуссия в прессе, публикация речи политика, политического документа [Желтухина 2016].

Вопрос эффективности воздействия на массовую аудиторию широко изучен в рамках психологии, социологии и смежных науках. Общественное мнение является одним из основных средств завоевания и удержания власти. Политические сведения, публикуемые в цифровом пространстве сети Интернет, значительно усиливают информационную связь между людьми, говорящими на одном языке в режиме, близком к реальному времени [Петрова 2022]. Это приводит к формированию чувства национального единства и общности, что является мощным импульсом для развития «национального» политического мышления [Никитина 2006]. При этом интенциональная доминанта политического медиадискурса предполагает реализацию следующих функций: овладение вниманием целевой аудитории; вовлечение адресата в коммуникацию; «заражение» адресата идеями и чувствами; убеждение, внушение, идеологическая обработка публики; управление интеракцией. Наряду с этим, в ходе развертывания политического массмедийного дискурса актуализируются следующие коммуникативные стратегии: коммуникативно-вовлекающая; информирующая; соблазняющая; убеждающая; эмоционально-возбуждающая; воодушевляющая; развлекающая; ментально-преобразующая; имиджирующая; мобилизующая [Русакова, Русаков 2011: 120].

Политический массмедийный дискурс представляет собой комплексное коммуникативное явление, имеющее целью борьбу за власть при помощи формируемого общественного мнения, включает в себя текст как вербализованный результат речи, ситуативный и социокультурный контекст, а также определенные лингвистические средства, находящиеся в соответствии с целями и задачами дискурса. Наполняя материал необходимыми для автора установками, политический массмедийный дискурс нацелен на управление сознанием адресата информации, при этом ориентация на массового адресата / читателя определяет лингвистические особенности публикуемых данных – логичные суждения, не впечатляющие массовую аудиторию, уступают место

простым и ярким идеям, чувственным образам, повторениям, лексике, рождающей ассоциации. В качестве основных элементов усиления вербального воздействия на адресата / читателя выступают речевые фигуры и тропы, например, метафоры, эвфемизмы [Никитина 2006: 5; Чудинов 2014: 269].

Очевидно, что политический массмедийный дискурс формирует картину действительности, отражающую объективную реальность, однако, не равную ей. Формируемая интерпретативная реальность функционирует совместно с объективной реальностью, и потенциальный адресат / читатель реагирует на данную субъективную реальность. Субъективный характер информации в политическом массмедийном дискурсе подчеркивает важность роли человеческого фактора в коммуникативном процессе [Никитина 2006]. Субъективность аналитических и редакционных текстов политического дискурса массмедиа определяется наличием в них авторского комментария / интерпретации, что ведет к реализации воздействующей функции публикуемого. Немаловажно, что подобное воздействие может обладать как эксплицитным, так и имплицитным характером. Следовательно, подача информации в политическом массмедийном дискурсе напрямую связана с человеческим фактором, что позволяет оказывать персуазивное воздействие на общественное мнение [Желтухина 2016].

Рассмотренные выше особенности информационно-коммуникативного взаимодействия между индивидами, а также реализация выбранных автором коммуникативных стратегий и тактик с целью оказания определенного воздействия на адресата / читателя могут быть изучены в ходе интерпретации ЭДК. Мы исследовали 1000 ЭДК, полученных методом сплошной выборки из рекламных текстов массмедиа. В дискурсивном пространстве политического массмедийного дискурса эвиденциальность отражает основную интенцию автора / субъекта коммуникации, основывающуюся на стремлении убедить адресата / читателя в истинности / ложности, достоверности / недостоверности, надежности / ненадежности, а также возможности / невозможности осуществления репрезентируемых сведений. Целью автора является

формирование определенного поведения, либо восприятие действительности адресатом, что обусловливает активное обращение первого к семантике персуазивности (*P*), модальности (*M*), эмотивности (*Emt*) и отрицания (*D*). Необходимо отметить, что указанная интенциональная доминанта политического массмедийного дискурса в большинстве случаев актуализируется при помощи эвиденциальных моделей *Evs + P, Evs + M, Evs + Emt, Evs + D*, а также полимодальных комбинаций значений, упорядочивающихся в пространстве ЭВ / ЭДК в соответствии с основополагающим лингвосинергетиеским принципом самоорганизации. Проанализируем ЭДК (62) и (63):

(62) (a) *Kelly O'Donnell: .... Do you* ***expect*** *that the issue of simply keeping the government open, government funding, will that be resolved before the deadline?* (b) *Marco Rubio: I* ***think*** *so, and it could have been resolved a month ago, a week ago.* (c) *I* ***think*** *it will be resolved today.* (d) *I'm* ***not sure.*** (e) *I* ***don't know*** *anyone here who is in favor of the government shutting down.* (f) *The debates have been about issues attached to it, not to the actual issue of funding the government***.** (g) ***So I – if I were to –*** *we're going to vote it out of the Senate today.* (h) *And I* ***imagine*** *the House will take it up and send it over to the president before midnight* [Marco Rubio and Kelly O'Donnell Q&A 2021] / (a) *Келли О'Доннелл: ...* ***Ожидаете*** *ли вы, что вопрос сохранения статуса правительства, его функционирования на базе государственного финансирования будет решен раньше установленного срока?* (b) *Марко Рубио:* ***Думаю****, да, и этот вопрос мог бы быть решен месяц назад, неделю назад.* (c) ***Думаю****, сегодня он решится.* (d) *Я* ***не уверен*****.** (e) *Я* ***не знаю*** *здесь никого, кто бы поддерживал роспуск правительства.* (f) *Обсуждение велось по смежным вопросам, а не касательно вопроса финансирования правительства.* (g) ***Так что я – если бы мне пришлось –*** *мы собираемся проголосовать в поддержку данной инициативы сегодня в Сенате.* (h) *И* ***согласно моим представлениям****, палата примет это решение и отправит его на рассмотрение президенту сегодня до полуночи.*

Данный дискурсивный контекст представляет отрывок интервью сенатора Флориды М. Рубио, данного корреспонденту *NBC News* К. О'Доннелл. Эвиденциальность выражается при помощи оператора прогнозирования *expect / ожидать* (*to think or believe that something will happen or that somebody will do something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *думать или верить, что что-либо произойдет или что кто-либо сделает что-то*), указывающего на непосредственный источник сведений и используемого интервьюером (*C1*) для того, чтобы обозначить ключевые вопросы, связанные с работой правительства (см. базовое высказывание (a)). Прямая эвиденциальность в ответной реплике М. Рубио (*C2*) репрезентируется посредством оператора мыслительной деятельности *think / думать* (*to have a particular idea or opinion about something / somebody; to believe something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *обладать определенным мнением о ком-либо / чем-либо или верить во что-либо*), указывающего на внутренний источник сведений касательно возможности решения вопроса о статусе правительства, а также источника его финансирования (см. ремы (b), (c)). В свою очередь, эвиденциальные операторы уверенности в знании *sure / уверен* (*certain; without any doubt* [Cambridge Dictionary] */ уверенный; без каких-либо сомнений*), а также *know / знать* (*to have information in your mind* [Cambridge Dictionary] */ иметь информацию в уме*) актуализируют значение субъективной эвиденциальности и свидетельствуют об эндофирическом характере источника сведений (см. ремы (d), (e)). Наконец, эвиденциальный оператор мыслительной деятельности *imagine / представлять* (*to form or have a mental picture or idea of something* [Cambridge Dictionary] / *сформировать или иметь мысленную картину или идею чего-либо*) обладает значением презумптива (см. рему (h)).

Анализируемый дискурсивный контекст также характеризуется дополнительной модусной семантикой категорий «персуазивность» (*P*), «модальность» (*M*), «отрицание» (*D*) и «эмотивность» (*Emt*), обнаруживаемой в промежуточной области развертывания. Персуазивность прослеживается как в реплике К. О'Доннелл, так и в словах М. Рубио, при этом персуазивные маркеры

совпадают с эвиденциальными операторами *expect / ожидать* и *know / знать,* реализуя принцип взаимопроникновения модусных смыслов. В случае употребления показателя *expect / ожидать, C1* стремится побудить *C2* ответить на поставленные вопросы, акцентируя внимание сенатора (*C2*), а также адресата / читателя (*O*) на интересующих журналиста аспектах деятельности правительства. В свою очередь, сочетание маркера *know / знать* с показателем отрицания *not / не* (*used to give the next word or group of words a negative meaning* [Cambridge Dictionary] / *используется для придания следующему слову или группе слов отрицательного значения*) демонстрирует отсутствие сомнений *C2* в истинности утверждения относительно поддержки, оказываемой действующему правительству, а также может свидетельствовать о желании *C2* убедить *C1* и *O* в положительном исходе грядущего голосования. Данная модусная семантика дополняется посредством модального показателя *sure / уверен* в сочетании с маркером отрицания *not / не,* что позволяет *C2* снять с себя ответственность в случае ошибочности своей оценки. Необходимо отметить, что принцип взаимодополнения модусных смыслов также находит отражение в высказываниях *C2* и выражается с помощью эмотивной семантики в клаузе *so I – if I were to / так что я – если бы мне пришлось* (см. рему (g)), что придает рассматриваемому ЭДК добавочную эмотивную тональность.

Немаловажно, что в рамках исследуемого эвиденциального дискурсивного контекста элементы концептуальной функционально-синергетической модели (a, b, c, d, e, f, g, h) распределяются в соответствии с принципом самоорганизации ее пространства, формируют комплексную полимодальную семантику и репрезентирует синергетическую модель сцепления *Evs + P + M + Emt + D.* Реализация данной модели нацелена на оказание воздействия на восприятие информации читателем (*O).* Автор пытается убедить его в обоснованности высказываемых суждений, тем самым достигая состояния аттрактора.

(63) (a) ***I think*** *the legal questions of how Kashmir is treated is for India to determine internally, and it is* ***in the U.S.'s interests not*** *to intrude on those questions.* (b) *But at the same time, we* ***hope not*** *to see Kashmir produce a violent military*

conflict. (c) ***Obviously**, India and Pakistan have a long and at times, troubled history and the potential of military conflict is always present.* (d) *My **hope** is that conflict can be avoided* [China is the most significant geopolitical threat: U.S. Senator Ted Cruz 2019] / (a) *Я **думаю**, что юридические вопросы, связанные с положением дел в Кашмире, должны решаться в Индии на внутреннем уровне, и **в интересах США не** вмешиваться в эти вопросы.* (b) *Но в то же время мы **надеемся**, что напряженная ситуация в Кашмире не приведет к ожесточенным военным действиям.* (c) ***Очевидно**, что у Индии и Пакистана длительная и временами напряженная история взаимоотношений, где всегда присутствует вероятность военного конфликта.* (d) *Я **надеюсь**, что подобного конфликта удастся избежать.*

Дискурсивный отрывок (63) является фрагментом интервью с сенатором Техаса и членом комитета по международным отношениям США Тедом Крузом, который отвечает на вопрос о напряженной ситуации вокруг штата Джамму и Кашмир в свете возможной отмены его особого статуса по решению властей Индии. Эвиденциальная семантика выражается посредством оператора мыслительной деятельности *think / думать* (*to have a particular idea or opinion about something/somebody; to believe something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *обладать определенным мнением о ком-либо / чем-либо или верить во что-либо*), обладающего значением прямой эвиденциальности и используемого сенатором (*C1*) для представления позиции США (*C2*) по данному вопросу (см. базовое высказывание (a)); оператора усиления значимости высказывания *in the interests / в интересах* (*something that brings advantages to or affects someone or something* [Cambridge Dictionary] / *что-то, что дает преимущество кому-то или чему-то или влияет на них*), актуализирующего значение косвенной опосредованной эвиденциальности (см. развитие темы (b)); оператора прогнозирования *hope / надеяться to want something to happen or to be true, and usually have a good reason to think that it might* [Cambridge Dictionary] / *хотеть, чтобы что-либо произошло или было правдой, и обычно иметь вескую причину думать, что это может случиться*), отражающего отношение *C2* к возможности военного конфликта при

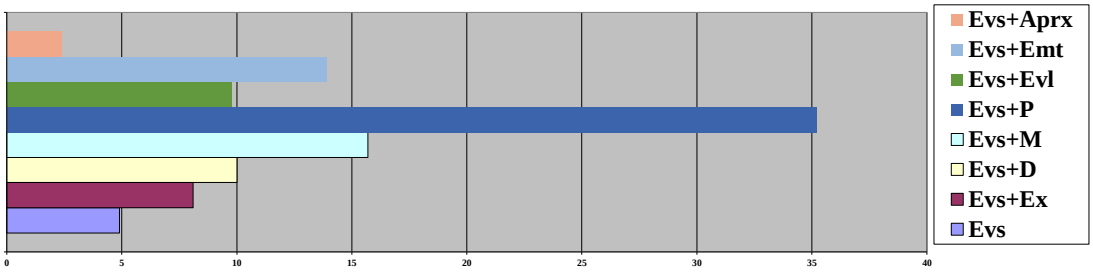
помощи опосредованной эвиденциальности (см. рему (c)). В ходе развертывания дискурсивного контекста позиция *C2* подкрепляется посредством повторного употребления данного оператора в значении непосредственной эвиденциальности. Необходимо отметить, что информация о напряженном характере взаимоотношений Индии и Пакистана актуализируется оператором уверенности в знании *obviously / очевидно* (*in a way that can be easily seen, recognized, or understood* [Cambridge Dictionary] / *используется для обозначения факта, который легко заметить, распознать или понять*), обладающего значением интерсубъективной эвиденциальности (см. рему (d)).

Важно отметить, что в ходе развертывания дискурсивного контекста эвиденциальная семантика дополняется значением ряда модусных категорий, актуализируемым в промежуточной области развертывания. Так, эвиденциальный оператор *in the interests / в интересах* может обладать добавочным значением персуазивности (*P*), подчеркивающим уверенность *C1* в достоверности передаваемых сведений. Выражению уверенного знания *C1* также способствует семантика отрицания (*D*), актуализируемая в промежуточной области развертывания ЭДК клаузой *not to intrude on those questions / не вмешиваться в эти вопросы.* Подобное сочетание значения эвиденциальности с персуазивной и отрицательной семантикой наблюдается в клаузе *we hope not to see Kashmir produce a violent military conflict / мы надеемся, что напряженная ситуация в Кашмире не приведет к ожесточенным военным действиям.* Эвиденциальность и персуазивность реализуют принцип взаимопроникновения модусных смыслов, отражая попытку сенатора (*C1*) убедить автора / журналиста (*C3*), а также потенциального адресата / читателя интервью (*O*) в нейтральной позиции властей США (*C2*) по данному вопросу. Наконец, эвиденциальность дополняется значением персуазивной модальности в рамках показателя *obviously / очевидно,* выражающего отношение *C1* к передаваемым данным и подчеркивающего уверенность субъекта коммуникации в истинности пропозиции.

Как следует из приведенного выше описания используемых эвиденциальных операторов, настоящий дискурсивный отрывок характеризуется полимодальной эвиденциальной семантикой, объединяющей значение эвиденциальности (*Ev*) со значением модусных категорий «персуазивность» (*P*) и «отрицание» (*D*), что свидетельствует о реализации лингвосинергетических принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов и актуализирует синергетическую модель сцепления *Evs + P + D*, элементы которой упорядочиваются в пространстве ЭДК. При этом в качестве основной интенциональной доминанты выступает значение персуазивности, выражающееся в стремлении *C1* убедить *C3* в нежелании *C2* вмешиваться во внутренние вопросы штата Джамму и Кашмир. Дополнительная семантика *D* способствуют реализации коммуникативных намерений *C1*, что также может оказывать воздействие на адресата / читателя (*O*) данного интервью, формируя у него определенное мнение и отношение к разворачивающимся событиям.

Таким образом, синергетический анализ свидетельствует, что в пространстве политического медиадискурса эвиденциальная семантика может пересекаться со значениями различных модусных категорий в узловых точках либо в промежуточной области развертывания ЭДК. Как показал проведенный анализ, эвиденциальная семантика (*Evs*) (4,9 % примеров) может сочетаться со значениями эмотивности (*Emt*) (13,9% примеров), экспрессивности (*Ex*) (8,1 % примеров), персуазивности (*P*) (35,2 % примеров), модальности (*M*) (15,7 % примеров), оценочности (*Evl*) (9,8 % примеров), аппроксимации (*Aprx*) (2,4 % примеров) и отрицания (*D*) (10 % примеров) и актуализироваться с помощью лингвосинергетических моделей. Полученные данные представлены ниже в Диаграмме 6.

Диаграмма 6. Синергетические модели сцепления эвиденциальности и других модусных категорий в политическом медиадискурсе



Согласно представленным в Диаграмме 6 данным, в рамках политического дискурса массмедиа модусная эвиденциальная семантика чаще всего репрезентируется лингвосинергетической моделью *Evs + P*. Можно также значительное количество обращений к моделям *Evs + M*, *Evs + D*, а также *Evs + Emt* и *Evs + Evl*. Напротив, реже всего обнаруживаются модели *Evs + Aprx* и *Evs*. Это может объясняться реализацией коммуникативной стратегии убеждения адресата / читателя с помощью рационального и эмоционального воздействия. Персуазивная доминанта (*P*) политического дискурса выражается с помощью синергетической модели сцепления *Evs + P*, открывающей возможность манипулирования сознанием и поведением адресата за счет усиления / снижения истинности пропозиции при помощи того или иного оператора, а также в зависимости от эксплицитной / имплицитной представленности персуазивной семантики. Актуализации персуазивной доминанты политического дискурса массмедиа также способствует обращение к семантике других модусных категорий, что выражается в синергетических моделях *Evs + M*, *Evs + D*, *Evs + Emt* и *Evs + Evl*, объединяющих эвиденциальную семантику с оценкой отражения действительности, представленной автором / субъектом коммуникации (*M*); выступающих в качестве индикатора коммуникативного потенциала высказывания за счет модификации / отклонения взглядов адресата на действительность (*D*); представляющих «лингворефлексию» и внутренний мир автора / субъекта коммуникации (*Emt*), а также формирующих образный аспект данного дискурса посредством лингвистических языковых средств (*Evl*). Наряду с этим, отраженное в диаграмме распределение лингвосинергетических моделей может быть связано с такими особенностями иноязычного

коммуникативного поведения, как эмоциональная оценка сведений и коммуникативная неформальность, а также тенденции к оказанию коммуникативной поддержки собеседнику. Несмотря на нехарактерное для англоязычной коммуникативной культуры в целом стремление к модификации поведения собеседника [Стернин, Ларина, Стернина 2003; Стернин, Стернина 2001], персуазивная интенция является доминирующей применительно к ведению политических дебатов, а также в области политической пропаганды.

Как показало проведенное исследование, к числу основополагающих синергетических моделей сцепления эвиденциальности и других модусных категорий в пространстве политического массмедийного дискурса относятся *Evs + P, Evs + M, Evs + D, Evs + Emt* и *Evs + Evl*. Синергия модусных значений не ограничивается пересечением семантики двух категорий. Базовая эвиденциальность (*Evs*) может дополняться семантикой других модусных категорий (*Aprx, Emt, Evl, P, M, D, Ex*).

***

Важно отметить, что полученные результаты изучения особенностей синергии эвиденциальности и других модусных категорий в пространстве новостного, рекламного и политического типов дискурса не противоречат проведенному ранее анализу представленности групп эвиденциальных операторов в дискурсивном пространстве массмедиа (см. Диаграмму 2). Тем не менее, указанные данные описывают исключительно реализацию принципа взаимопроникновения модусных смыслов и не учитывают полимодальную эвиденциальную семантику, возникающую в результате актуализации принципа взаимодополнения модусных значений. Подобная семантика определяется особенностями пересечения / непересечения высказываний автора / нарратора / субъекта коммуникации в ходе развертывания ЭДК. В связи с этим, в рамках данной работы особую значимость приобретает дифференциация высказываний автора, нарратора и субъекта коммуникации. Принципы их разграничения, а также особенности выражения полимодальных эвиденциальных значений будут рассмотрены в последующих разделах исследования.

3.2. Классификация видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в различных типах массмедийного дискурса

Важное значение в ходе изучения функционирования эвиденциальности в пространстве новостного, рекламного и политического массмедийного дискурса приобретает вопрос определения источника ЭВ, которым может являться автор исследуемого дискурсивного эвиденциального отрывка либо его субъекты / действующие лица. Такая дифференциация особенно важна в контексте рассмотрения процессов смыслопорождения, а также ключевых особенностей воздействия возникающих аксиологических смыслов на потенциального адресата / читателя, его восприятие и интерпретацию полученных сведений [Макеева 2000: 154]. В ходе развертывания массмедийного дискурса высказывания субъектов коммуникации / действующих лиц в большинстве случаев выявляются на фоне авторских, в которые они вплетаются различным образом. Важно отметить, что чужая речь может обладать внешним или внутренним характером, то есть являться произнесенной либо непроизнесенной, в то время речь автора лишь условно может называться таковой, так как в действительности адресат / читатель имеет дело с повествователем, далеко не всегда идентичным автору [Боднарук 2010: 72]. Это определяется особенностями массмедийного дискурсивного пространства, выражающимися в синергии различных модусных эвиденциальных смыслов, формирующихся в результате интерпретации и коммуникативной оценки репрезентируемых сведений автором дискурса. Все перечисленные факторы значительно усложняют процесс дифференциации речи автора / нарратора и субъекта коммуникации.

Исходя из вышесказанного, отметим, что в рамках ЭДК, репрезентирующего новостной, рекламный или политический тип массмедийного дискурса, инициирующей стороной, осуществляющей воздействие на потенциального адресата, является автор, в то время как объектом воздействия выступает получатель сведений – читатель. В процесс эвиденциального воздействия может вовлекаться третий участник, выступающий в роли посредника, транслирующего сведения, обработанные

автором / нарратором. В качестве такого посредника выступает субъект-источник информации рассматриваемого дискурсивного контекста.

Таким образом, как показал проведенный лингвосинергетический анализ 3000 ЭДК (по 1000 контекстов, представляющих новостной, рекламный и политический дискурс), полученных методом сплошной выборки из цифровых средств массовой коммуникации, в зависимости от субъекта коммуникации, характера его воздействия на информацию и ее источник, особенностей коммуникативной ситуации, учитывающей состояние участников общения, коммуникативные условия, когнитивные, экстралингвистические, прагматические и психолингвистические факторы, становится возможным определить авторскую (аукториальную / имперсональную), субъектную (декларативную / интроспективную) и комбинированную (протагонистическую / сущностную) эвиденциальность в дискурсивном пространстве. Ввиду того, что специфика разграничения авторской и субъектной речи не зависит от типа массмедийного дискурса, примерами актуализации указанных эвиденциальных видов и подвидов послужили ЭДК различной типологической направленности.

1. Авторская эвиденциальность

Данный эвиденциальный вид репрезентирует авторскую характеристику источника информации, а также интерпретацию и коммуникативную оценку сведений как актуальных / потенциальных, либо достоверных / недостоверных. Автор выступает в роли хозяина и интерпретатора данных, является автором сообщения в рассматриваемом ЭДК и может быть представлен в качестве конкретного автора, гипотетического автора, обобщенного автора, автоцитируемого автора, квазиавтора, псевдоавтора [Шестухина 2009: 13]. Наряду с этим в рамках ЭВ личность автора передаваемых сведений актуализируется как совокупностью идей, так и посредством обращения к определенным языковым средствам. Тем самым в ЭДК авторская эвиденциальность выступает как один из ключевых элементов структурного образа дискурсивного субъекта, объединяющего все языковые средства в лингвистическую систему, вокруг которой формируется система всего дискурса,

что в конечном итоге оказывает определенное воздействие на восприятие сведений потенциальным адресатом / читателем. При этом выбор эвиденциальных операторов определяется коммуникативной интенцией автора / нарратора, что задает коммуникативную стратегию и определяет тактику оказания воздействия на адресата. Авторская эвиденциальность может осуществляться без опоры на высказывания субъектов / действующих лиц дискурсивного контекста (аукториальная эвиденциальность), либо посредством обращения автора к анонимному субъекту-источнику (имперсональная эвиденциальность).

(a) Аукториальная эвиденциальность

Отличительной особенностью данного подвида эвиденциальности является обращение автора к эвиденциальным операторам, выражающим эмоциональную оценку и замечания автора помимо определения источника сведений и его характера. Аукториальная эвиденциальность репрезентирует интерпретативную позицию автора и актуализируется посредством высказываний, представляющих речевую характеристику нарратора. Рассмотрим особенности представления аукториальной эвиденциальности на примере рекламного дискурса массмедиа:

(64) (a) *This summer is full of possibilities.* (b) ***Maybe*** *you are vaccinated against Covid-19, or* ***perhaps*** *you'll go on a road trip!* (c) ***Maybe*** *you'll stay home and catalog your pandemic experiences in a scrapbook****!*** (d) *This 12-page special issue of New York Times for Kids will help children navigate a world that is slowly opening up again* [NYT For Kids: Hello Again] / (a) *Это лето полно возможностей.* (b) ***Может быть****, вы уже сделали прививку от Covid-19, или вы,* ***возможно****, собираетесь отправиться в путешествие****!*** (c) ***Может быть****, вы останетесь дома и будете записывать свои впечатления о пандемии.* (d) *Этот 12-страничный специальный выпуск New York Times для детей поможет им заново начать ориентироваться в медленно оживающем мире.*

ЭДК (64) представляет собой рекламное объявление, посвященное специальному выпуску газеты *The New York Times* для детей (см. базовое

высказывание (d)). Направление развития повествования задается посредством развития темы (b). Операторы сомнения *perhaps / может быть* (*used to show that something is possible or that you are not certain about something* [Cambridge Dictionary] / *используется для того, чтобы говорить, что что-либо возможно, но точная уверенность в этом отсутствует*) (см. рему (b)) и *maybe / возможно* (*used when you are not certain that something will happen or that something is true or is a correct number* [Oxford Learner's Dictionaries] / *используется в том случае, когда отсутствует уверенность в том, что что-либо произойдет или в том, что что-либо верно или является правильным числом*) (см. рему (c)) обладают значением субъективной эвиденциальности, указывая на внутренний источник сведений. Перечисленные эвиденциальные показатели будучи обнаруженными в точках бифуркации, одновременно являются эксплицитными маркерами модальности (*M*) и отражают картину действительности в сознании автора рекламного объявления (*C1*). Особенности внутреннего мира *C1* дополнительно характеризуются семантикой эмотивности (*Emt*), имплицитно представленной в структуре исследуемого дискурсивного контекста и актуализируемой посредством использования *C1* восклицательных предложений.

Таким образом, данное рекламное объявление обладает полимодальной семантикой, консолидирующей значение эвиденциальности (*Ev*) со значением модусных категорий «модальность» (*M*) и «эмотивность» (*Emt*), что свидетельствует о реализации лингвосинергетических принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов и актуализирует синергетическую модель сцепления *Evs + M + Emt*. Подобная комплексная эвиденциальная семантика призвана привлечь внимание потенциального потребителя (*O*) за счет обращения к актуальной проблематике пандемии, а также демонстрации эмоционального отношения и оценки автором событий действительности.

(b) Имперсональная эвиденциальность

В отличие от аукториальной эвиденциальности, имперсональная эвиденциальность представляет собой нейтральный подвид данной категории,

лишенный индивидуализированного центра ориентации и, следовательно, функции интерпретации. Функционал имперсональной эвиденциальности сводится к маркировке источника сведений, а также способа и характера получения информации. Выражаемые с помощью данного эвиденциального подвида смыслы определяют сведения как приобретенные на основе визуальной засвидетельствованности, выведенные логическим путем или полученные «из вторых рук». Вследствие этого, дефиниция имперсональной эвиденциальности оказывается наиболее приближенной к традиционной точке зрения на эвиденциальность как грамматическую категорию, маркирующую источник получения информации. Рассмотрим функционирование имперсональной эвиденциальности на примере новостного дискурса массмедиа:

(65) (a) *The Ministry of Health in Ukraine, the country with the lowest rate of coronavirus vaccination in Europe,* ***reported*** *on Tuesday that 538 people had died of Covid-19 in the country over the previous 24 hours.* (b) *It was the highest daily death toll since the beginning of the pandemic* [Covid deaths soar in Ukraine as the country struggles with fake vaccine certificates 2021] */ Министерство здравоохранения Украины, страны с самым низким уровнем вакцинации от коронавируса в Европе,* ***сообщило*** *во вторник, что за последние 24 часа в стране от Covid-19 умерло 538 человек. Это самое большое число погибших за день с начала пандемии.*

Рассматриваемый дискурсивный отрывок освещает проблему роста уровня смертности от коронавируса на Украине (см. базовое высказывание (a)). Семантика косвенной эвиденциальности в данном ЭДК репрезентируется при помощи оператора явного указания *report / сообщать* (*to give a description of something or information about it to someone* [Cambridge Dictionary] / *предоставить кому-либо информацию или описание чего-либо*), обладающего инферентивным значением и используемого автором (*C1*) для передачи сведений о рекордных показателях смертности от коронавируса, полученных от Министерства здравоохранения Украины (см. развитие темы (b)).

2. Субъектная эвиденциальность

Данный вид категории «эвиденциальность» содержит ЭВ, осуществляющие функцию репрезентации позиции субъекта коммуникации. Субъектная эвиденциальность предполагает отстраненную форму манифестации автора, который предстает как личностно-нейтральный нарратор и лишь отражает позицию субъекта дискурса. В свою очередь, субъект представляет свое видение источника сведений, интерпретирует и анализирует данные, соотносит передаваемую информацию с адресатом и выступает в одной из возможных ролей: нарратора-свидетеля (передача сведений с опорой на непосредственный источник их получения – например, приобретенных в результате наблюдений различного рода), нарратора-проводника (передача информации, полученной из «вторых рук»), нарратора-толкователя (передача информации на основе условного цитирования источника), нарратора-интерпретатора (передача сведений с опорой на интерпретацию мимики, жестов, поведения источника) [Шмид 2003]. Допустимость непосредственной передачи информации (вслух), а также возможность представления ЭВ в форме размышлений действующих лиц приводит к формированию следующих подвидов эвиденциальности:

(а) Декларативная эвиденциальность

Данный эвиденциальный подвид подразумевает конкретизацию локализации субъекта коммуникации в структуре ЭВ и представляет собой дословную речь действующих лиц, с сохранением не только ее содержания, но и лексических, грамматических и стилистических особенностей. Наряду с этим, декларативная эвиденциальность связана с необходимостью определения источника сведений и отражает отношение субъекта коммуникации к описываемым событиям, тем самым обеспечивая возможность различной интерпретации того или иного концептуального содержания и формирования на его основе отдельных смыслов. Проанализируем пример (66) из политического дискурса массмедиа:

(66) (a) *When asked whether Trump's scorn would hurt Sessions's chances, Cramer* ***said****:* (b) *"Well, I* ***guess*** *I'd rather go into a Republican primary with the president's support than without it, but Jeff Sessions is* ***iconic*** *and, you* ***know****,* ***obviously*** *a player right out of the chute.* (c) *But I* ***don't know****."* [Ex-attorney general Jeff Sessions announces bid for Senate seat he relinquished in Alabama 2019] */ Когда его спросили, не повлияет ли негативное отношение Трампа на шансы Сешнса, Крамер* ***сказал****: «Что ж, я* ***полагаю****, что я бы лучше вошел в праймериз республиканцев при поддержке президента, чем без нее, но,* ***знаете ли****, Джефф Сешнс является культовым персонажем, и,* ***очевидно****, он изучил правила игры с самого начала. Но я* ***не знаю****».*

Настоящий дискурсивный контекст посвящен обсуждению кандидатуры бывшего генерального прокурора США Джеффа Сешнса, объявившего о своем желании вновь баллотироваться в Сенат штата Алабама. Согласно мнению большинства опрошенных американских политиков, в первую очередь мистер Сешнс должен наладить отношения с Дональдом Трампом. Эвиденциальность в рассматриваемом отрывке актуализируется в области бифуркации и выражается при помощи следующих эвиденциальных показателей: оператора явного указания *say / сказать* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] */ произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*), используемого автором (*C1*) для указания на источник передаваемых сведений, в качестве которого выступает сенатор Кевин Крамер (*C2*) (см. тему (а)); оператора сомнения *guess / полагать* (*to give an answer to a particular question when you do not have all the facts and so cannot be certain if you are correct* [Cambridge Dictionary] */ отвечать на конкретный вопрос, когда у вас нет всех фактов и поэтому вы не можете быть уверены в своей правоте*), обладающего значением субъективной эвиденциальности и репрезентирующего сомнения *C2* относительно истинности высказываемых суждений; операторов уверенности в знании *know / знать* (*to have information in your mind* [Cambridge Dictionary] */ иметь информацию в уме*)

и *obviously / очевидно* (*in a way that can be easily seen, recognized, or understood* [Cambridge Dictionary] / *используется для обозначения факта, который легко заметить, распознать или понять*), репрезентирующих прямую засвидетельствованность и отражающих уверенность *C2* в понимании Д. Сешнсом (*C3*) специфики ведения грамотной политической деятельности (см. ремы (b), (c)).

Исследуемый ЭДК характеризуется полимодальной семантикой, актуализируемой при помощи сочетания эвиденциальности (*Ev*) и модусных категорий «отрицание» (*D*), «оценочность» (*Evl*), «персуазивность» (*P*), а также «экспрессивность» (*Ex*).

Показатель категории отрицания *not / не* (*used to give the next word or group of words a negative meaning* [Cambridge Dictionary] / *используется для придания следующему слову или группе слов отрицательного значения*) дополняет эвиденциальный оператор *know / знать* в клаузе *but I don't know / но я не знаю,* модифицируя выражаемую семантику уверенности в знании и указывая на скептическое отношение *C2* к решению *C3* баллотироваться в Сенат США.

Принцип взаимопроникновения модусных смыслов находит отражение в контексте пересечения значений эвиденциальности (*Ev*) и персуазивности (*P*) в операторе *guess / полагать.* Помимо определения непосредственного источника сведений, указанный оператор ослабляет истинностное значение высказываемых положений и может свидетельствовать о желании *C2* снять с себя ответственность за достоверность передаваемой информации о необходимости заручиться поддержкой президента. Одновременно с этим, интерсубъективная эвиденциальность и персуазивность высказываний *C2,* актуализируемая операторами уверенности в знании *know / знать* и *obviously / очевидно* приобретает дополнительную семантику оценочности (*Evl*) в отношении профессиональной квалификации *C3,* что подтверждается употреблением экспрессивного (*Ex*) маркера *iconic* / *культовый* (*very famous or popular, especially being considered to represent particular opinions or a particular time* [Cambridge

Dictionary] / *очень известный или популярный, особенно если считается, что он выражает определенное мнение или представляет определенное время*).

Подобная эвиденциальная семантика обладает комплексным синергетическим эффектом, репрезентирует самоорганизующуюся лингвосинергетическую модель *Evs + P + Evl + Ex + D* и может свидетельствовать о стремлении *C1* вызвать сомнения в рациональности решения, принятого *C3*, тем самым формируя негативное отношение потенциальных избирателей к его кандидатуре. Немаловажно, что в ходе осуществления воздействия на адресата / читателя (*O*) *C1* опирается на мнение *C2* и использует его в своих интересах. При этом сам *C1* отстраняется от высказываемых оценок и выступает в роли нарратора.

(b) Интроспективная эвиденциальность

Данный эвиденциальный подвид репрезентирует источник информации о событии, а также отношение субъекта коммуникации к передаваемым сведениям посредством интроспекции – зафиксированных в ЭДК наблюдений за чувствами, ощущениями и эмоциями субъекта коммуникации, при этом в качестве объекта анализа выступают процессы, происходящие в сознании действующих лиц. Тем самым с помощью интроспективной эвиденциальности потенциальный адресат / читатель получает доступ к внутреннему миру и внутренней действительности действующих лиц и получает возможность осознать мотивацию их действий, что может способствовать реализации коммуникативных интенций автора за счет формирования у адресата определенного восприятия описываемых сведений. Проанализируем пример (67) из новостного дискурса массмедиа:

(67) (a) *The Duchess* ***spoke*** *about her* ***passion*** *for prevention and helping people deal with their problems before it gets to crisis point:* (b) *“I* ***felt*** *that myself.* (c) *You* ***hear*** *this time and time again… it gets to this point (where people say)* (d) *‘I* ***wish*** *I had had this support earlier’”* [Ant McPartlin opens up to Duchess of Cambridge on addiction 2020] / (a) *Герцогиня* ***рассказала*** *о своей* ***страсти*** *к профилактике возникновения проблем, а также помощи людям в их решении до того, как они дойдут до критической точки:* (b) *«Я сама это* ***прочувствовала***. (c) *Вы*

слышите *это снова и снова … доходит до этого момента (когда люди говорят):* (d) *«**Хотел бы** я получить эту поддержку раньше».*

Данный дискурсивный отрывок представляет фрагмент выступления Кэтрин Элизабет Миддлтон – ее королевского высочества Кэтрин, герцогини Кембриджской, в рамках компании *Forward Trust* по борьбе с зависимостью. Эвиденциальность в настоящем ЭДК выражается оператором явного указания *speak / рассказывать* (*to give a formal talk to a group of people* [Cambridge Dictionary] / *выступать с официальной речью перед группой людей*), используемого автором (*C1*) для указания на косвенный источник информации, в качестве которого выступает герцогиня (*C2*), при этом описание специфики благотворительной деятельности *C2* дополняется экспрессивным (*Ex*) маркером *passion / страсть* (*an extreme interest in or wish for doing something, such as a hobby, activity, etc.* [Cambridge Dictionary] / *очень сильное пристрастие к чему-либо, например хобби, тому или иному виду деятельности и т.д.*), свидетельствующим о сильной увлеченности, а также готовности *C2* отдать все свои душевные силы данному занятию (см. базовое высказывание (a)). Достоверность авторских наблюдений за чувствами *C2* подкрепляется высказываниями герцогини, эвиденциальная семантика которых актуализируется операторами чувственного восприятия *feel* / *прочувствовать* (*to notice or be aware of something because it is touching you or having a physical effect on you* [Oxford Learner’s Dictionaries] / *замечать или осознавать что-либо, потому что это касается вас или оказывает на вас физическое воздействие*), а также *hear* / *слышать* (*to be told information about something* [Cambridge Dictionary] */ узнать от кого-то информацию о чем-либо*), репрезентирующими синергию прямой непосредственной эвиденциальности и эмотивности (*Emt*), что позволяет адресату / читателю получить доступ к внутреннему миру *C2* (см. ремы (b), (c)). Эвиденциальный оператор прогнозирования *wish* / *хотеть* (*used with the past perfect to express that you feel sorry or sad about a particular action in the past* [Cambridge Dictionary] / *употребляется во временной форме Past Perfect Tense для того, чтобы выразить сожаление или печаль по поводу определенного*

действия в прошлом), также одновременно выступающий маркером эмотивности (*Emt*) обладает семантикой непосредственной эвиденциальности, репрезентируя подавленное эмоциональное состояние обобщенного говорящего (*C3*), под которым понимается образ человека, попавшего в беду и обратившегося за помощью к *C2* (см. развитие темы (d)).

Описанная комплексная модусная семантика отражает образованную в соответствии с принципом самоорганизации синергетическую модель *Evs + Emt + Ex,* способствующую воссозданию образа действительности, запечатленного в сознании *C2* и формирующую определенное восприятие информации потенциальным читателем (*O*). Данное обстоятельство позволяет говорить об актуализации интроспективной эвиденциальности в дискурсивном пространстве.

3. Комбинированная эвиденциальность

К характерным особенностям рассматриваемого вида эвиденциальности относится синтез авторской речи и речи субъекта коммуникации в ходе развертывания ЭДК, при этом речь субъекта коммуникации воспроизводится в форме речи автора / нарратора. Еще одним определяющим признаком комбинированной эвиденциальности является двуплановость, актуализирующаяся в дискурсивном контексте в процессе «речевой интерференции». Тем самым формально то или иное ЭВ относится к автору, однако, единовременно чувствуется «голос» субъекта, его интерпретация и оценка полученной информации, а также ее источника. Такое акцентирование сознательного формирования высказываний автором приводит к возникновению особого типа повествования, в рамках которого границы между миром автора и субъекта коммуникации, а также между миром субъекта коммуникации и миром адресата подвижны и проницаемы. Абсолютная творческая свобода автора / нарратора в выборе эвиденциальных операторов дает возможность определенным образом повлиять на восприятие слов субъекта дискурса потенциальным читателем. В зависимости от характера соотношения авторской / субъектной речи в различных типах дискурса можно описать два подвида

комбинированной эвиденциальности: протагонистическую и сущностную эвиденциальность.

(а) Протагонистическая эвиденциальность

Передача сведений, содержащихся в ЭВ, осуществляется с опорой на точку зрения субъекта коммуникации, а также определяется характерными для него речевыми средствами, при этом речевой план индивидуализируется. Следующий пример из новостного дискурса массмедиа отражает специфику репрезентации протагонистической эвиденциальности:

(68) (a) *Ms Girardin **told** the EU commissioners she is "preparing, with colleagues from other ministries, response measures that France can implement from Nov 1 if necessary", a source **said**.* (b) *"We are two weeks away from this [Jersey] decision.* (c) *Nothing has been ruled out today, neither by France nor by the European Commission," she **told** reporters after the meeting* [France sets two-week deadline for Britain and Jersey to grant fishermen more licences 2021] / (a) *Г-жа Жирардин **сообщила** комиссарам ЕС, что она «вместе с коллегами из других министерств готовит ответные шаги, к которым может прибегнуть Франция с 1 ноября в случае необходимости», – как **сказал** источник.* (b) *«До этого решения [Джерси] осталось две недели.* (c) *Сегодня ничего не исключено ни Францией, ни Европейской комиссией», – **сообщила** она репортерам после встречи.*

Дискурсивный отрывок (68) посвящен проблеме взаимоотношений Франции и Великобритании в рамках запланированного выхода последней из числа стран ЕС. Власти Франции возмущены тем, что Великобритания одобрила лишь 15 из 47 поданных заявок на ловлю рыбы в своих прибрежных водах. Эвиденциальная семантика (*Evs*) в исследуемом ЭДК передается с помощью операторов явного указания *say / говорить* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] */ произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*) и *tell / сообщать* (*to say something to someone, often giving them information or instructions* [Cambridge Dictionary] */ сказать что-то кому-то, часто в форме информации*

или инструкций), используемых автором новостного отрывка (*C1*) для выражения косвенной засвидетельствованности возможных ответных шагов со стороны Франции (см. базовое высказывание (a)). Указанные эвиденциальные операторы выступают в качестве точек бифуркации настоящего ЭДК, дополняют и систематизируют комментарии, полученные от министра морского судоходства Франции Анник Жирардин (*C2*) (см. ремы (b), (c)). Важно отметить, что акцент на *C2* достигается автором за счет отсылки к «источнику» (*C3*) – обобщенному источнику сведений, в то время как сам автор (*C1*) занимает нейтральную позицию, лишь информируя адресата / читателя (*O*) о разворачивающихся событиях. Данное обстоятельство соответствует положению о принадлежности новостного массмедийного дискурса к информационному типу, призванному информировать, разъяснять и ориентировать адресата / читателя в мире событий и идей.

(b) Сущностная эвиденциальность

Данный эвиденциальный подвид в значительной мере базируется на авторском восприятии передаваемых сведений в ходе интерпретации и оценки информации, а также ее источника. Вербальный план автора / нарратора характеризуется яркой выраженностью и находится в отрыве от речевой манеры субъекта коммуникации, в то время как внимание автора, в отличие от протагонистической эвиденциальности, акцентируется на содержании речи, а не на ее форме. Проиллюстрируем высказанные выше положения на примере (69) из политического дискурса массмедиа:

(69) (a) *Steele **argues** that it's **largely inconceivable** that his report contained Russian disinformation.* (b) *But as the same 2019 Times **report noted**, there was **indeed** utility in placing "a few land mines under Mr. Trump's presidency as well."* (c) *And **given** those land mines were ultimately placed at the opportune time, we still **can't so readily rule out the idea** that Steele **in fact** served the purpose those **claims suggest*** [Christopher Steele is talking now. Here's the big hole in his defense of himself 2021] / (a) *Стил **утверждает**, что **практически невозможно представить**, чтобы его отчет содержал российскую дезинформацию.* (b) *Но, как **отмечается в***

том же отчете *The Times 2019 года, поставить «несколько мин под президентство г-на Трампа» могло быть* ***действительно*** *выгодно.* (c) *И* ***учитывая****, что эти «мины» в конечном итоге были «установлены» в подходящее время, мы все еще* ***не можем так легко исключить идею о том****, что Стил* ***на самом деле*** *служил той цели, которую* ***предполагают эти утверждения****.*

Представленный отрывок проблемной аналитической статьи описывает деятельность бывшего британского офицера разведки *MI6* и основателя частной разведывательной компании Кристофера Стила. Как известно, мистер Стил является автором досье на бывшего президента США Дональда Трампа, опубликованного спустя два месяца после его победы на президентских выборах. Автор рассматриваемой статьи Аарон Блейк (*C1*) задается вопросом о вероятности того, что К. Стил стал жертвой российской дезинформации о Д. Трампе. Семантика сущностной эвиденциальности выражается при помощи оператора усиления значимости высказывания *argue / утверждать* (*to give the reasons for your opinion about the truth of something or to explain why you believe something should be done* [Cambridge Dictionary] / *обосновывать свое мнение об истинности чего-либо или объяснить, почему вы считаете, что что-то должно быть сделано*), а также оператора усиления значимости высказывания *inconceivable / невозможно* (*impossible to imagine or think of; extremely unlikely* [Cambridge Dictionary] / *невозможно представить или думать об этом; крайне маловероятно*), обладающих значением косвенной непосредственной эвиденциальности и репрезентирующих уверенность К. Стила (*C2*) в невозможности факта дезинформации со стороны России (см. базовое высказывание (a)). В свою очередь, оператор явного указания *report / отчет* (*a spoken or written description of an event or situation* [Cambridge Dictionary] / *письменное либо устное описание ситуации или события*) в сочетании с оператором усиления значимости высказывания *note / отмечать* (*to give your attention to something by discussing it or making a written record of it* [Cambridge Dictionary] / *уделять внимание чему-либо, обсуждая или делая письменную*

запись об этом), актуализируют семантику косвенной эвиденциальности и используются *C1* для обозначения позиции *The Times* (*C3*) касательно вероятности подобного развития событий (см. развитие темы (b)). Выводы *C1* эксплицируются посредством эвиденциальных операторов явного указания *given / учитывая* (*knowing about or considering a particular thing / знать или принимать во внимание какой-то конкретный факт*), указывающего на косвенный источник сведений – *C3*; операторов усиления значимости высказывания *rule out the idea / исключить идею* (*to decide or say officially that something is impossible or will not happen, or that something or someone is not suitable* [Cambridge Dictionary] / *принять решение или официально заявить, что что-либо невозможно или не произойдет, или что что-либо или кто-либо не подходит для выполнения того или иного действия*) и оператора усиления значимости высказывания *in fact / на самом деле* (*used to emphasize a statement, especially one that is the opposite of what has just been mentioned* [Oxford Learner's Dictionaries] / *используется для того, чтобы подчеркнуть утверждение, особенно противоположное тому, что только что было озвучено*), демонстрирующих убежденность *C1* в истинности передаваемых сведений; а также оператора усиления значимости высказывания *claim / заявление* (*a statement of something you believe is true, although you have no proof* [Cambridge Dictionary] / *утверждение о том, что по вашему мнению является правдой, хотя это и не было доказано*) и оператора косвенного указания *suggest / предполагать* (*to communicate or show an idea or feeling without stating it directly or giving proof* [Cambridge Dictionary] / *сообщать или демонстрировать идею или чувство, не заявляя об этом прямо или не приводя доказательств*), обладающих значением косвенной опосредованной эвиденциальности и подчеркивающих общность воззрений *C1* и *C3* (см. рему (c)).

Необходимо отметить, что рассматриваемый ЭДК характеризуется лингвосинергетическим сцеплением модусных смыслов. Так, эвиденциальная семантика (*Evs*) дополняется маркерами аппроксимации (*Aprx*) *largerly / практически* (*almost completely* [Cambridge Dictionary] / *практически*

полностью) и *readily / легко* (*quickly and easily* [Cambridge Dictionary] / *быстро и легко*) в клаузах *it's largely inconceivable / практически невозможно представить* и *we still can't so readily rule out the idea / мы все еще не можем так легко исключить идею о том.* Показатели аппроксимации используются субъектом коммуникации в ходе интерпретации сведений и выражают дополнительную оценку передаваемой информации *C1* и *C2*. Указанная дискурсивная клауза также обладает семантикой отрицания (*D*), актуализируемой в ходе сочетания показателей эвиденциальности (*rule out the idea / исключить идею*) и отрицания (*not / не*). Подобное полимодальное сочетание показателей несомненно обладает комплексным синергетическим эффектом и может использоваться *C1* для изменения точки зрения потенциального читателя / адресата (*O*) на опубликованное К. Стилом досье.

Семантика экспрессивности (*Ex*) обнаруживается в клаузе *there was indeed utility in placing "a few land mines under Mr. Trump's presidency as well" / поставить «несколько мин под президентство г-на Трампа» могло быть действительно выгодно* и актуализируется экспрессивным маркером *indeed / действительно* (*really or certainly, often used to emphasize something* [Cambridge Dictionary] / *действительно или наверняка, часто используется, чтобы подчеркнуть что-то*). Указанный маркер, с одной стороны, выражает отношение *C1* к приведенной цитате из отчета, а, с другой стороны, может быть использован для того, чтобы привлечь внимание потенциального читателя и вызвать его эмоциональную реакцию.

Наконец, принцип синергетического взаимопроникновения модусных смыслов реализуется в контексте совпадения показателей эвиденциальности и персуазивности (*P*) (*argue / утверждать, inconceivable / невозможно, note / отмечать, given / учитывая, rule out the idea / исключить идею, in fact / на самом деле, claim / заявление*) в ходе развертывания исследуемого дискурсивного контекста. Использование указанных маркеров призвано способствовать реализации интенциональной доминанты рассматриваемого отрывка статьи за счет усиления истинности передаваемой информации. Обращение *C1* к

персуазивной семантике может свидетельствовать о стремлении автора сформировать определенное отношение *O* не только к мистеру Стилу и данным, содержащимся в опубликованном досье, но и убедить адресата в его возможной политической подоплеке.

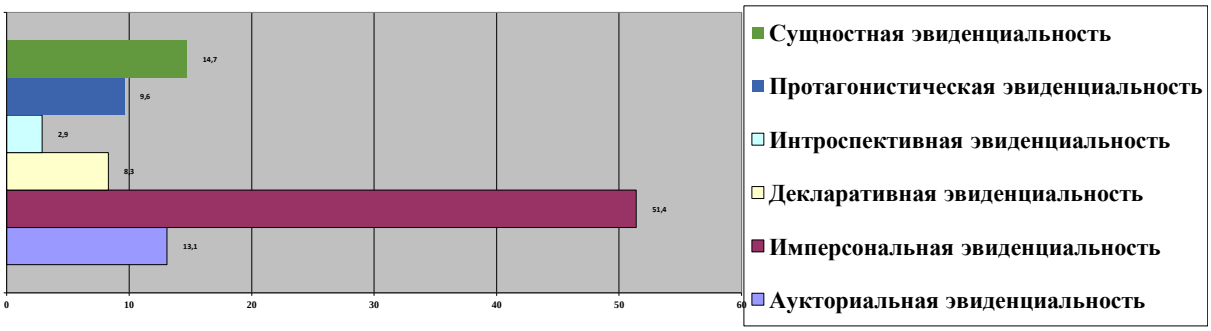
Таким образом, данный ЭДК характеризуется семантикой сущностной эвиденциальности и отражает синергетическую модель *Evs + P + Ex +D + Aprx*, элементы которой распределены в ее пространстве в соответствии с лингвосинергетическим принципом самоорганизации. К особенностям исследуемого отрывка можно отнести акцент на авторскую интерпретацию сведений (*C1*), а также передачу содержания речи субъектов коммуникации (*C2, C3*) за счет ее импликации в авторские высказывания в процессе реализации коммуникативного намерения *C1* по изменению восприятия действительности адресатом / читателем (*O*). Такая трактовка рассматриваемого дискурсивного контекста находится в соответствии с выявлением персуазивной семантики в рамках политического массмедийного дискурса.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в пространстве новостного, рекламного и политического массмедийного дискурса в зависимости от субъекта коммуникации выделяются авторская, субъектная и комбинированная эвиденциальность. В рамках авторской эвиденциальности выделяются аукториальный (репрезентирующий авторскую оценку) и имперсональный (базирующийся на определении источника сведений) подвиды, в субъектной эвиденциальности – декларативный (отражающий внешний дискурс) и интроспективный (актуализирующий внутренний дискурс) подвиды, в комбинированной эвиденциальности – протагонистическая (обращенная к речевому плану субъекта коммуникации) и сущностная (ориентированная на авторскую интерпретацию содержания сообщения) разновидности анализируемой категории.

Как показал проведенный количественный анализ, в новостном дискурсе массмедиа главенствующая роль отводится авторской эвиденциальности (64,5 % примеров), при этом имперсональная эвиденциальность (51,4 %

примеров) значительно преобладает над аукториальной (13,1 % примеров). Комбинированная эвиденциальность (24,3 % примеров) выражена в новостном дискурсе не так значительно, однако, сущностная эвиденциальность (14,7 %) встречается чаще протагонистической (9,6 %). Реже всего встречается семантика субъективной эвиденциальности (11,2 %), в рамках которой декларативная эвиденциальность (8,3 %) реализуется чаще интроспективной (2,9 % примеров). Полученные результаты количественной обработки примеров представлены в Диаграмме 7.

Диаграмма 7. Частотность подвидов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в новостном медиадискурсе



Подобное распределение подвидов эвиденциальности обусловливается функциональной направленностью массмедийного новостного дискурса. В частности, значительное преобладание авторской имперсональной эвиденциальности связано с информативной функцией дискурса, основное значение которой заключается в быстрой и успешной передаче адресату / читателю необходимой информации. Отсутствие необходимости интерпретации и оценки передаваемых сведений приводит к обращению к нейтральной, стилистически не окрашенной лексике и, как следствие, использованию операторов явного указания, косвенного указания, умственного восприятия, а также чувственного восприятия. При этом процесс информирования адресата предполагает определение источника информации (*Ev*), обозначение автора высказывания (*A*), маркировку ситуации пересечения / непересечения автора с субъектами описываемого события (*Ps*), в контексте нейтрального отношения автора к передаваемым сведениям (*Ap*), а также временных рамок

рассматриваемого дискурсивного контекста (*T*). В этой связи эвиденциальная семантика репрезентируется посредством эвиденциальной модели *Evs* (51,4 % примеров).

Значительная представленность авторской аукториальной эвиденциальности и комбинированной сущностной эвиденциальности может объясняться направленностью новостного дискурса на адресата / читателя, имеющей своей целью воздействие и регулирование поведение последнего, а также присущей данному типу дискурса стремлению к опоре на позицию действующих лиц описываемых событий. Это приводит к употреблению автором лексических единиц, способных вызвать особое эмоциональное впечатление у потенциального адресата / читателя. Таким образом, несмотря на то, что эвиденциальность может передаваться при помощи различных показателей, чаще всего автор / субъект коммуникации обращается к операторам усиления значимости высказывания, сомнения, прогнозирования, выражения мнения, мыслительной деятельности, а также уверенности в знании, что приводит к реализации синергетических принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов, в рамках которых эвиденциальная семантика (*Evs*) дополняется значением экспрессивности (*Ex*), отрицания (*D*) и модальности (*M*), актуализируя возможные синергетические модели сцепления (см. Таблицу 3).

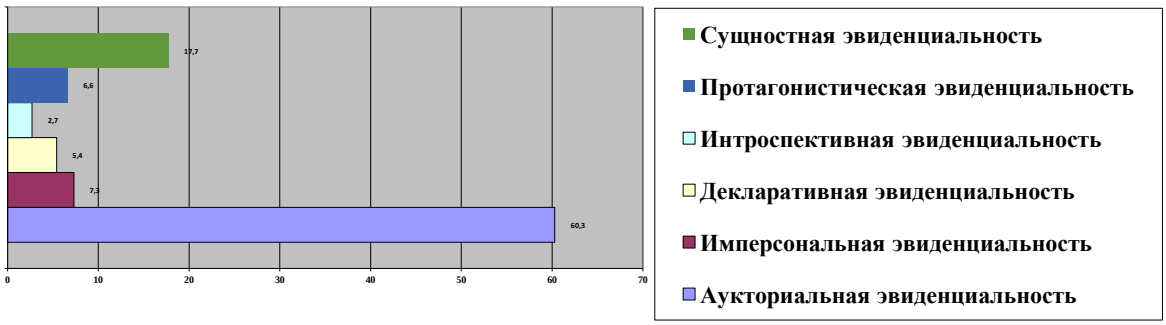
Таблица 3. Полимодальная семантика новостного медиадискурса

Модель	**Количество примеров**
Evs	51,4 %
Evs + Ex	10,4 %
Evs + D	8,2 %
Evs + M	3,2 %
Evs + D + Ex	2,5 %
Evs + M + Ex	1,6 %
Evs + D + M	1,2 %

Evs + D + M + Ex	0,7 %

Количественный анализ примеров рекламного дискурса массмедиа также выявил преобладание авторской эвиденциальности (67,6 % примеров), однако в отличие от новостного массмедийного дискурса имперсональная эвиденциальность (7,3 % примеров) представлена значительно реже аукториальной (60,3 % примеров). В случае комбинированной эвиденциальности (24,3 % примеров) сущностная эвиденциальность (17,7 % примеров) преобладает над протагонистической эвиденциальностью (6,6 % примеров). Субъективная эвиденциальность (8,1 % примеров) обнаруживается реже всего, при этом доля декларативной эвиденциальности (5,4 % примеров) немного выше интроспективной (2,7 % примеров). Полученные результаты количественной обработки примеров представлены в Диаграмме 8.

Диаграмма 8. Частотность подвидов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в рекламном медиадискурсе



Такая представленность подвидов авторской, субъектной и комбинированной эвиденциальности в пространстве рекламного дискурса массмедиа определяется природой, а также функциональной направленностью данного типа дискурса. Доминирующая роль авторской аукториальной эвиденциальности объясняется императивной природой рекламного дискурса, занимающего промежуточное положение между аргументативным и пропагандистским (манипулятивным) дискурсами [Терпугова 2000: 8]. Тем самым исключается возможность автора диктовать и повелевать действиями адресата / читателя, при сохранении потенциала агитирования, привлечения и побуждения посредством демонстрации преимуществ изделия или услуги –

истинных или выдуманных, что оказывает воздействие на сознание потенциального покупателя, преобразуя его когнитивную базу.

В свою очередь, осуществление рекламного массмедийного дискурса между участниками и коммуникантами, представляющими индивидуальные языковые личности, неодинаково воспроизводящими и интерпретирующими коммуникативные действия [Галица 2017], объясняет большой процент комбинированной сущностной эвиденциальности, которая подразумевает обращение к высказываниям субъекта коммуникации. Однако в этом случае ЭВ также характеризуются преобладанием вербального плана автора, что вызвано особым вниманием к содержательной стороне речи.

Подобное комбинированное воздействие на адресата осуществляется за счет обращения как к нейтральной, так и эмоционально-окрашенной лексике, репрезентирующей интерпретативную позицию автора и актуализируется посредством эвиденциальных операторов явного указания, косвенного указания, умственного восприятия, чувственного восприятия, уверенности в знании, усиления значимости высказывания, сомнения, мыслительной деятельности, выражения мнения, а также прогнозирования. Значения данных операторов зачастую приводят к дополнению эвиденциальной семантики (*Evs*) значениями модусных категорий «модальность» (*M*), «оценочность» (*Evl*), «экспрессивность» (*Ex*), а также «эмотивность» (*Emt*), что обусловливает возможность формирования следующих лингвосинергетических моделей сцепления (см. Таблицу 4):

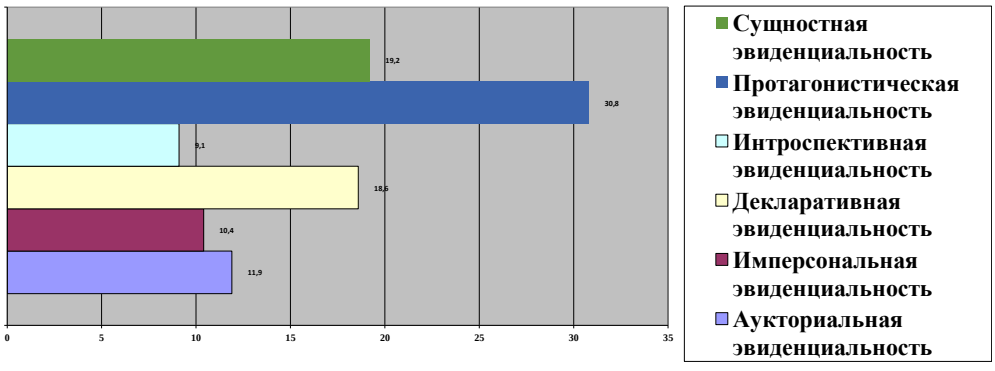
Таблица 4. Полимодальная семантика рекламного медиадискурса

Модель	**Количество примеров**
Evs + M	25,8 %
Evs + Evl	14,4 %
Evs + Ex	11,7 %
Evs + Emt	10,1%
Evs + M + Evl	2,4%
Evs + M + Emt	2,2 %

Evs + M + Ex	2,1 %
Evs + Evl + Ex	1,9 %
Evs + Evl + Emt	1,7 %
Evs + Ex + Emt	1,6 %
Evs + M + Evl + Ex	1,1 %
Evs + M + Evl + Emt	1 %
Evs + M + Ex + Emt	0,9 %
Evs + Evl + Ex + Emt	0,7 %
Evs + M + Evl + Ex + Emt	0,4 %

Наконец, количественный анализ ЭДК из политического дискурса массмедиа продемонстрировал доминирующую роль комбинированной эвиденциальности (50 % примеров), при этом протагонистическая эвиденциальность (30,8 % примеров) преобладает над сущностной эвиденциальностью (19,2 % примеров). Субъективная эвиденциальность (27,7 % примеров) также широко представлена в данном типе дискурса с преобладанием декларативной эвиденциальности (18,6 % примеров) над интроспективной эвиденциальностью (9,1 % примеров). Авторская эвиденциальность (22,3 % примеров) характеризуется практически равной представленностью имперсональной (10,4 % примеров) и аукториальной (11,9 % примеров) эвиденциальностью. Полученные результаты количественной обработки примеров обозначены в Диаграмме 9.

Диаграмма 9. Частотность подвидов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в политическом медиадискурсе



Распределение подвидов эвиденциальности в пространстве политического дискурса массмедиа связано с совершенно определенной и заранее запланированной глобальной целью данного типа дискурса, в качестве которой выступает формирование общественного мнения в массмедийном пространстве [Верещинская 2007]. Достижение данной цели предполагает использование разнообразных приемов воздействия на ценностные ориентиры адресата, результатом чего служит побуждение к определенным действиям, а также изменение картины действительности в сознании читателя. В ходе передачи информации автор / нарратор выделяет и концептуализирует сведения, которые, по его мнению, являются актуальными, значимыми и необходимыми, предписывает репрезентируемым событиям некий смысл, интерпретируя их определенным образом и придавая данным интерпретациям статус общепризнанной правды [Кравченко 2004: 123–132]. Реализация подобной обширной стратегии воздействия на адресата / читателя объясняет обращение к различным эвиденциальным видам в политическом дискурсе массмедиа, при этом доминирование комбинированной протагонистической эвиденциальности, а также субъектной декларативной эвиденциальности обусловлено ориентацией автора на позицию субъекта коммуникации либо за счет отождествления / отстранения автора от высказываний субъекта, либо цитирования субъекта коммуникации.

Такое комплексное воздействие на адресата осуществляется с помощью эмоционально-окрашенной лексики, репрезентирующей интерпретативную позицию автора и отражается в дискурсе посредством эвиденциальных операторов уверенности в знании, усиления значимости высказывания, сомнения, мыслительной деятельности, выражения мнения, а также прогнозирования. Обращение к операторам указанных групп обусловливает частое приобретение эвиденциальностью (*Evs*) дополнительной семантики модусных категорий модальность (*M*), персуазивность (*P*), оценочность (*Evl*), отрицание (*D*), экспрессивность (*Ex*), а также эмотивность (*Emt*), что

способствует формированию следующих возможных лингвосинергетических моделей сцепления (см. Таблицу 5):

Таблица 5. Полимодальная семантика политического медиадискурса

Модель	Количество примеров
Evs + D	3,5 %
Evs + M	6,3 %
Evs + Evl	2,4 %
Evs + P	12,2 %
Evs + Ex	1,6 %
Evs + Emt	5,4%
Evs+M+P	1,5 %
Evs + P + Emt	0,9 %
Evs + D + P	0,7 %
Evs + M + Emt	0,7 %
Evs + Evl + P	0,6 %
Evs + M + Evl	0,5 %
Evs + P + Ex	0,5 %
Evs + M + Ex	0,4 %
Evs + D + Emt	0,4 %
Evs + Evl + Emt	0,4 %
Evs + M + Evl +P	0,4 %
Evs + M + P + Ex	0,4 %
Evs + Evl + P + Ex	0,4 %
Evs + D + P + Emt	0,4 %
Evs + M + P + Emt	0,4 %
Evs + D + M	0,3%
Evs + D + Evl	0,3 %
Evs + D + Ex	0,3 %
Evs + Evl + Ex	0,3 %

Evs + Ex + Emt	0,3 %
Evs + D + M + P	0,3 %
Evs + D + Evl +P	0,3 %
Evs + M + Evl + Ex	0,3 %
Evs + D + P + Ex	0,3 %
Evs + D + M + Emt	0,3 %
Evs + M + Evl + Emt	0,3 %
Evs + Evl + P + Emt	0,3 %
Evs + M + Evl + P + Ex	0,3 %
Evs + M + Evl + P + Emt	0,3 %
Evs + M + P + Ex + Emt	0,3 %
Evs + D + M + P + Emt	0,3 %
Evs + D + M + Evl	0,2 %
Evs + D + M + Ex	0,2 %
Evs + D + Evl + Ex	0,2 %
Evs + D + Evl + Emt	0,2 %
Evs + D + Ex + Emt	0,2 %
Evs + Evl + Ex + Emt	0,2 %
Evs + P + Ex + Emt	0,2 %
Evs + D + M + Evl + P	0,2 %
Evs + D + M + P + Ex	0,2 %
Evs + D + Evl + P + Ex	0,2 %
Evs + D + M + Evl + Emt	0,2 %
Evs + D + Evl + P + Emt	0,2 %
Evs + D + M + Ex + Emt	0,2 %
Evs + M + Evl + Ex + Emt	0,2 %
Evs + D + P + Ex + Emt	0,2 %
Evs + Evl + P + Ex + Emt	0,2 %
Evs + D + M + Evl + P + Ex	0,2 %

Evs + D + M + Evl + P + Emt	0,2 %
Evs + D + M + P + Ex + Emt	0,2 %
Evs + M + Evl + P + Ex + Emt	0,2 %
Evs + M + Ex + Emt	0,1 %
Evs + D + M + Evl + Ex	0,1 %
Evs + D + Evl + Ex + Emt	0,1 %
Evs + D + M + Evl + Ex + Emt	0,1 %
Evs + D + Evl + P + Ex+ Emt	0,1 %
Evs + D + M + Evl + P + Ex + Emt	0,1 %

Таким образом, представленность видов и подвидов эвиденциальности различается в зависимости от типа медиадискурса и оказывается связанной с интенциональной доминантой исследуемого типа медиадискурса, а также тематической направленностью исследуемого эвиденциального дискурсивного отрывка. Данные факторы обусловливают выбор автором / нарратором / субъектом коммуникации тех или иных полимодальных эвиденциальных операторов в ходе передачи сведений об источнике и интерпретации информации. В свою очередь эвиденциальные операторы определяют модусную семантику, актуализируемую посредством реализации принципов лингвистического взаимопроникновения или взаимодополнения модусных смыслов в ходе развертывания рассматриваемого ЭДК и самоорганизации его структурных элементов. Формируемый в результате синергетический суггестивный эффект призван оказать определенное воздействие на особенности восприятия информации адресатом / читателем.

Как показал проведенный лингвосинергетический анализ, политический дискурс массмедиа обладает наиболее выраженной полимодальной семантикой, обнаруживая 58 основополагающих синергетических моделей сцепления. В свою очередь рекламный дискурс массмедиа занимает промежуточное положение и характеризуется 15 основными синергетическими моделями, в то время как в пространстве новостного дискурса массмедиа обнаруживается лишь 8 базовых моделей.

Ярко выраженная модусная семантика политического дискурса прежде всего объясняется глобальной целью данного типа дискурса, связанной с открытой позицией по формированию общественного мнения в массмедийном пространстве. Данная цель определяет особенности воздействия автора / нарратора / субъекта коммуникации на массового адресата дискурса посредством эвиденциальных средств, что обусловливает обращение к различным видам и подвидам эвиденциальности в ходе оказания воздействия на мнение и поведение аудитории относительно передаваемых сведений. Именно необходимость комплексного и концентрированного воздействия на адресата / читателя определяет количество обнаруженных эвиденциальных синергетических моделей сцепления. Тем не менее, в процентном соотношении основополагающая роль, несомненно, отводится моделям, обладающим добавочной персуазивной семантикой.

Полимодальная эвиденциальная семантика рекламного дискурса массмедиа связана с предназначением рекламы, зафиксированном не только в научных трактатах, но и в Федеральном законе «О рекламе», принятом в России в 2006 году: привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [FLA]. Подобная задача диктует необходимость информирования, привлечения и побуждения реципиента приобрести рекламируемый товар или воспользоваться рекламируемыми услугами и, следовательно, дискурсивные отрывки данного типа должны быть наполнены разнообразными стилистическими и риторическими приемами и фигурами речи, реализующими указанные задачи. В этой связи, в процессе интерпретации информации автор зачастую обращается к дополнительной модальной, оценочной, экспрессивной и эмотивной семантике, обнаруживаемой как в контексте пересечения эвиденциальных операторов с маркерами перечисленных категорий, так и в случае отнесенности указанных модусных показателей к промежуточной области развертывания ЭДК.

Наконец, наименее ярко выраженная модусная семантика новостного дискурса массмедиа объясняется его нарратологическим характером,

проявляющимся в передаче информационных и информационно-аналитических сведений, представленных в жанрах новостной журналистики. В рамках реализации первой из обозначенных функций автор / нарратор зачастую ограничивается обращением к нейтральной эвиденциальности, в то время как актуализация последней может потребовать употребления средств экспрессивности, отрицания и модальности. Можно предположить, что функциональное единство доминирующего информационного и дополнительного воздействующего потенциалов в рамках новостного массмедийного дискурса превращает эвиденциальность в мощный инструмент управления адресатом / читателем.

Важно отметить, что в пространстве новостного, рекламного и политического дискурсов массмедиа указанные эвиденциальные виды и подвиды, а также выражаемые посредством данных видов модусные значения находятся в отношении интерференции, представляющей комплексный способ контаминации автора и субъекта. Очевидно, что любой тип дискурса включает в себя переплетающиеся и взаимопроникающие высказывания, явившиеся объектом авторской интерпретации. Авторская, субъектная и комбинированная эвиденциальность взаимодействуют между собой, способствуют формированию диалога автора с субъектом и придают описываемым сведениям добавочные аксиологические смыслы, обусловливающие особенности восприятия и интерпретации информации адресатом / читателем.

3.3. Классификация видов эвиденциальности в зависимости от коммуникативной стратегии массмедийного дискурса

В предыдущем разделе рассматривалась специфика проявления модусной категории «эвиденциальность» в различных типах дискурса в зависимости от субъекта коммуникации. Было установлено, что дифференциация видов и подвидов эвиденциальности напрямую связана с интенциональностью дискурса, обусловливающей выбор эвиденциальных операторов автором / субъектом коммуникации в рамках реализации принципов лингвосинергетического

взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов. Возникающая в результате полимодальная эвиденциальная семантика призвана оказать определенное воздействие на конечного адресата / читателя дискурса. Исходя из этого, можно предположить, что в ходе продуцирования ЭВ посредством использования определенного эвиденциального оператора, а также обращения к добавочной полимодальной эвиденциальной семантики автор / субъект коммуникации реализует стоящие перед ним цели и задачи, связанные с коммуникативной стратегией дискурса.

Ввиду того, что особенности воздействия на восприятие передаваемых сведений читателем определяются коммуникативной стратегией дискурса, автор / субъект коммуникации зачастую обращается к эвиденциальной семантике, убеждая и побуждая адресата / читателя к определенному восприятию и интерпретации информации об источнике сообщения. Следовательно, в контексте изучения категории «эвиденциальность» в дискурсивном пространстве массмедиа представляется возможным говорить об *эвиденциальном воздействии – языковом приеме, осуществляемом в рамках реализации синергетической эвиденциальной модели, направленном на достижение коммуникативных целей автора / субъекта коммуникации (аттрактора) и связанном с осуществлением контроля над сознанием адресата / читателя с помощью субъективного представления источника сведений, а также интерпретации полученной информации.* При этом коммуникативное мастерство автора текста заключается в умелом внедрении в сознание конечного адресата / читателя заранее обозначенных целей, желаний, намерений, отношений, оценок, убеждений или установок.

Исходя из вышесказанного, отметим, что в ЭДК в качестве инициирующей стороны, осуществляющей эвиденциальное воздействие, выступает автор / субъект коммуникации, а в качестве объекта воздействия предстает адресат / читатель. Восприятие информации подготавливается и координируется автором контекста за счет разграничения визуального и вербального планов выражения, а также дифференциации точки зрения субъекта коммуникации и позиции

автора, либо отстранения автора от сообщения. При этом коммуникативная стратегия ЭДК может быть трех видов: регулятивная – в ситуации, когда автор управляет процессом восприятия дискурса читателем с помощью оценочного фактора, суггестивная – осуществляемая в случае, когда воззрения и авторская оценка преподносятся в готовой форме и навязываются читателю, и информативная – связанная с авторской передачей фактических сведений с минимальным искажением смыслового содержания сообщения.

Таким образом, в зависимости от коммуникативной стратегии дискурса, в соответствии с разграничением типов дискурса на основании интенциональной доминанты (информировать, убеждать, развлекать, привлекать, побуждать) [Шмелева 2012], а также по аналогии с выделением оценочных, персуазивных и информационных дискурсивных групп [Дускаева 2013], представляется возможным выявить три вида модусной категории «эвиденциальность»: регулятивную (аксиологическую / логическую), суггестивную (директивную / индирективную) и информативную (нейтральную / скрытую). В ходе проведения исследования нами было проанализировано 3000 ЭДК, репрезентирующих семантику регулятивной, суггестивной и информативной эвиденциальности, полученных методом сплошной выборки из цифровых средств массовой коммуникации. В силу того, что диффузный характер дискурсивного пространства массмедиа позволяет автору сообщения обращаться к той или иной коммуникативной стратегии в рамках различных типов дискурса, примерами актуализации указанных эвиденциальных видов и подвидов послужили ЭДК различной типологической направленности.

1. Регулятивная эвиденциальность

Отличительной особенностью данного вида эвиденциальности является стремление автора / субъекта коммуникации к выбору надежного источника информации, обеспечивающего точную передачу содержания сообщения, его нацеленность на осуществление познавательной и интерпретационной деятельности, а также умение привлечь и акцентировать внимание адресата / читателя на наиболее значимых смыслах / элементах. Наряду с этим,

регулятивная эвиденциальность характеризуется способностью автора / субъекта коммуникации оценивать данные, прогнозировать вероятность и возможный эффект осуществления / употребления / взаимодействия с описываемыми предметами / объектами / явлениями действительности, тем самым оказывая влияние на процесс восприятия информации конечным адресатом / читателем, а также побуждая последнего ментально сопоставлять полученные сведения с личными знаниями, что способствует более детальному пониманию и обработке данных. Указанный вид эвиденциальности также предполагает достижение стоящих перед автором / субъектом коммуникации целей и задач посредством убеждения адресата / читателя в достоверном / недостоверном характере репрезентируемых сведений и их источника, а также квалификации информации с опорой на оценочные, эмоциональные и экспрессивные лингвистические средства. В зависимости от особенностей эвиденциального воздействия регулятивная эвиденциальность разделяется на два подвида:

а) Аксиологическая эвиденциальность

Данный эвиденциальный подвид обусловливается обращением автора / субъекта коммуникации к тактикам обоснованных оценок, контрастивного анализа и иллюстрирования в ходе репрезентации сведений об информации и ее источнике. Следующий пример из новостного медиадискурса демонстрирует реализацию семантики аксиологической эвиденциальности:

(70) (a) *And whether or not CPI adequately measures inflation is a contentious issue.* (b) *Some* ***say it does not provide enough weight*** *to fuel or food, while others* ***claim*** *it redefines the basket as the nature of goods change with technology.* (c) *The* ***evidence*** *cited that CPI has been inadequate is that, despite soaring fuel and food prices, "breakevens" (the difference between nominal and real yield, and, contentiously, an inflation-risk premium) have not moved* [TIPSing point 2008] / (a) *Спорным является вопрос уместности использования индекса потребительских цен для измерения уровня инфляции.* (b) *Некоторые* ***говорят****, что* ***он недостаточно весом*** *применительно к топливу и продуктам питания, в*

то время как другие ***заявляют****, что применение ИПЦ приводит к пересмотру потребительской корзины, поскольку природа товаров меняется вместе с изменением технологии.* (c) *Приведенные* ***свидетельства*** *недостоверности ИПЦ сводятся к тому, что, несмотря на резкий рост цен на топливо и продукты питания, «безубыточность» (разница между номинальной и реальной доходностью и, соответственно, инфляционными рисками) не изменилась.*

ЭДК (70) освещает проблему инфляции в США (см. базовое высказывание (a)). Косвенная опосредованная эвиденциальность выражается при помощи оператора явного указания *say / говорить* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] */ произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*), оператора усиления значимости высказывания *claim / заявление* (*a statement of something you believe is true, although you have no proof* [Cambridge Dictionary] / *утверждение о том, что по вашему мнению является правдой, хотя это и не было доказано*) (см. развитие темы (b)), а также оператора уверенности в знании *evidence / свидетельство* (*anything that helps to prove that something is or is not true* [Cambridge Dictionary] / *то, что помогает доказать, что что-либо является или не является истинным*) используемого автором (*C1*) для передачи слов обобщенного говорящего (*C2*) (см. рему (c)).

Автор приводит аргументы в пользу высказываемых положений, осуществляя оценку передаваемых сведений, актуализируемую посредством дополнения эвиденциальности семантикой оценочности (*it does not provide enough weight / он недостаточно весом*) промежуточной области развертывания ЭДК. Такого рода полимодальная семантика направлена на критическое восприятие сведений конечным адресатом / читателем (*O*), одновременно убеждая *O* в достоверности информации.

б) Логическая эвиденциальность

Рассматриваемый подвид эвиденциальности основывается на сознательных нарушениях либо умелом использовании базовых законов и

правил формальной логики в ходе обозначения истинности / достоверности источника информации и транслировании основных сведений автором / субъектом коммуникации. Наряду с этим, автор может определенным образом интерпретировать данные с целью оказания желаемого воздействия на конечного адресата / читателя. Реализацию коммуникативных целей автора / субъекта коммуникации иллюстрирует пример (71) из новостного массмедийного дискурса:

(71) (a) *Car sales have, **generally speaking**, **plunged** during the coronavirus epidemic. But there has been one bright spot.* (b) *Electric vehicles (evs) continue to grow in popularity.* (c) ***According to** IHS Markit, a research firm, almost 2.5m battery-electric and plug-in-hybrid cars were sold around the world in 2020 – and the company **expects** that number to grow by 70% this year.* (d) *Bloombergnef, another researcher, **reckons** that by 2030 some 8% of the 1.4bn cars on the road will be electric, rising to more than 30% by 2040* [Old electric cars are a raw material of the future 2021] / (a) ***Говоря в общем**, продажи автомобилей **резко упали** во время эпидемии коронавируса. Но существует и один положительный момент.* (b) *Популярность электромобилей продолжает расти.* (c) ***По данным** исследовательской компании IHS Markit, в 2020 году по всему миру было продано почти 2,5 млн электромобилей с аккумуляторной батареей и гибридных автомобилей, и компания **ожидает**, что в этом году это число вырастет на 70%.* (d) *Блумбергнеф, другой исследователь, **полагает**, что к 2030 году около 8% из 1,4 млрд автомобилей на дорогах будут электрическими, а к 2040 году этот показатель вырастет до более чем 30%.*

Настоящий ЭДК описывает динамику автомобильного рынка в период пандемии *Covid-19*. Эвиденциальная семантика в данном фрагменте реализуется посредством оператора выражения мнения *generally speaking / говоря в общем* (*used to say that a statement describes a general feeling or opinion relating to or affecting all the people or things in a group* [Dictionary by Merriam-Webster] / *используется для того, чтобы сказать, что утверждение описывает общее чувство или мнение, относящееся ко всем людям или вещам в группе или*

влияющее на них), выражающего позицию автора статьи (*C1*) (см. базовое высказывание (a)); оператора явного указания *according to / по данным* (*as stated by* [Cambridge Dictionary] / *как указывается кем-либо*) и оператора прогнозирования *expect / ожидать* (*to think or believe that something will happen or that somebody will do something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *думать или верить, что что-либо произойдет или что кто-либо сделает что-то*), обладающих значением интерсубъективной эвиденциальности и отражающих позицию и прогнозы исследовательской компании (*C2*) касательно роста продаж электро- и гибридных автомобилей (см. рему (c)); оператора *reckon / полагать* (*to calculate an amount based on facts or on your expectations* [Cambridge Dictionary] / *рассчитывать сумму, основываясь на фактах или ожиданиях*), репрезентирующего воззрения г-на Блумбергнефа (*C3*) (см. рему (d)).

Важно подчеркнуть, что рассматриваемый отрывок обладает комплексной смысловой структурой и характеризуется пересечением значений эвиденциальности и экспрессивности в промежуточной области развертывания ЭДК. Эксплицитно выраженная семантика экспрессивности актуализируется в маркере *plunge / резко падать* (*to move or fall suddenly and often a long way forward, down, or into something* [Cambridge Dictionary] / *двигаться или падать внезапно, часто далеко вперед, вниз или во что-либо*), в то время как имплицитная экспрессивность реализуется в контексте противопоставления данных о падении продаж автомобилей в целом и росте популярности электромобилей в частности. *C1* использует прием контрастного представления данных, умело интерпретируя сведения и подкрепляя свои слова информацией, полученной от третьих лиц, тем самым убеждая конечного адресата / читателя (*O*) в истинности приводимых суждений. Таким образом, посредством полимодальной эвиденциальной семантики формируется логический акцент настоящего дискурсивного контекста на высказываемых *C1* положениях.

2. Суггестивная эвиденциальность

Данный вид эвиденциальности оказывается связанным со стремлением автора / субъекта коммуникации представлять сведения как данность, в силу его желания навязать мнение, подчинить воле, ввести в заблуждение, сформировать у конечного адресата иллюзию свободного принятия решения, либо для того, чтобы переложить ответственность за происходящее на потенциального читателя. Суггестивная эвиденциальность также характеризуется обращением автора / субъекта коммуникации к эмоционально-оценочным и модальным средствам воздействия, направленным на достижение коммуникативных целей. Сведения об источнике информации и репрезентируемые данные трактуются автором / субъектом коммуникации с опорой на субъективные факторы. Ввиду специфики эвиденциального воздействия суггестивная эвиденциальность может быть разделена на два подвида:

а) Директивная эвиденциальность

Рассматриваемый эвиденциальный подвид отражает категоричное стремление автора / субъекта коммуникации передавать сведения как несомненный факт, без учета личностных и психологических характеристик конечного адресата, при этом зачастую передаваемая информация будет искажать восприятие реальности и ценностные ориентации читателя. Автор может обращаться к директивной эвиденциальности имея своей целью подчеркнуть, что область восприятия передаваемых сведений находится вне интересов и желаний читателя, либо, напротив, создать иллюзию самостоятельного принятия решения адресатом, тем самым снимая с себя ответственность за достоверность представленных данных. ЭДК (72) отражает репрезентацию семантики директивной эвиденциальности в политическом медиадискурсе:

(72) (a) *Boris Johnson has defended his writing of a pro-EU article days before he publicly backed Brexit,* ***saying*** *the article was "semi-parodic" and the UK's decision to leave was right.* (b) *Boris Johnson has* ***said*** *he* ***believed*** *it was "****blindingly obvious****" that he should back the Brexit campaign, despite it emerging that he had written an*

article backing remaining in the EU [Boris Johnson says it was 'blindingly obvious' that he would back Brexit despite emergence of pro-EU article 2016] / (a) *Борис Джонсон выступил с объяснениями касательно опубликованной проевропейской статьи за несколько дней до публичной поддержки Брексита, **сказав**, что статья была «полупародийной» и решение Великобритании уйти было правильным.* (b) *Борис Джонсон **сказал, что считает**, что было «**совершенно очевидно**», что он выступал в поддержку кампании по Брекситу несмотря на то, что выяснилось, что до этого он написал статью, в которой выступил за пребывание Великобритании в составе ЕС.*

Анализируемый ЭДК представляет реакцию бывшего министра иностранных дел и нынешнего Премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона (*C2*) на ранее опубликованную статью, в которой он выступал против выхода Великобритании из состава ЕС. Косвенная опосредованная эвиденциальность характеризует область бифуркации и передается посредством оператора явного указания *say / сказать* (*to state as opinion or belief* [Dictionary by Merriam-Webster] / *излагать как мнение или убеждение*) (см. базовое высказывание (a)), оператора выражения мнения *believe / считать* (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] / *думать, что что-то является истинным, корректным или реальным*), а также оператора уверенности в знании *obvious / очевидно* (*easy to see, recognize, or understand* [Cambridge Dictionary] / *легко увидеть, распознать или понять*) (см. рему (b)), используемых автором (*C1*) для передачи слов *C2* и демонстрирующих категоричность заявлений политика.

Немаловажно, что высказывания *C2* переплетаются с речью *C1*, актуализируя семантику сущностной эвиденциальности и предоставляя *C1* свободу выбора эвиденциальных операторов. Подобный комбинированный способ репрезентации сведений информации может указывать на стремление *C1* оказать воздействие на читателя (*O*) за счет обращения к дополнительной персуазивной семантике (*P*), выражаемой за счет последовательного употребления показателей эвиденциальности и персуазивности *say / сказать* и

obvious / очевидно соотвественно. Персуазивная семантика также усиливается за счет экспрессивного (*Ex*) маркера *blindingly / совершенно* (*extremely* [Cambridge Dictionary] */ чрезвычайно*) в ходе цитирования слов *C2.* Тем самым посредством полимодальной эвиденциальной семантики, отражающей синергетическую модель *Evs + P + Ex*, автор не только обозначает источник и характер транслируемых сведений, но и стремится преподнести слова *C2* как неоспоримый факт, что будет определять восприятие информации конечным адресатом / читателем.

б) Индирективная эвиденциальность

В контексте указанного эвиденциального подвида автор / субъект коммуникации обращается не только к сознанию конечного адресата / читателя, но и к области его подсознания, эмоций и чувств, оказывая имплицитное воздействие на контрольно-регулятивную функцию сознания реципиента посредством тех или иных эвиденциальных операторов, таким образом снижая критичность в ходе восприятия и последующего использования передаваемых сведений, нивелируя активное понимание, подробный логический анализ и оценку полученной информации и ее источника. К отличительным особенностям индирективной эвиденциальности также относится обращение автора / субъекта коммуникации к эвиденциальной семантике, способной вывести адресата / читателя из состояния психологического равновесия, а также играть на его чувствах. Проанализируем специфику актуализации индирективной эвиденциальности на примере ЭДК (73):

(73) (a) *Why scientists are (**almost) certain** that climate change is man-made?* (b) *On November 2nd the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), which represents mainstream scientific **opinion**, **said** that it was **extremely likely** that climate change is the product of human activity.* (c) ***Extremely likely in IPCC speak means** having a **probability** of over 95%.* (d) *The claim forms part of its fifth assessment on the state of the global climate* [Why scientists are (almost) certain that climate change is man-made 2014] / (a) *Почему ученые (**практически) уверены**, что изменение климата вызвано деятельностью человека?* (b) *2 ноября*

Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), выступающая в поддержку наиболее распространенного научного ***мнения****,* ***сообщила****, что* ***чрезвычайно вероятно****, что изменение климата является результатом деятельности человека.* (c) *«****Чрезвычайно вероятно****» в* ***понимании*** *МГЭИК* ***означает****, что* ***вероятность*** *этого составляет более 95%.* (d) *Данное заявление явилось частью пятого заседания по вопросам оценки состояния глобального климата.*

Данный дискурсивный отрывок посвящен проблеме изменения климата. Семантика косвенной опосредованной эвиденциальности передается с помощью эвиденциального оператора уверенности в знании *certain / уверенный* (*having no doubt or knowing exactly that something is true, or known to be true, correct, exact, or effective* [Cambridge Dictionary] */ не сомневаться или точно знать, что что-либо является истинным или заведомо правильным, точным и эффективным*), репрезентирующего точку зрения ученых (*C2*) (см. базовое высказывание (a)); оператора выражения мнения *opinion / мнение* (*the ideas that a person or a group of people have about something or someone, which are based mainly on their feelings and beliefs, or a single idea of this type* [Cambridge Dictionary] / *идеи человека или группы людей о чем-либо или ком-либо, основанные главным образом на их чувствах и убеждениях, либо единственная идея подобного типа*), представляющего позицию обобщенного говорящего, выражающего распространенное научное мнение (*C3*); оператора явного указания *say / сообщить* (*to state as opinion or belief* [Dictionary by Merriam-Webster] / *излагать как мнение или убеждение*) (см. рему (b)), оператора прогнозирования *likely / вероятно* (*if something is likely, it will probably happen or is expected* [Cambridge Dictionary] / *если что-то вероятно, оно, возможно, произойдет или ожидается*) и оператора выражения мнения *mean / означать* (*to express or represent something such as an idea, thought, or fact* [Cambridge Dictionary] / *выразить или представить что-либо, например, идею, мысль или факт*), отражающих воззрения межправительственной группы экспертов (*C4*) (см. рему (c)).

Важно подчеркнуть, что рассматриваемый дискурсивный контекст характеризуется семантикой суггестивной эвиденциальности, реализуемой автором (*C1*) в промежуточной области развертывания за счет ее сочетания с персуазивностью в операторе *certain / уверенный.* Эффект индирективного воздействия на адресата / читателя (*O*) достигается благодаря обращению *C1* к имплицитной эмотивности, представленной вопросительным предложением (*Why scientists are (almost) certain that climate change is man-made? / Почему ученые (практически) уверены, что изменение климата вызвано деятельностью человека?*), аппроксимации, выражаемой посредством сочетания аппроксиматора *almost / практически* (*nearly, but not quite* [Cambridge Dictionary] / *практически, но не совсем*) с эвиденциальным оператором *certain / уверенный,* а также экспрессивности, актуализируемой маркером *extremely / чрезвычайно* (*to a very high degree* [Oxford Learner's Dictionaries] */ в очень большой степени*), примыкающим к эвиденциальному оператору *likely* / *вероятно.* Такого рода полимодальная эвиденциальная семантика модифицирует персуазивный характер транслируемых сведений и формирует комплексный суггестивный эффект воздействия на *O*.

3. Информативная эвиденциальность

Данный вид эвиденциальности связан с передачей автором / субъектом коммуникации фактического содержания сообщения и характеризации его источника с опорой на непосредственное восприятие, информацию, полученную из вторых рук, а также умозаключения и логические рассуждения. Информативная эвиденциальность может также служить для описания таких ситуаций, когда точные данные об источнике информации отсутствуют, либо отсутствует уверенность в достоверности предоставляемых сведений. При этом высказывания автора / субъекта коммуникации могут обладать нейтральным (эксплицитным), либо неявным (имплицитным) характером. В качестве основной функции информативной эвиденциальности выступает функция сообщения, заключающаяся в донесении автором информации до сведения конечного адресата / читателя. Посредством данного вида эвиденциальности

удовлетворяется социальная потребность читателя в получении актуальной информации, соответствующей его интересам и оказывающей определенное воздействие на ценности и восприятие действительности адресатом. Информативная эвиденциальность разделяется на нейтральную и скрытую эвиденциальность.

а) Нейтральная эвиденциальность

Данный подвид эвиденциальности используется для выражения объективной, достоверной и неинтерпретированной информации, а также указания на источник передаваемого сообщения с целью удовлетворения потребности в получении сведений. Это обстоятельство, однако, не означает, что передаваемая информация в обязательном порядке лишена какой-либо тональности и эмоциональной окраски. Посредством фактического свидетельства различных аспектов разворачивающихся событий автор может стремиться привлечь внимание адресата к информации, что может вызвать как поддержку, так и спровоцировать критику со стороны читателя. Для того, чтобы проследить актуализацию нейтральной эвиденциальности, обратимся к дискурсивному отрывку (74):

(74) (a) *As you can **see**, each of our regions – Asia, the Americas, and Europe, the Middle East and Africa – has a train steaming across a different landscape.* (b) *Put them together and you **have** a triptych that sets a Singaporean kampong against St Andrew's Church in Kyiv and the ruins of Great Zimbabwe* [How we chose this week's cover image 2021] / (a) *Как вы можете **видеть**, в каждом из регионов – в Азии, Америке и Европе, на Ближнем Востоке и в Африке – поезд движется по разному ландшафту.* (b) *Сложите их вместе, и вы **получите** триптих, который противопоставляет сингапурский кампонг церкви Святого Андрея в Киеве и руинам Великого Зимбабве.*

Данный ЭДК содержит отрывок рекламного объявления рождественского выпуска журнала *The Economist.* Семантика прямой непосредственной эвиденциальности репрезентируется в точке бифуркации посредством оператора чувственного восприятия *see / видеть* (*to be conscious of what is around you by*

using your eyes [Cambridge Dictionary] / *осознавать то, что находится вокруг, используя глаза*) (см. базовое высказывание (a)), а также оператора явного указания *have / получать* (*to receive, accept, or allow something to happen* [Cambridge Dictionary] / *получать, соглашаться или позволять чему-то происходить*) (см. рему (b)), используемых автором (*C1*) для описания изображений, представленных на страницах журнала, что будет способствовать адекватному восприятию информации конечным адресатом / читателем (*O*).

В силу принадлежности данного отрывка к массмедийному рекламному дискурсу нейтральная эвиденциальная семантика дополняется имплицитной семантикой экспрессивности, актуализируемой за счет образной передачи сведений о содержании статей рождественского выпуска. Необходимо отметить, что в данном случае взаимодействие эвиденциальности и экспрессивности отражает принцип взаимодополнения модусных смыслов, поскольку интеракция указанных категорий происходит в промежуточной области развертывания ЭДК. Обращение к такого рода эвиденциальной семантике может свидетельствовать о желании *C1* привлечь внимание потенциального *O* к новому выпуску журнала.

б) Скрытая эвиденциальность

Указанный эвиденциальный подвид эвиденциальности используется для выражения недостоверного характера источника сведений и, как следствие, отсутствия до конца сформированного представления о действительности автором / субъектом коммуникации. Наряду с этим, скрытая эвиденциальность определяет как источник информации, так и репрезентируемые дискурсивным контекстом сведения как ненадежные и указывает на сомнения автора / субъекта коммуникации. При помощи скрытой эвиденциальности субъект коммуникации может снимать с себя ответственность за истинность сообщаемых фактов, при этом восприятие информации адресатом / читателем складывается на основе определенных причинно-следственных связей в развитии события, а также данных, представленных автором. С помощью скрытой эвиденциальности осуществляется имплицитное воздействие на мышление и мировосприятие адресата. Актуализация рассматриваемого подвида эвиденциальности

объясняется на примере (75), репрезентирующего политический дискурс массмедиа:

(75) (a) *Recently, I* ***mentioned*** *that productivity in the tradable sector is important, because it essentially governs the real incomes an economy can pay.* (b) *And I* ***noticed*** *that over the past two decades, virtually all of America's net job creation has occurred in the non-tradable sector, which* ***seems*** *problematic.* (c) *It's* ***probably*** *useful to dig into this a bit more* [Moving toward stagnation 2011] / (a) *Недавно я* ***упомянул****, что производительность в торгуемом секторе важна, потому что она по существу определяет реальные доходы, которые может выплачивать экономика.* (b) *И я* ***заметил****, что за последние два десятилетия практически все чистые рабочие места в Америке были созданы в неторгуемом секторе, что* ***кажется*** *проблематичным.* (c) ***Вероятно****, будет полезно вникнуть в это немного подробнее.*

Анализируемый ЭДК является фрагментом статьи-рассуждения американского политолога и экономиста Райана Авента (*C1*) о причинах стагнации в экономике США. Авторская эвиденциальность актуализируется при помощи оператора косвенного указания *mention / упоминать* (*to refer to something or someone* [Cambridge Dictionary] / *ссылаться на что- то или кого-то*) (см. базовое высказывание (a)), оператора чувственного восприятия *notice / заметить* (*to see or hear somebody / something; to become aware of somebody / something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *видеть или слышать кого-либо / что-либо; узнавать о ком-либо / о чем-либо*) (см. рему (b)), а также операторов сомнения *seem / казаться* (*to give the effect of being; to be judged to be* [Cambridge Dictionary] / *создавать впечатление; оцениваться как существующий*) и *probably / вероятно* (*used to mean that something is very likely* [Cambridge Dictionary] / *используется для обозначения того, что что-либо весьма вероятно*) (см. развитие темы (c)). Перечисленные операторы обладают значением косвенной непосредственной эвиденциальности и указывают на отсутствие уверенности *C1* в достоверности передаваемых сведений, что в свою очередь

может оказывать имплицитное воздействие на особенности восприятия сведений потенциальным читателем (*O*).

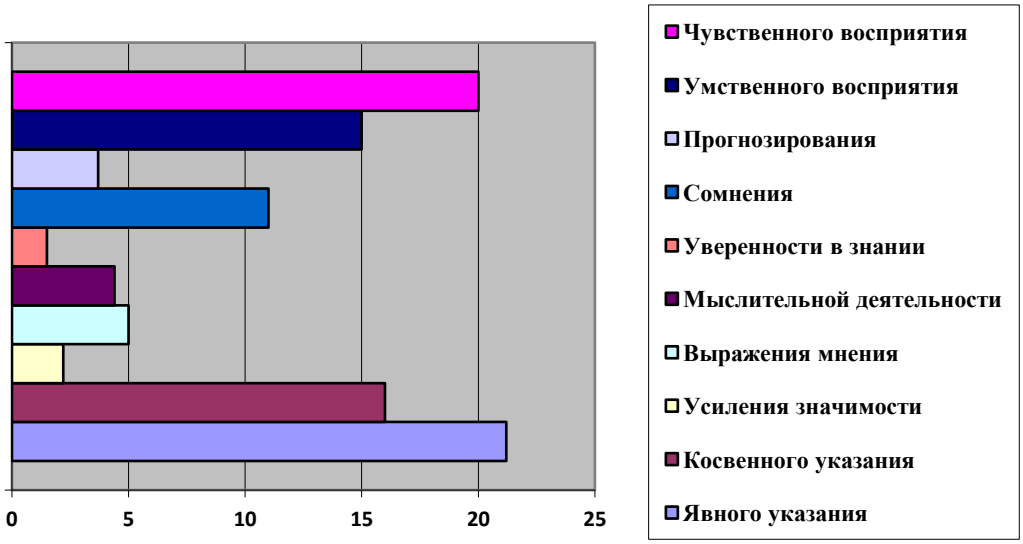
Немаловажно, что эвиденциальность также дополняется значением модальности в контексте совпадения показателей указанных категорий в точке бифуркации (узловой точке развертывания), представленной маркером *probably / вероятно*, что способствует возникновению дополнительной семантики предположительности и репрезентирует принцип взаимопроникновения модусных смыслов.

Исследование показало, что в массмедийном дискурсе в зависимости от коммуникативной стратегии ЭДК представляется возможным выделить три вида категории «эвиденциальность»: регулятивную, суггестивную, а также информативную. В структуре данных видов эвиденциальности обнаруживаются следующие подвиды: аксиологическая, логическая, директивная, индирективная, нейтральная и скрытая эвиденциальность соответственно. Описание функционирования указанных разновидностей эвиденциальности становится возможным благодаря исследованию актуализации эвиденциальных операторов, специфики формирования полимодальной эвиденциальной семантики в рамках реализации принципов лингвосинергетического взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов, а также особенностей самоорганизации структурных элементов анализируемых ЭВ / ЭДК.

Как показал проведенный анализ эмпирического материала, информативная эвиденциальность выражается с помощью таких эвиденциальных операторов, как операторы усиления значимости высказывания (2,2 % примеров), операторы явного указания (21,2 % примеров), операторы уверенности в знании (1,5 % примеров); операторы выражения мнения (5 % примеров), операторы прогнозирования (3,7 % примеров), операторы чувственного восприятия (20 % примеров), операторы косвенного указания (16 % примеров), операторы сомнения (11 % примеров), операторы мыслительной деятельности (4,4 % примеров), операторы умственного

восприятия (15 % примеров). Полученные результаты представлены в Диаграмме 10.

Диаграмма 10. Группы эвиденциальных операторов, выражающих информативную эвиденциальность



Данные результаты свидетельствуют, что информативная эвиденциальность чаще всего выражается при помощи операторов явного указания, косвенного указания, чувственного восприятия, умственного восприятия и сомнения, в то время как реже всего подобная семантика реализуется посредством операторов усиления значимости высказывания и уверенности в знании. Подобная количественная представленность эвиденциальных показателей объясняется интенциональностью нейтральной эвиденциальности – ее направленностью на передачу фактического содержания сообщения с целью удовлетворения коммуникативных потребностей в получении необходимой информации конечным адресатом / читателем, в качестве которого может выступать как отдельный человек, так и целый социум. В связи с тем, что основная функциональная направленность информативной эвиденциальности заключается в информировании массового адресата об актуальных общественно значимых проблемах и событиях, без необходимости обязательной оценки и интерпретации передаваемых сведений, в структуре исследованных дискурсивных контекстов значительно реже обнаруживаются группы эвиденциальных операторов, обладающих дополнительной модальной

семантикой. Подробный анализ специфики выражения эвиденциальных операторов потребует разграничения подвидов нейтральной эвиденциальности. Представим сводные данные количественного анализа эвиденциальных операторов в виде Диаграмм 11, 12.

Диаграмма 11. Группы эвиденциальных операторов, выражающих нейтральную эвиденциальность

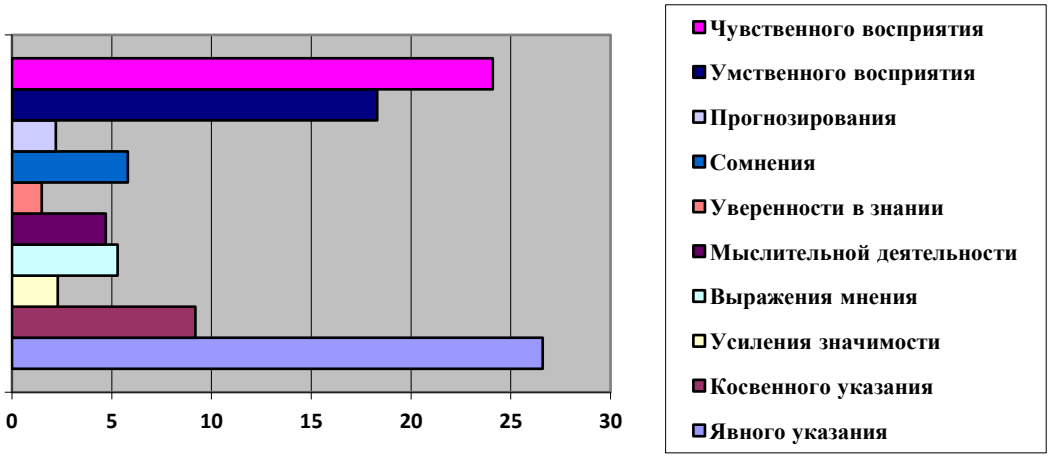
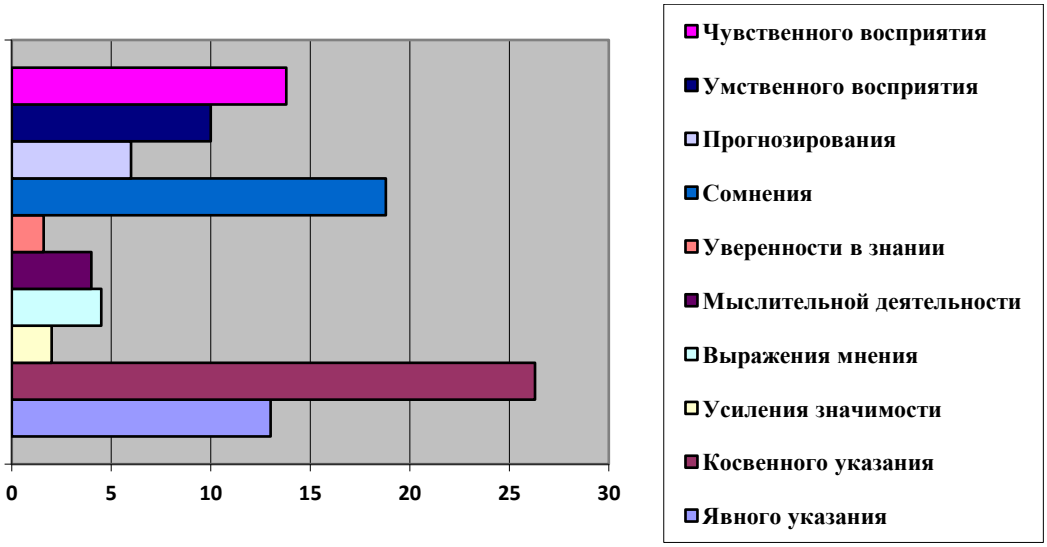


Диаграмма 12. Группы эвиденциальных операторов, выражающих скрытую эвиденциальность



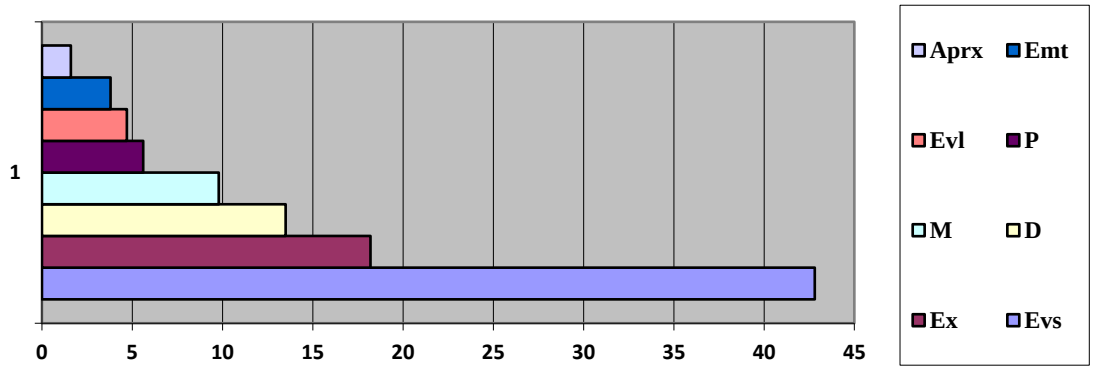
Согласно результатам сопоставительного анализа, в пространстве массмедийного дискурса нейтральная эвиденциальность (60,1 % примеров) преобладает над скрытой эвиденциальностью (39,9 % примеров), при этом для нейтральной эвиденциальности наиболее характерны операторы явного указания (26,6 % примеров), чувственного восприятия (24,1 % примеров) и умственного восприятия (18,3 % примеров), а для скрытой эвиденциальности –

операторы сомнения (18,8 % примеров) и косвенного указания (26,3 % примеров). В нейтральном и скрытом подвидах эвиденциальности наименее часто встречаются операторы мыслительной деятельности (4,7 % и 4 % примеров), выражения мнения (5,3 % и 4,5% примеров), прогнозирования (2,2 % и 6 % примеров), усиления значимости высказывания (2,3 % и 2 % примеров), а также уверенности в знании (1,5 % и 1,6 % примеров соответственно). Различия в количественной представленности эвиденциальных операторов явного указания, чувственного восприятия, сомнения и косвенного указания связаны с различной коммуникативно-прагматической направленностью нейтральной и скрытой эвиденциальности. В случае первой, информативная функция реализуется эксплицитно – автор предоставляет адресату / читателю сведения, в той или иной степени отражающие основное содержание события, а также характеристику источника сообщения, в то время как вторая предполагает имплицитное, неявное представление данных, что обусловлено сомнениями автора в достоверности их источника, а также отсутствием четкого восприятия передаваемой информации. В свою очередь, относительно схожая незначительная представленность операторов мыслительной деятельности, выражения мнения, прогнозирования, усиления значимости высказывания и уверенности в знании связана с отсутствием необходимости реализации воздействующей, а также интерпретативной функции дискурса, предполагающих обращение к эмоционально-окрашенным эвиденциальным средствам. Необходимо отметить, что в ходе развертывания ЭДК в ряде случаев происходит смешение нейтральной и скрытой эвиденциальности. Данное обстоятельство может определяться содержанием дискурсивного отрывка, а также коммуникативными намерениями автора / субъекта коммуникации.

Анализ реализации информативной эвиденциальности также предполагает рассмотрение особенностей возникновения полимодальной эвиденциальной семантики. В ходе развертывания ЭДК во время передачи сообщения и характеризации его источника при помощи информативной эвиденциальности автор может обращаться к дополнительной модальной семантике в зависимости

от особенностей дискурса и с целью оказания необходимого воздействия на конечного адресата – например, чтобы заинтересовать читателя, акцентировать его внимание на важных показателях, либо обезличить, дистанцироваться от репрезентируемых сведений. Данное обстоятельство не противоречит природе нейтральной эвиденциальности и осуществляется в соответствии с основополагающими принципами лингвистической синергетики. Результаты количественного анализа реализации полимодальной семантики в рамках информативной эвиденциальности представлены в Диаграмме 13.

Диаграмма 13. Реализация полимодальной семантики в рамках информативной эвиденциальности



Анализ показал, что приобретение ЭДК, репрезентирующим информативную эвиденциальность добавочной модусной семантики, происходит в 57,2 % случаев. В пространстве массмедийного дискурса эвиденциальность в большинстве случаев репрезентируется посредством базовой эвиденциальной семантики – *Evs (Ev + A + Ap + Ps + T)* (42,8 % примеров), взаимодействия эвиденциальности – *Ev* и экспрессивности – *Ex* (18,2 % примеров), эвиденциальности – *Ev* и отрицания – *D* (13,5 % примеров), эвиденциальности – *Ev* и модальности – *M* (9,8 % примеров), что связано с изначальной нейтральностью, а также нарративностью исследуемого вида эвиденциальности – стремлением автора к точности и стандартности в ходе передачи информации, жесткой логической структурой такого рода дискурса и предполагает отсутствие эмоциональности и оценочности. В дискурсивных контекстах со значением информативной эвиденциальности содержатся факты, либо обоснованные гипотезы, а также практически полностью исключается

субъективный подход к излагаемым фактам. Такой способ представления сведений может негативно сказываться на простоте восприятия данных конечным адресатом / читателем. В этой связи автор может обращаться к дополнительной модальной семантике, которую уместно рассматривать в контексте нейтральной и скрытой информативной эвиденциальности. Реализация значений указанных подвидов эвиденциальности представлена в Диаграммах 14 и 15.

Диаграмма 14. Реализация полимодальной семантики в рамках нейтральной эвиденциальности

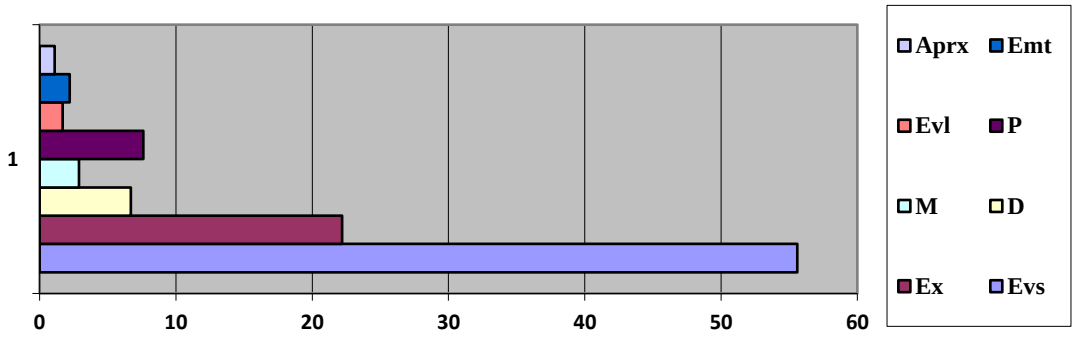
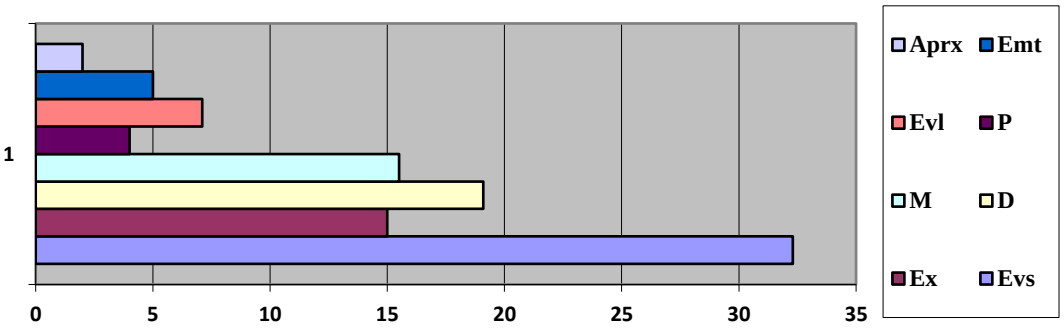


Диаграмма 15. Реализация полимодальной семантики в рамках скрытой эвиденциальности



Как видно из диаграмм, нейтральная и скрытая эвиденциальность различаются относительно формируемой добавочной полимодальной семантики. Для нейтральной эвиденциальности в большинстве случаев характерна базовая эвиденциальная семантика – *Evs (Ev + A + Ap + Ps + T)* (55,5 % примеров), а также добавочная семантика экспрессивности – *Ex* (22,2 % примеров), что, с одной стороны, связано с желанием автора / субъекта коммуникации к привлечь внимание адресата к описываемым сведениям, а с другой, свидетельствует о его стремлении наиболее подробно и точно

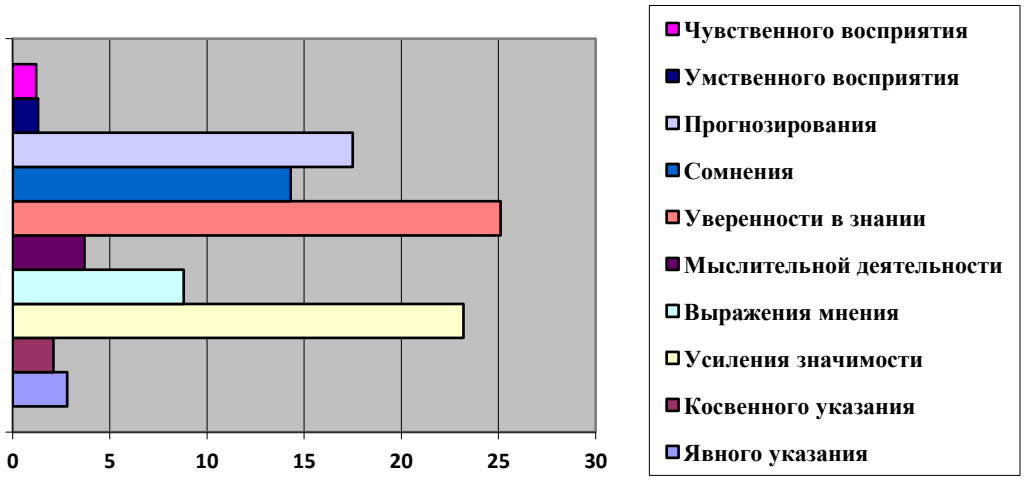
представить информацию. В свою очередь, базовая семантика скрытой эвиденциальности – *Evs* (32,3 % примеров) в значительной мере дополняется экспрессивностью – *Ex* (15 % примеров), отрицанием – *D* (19,1 % примеров) и модальностью – *M* (15,5 % примеров). Обращение к данным модусным категориям объясняется отсутствием четкого восприятия действительности автором / субъектом коммуникации, его сомнениями в достоверности источника репрезентируемых сведений, и, как следствие, неготовностью автора к директивному предоставлению информации потенциальному читателю. Кроме того, согласно результатам сопоставительного анализа реализации полимодальной семантики в рамках информативной эвиденциальности, скрытая эвиденциальность (55 % примеров) преобладает над нейтральной эвиденциальностью (45 % примеров), формируя противоположную картину относительно рассмотрения актуализации указанных подвидов эвиденциальности при помощи эвиденциальных операторов. Данное обстоятельство объясняется спецификой эвиденциальных операторов, репрезентирующих нейтральную и скрытую эвиденциальность, а также особенностями реализации принципов лингвосинергетического взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов, учет которых доказывает большую предрасположенность скрытой эвиденциальности по сравнению с нейтральной эвиденциальностью к возникновению полимодальной семантики, главным образом в промежуточной области развертывания ЭДК.

В целом, актуализация полимодального содержания информативной эвиденциальности аналогично реализации данного содержания в рамках новостного массмедийного дискурса (см. раздел 3.1.1.). Это позволяет сделать вывод о том, что семантика информативной эвиденциальности наиболее характерна для новостного дискурса массмедиа, отражает его интенциональную доминанту, связанную с оказанием воздействия на адресата посредством эксплицитной и имплицитной передачи содержания сообщения без учета субъективного отношения автора к излагаемому материалу, что также предполагает нейтральное представление информации. В этой связи,

незначительное количество выявленных примеров, характеризующихся актуализацией эмоциональной, оценочной и интерпретативной семантики, может объясняться материалом исследования, предполагающим рассмотрение ЭДК, включающего в себя не только речь автора, но и высказывания субъектов коммуникации. Высказанные положения полностью согласуются с разработанной ранее классификацией авторской, субъектной и комбинированной эвиденциальности в массмедийном дискурсивном пространстве.

Как показал проведенный анализ дискурсивных контекстов со значением суггестивной эвиденциальности, данный вид эвиденциальности характеризуется следующей частотностью употребления эвиденциальных операторов: операторы усиления значимости высказывания (23,2 % примеров), операторы явного указания (2,8 % примеров), операторы уверенности в знании (25,1 % примеров); операторы выражения мнения (8,8 % примеров), операторы прогнозирования (17,5 % примеров), операторы чувственного восприятия (1,2 % примеров), операторы косвенного указания (2,1 % примеров), операторы сомнения (14,3 % примеров), операторы мыслительной деятельности (3,7 % примеров), операторы умственного восприятия (1,3 % примеров). Полученные данные количественного анализа актуализации эвиденциальных операторов в рамках суггестивной эвиденциальности представлены в Диаграмме 16.

Диаграмма 16. Группы эвиденциальных операторов, выражающих суггестивную эвиденциальность



Проведенное исследование показывает, что суггестивная эвиденциальность чаще всего актуализируется посредством операторов уверенности в знании, усиления значимости высказывания, прогнозирования, а также сомнения, при этом операторы умственного восприятия и чувственного восприятия используются реже всего. Такая представленность маркеров эвиденциальности обусловлена коммуникативной направленностью суггестивной эвиденциальности, предполагающей осуществление категоричного / некатегоричного воздействия на адресата / читателя в ходе передачи сообщения и обозначения его источника посредством убеждения, побуждения и эмоционального воздействия с целью формирования в его сознании определенной картины действительности. Направленность суггестивной эвиденциальности на выражение авторских эмоций и возбуждение эмоций адресата связана с необходимостью дальнейшего переубеждения и побуждения читателя к необходимым автору действиям. В этой связи автор, как правило, стремится привлечь внимание адресата к информации, представляющей для него важное значение, и отвлечь внимание адресата от сведений, способных нанести вред его интересам. Наряду с этим в процессе интерпретации и передачи информации автор может обращаться к различным психологическим приемам воздействия на адресата для установления и поддержания контакта и настраивания собеседника на восприятие данных. Подобная интенциональность суггестивной эвиденциальности объясняет предпочтительный выбор автором операторов, обладающих дополнительной оценочной и модальной семантикой, а также незначительное количество обращений к нейтральным эвиденциальным показателям. Подробный анализ особенностей репрезентации эвиденциальных операторов предполагает дифференциацию подвидов суггестивной эвиденциальности. Данные количественного анализа эвиденциальных маркеров, выражающих директивную и индирективную эвиденциальность, представлены в Диаграммах 17, 18.

Диаграмма 17. Группы эвиденциальных операторов, выражающих директивную эвиденциальность

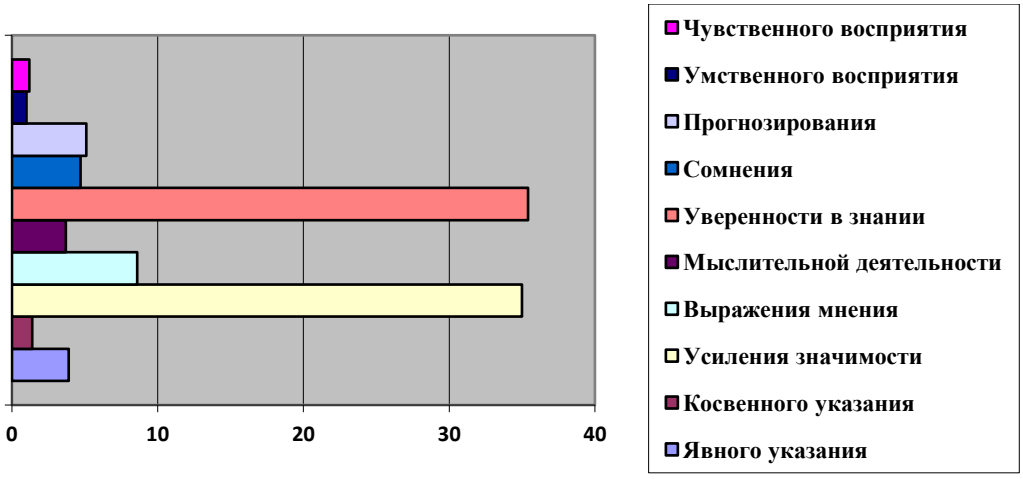
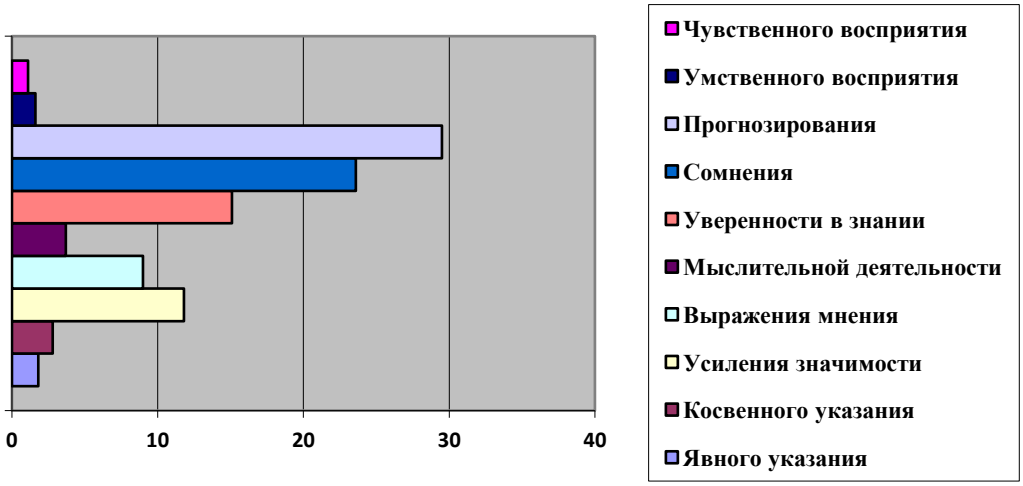


Диаграмма 18. Группы эвиденциальных операторов, выражающих индиректиную эвиденциальность



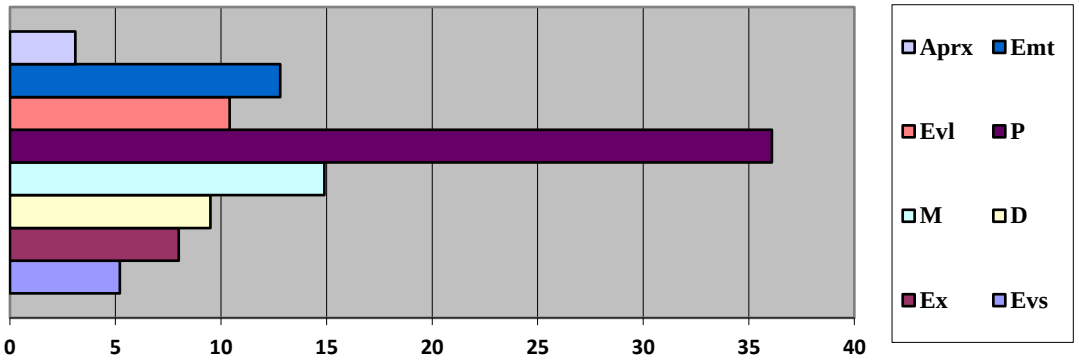
Как следует из результатов сопоставительного анализа, в массмедийном дискурсивном пространстве директивная эвиденциальность (49,1 % примеров) и индиректиная эвиденциальность (50,9 % примеров) обнаруживают приблизительно одинаковую представленность, при этом директивная эвиденциальность чаще всего выражается при помощи операторов уверенности в знании (35,4 % примеров) и усиления значимости высказывания (35 % примеров), а скрытой эвиденциальности – операторами прогнозирования (29,5 % примеров) и сомнения (23,6 % примеров). Указанные подвиды эвиденциальности реже всего репрезентируются операторами чувственного восприятия (1,2 % и 1,1 % примеров), умственного восприятия

(1 % и 1,6 % примеров), косвенного указания (1,4 % и 2,8 % примеров), явного указания (3,9 % и 1,8 % примеров), а также мыслительной деятельности (3,7 % примеров соответственно). Значительные различия в представленности эвиденциальных операторов уверенности в знании, усиления значимости высказывания, прогнозирования и сомнения обусловлены различной интенциональностью директивной и индирективной эвиденциальности. При этом применительно к директивной эвиденциальности суггестивная функция выражена явно и связана с непосредственным воздействием автора на адресата, предполагающим использование своеобразных речевых стратегий и приемов, призванных убедить конечного адресата в истинности пропозиции и ее источника, изменить привычное восприятие действительности в интересах говорящего. Тем самым данная стратегия предопределяет выбор автором / говорящим операторов уверенности в знании и усиления значимости высказывания в качестве языковых средств воздействия на читателя. Напротив, индирективная эвиденциальность используется как инструмент представления новых сведений о тех или иных предметах / объектах речи при помощи воздействия на сознание реципиента и базируется на стремлении автора создать определенный эмоциональный настрой и вызвать определенное эмоциональное и психологическое состояние адресата посредством различных приемов, в том числе вызывая у него сомнения и предугадывая возможное развитие событий, что объясняет преобладание операторов сомнения и прогнозирования в данном эвиденциальном подвиде. В качестве связующего звена цепочки решений говорящего, а также выбранных им коммуникативных действий выступают операторы выражения мнения, демонстрирующие схожую представленность как в директивной, так и в индирективной эвиденциальности.

Достижение стоящих перед автором / субъектом коммуникации целей и задач может приводить к раздельной либо одновременной актуализации рассматриваемых подвидов эвиденциальности. Возникающая в результате комплексная полимодальная эвиденциальная семантика потребует тщательного лингвосинергетического анализа, предполагающего исследование

возникновения дополнительных модусных значений в узловых точках и промежуточной области развертывания ЭДК (точках бифуркации). Результаты количественного анализа реализации полимодальной семантики в рамках суггестивной эвиденциальности представлены в Диаграмме 19.

Диаграмма 19. Реализация полимодальной семантики в рамках суггестивной эвиденциальности



Как показало проведенное исследование, приобретение дискурсивным контекстом, репрезентирующим семантику суггестивной эвиденциальности дополнительного модусного значения, происходит в подавляющем большинстве случаев (94,8 %). В дискурсе массмедиа эвиденциальность чаще всего выражается при помощи сочетания эвиденциальности – *Ev* с персуазивностью – *P* (36,1 % примеров), а также эвиденциальности – *Ev* с модальностью – *M* (14,9 % примеров), эвиденциальности – *Ev* и эмотивности – *Em* (12,8 % примеров) и эвиденциальности – *Ev* и оценочности – *Evl* (10,4 % примеров), что связано с характером данного вида эвиденциальности – эффективность ЭВ, обладающего семантикой суггестивной эвиденциальности, заключается во внушении адресату необходимых автору сведений и оценок, а также убеждении и побуждении читателя к определенным действиям. В ходе рассмотрения дискурсивных контекстов со значением суггестивной эвиденциальности важно детально изучить характер и степень воздействия автора / субъекта коммуникации на адресата / читателя, в рамках которой происходит изменение семантики и функций эвиденциальных операторов различных групп в узловых точках развертывания, а также происходит дополнение базовой эвиденциальной семантики значениями других модусных категорий в промежуточной области

рассматриваемого дискурсивного контекста. Реализацию такого рода семантики логично рассматривать в контексте директивного и индирективного подвидов суггестивной эвиденциальности. Специфика формируемой полимодальной семантики в указанных подвидах эвиденциальности отражена в Диаграммах 20 и 21.

Диаграмма 20. Реализация полимодальной семантики в рамках директивной эвиденциальности

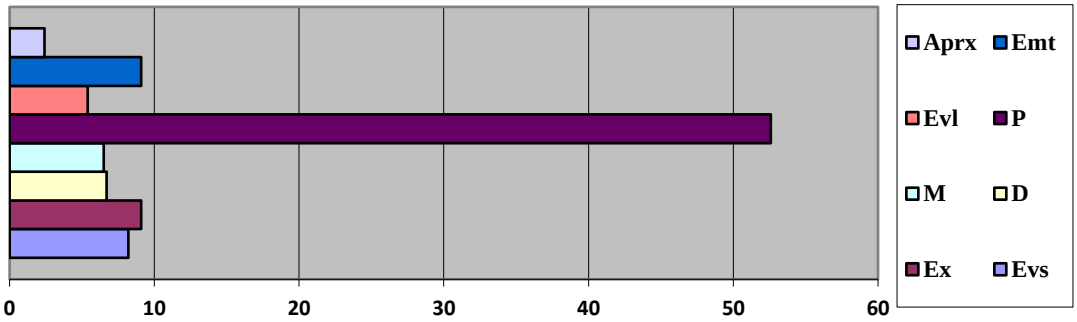
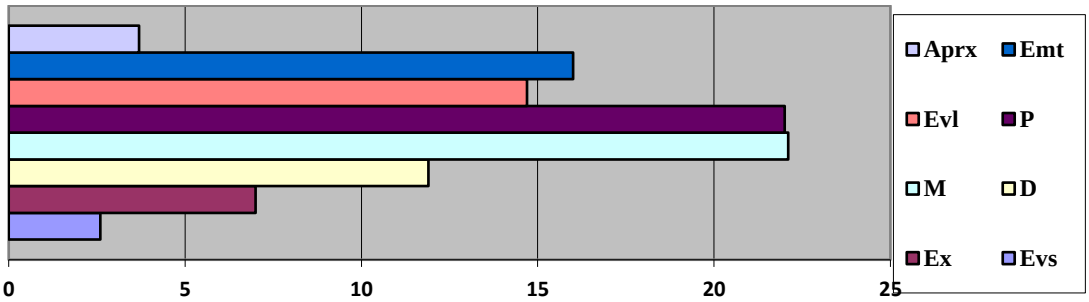


Диаграмма 21. Реализация полимодальной семантики в рамках индирективной эвиденциальности



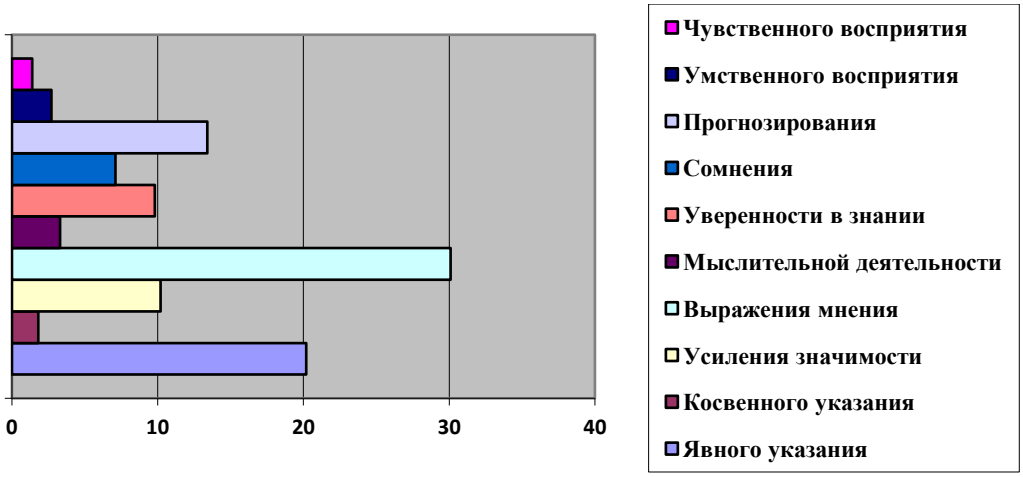
Как видно из диаграмм, директивная и индирективная эвиденциальность различаются в формировании полимодальной семантики. Директивная эвиденциальность в большинстве случаев характеризуется добавочным персуазивным значением – *P* (52,6 % примеров), что обусловлено категоричным стремлением автора воздействовать на сознание конечного адресата, манипулируя его представлениями и мировоззрением в процессе передачи различных сведений. Индирективная эвиденциальность, напротив, обладает более обширной семантикой и примерно в равной степени может дополняться значениями персуазивности – *P* (22 % примеров), модальности – *M* (22,1 % примеров), эмотивности – *Emt* (16 % примеров) и оценочности – *Evl* (14,7 % примеров), что объясняется иной природой воздействия на сознание и

подсознание читателя и проявляется в применяемых автором приемах психологического воздействия, включающих объективное убеждение, субъективную эмоциональность, а также противоречивость субъективного и объективного. В этой связи в рамках суггестивной эвиденциальности индиректива эвиденциальность (53,8 % примеров) преобладает над директивной эвиденциальностью (46,2 % примеров).

Необходимо отметить, что реализация значений суггестивной эвиденциальности полностью соответствует полимодальной семантике, наблюдаемой в политическом дискурсе массмедиа (см. раздел 3.1.3.). Это позволяет утверждать, что суггестивная эвиденциальность ярче всего проявляется в данном типе дискурса, репрезентируя его коммуникативную направленность, базирующуюся на убеждении адресата в некоторой позиции, побуждении к действию, а также представлении необходимых фактов в определенном свете. Достижение стоящих перед автором целей предполагает использование оценочной, эмоционально-окрашенной лексики в ходе обозначения и интерпретации сведений и их источника. Данное обстоятельство объясняет небольшое количество выявленных ЭДК, в рамках которых суггестивная эвиденциальность выражается при помощи базовой эвиденциальной семантики – *Evs* (5,2 % примеров).

Проведенный анализ примеров, обладающих семантикой регулятивной эвиденциальности, показал следующую частотность эвиденциальных операторов: операторы усиления значимости высказывания (10,2 % примеров), операторы явного указания (20,2 % примеров), операторы уверенности в знании (7,1 % примеров); операторы выражения мнения (30,1 % примеров), операторы прогнозирования (13,4 % примеров), операторы чувственного восприятия (1,4 % примеров), операторы косвенного указания (1,8 % примеров), операторы сомнения (9,8 % примеров), операторы мыслительной деятельности (3,3 % примеров), операторы умственного восприятия (10,2 % примеров). Данные количественного анализа актуализации эвиденциальных операторов в рамках регулятивной эвиденциальности представлены в Диаграмме 22.

Диаграмма 22. Группы эвиденциальных операторов, выражающих регулятивную эвиденциальность



Согласно результатам проведенного исследования, регулятивная эвиденциальность преимущественно актуализируется при помощи операторов выражения мнения, явного указания, усиления значимости высказывания, а также прогнозирования, в то время как операторы чувственного восприятия и косвенного указания обнаруживаются реже всего. Полученные данные обусловлены интенциональностью регулятивной эвиденциальности, подразумевающей непосредственную передачу автором / субъектом коммуникации сообщения, маркировку его источника, а также интерпретацию и оценку информации с целью привлечения и акцентирования внимания адресата, формирования его отношения к репрезентируемым сведениям, а также побуждения адресата к осуществлению тех или иных действий в интересах автора. В связи с тем, что специфика регулятивной эвиденциальности определяется коммуникативными намерениями автора сообщения, данный вид эвиденциальности зачастую выражается при помощи сочетания операторов выражения мнения с прочими эвиденциальными операторами, в наибольшей степени подходящими для решения стоящих перед автором задач. При этом в ходе квалификации и передачи информации автор следует одной из стратегий, находящих свое отражение в аксиологическом и логическом подвидах регулятивной эвиденциальности. Данные количественного анализа

эвиденциальных операторов, репрезентирующих указанные эвиденциальные подвиды, содержатся в Диаграммах 23 и 24.

Диаграмма 23. Группы эвиденциальных операторов, выражающих аксиологическую эвиденциальность

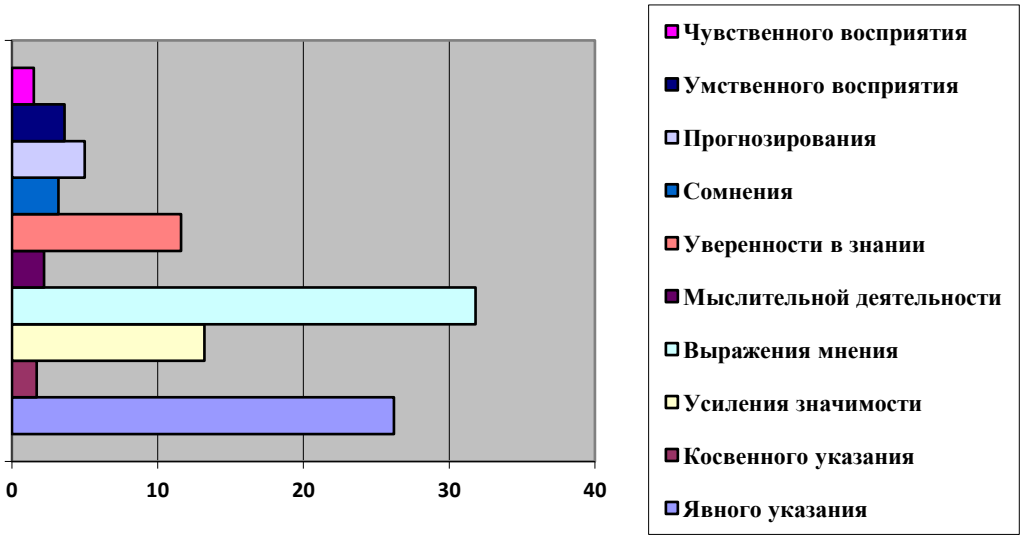
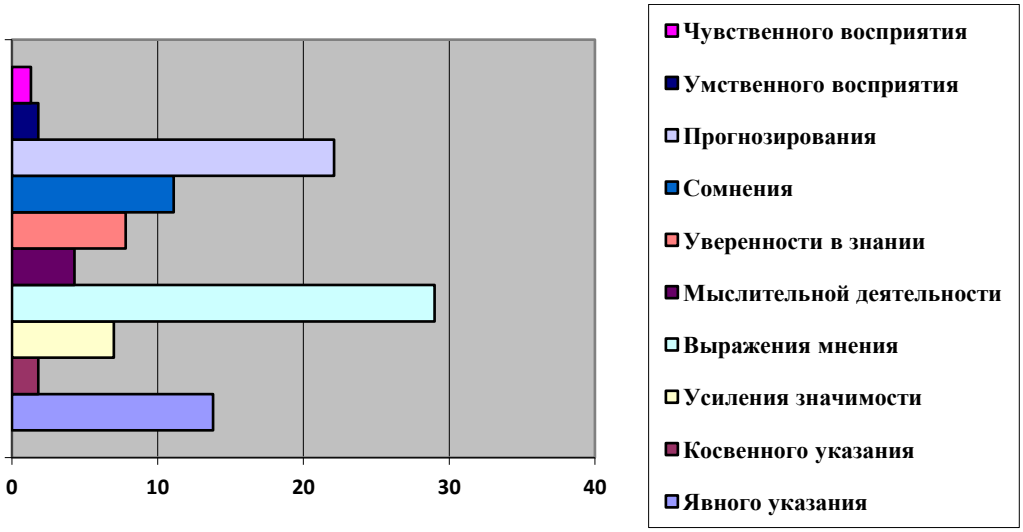


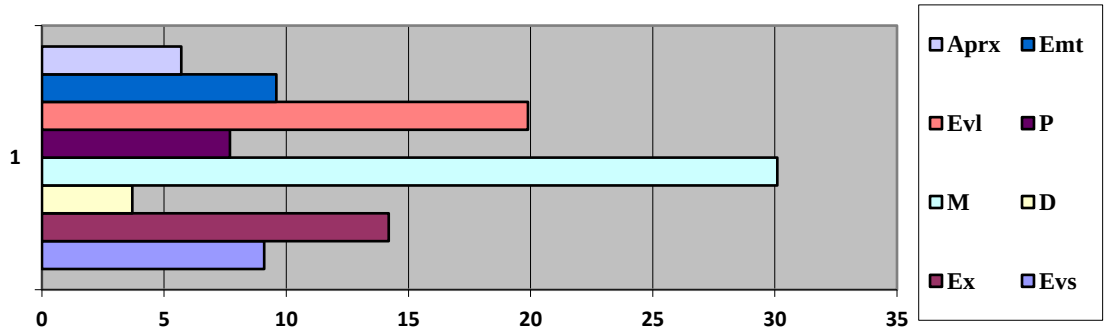
Диаграмма 24. Группы эвиденциальных операторов, выражающих логическую эвиденциальность



Результаты сравнительного анализа показывают незначительное преобладание аксиологической эвиденциальности (51,3 % примеров) над логической (48,7 % примеров) в дискурсивном пространстве массмедиа. При этом в качестве основного средства репрезентации данных эвиденциальных подвидов выступают операторы выражения мнения (31,8 % и 29 % примеров соответственно), а также операторы явного указания (26,2 % примеров и 13,8 % примеров соответственно), что объясняется необходимостью реализации

интенциональных стратегий автора / субъекта коммуникации, связанных с демонстрацией активной позиции адресанта. Тем не менее, несовпадение в способах воздействия на адресата в рамках аксиологической и логической эвиденциальности приводят к различиям в дополнительных средствах их актуализации. В случае аксиологической эвиденциальности к ним относятся операторы усиления значимости высказывания (13,2 % примеров) и уверенности в знании (11,6 % примеров), а в случае логической эвиденциальности – операторы прогнозирования (22,1 % примеров) и сомнения (11,1 % примеров). Обращение к указанным эвиденциальным маркерам способствует выстраиванию вербальной коммуникации между адресантом и адресатом и оказывает непосредственное воздействие на успешность формирования, передачи или изменения интенции автора, четко осознающего потенциальный эффект воздействия. Рассмотрение средств выражения аксиологической и логической эвиденциальности обнаруживает сходство данных подвидов с директивной и индирективной эвиденциальностью применительно к операторам усиления значимости высказывания, уверенности в знании, прогнозирования и сомнения. Тем не менее, у нас есть все основания говорить о различной интенциональности данных подвидов, что подтверждается формируемой полимодальной эвиденциальной семантикой в рамках реализации принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов. Результаты количественного анализа полимодальной семантики в рамках регулятивной эвиденциальности представлены в Диаграмме 25.

Диаграмма 25. Реализация полимодальной семантики в рамках регулятивной эвиденциальности



Проведенное исследование показывает, что ЭДК характеризуется дополнительной модусной семантикой в 89,7 % случаев. При этом в массмедийном дискурсе регулятивная эвиденциальность чаще всего выражается посредством комбинации эвиденциальности – *Evs* и модальности – *M* (30,1 % примеров), эвиденциальности – Evs и оценочности – *Evl* (19,9 % примеров), эвиденциальности – *Evs* и экспрессивности – *Ex* (14,9% примеров), что связано с лингвистическими показателями, репрезентирующими данный вид эвиденциальности, а также с характером регулятивной эвиденциальности. Указанный вид эвиденциальности характеризуется стремлением автора привлечь внимание конечного адресата к сведениям и их источнику, а также сформировать его восприятие информации посредством определенной интерпретации данных и обращению к разнообразным стратегиям и инструментам воздействия, включающим в себя логические приемы, оценочные, эмоциональные и экспрессивные средства. Результаты проведенного анализа демонстрируют отличительные черты регулятивной эвиденциальной семантики и обусловливают необходимость разграничения регулятивных и суггестивных значений. Несмотря на определенные сходства в количественной представленности операторов, репрезентирующих значения данных подвидов эвиденциальности, они обладают разной полимодальной семантикой. Дифференциация регулятивных и суггестивных значений становится возможной благодаря преобладанию операторов явного указания и выражения мнения в регулятивной эвиденциальности, а также благодаря формированию полимодальной эвиденциальной семантики не только в узловых точках (за счет пересечения показателей эвиденциальности и других модусных категорий), но и в промежуточной области развертывания ЭДК. Актуализацию подобного рода дополнительной семантики целесообразно рассмотреть в рамках аксиологического и логического подвидов регулятивной эвиденциальности. Данные количественного анализа формируемых полимодальных смыслов представлены в Диаграммах 26 и 27.

Диаграмма 26. Реализация полимодальной семантики в рамках аксиологической эвиденциальности

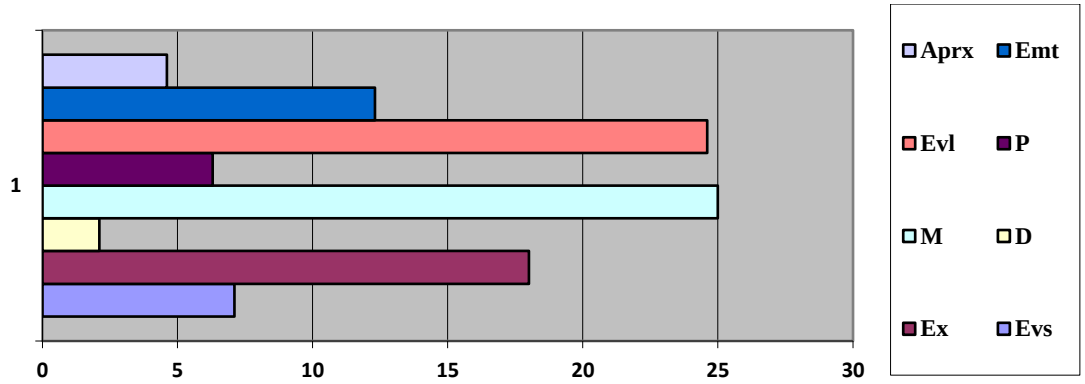
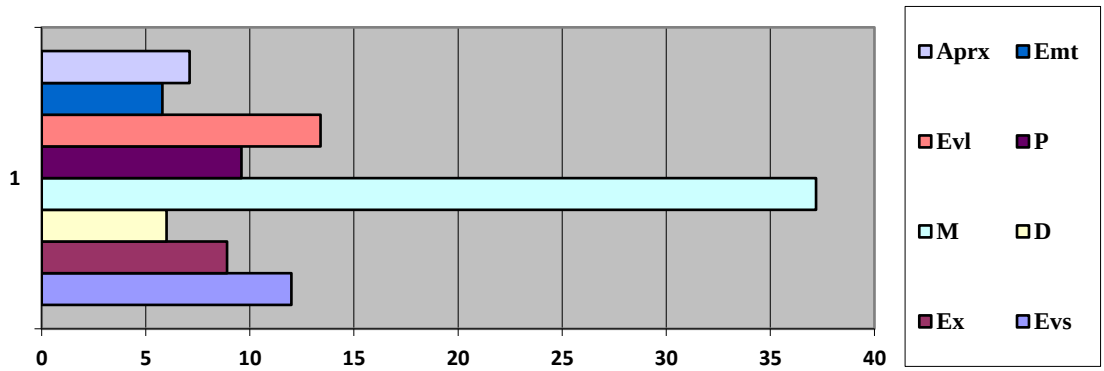


Диаграмма 27. Реализация полимодальной семантики в рамках логической эвиденциальности



Представленные в диаграммах данные отражают различия в полимодальной семантике в рамках аксиологической и логической эвиденциальности. Добавочная семантика аксиологической эвиденциальности чаще всего репрезентируется модальностью – *M* (25 % примеров), оценочностью – *Evl* (24,6 % примеров), экспрессивностью – *Ex* (18 % примеров), а также эмотивностью – *Emt* (12,3 % примеров). Полученные результаты количественного анализа полностью соответствуют интенциональности данного подвида эвиденциальности, связанной с предоставлением информации и характеризации ее источника наряду с использованием речевых инструментов, подталкивающих адресата к конкретным действиям либо формирующих определенное восприятие сведений читателем. Отличительной особенностью логической эвиденциальности является предоставление сведений о событии и

обозначение их источника с опорой на приемы логики. Применяемая автором стратегия включает в себя комплекс речевых действий, направленных на формирование доверительного отношения адресата / читателя к передаваемой информации за счет грамотного использования законов и правил логики в процессе интерпретации информации и определения достоверности ее источника. В этой связи логическая эвиденциальность как правило дополняется семантикой модальности – *M* (37,2 % примеров), а также может обладать добавочным значением оценочности – *Evl* (13,4 % примеров), экспрессивности (8,9 % примеров), либо репрезентироваться посредством базовой эвиденциальной семантики – *Evs* (12 % примеров). Немаловажно, что в пространстве массмедийного дискурса аксиологическая эвиденциальность преобладает над логической (58,3 % и 41,7 % примеров соответственно). Данное обстоятельство может объясняться более ярко выраженным, эксплицитным характером аксиологической эвиденциальности по сравнению с логической эвиденциальностью за счет преимущественной актуализации значений первой в точках бифуркации (узловых точках развертывания) ЭДК.

Таким образом, порождаемая в рамках регулятивной эвиденциальности семантика аналогична полимодальной семантике, присущей рекламному массмедийному дискурсу (см. раздел 3.1.2.). Следовательно, регулятивная эвиденциальность наиболее часто эксплицируется в данном типе дискурса, отражая его интенциональную направленность, связанную с реализацией информационно-воздействующей стратегии, а также актуализацией интенции по информированию адресата / читателя, формированию впечатления и закрепления восприятия передаваемых сведений при помощи эмоциональных, экспрессивных и логических языковых средств. Необходимо отметить, что модификация информации, авторский выбор инструментов воздействия, а также встроенность данных в культурный код определяются необходимостью привлечения внимания адресата к репрезентируемым сведениям.

В целом, проведенное исследование позволило выявить виды и подвиды модусной категории «эвиденциальность», отражающие основные интенции в

массмедийном дискурсивном пространстве. Полученные результаты исследования могут способствовать определению базовой информативной составляющей передаваемых сообщений, а также могут использоваться для модификации сведений в интересах автора / субъекта коммуникации. Данная проблематика освещается в следующей главе настоящего исследования.

Выводы по главе 3

1) Сочетание значений эвиденциальности и модусных категорий «авторизация» (*A*), «аппроксимация» (*Aprx*), «восприятие» (*Ap*), «модальность» (*M*), «отрицание» (*D*), «оценочность» (*Evl*), «персональность» (*Ps*), «персуазивность» (*P*), «экспрессивность» (*Ex*), «эмотивность» (*Emt*) и «темпоральность» (*T*), обнаруживаемое в пространстве синергетической эвиденциальной модели и осуществляемое в соответствии с принципами взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов, а также принципом самоорганизации пространства данной модели, позволяет говорить о формировании полимодальных эвиденциальных смыслов.

2) Эвиденциальность оказывается семантически шире категорий «авторизация», «восприятие» и «персональность» и включает в себя значения данных категорий. Помимо этого, эвиденциальность в обязательном порядке включает значение категории «темпоральность», либо дополняется им. Совокупность значений эвиденциальности и обозначенных выше модусных категорий позволяет выявить базовую эвиденциальную семантику.

3) Взаимодействие эвиденциальности и модусных категорий «отрицание», «аппроксимация», «модальность», «оценочность», «персуазивность», «экспрессивность» и «эмотивность» носит возможный, а не обязательный характер, репрезентирует принципы взаимодополнения или взаимопроникновения модусных смыслов и формирует добавочную эвиденциальную семантику. При этом возможны различные комбинации модусных значений эвиденциальности и указанных выше категорий,

актуализирующих 58 лингвосинергетических эвиденциальных моделей сцепления, различающихся числом входящих в них элементов (от 1 до 8).

4) Специфика реализации полимодальной эвиденциальной семантики в рамках новостного, рекламного и политического массмедийного дискурса определяется типовыми особенностями и интенциональной направленностью рассматриваемого ЭДК, представленностью полимодальных эвиденциальных операторов, особенностями коммуникативной ситуации, а также намерениями автора, оказывающего необходимое воздействие на конечного адресата / читателя.

5) В дискурсивном массмедийном пространстве представляется возможным определить особенности эвиденциального воздействия – языкового приема, направленного на реализацию коммуникативных целей и задач автора ЭДК (достижение контекстом состояния аттрактора) и осуществляемого посредством контроля над сознанием конечного адресата / читателя за счет субъективного представления источника информации, а также грамотной подстройки квалификации репрезентируемых сведений. Коммуникативное мастерство автора заключается в умелом внедрении в сознание адресата / читателя поставленных целей, желаний, намерений, отношений, оценок, убеждений или установок.

6) Значимость учета реализации добавочной полимодальной семантики, возникающей в пространстве новостного, рекламного и политического массмедийного дискурса и определяющейся особенностями пересечения / непересечения высказываний автора с высказываниями субъекта коммуникации в ходе развертывания ЭДК, приводит к необходимости разграничения их высказываний и позволяет выявить (1) авторскую (аукториальную и имперсональную); (2) субъектную (декларативную и интроспективную); (3) комбинированную (протагонистическую и сущностную) эвиденциальность. Авторская, субъектная и комбинированная эвиденциальность вступают во взаимодействие, способствуют формированию диалога автора с читателем и придают описываемым сведениям добавочные аксиологические

смыслы, обусловливающие специфику восприятия и интерпретации информации адресатом.

7) В зависимости от коммуникативной стратегии дискурса выделяются следующие виды модусной категории «эвиденциальность»: (1) информативная (нейтральная, скрытая) эвиденциальность; (2) регулятивная (аксиологическая, логическая); (3) суггестивная (директивную, индирективную). Данные виды / подвиды эвиденциальности отражают основополагающие интенции, присущие массмедийному дискурсивному пространству: информировать, разъяснять с опорой на анализ и оценку, убеждать, рационально и эмоционально воздействуя, развлекать, привлекать и побуждать и могут быть использованы автором в качестве инструмента модификации восприятия передаваемых сведений адресатом / читателем.

ГЛАВА 4. ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ» В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Заключительная глава настоящего исследования посвящена проведению лингвосинергетического моделирования ЭДК, характеризующихся семантикой информативной, регулятивной и суггестивной эвиденциальности. Процесс моделирования осуществляется с опорой на выявленные классификации эвиденциальности, описывающие специфику репрезентации полимодальных смыслов в дискурсивном пространстве массмедиа, а также с учетом лингвосинергетического принципа самоорганизации, в рамках которого элементы, составляющие исследуемый ЭДК, распределяются, упорядочиваются и систематизируются в его пространстве. Направление развития повествования определяется точками бифуркации – точками указания на автора / субъекта коммуникации, пересечения эвиденциальных операторов и показателей других модусных категорий, а также дополнения эвиденциальной семантики добавочными модусными смыслами. Итогом процесса лингвосинергетического моделирования будет являться достижение ЭДК состояния аттрактора (реализации коммуникативных намерений и целей автора).

Важно подчеркнуть, что для осуществления экспериментального моделирования в качестве исходных были выбраны ЭДК со значением скрытого подвида информативной эвиденциальности, аксиологического подвида регулятивной эвиденциальности, а также индиректива подвида суггестивной эвиденциальности. Такой выбор дискурсивных контекстов обусловлен наиболее ярко выраженной полимодальной семантикой, актуализируемой указанными эвиденциальными подвидами.

4.1. Общие принципы и основные этапы моделирования

Как показало проведенное исследование, в дискурсивном пространстве в процессе передачи тех или иных сведений и в зависимости от интенциональной

направленности сообщения автор может обращаться к различным видам и подвидам модусной категории эвиденциальность. Эвиденциальность выступает не только в качестве инструмента маркировки информации и характеризации ее источника, но и одновременно служит средством интерпретации и модификации данных, что позволяет оказывать необходимое воздействие на адресата / читателя за счет некоторой случайной модификации вплоть до целенаправленного искажения действительности. Таким образом, в рамках эвиденциальности передаваемая информация соотносится с плоскостями реальности / ирреальности и может отражать образ действительности автора, формируя в сознании адресата соответствующую картину мира, приближенную к реальности, либо транслировать сведения, явившиеся результатом пристрастного отбора, оценки и преобразования в зависимости от авторской установки, продуцируя в голове читателя намеренно искаженный образ действительности. При этом автор придерживается одной из базовых интенций (информировать, привлекать внимание, убеждать), находящих отражение в новостном, рекламном и политическом массмедийном дискурсе и соответствующих информативной, регулятивной и суггестивной эвиденциальности. Необходимо отметить, что реализация интенционального потенциала эвиденциального сообщения также предполагает обращение к дополнительным полимодальным смыслам, что позволяет более точно сформулировать предметное содержание сообщения, способствует подробной интерпретации информации и ее источника, а также усиливает суггестивный эффект воздействия автора текста на адресата / читателя. Таким образом, в процессе передачи одного и того же сообщения, автор осуществляет эвиденциальное воздействие на читателя, обращаясь к различным полимодальным смыслам, репрезентируемым посредством различных видов и подвидов категории «эвиденциальность» в зависимости от интенциональной направленности дискурсивного контекста, а также поставленных коммуникативных целей и задач, тем самым изменяя восприятие сведений адресатом / читателем.

Подтвердим высказанное положение, проведя лингвосинергетическое моделирование модусной категории «эвиденциальность» в различных типах массмедийного дискурса. *В качестве гипотезы данного этапа исследования будет выступать следующее утверждение: в пространстве новостного, рекламного и политического массмедийного дискурса базовая интенциональность ЭДК может быть изменена на любую другую в соответствии с коммуникативными намерениями автора и с целью оказания необходимого воздействия на адресата / читателя. Итогом моделирования является переход ЭДК, репрезентирующего тот или иной вид / подвид эвиденциальности, в другой вид / подвид указанной категории.*

В общих чертах *лингвосинергетическое моделирование представляет собой преднамеренное (с экспериментальными целями) изменение интенциональной направленности исходного ЭДК.* В процессе осуществления лингвосинергетического моделирования модификации могут быть подвергнуты ЭДК, представляющие различные эвиденциальные подвиды – аксиологический, логический, директивный, индирективный, нейтральный и скрытый. Процесс моделирования ЭДК может затрагивать как его узловые точки, так и промежуточную область развертывания (точки бифуркации), включая способ обозначения автора / нарратора / субъекта ЭВ, используемые автором / нарратором / субъектом коммуникации эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий, а также материал передаваемого автором / нарратором / субъектом коммуникации сообщения. Происходящая в ходе моделирования модификация лингвистического компонента исходного ЭДК (замена системных языковых единиц – словоформ, составляющих узловые точки и промежуточную область развертывания), обусловливает изменение его экстралингвистического компонента (ситуации, социального, социокультурного, психологического факторов) и приводит к возникновению модифицированного ЭДК, характеризующегося иной интенциональной направленностью [Иванова 2011; Сухомлинова 2017: 169; Kress 1979: 116; Nunan 1993: 7]. При этом трансформации в первую очередь подвергаются узловые

точки развертывания, в значительной мере способствующие выражению базовой эвиденциальной семантики – авторской интерпретации и квалификации информации и ее источника. Во вторую очередь модифицируется промежуточная область развертывания моделируемого ЭДК, в рамках которой могут актуализироваться добавочные полимодальные значения.

Необходимо отметить, что замена языковых единиц, составляющих узловые точки и промежуточную область развертывания, может повлечь за собой сопутствующие изменения окружающего дискурсивного контекста – например, артиклей, частиц, предлогов, местоимений, наречий и других частей речи. В редких случаях трансформациям могут быть подвергнуты видовременные формы, характеризующие рассматриваемый отрывок. При этом данные изменения исключают искажение фактического содержания передаваемой информации, касаются авторской / субъектной интерпретации, оценки сведений и их источника, имеют целью достижение грамматической и лексической связности дискурсивных единиц и осуществляются в соответствии с лингвосинергетическим принципом самоорганизации пространства ЭДК. Лексические единицы, обладающие семантикой других модусных категорий, моделируются в случае, если они препятствуют актуализации необходимого вида / подвида эвиденциальности и, вследствие этого, реализации стоящей перед автором дискурсивного контекста коммуникативной цели – достижению ЭДК состояния аттрактора.

В целом объем необходимых изменений определяется задачами автора, целевой аудиторией эвиденциального воздействия, типовой спецификой дискурсивного контекста, особенностями вида / подвида эвиденциальности, присущей исходному дискурсивному контексту, а также вида / подвида эвиденциальности моделируемого дискурсивного контекста. Немаловажно, что процесс лингвосинергетического моделирования идет по пути наименьшего сопротивления – автор стремится вносить минимальное количество изменений в исходный дискурсивный контекст с целью сохранения лингвистических особенностей передаваемого сообщения, экономии времени и энергии, а также

минимизации искажения содержания информации. Базовой идеей лингвосинергетического моделирования является идея развития существующих / создания дополнительных эвиденциальных смыслов для достижения поставленной коммуникативной цели. Таким образом, процесс лингвосинергетического моделирования эвиденциальности обладает сущностным (субстанциональным) характером.

В соответствии с основополагающими принципами лингвосинергетики применение метода моделирования требует описания алгоритма его проведения. Представим основные этапы лингвосинергетического моделирования ЭДК.

Этап 1: Исследование исходного ЭДК

1) Обозначение тематики и основного содержания ЭДК.

2) Представление эвиденциальных операторов, спецификация базовой эвиденциальной семантики (*Evs*) и обоснование принципов самоорганизации пространства ЭДК.

3) Описание добавочной эвиденциальной семантики (*Evs + D / Ex / Evl / Emt / P / M*) ЭДК.

4) Формулировка особенностей возможного воздействия автора / нарратора / субъекта коммуникации на читателя / адресата, осуществляемого в рамках ЭДК.

5) Определение вида / подвида эвиденциальности, характеризующей ЭДК, а также актуализируемой эвиденциальной модели сцепления.

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Постановка коммуникативных целей и задач моделирования автором, определение необходимой интенциональной направленности и вида / подвида эвиденциальности моделируемого ЭДК.

2) Замещение эвиденциальных операторов в соответствии с п. 1, вербализация внесенных изменений и обоснование произведенных замещений эвиденциальных операторов, репрезентирующих базовую эвиденциальную

семантику (*Evs*), с учетом их влияния на интенциональность ЭДК и возможного эффекта воздействия на адресата / читателя.

3) Внесение необходимых изменений в добавочную эвиденциальную семантику *Evs + D / Ex / Evl / Emt / P / M* в соответствии с п. 1, 2 и интерпретация произведенных трансформаций с учетом взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов, а также самоорганизации языковых единиц в пространстве ЭДК.

4) Замена вспомогательных языковых единиц для достижения глобальной и локальной связности ЭДК.

5) Описание комплексного эффекта воздействия базовой и добавочной полимодальной семантики на конечного адресата / читателя и определение соответствия полученной лингвосинергетической модели сцепления п. 1.

Конечной целью лингвосинергетического моделирования является трансформация исходного ЭДК, обладающего той или иной типовой принадлежностью, интенциональной направленностью и определенной эвиденциальной семантикой – регулятивной, суггестивной либо информативной в ЭДК, характеризующийся иной интенциональной направленностью и, вследствие этого, отличной от исходного контекста полимодальной эвиденциальной семантикой. При этом модификации могут быть подвергнуты ЭДК, представляющие различные эвиденциальные подвиды – аксиологический, логический, директивный, индирективный, нейтральный и скрытый. Особенности практического применения разработанного алгоритма анализа будут рассмотрены в следующих параграфах исследования.

4.2. Моделирование информативной эвиденциальности

Рассмотрим возможность изменения интенциональной направленности сообщения, осуществив лингвосинергетическое моделирование ЭДК (76), обладающего семантикой скрытого подвида информативной эвиденциальности, представив его в других видов и подвидов эвиденциальности:

(76) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***announced*** *that the vaccine on which they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19.* (b) *This is an* ***astonishing*** *result for a first-generation vaccine.* (c) *Many* ***had not dared to hope*** *for efficacy of anything over 70% before.* (d) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***said*** *the results were "****hugely positive*** *and* ***encouraging****".* (e) *He* ***added*** *that they increase the* ***probability*** *that many of the other vaccines that are being pursued would also be successful* [Pfizer's and BioNTech's vaccine is the start of the end of the pandemic 2020] / (a) *9 ноября Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***объявили****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это* ***поразительный*** *результат для вакцины первого поколения.* (c) *Многие* ***не осмеливались надеяться*** *на эффективность свыше 70%.* (d) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI, фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии,* ***сообщил****, что результаты были «****чрезвычайно положительными*** *и* ***обнадеживающими****».* (e) *Он* ***добавил****, что они повышают* ***вероятность*** *того, что многие другие разрабатываемые вакцины также окажутся успешными.*

Лингвосинергетическое моделирование (А-1): скрытая эвиденциальность – нейтральная эвиденциальность (см. Таблицу 6)

Этап 1: Исследование исходного ЭДК

1) Рассматриваемый ЭДК освещает результаты исследований в области разработки новой вакцины против коронавируса.

2) Семантика косвенной эвиденциальности в данном отрывке актуализируется в точках бифуркации и выражается при помощи оператора явного указания *announce / объявлять* (*to make something known or tell people about something officially* [Cambridge Dictionary] / *обнародовать что-либо или официально сообщить людям о чем-то*), репрезентирующего информацию, полученную от компаний *Pfizer* и *BioNTech* (*C2*) (см. базовое высказывание (a)); оператора прогнозирования *dare to hope / осмеливаться надеяться* (*if you dare*

not hope, dream, or believe that something will happen or is true, you think it is very unlikely, but you would really like it to happen [Macmillan Dictionary] / *если вы не смеете надеяться, мечтать или верить, что что-то произойдет или является правдой, вы думаете, что это очень маловероятно, но в действительности хотели бы, чтобы это произошло*), актуализирующего позицию обобщенного говорящего (*C4*) (см. рему (c)); оператора явного указания *say / сообщать* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] / *произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*) (см. рему (d)), а также оператора косвенного указания *add / добавить* (*to say something more; to make a further remark* [Oxford Learner's Dictionaries] / *сказать что-то еще; сделать еще одно замечание*) и оператора сомнения *probability / вероятность* (*the level of possibility of something happening or being true* [Cambridge Dictionary] / *степень вероятности того, что что-либо произойдет или окажется правдой*), используемых для передачи слов Р. Хэтчетта (*C3*) (см. рему (e)). Представленные операторы формируют ЭВ, характеризующиеся наличием особой предикативной связи. В качестве вспомогательного элемента, способствующего объединению ЭВ в единое целое, выступает развитие темы (b).

3) Эвиденциальность (*Evs*) настоящего дискурсивного контекста сочетается с семантикой отрицания (*D*) и экспрессивности (*Ex*) в клаузе *many had not dared to hope / многие не осмеливались надеяться.* Отрицание выражается посредством частицы *not* / *не* (*used to give the next word or group of words a negative meaning* [Cambridge Dictionary] / *используется для придания следующему слову или группе слов отрицательного значения*), репрезентирующей отрицательную коммуникативную реакцию *C4*, а экспрессивность актуализируется при помощи маркера *dare to hope / осмеливаться надеяться*, одновременно выступающего в качестве эвиденциального оператора. Подтверждением синергии эвиденциальности и экспрессивности является осуществление показателем *dare to hope / осмеливаться надеяться*

интерпретирующей функции [Кузнецова 2011:22], что выражается в передаче позиции обобщенного говорящего (*C4*). Указанный маркер используется для выражения позитивного отношения *C4* к результатам проведенных исследований, а также призван акцентировать внимание адресата на высокой эффективности вакцины, превзошедшей ожидания общественности.

Кроме того, высказывание *C1* и приведенная цитата *C3* характеризуется оценочной семантикой (*Evl*), актуализируемой маркерами *astonishing / поразительный* (*very surprising; difficult to believe* [Oxford Learner's Dictionaries] / *настолько удивительный, что в это трудно поверить*), а также *hugely positive / чрезвычайно положительный* (*if you are positive about things, you are hopeful and confident, and think about what is good in a situation rather than what is bad* [Collins Online Dictionary] / *если вы позитивно относитесь к вещам, вы полны надежд и уверены в себе и думаете о том, что хорошего в этой ситуации, а не наоборот*) и *encouraging / обнадеживающий* (*making you feel more confidence or hope* [Cambridge Dictionary] / *вселяющий уверенность и надежду*). Указанные показатели являются метафорами, подчеркивающими положительную оценку *C3* результатов проведенных исследований.

Полимодальная семантика также обнаруживается в сочетании показателей эвиденциальности и модальности (*M*) в маркере *probability / вероятность*, отражающего ожидания *C3* относительно дальнейших исследований. Обращение автора (*C1*) к дополнительной семантике модальности при передаче слов *C3* может быть связано с нежеланием брать на себя ответственность за достоверность передаваемой информации и ее источника ввиду недостатка имеющихся данных, а также специфики освещаемой тематики, предполагающей тщательный выбор языковых средств репрезентации сведений.

4) При сохранении нейтрального и официального характера представленной в ЭДК (76) информации *C1* может оказывать имплицитное воздействие на адресата / читателя (*O*), формируя у *O* особое восприятие действительности на основании последовательно приведенных точек зрения *C2, C3* и *C4*.

5) Анализируемый ЭДК репрезентирует эвиденциальную лингвосинергетическую модель *Evs + D + Evl + Ex + M* и отражает скрытый подвид информативной эвиденциальности.

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) В рамках проведения второго этапа лингвосинергетического моделирования представим исходный ЭДК (76), репрезентирующий скрытый подвид информативной эвиденциальности в виде ЭДК (77), обладающий семантикой нейтрального подвида информативной эвиденциальности (см. Таблицу 6).

2) Несмотря на семантическое сходство скрытой и нейтральной эвиденциальности, необходимость репрезентации значения последней, характеризующейся нейтральным характером передачи неинтерпретированной, актуальной, общественно значимой информации, предполагает обращение к соответствующим операторам. Так, оператор прогнозирования *dare to hope / осмеливаться надеяться* был заменен на оператор явного указания *speak of / сообщать* (см. рему (c)), оператор косвенного указания *add / добавить* – на оператор явного указания *inform / информировать*, а оператор сомнения *probability / вероятность* – на оператор явного указания *indicate / указывать* (см. рему (e)).

3) Замещение указанных выше операторов было вызвано необходимостью (1) исключить семантику модальности, оценочности и экспрессивности, предполагающую маркировку субъективного отношения *C3* и *C4* к достоверности транслируемых *C1* сведений; (2) нивелировать возможность *C1* искусственно сформировать положительное мнение *O* относительно проведенных исследований; (3) придать представленным *C1* сведениям о высокой эффективности новой вакцины фактический характер. Необходимо отметить, что присутствие оценочных показателей *hugely positive / чрезвычайно положительный* и *encouraging / обнадеживающий* в моделируемом ЭДК обусловлено невозможностью внесения изменений в прямую речь *C3*.

4) В процессе моделирования был упразднен оценочный маркер *astonishing / поразительный*. Кроме того, замещение оператора сомнения *probability / вероятность* на оператор явного указания *indicate / указывать* потребовало элиминации языковых единиц *increase / повышать, the / определенный артикль* для обеспечения связности эвиденциальной клаузы. По этой же причине из моделируемого ЭДК был удален предлог *for / на.* Немаловажно, что замена оператора прогнозирования *dare to hope / осмеливаться надеяться* на оператор явного указания *speak of / сообщать* привела к замещению предлога *for / на* предлогом *on / о*.

5) Моделируемый ЭДК (77) нацелен на передачу достоверной, оригинальной информации и отражает лингвосинергетическую модель *Evs + D + Evl*, что соответствует семантике нейтральной эвиденциальности.

Таблица 6. Лингвосинергетическое моделирование (А-1): скрытая эвиденциальность – нейтральная эвиденциальность

Исходный ЭДК (скрытая эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (нейтральная эвиденциальность)
(76) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***announced*** *that the vaccine on which they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19.* (b) *This is an* ***astonishing*** *result for a first-generation vaccine.* (c) *Many* ***had not dared to hope*** *for efficacy of anything over 70% before.* (d) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***said*** *the results were "****hugely positive***	(77) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***announced*** *that the vaccine on which they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19.* (b) *This is a result for a first-generation vaccine.* (c) *Before that many* ***had not spoken of*** *the efficacy of anything over 70%.* (d) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***said*** *the results were "****hugely positive*** *and*

and ***encouraging****".* (e) *He* ***added*** *that they increase the* ***probability*** *that many of the other vaccines that are being pursued would also be successful* [Pfizer's and BioNTech's vaccine is the start of the end of the pandemic 2020] / (a) *9 ноября Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***объявили****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это* ***поразительный*** *результат для вакцины первого поколения.* (c) *Многие* ***не осмеливались надеяться*** *на эффективность свыше 70%.* (d) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI, фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии,* ***сообщил****, что результаты были «****чрезвычайно положительными*** *и* ***обнадеживающими****».* (e) *Он* ***добавил****, что они повышают* ***вероятность*** *того, что многие другие разрабатываемые вакцины также окажутся успешными.*	***encouraging****".* (e) *He* ***informed*** *that they* ***indicated*** *that many of the other vaccines that are being pursued would be successful /* (a) *9 ноября Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***объявили****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это результат вакцины первого поколения.* (c) *Ранее* ***не сообщалось*** *об эффективности вакцины свыше 70%.* (d) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI, фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии,* ***сообщил****, что результаты были «****чрезвычайно положительными*** *и* ***обнадеживающими****».* (e) *Он* ***проинформировал****, что они* ***указывают*** *на то, что многие другие разрабатываемые вакцины также окажутся успешными.*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Dare to hope / осмеливаться надеяться (*if you dare not hope, dream,*	*a. Speak of / сообщать* (*to be evidence that something exists or is*

or believe that something will happen or is true, you think it is very unlikely, but you would really like it to happen [Macmillan Dictionary] / *если вы не смеете надеяться, мечтать или верить, что что-то произойдет или является правдой, вы думаете, что это очень маловероятно, но в действительности хотели бы, чтобы это произошло*)	*present* [Oxford Learner's Dictionaries] / *являться доказательством того, что что-либо существует*)
b. Add / добавить (*to say something more; to make a further remark* [Oxford Learner's Dictionaries] / *сказать что-то еще; сделать еще одно замечание*)	*b. Inform / информировать* (*to tell someone about something, especially officially* [Cambridge Dictionary] / *сообщать кому-либо о чем-то, особенно, официально*)
c. Probability / вероятность (*the level of possibility of something happening or being true* [Cambridge Dictionary] / *степень вероятности того, что что-либо произойдет или окажется правдой*)	*c. Indicate / указывать* (*to show something, point to something, or make something clear* [Cambridge Dictionary] / *показывать, указывать или прояснять*).
d. Astonishing / поразительный	*d. –*
2. Другие языковые единицы	
a. Increase / повышать	*a. –*
b. The / определенный артикль	*b. –*
c. For / на	*c. –*
3. Полимодальная семантика	
Evs + D + Evl + Ex + M	*Evs + D + Evl*

Лингвосинергетическое моделирование В-1: скрытая эвиденциальность – логическая эвиденциальность (см. Таблицу 7)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Семантика логической эвиденциальности представляет результат когнитивно-дискурсивной деятельности автора (*C1*) как со стороны передачи и моделирования сообщения, так и в плане его восприятия и осмысления. В процессе обработки сведений *C1* обращается к правилам формальной логики, осуществляя воздействие на читателя (*O*).

2) В рамках необходимости репрезентации логической эвиденциальности замещению были подвергнуты следующие эвиденциальные показатели: оператор прогнозирования *dare to hope / осмеливаться* был заменен на оператор выражения мнения *remark / высказываться* (см. рему (c)), оператор явного указания *say / сообщать* заменен на оператор выражения мнения *consider / оценивать* (см. рему (d)), оператор косвенного указания *add / добавить* – на оператор выражения мнения *believe / считать*. В ходе моделирования был также упразднен оценочный маркер *astonishing / поразительный*.

3) Внесенные в исследуемый ЭДК изменения обусловлены интенциональной направленностью логической эвиденциальности, предполагающей расположение приведенных сведений в особой последовательности с целью оказания воздействия на адресата / читателя (*O*). Применительно к данному отрывку обращение к операторам выражения мнения позволяет представить высказывания *C3* в форме его выводов, основывающихся на приведенных ранее данных, репрезентируемых посредством сочетания операторов явного указания и прогнозирования, используемых *C1* для того, чтобы придать повествованию официальный характер, а также избежать необходимости личной интерпретации и оценки информации. Комплексный эффект воздействия на *O* усиливается благодаря обращению к дополнительной семантике оценочности (*Evl*), отрицания (*D*) и модальности (*M*).

4) Замена оператора прогнозирования *dare to hope / осмеливаться надеяться* на оператор выражения мнения *remark / высказываться* привела к замещению предлога *for / на* предлогом *on / о* с целью обеспечения связности эвиденциальной клаузы. Помимо этого, глагольная форма *were / были* была заменена на *to be / быть*.

5) Обращение к логической эвиденциальности может быть вызвано стремлением автора привлечь внимание, вызвать интерес к освещаемой проблематике, а также убедить *O* в эффективности новой вакцины. Итоговый дискурсивный отрывок (78) представляет модель *Evs + D + Evl + M* и обладает значением логической эвиденциальности.

Таблица 7. Лингвосинергетическое моделирование (B-1): скрытая эвиденциальность – логическая эвиденциальность

Исходный ЭДК (скрытая эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (логическая эвиденциальность)
(76) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***announced*** *that the vaccine on which they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19.* (b) *This is an* ***astonishing*** *result for a first-generation vaccine.* (c) *Many* ***had not dared to hope*** *for efficacy of anything over 70% before.* (d) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***said*** *the results were "****hugely positive*** *and* ***encouraging****".* (e) *He* ***added*** *that they increase the* ***probability*** *that many of*	(78) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***announced*** *that the vaccine on which they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19.* (b) *This is a result for a first-generation vaccine.* (c) ***Nobody*** *had* ***remarked*** *on the efficacy of anything over 70% before.* (d) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***considered*** *the results to be "****hugely positive*** *and* ***encouraging****".* (e) *He* ***believed*** *that they increase the* ***probability*** *that many of the other*

the other vaccines that are being pursued would also be successful [Pfizer's and BioNTech's vaccine is the start of the end of the pandemic 2020] / (a) *9 ноября Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***объявили****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это* ***поразительный*** *результат для вакцины первого поколения.* (c) *Многие* ***не осмеливались надеяться*** *на эффективность свыше 70%.* (d) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI, фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии,* ***сообщил****, что результаты были «****чрезвычайно положительными*** *и* ***обнадеживающими****».* (e) *Он* ***добавил****, что они повышают* ***вероятность*** *того, что многие другие разрабатываемые вакцины также окажутся успешными.*	*vaccines that are being pursued would also be successful /* (a) *9 ноября Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***объявили****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это результат вакцины первого поколения.* (c) *До этого никто* ***не высказывался*** *об эффективности вакцины свыше 70%.* (d) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI, фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии,* ***оценивает*** *результаты как «****чрезвычайно положительные*** *и* ***обнадеживающие****».* (e) ***Согласно его мнению****, они повышают* ***вероятность*** *того, что многие другие разрабатываемые вакцины также окажутся успешными.*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Dare to hope / осмеливаться надеяться (*if you dare not hope, dream, or believe that something will happen or*	*a. Remark / высказываться* (*to give a spoken statement of an opinion or*

is true, you think it is very unlikely, but you would really like it to happen [Macmillan Dictionary] / *если вы не смеете надеяться, мечтать или верить, что что-то произойдет или является правдой, вы думаете, что это очень маловероятно, но в действительности хотели бы, чтобы это произошло*)	*thought* [Cambridge Dictionary] / *устно изложить свое мнение или мысль*)
b. Say / сообщать (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] / *произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*)	*b. Consider / оценивать* (*to believe someone or something to be, or think of him, her, or it as something* [Cambridge Dictionary] / *думать о ком-либо или о чем-либо определенным образом или иметь определенное мнение*)
c. Add / добавить (*to say something more; to make a further remark* [Oxford Learner's Dictionaries] / *сказать что-то еще; сделать еще одно замечание*)	*b. Believe / считать* (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] / *думать, что что-то является истинным, корректным или реальным*).
d. Astonishing / поразительный	*c. –*
2. Другие языковые единицы	
a. Many / многие	*a. Nobody / никто*
b. For / на	*b. On / о*
c. Were / были	*c. To be / быть*
3. Полимодальная семантика	
Evs + D + Evl + Ex + M	*Evs + D + Evl + M*

Лингвосинергетическое моделирование С-1: скрытая эвиденциальность – аксиологическая эвиденциальность (см. Таблицу 8)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) В ходе актуализации автором (*C1*) значений аксиологической эвиденциальности особую значимость приобретают различные стилистические ресурсы: стилистическая окрашенность передаваемого сообщения, близкая к живой разговорной речи, активное использование *C1* стилистически маркированных единиц, а также оценочных и образных средств языка. Эти и другие средства играют основополагающую роль при восприятии сведений читателем (*O*).

2) В процессе проведенного лингвосинергетического моделирования произведены следующие изменения эвиденциальных показателей: оператор косвенного указания *add / добавить* заменен на оператор усиления значимости высказывания *emphasize / подчеркивать*, оператор сомнения *probability / вероятность* – на оператор уверенности в знании *understand / понимать* (см. рему (e)).

3) Как и исходный ЭДК, моделируемый дискурсивный отрывок обладает дополнительной семантикой экспрессивности (*Ex*), представленной маркером *dare to hope* / *осмеливаться надеяться,* создающим экспрессивно-образный эффект [Довудшох 2022: 205], дополняющий денотативное значение слов *C4*, оценочности (*Evl*), актуализирующейся с помощью показателей *astonishing / поразительный, hugely positive / чрезвычайно положительный* и *encouraging / обнадеживающий,* репрезентирующих абсолютную аксиологическую оценку [Ильина 1984: 1] *C1* и *C3*, а также отрицания (*D*), выражающегося с помощью отрицательной частицы *not / не,* способствующего демонстрации разъединенности прогнозируемых и фактических результатов разработки вакцины [Озерова 1978].

4) Замещение оператора сомнения *probability / вероятность* привело к замене дискурсивных единиц *increase / повышать, the / определенный артикль*

единицами *give / позволять, to / частица* с целью сохранения связности эвиденциальной клаузы и не повлияло на фактическое содержание моделируемого ЭДК.

5) Формируемая полимодальная семантика может быть призвана усилить суггестивный эффект воздействия на *O* (см. Таблицу 8). Конечный ЭДК (79), явившийся результатом лингвосинергетического моделирования, отражает модель *Evs + D + Evl + Ex* и обладает значением аксиологической эвиденциальности.

Таблица 8. Лингвосинергетическое моделирование (C-1): аксиологическая эвиденциальность

Исходный ЭДК (скрытая эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (аксиологическая эвиденциальность)
(76) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***announced*** *that the vaccine on which they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19.* (b) *This is an* ***astonishing*** *result for a first-generation vaccine.* (c) *Many* ***had not dared to hope*** *for efficacy of anything over 70% before.* (d) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***said*** *the results were "****hugely positive*** *and* ***encouraging****".* (e) *He* ***added*** *that they increase the* ***probability*** *that many of the other vaccines that are being pursued would also be successful*	(79) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***announced*** *that the vaccine on which they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19.* (b) *This is an* ***astonishing*** *result for a first-generation vaccine.* (c) *Many* ***had not dared to hope*** *for efficacy of anything over 70% before.* (d) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***said*** *the results were "****hugely positive*** *and* ***encouraging****".* (e) *He* ***emphasized*** *that they give to* ***understand*** *that many of the other vaccines that are being pursued would also be successful* / (a) *9 ноября*

[Pfizer's and BioNTech's vaccine is the start of the end of the pandemic 2020] / (a) *9 ноября Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***объявили****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это* ***поразительный*** *результат для вакцины первого поколения.* (c) *Многие* ***не осмеливались надеяться*** *на эффективность свыше 70%.* (d) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI, фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии,* ***сообщил****, что результаты были «****чрезвычайно положительными*** *и* ***обнадеживающими****».* (e) *Он* ***добавил****, что они повышают* ***вероятность*** *того, что многие другие разрабатываемые вакцины также окажутся успешными.*	*Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***объявили****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это* ***поразительный*** *результат для вакцины первого поколения.* (c) *Многие* ***не осмеливались надеяться*** *на эффективность свыше 70%.* (d) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI, фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии,* ***сообщил,*** *что результаты были «****чрезвычайно положительными*** *и* ***обнадеживающими****».* (e) *Он* ***подчеркнул****, что они позволили* ***понять****, что многие другие разрабатываемые вакцины также окажутся успешными.*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Add / добавить (*to say something more; to make a further remark* [Oxford Learner's Dictionaries] / *сказать что-то еще; сделать еще одно замечание*)	*b. Emphasize / подчеркивать* (*to show that something is very important or worth giving attention to* [Cambridge Dictionary] / *показывать важность чего-либо или что на это следует обратить внимание*)

c. Probability / вероятность (*the level of possibility of something happening or being true* [Cambridge Dictionary] / *степень вероятности того, что что-либо произойдет или окажется правдой*)	*c. Understand / понимать* (*to believe something is true because you have been told something that causes you to think it* [Cambridge Dictionary] / *верить в истинность чего-либо, потому что вам сообщили то, что заставляет вас так думать*).
2. Другие языковые единицы	
a. Increase / повышать	*a. Give / позволять*
b. The / определенный артикль	*b. To / частица*
3. Полимодальная семантика	
Evs + D + Evl + Ex + M	*Evs + D + Evl + Ex*

Лингвосинергетическое моделирование D-1: скрытая эвиденциальность - директивная эвиденциальность (см. Таблицу 9)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Характерной особенностью директивного подвида суггестивной эвиденциальности является реализация автором (*C1*) прямого, императивного воздействия на адресата (*O*), осуществляемого с опорой на эмоции и убеждение, что не позволяет *O* контролировать направленное на него воздействие.

2) В рамках осуществления лингвосинергетического моделирования произошли следующие изменения эвиденциальных маркеров: оператор явного указания *announce / объявлять* замещен оператором усиления значимости высказывания *declare / заявлять* (см. базовое высказывание (a)), оператор явного указания *say / сообщать* – оператором выражения мнения *conclude / приходить к выводу* (см. рему (d)), оператор косвенного указания *add / добавить* – оператором усиления значимости высказывания *emphasize / подчеркивать*, оператор сомнения *probability / вероятность* – оператором уверенности в знании *understand / понимать* (см. рему (e)).

3) Описанные выше замены эвиденциальных операторов вызваны стремлением автора к директивному представлению информации с опорой на позицию субъектов коммуникации. Тем самым автор нацелен на суггестивное воздействие на конечного адресата / читателя (*O*), корректируя его привычную картину действительности посредством персуазивных средств воздействия. Этим объясняется обращение к маркерам усиления значимости высказывания *declare* / *заявлять*, *claim* / *заявлять* и *emphasize* / *подчеркивать* в ходе передачи точек зрения *C2, C3* и *C4*. Персуазивная семантика (*P*) также прослеживается в контексте употребления *C3* оператора уверенности в знании *understand* / *понимать,* в то время как нежелание автора брать на себя ответственность за достоверность представленных данных подчеркивается при помощи оператора выражения мнения *conclude* / *приходить к выводу,* репрезентирующего выводы *C3* относительно результатов проведенного исследования.

4) Замещение оператора сомнения *probability* / *вероятность* обусловило замену языковых единиц *increase* / *повышать, the* / *определенный артикль* единицами *give* / *позволять, to* / *частица* с целью сохранения связности эвиденциальной клаузы и не повлияло на фактическое содержание моделируемого ЭДК.

5) Содержащиеся в исследуемом дискурсивном отрывке показатели экспрессивности (*Ex*) и отрицания (*D*) усиливают персуазивный эффект воздействия на *O*, воспринимающего сведения о новой вакцине как несомненный факт. Модифицированный в результате лингвосинергетического моделирования ЭДК (80) репрезентирует модель *Evs* + *D* + *Evl* + *Ex* + *P* и обладает значением директивного подвида суггестивной эвиденциальности.

Таблица 9. Лингвосинергетическое моделирование (D-1): директивная эвиденциальность

Исходный ЭДК (скрытая эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (директивная эвиденциальность)

(76) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***announced*** *that the vaccine on which they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19.* (b) *This is an* ***astonishing*** *result for a first-generation vaccine.* (c) *Many* ***had not dared to hope*** *for efficacy of anything over 70% before.* (d) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***said*** *the results were "****hugely positive*** *and* ***encouraging****".* (e) *He* ***added*** *that they increase the* ***probability*** *that many of the other vaccines that are being pursued would also be successful* [Pfizer's and BioNTech's vaccine is the start of the end of the pandemic 2020] / (a) *9 ноября Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***объявили****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это* ***поразительный*** *результат для вакцины первого поколения.* (c) *Многие* ***не осмеливались надеяться*** *на эффективность свыше 70%.* (d) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI,*	(80) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***declared*** *that the vaccine on which they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19.* (b) *This is an* ***astonishing*** *result for a first-generation vaccine.* (c) *Many* ***had not dared to hope*** *for efficacy of anything over 70% before.* (d) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***concluded*** *the results were "****hugely positive*** *and* ***encouraging****".* (e) *He* ***emphasized*** *that they give to* ***understand*** *that many of the other vaccines that are being pursued would be successful* / (a) *9 ноября Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***заявили****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это* ***поразительный*** *результат для вакцины первого поколения.* (c) *Многие* ***не осмеливались надеяться*** *на эффективность свыше 70%.* (d) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI, фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии,* ***приходит к выводу*** *о том,*

фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии, ***сообщил****, что результаты были «****чрезвычайно положительными*** *и* ***обнадеживающими****».* (e) *Он* ***добавил****, что они повышают* ***вероятность*** *того, что многие другие разрабатываемые вакцины также окажутся успешными.*	*что результаты являются «****чрезвычайно положительными*** *и* ***обнадеживающими****».* (e) *Он* ***подчеркивает****, что они позволяют* ***понять****, что многие другие разрабатываемые вакцины окажутся успешными.*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Announce / объявлять (*to make something known or tell people about something officially* [Cambridge Dictionary] / *обнародовать что-либо или официально сообщить людям о чем-то*)	*a. Declare* / *заявлять* (*to announce something clearly, firmly, publicly or officially* [Cambridge Dictionary] / *объявить о чем-либо ясно, твердо, публично или официально*)
b. Say / сообщать (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] / *произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*)	*c. Conclude / приходить к выводу* (*to judge or decide something after thinking carefully about it* [Cambridge Dictionary] / *судить или принимать решение о чем-то после тщательного обдумывания этого*)
d. Add / добавить (*to say something more; to make a further remark* [Oxford Learner's Dictionaries] / *сказать что-то еще; сделать еще одно замечание*)	*c. Emphasize / подчеркивать* (*to show that something is very important or worth giving attention to* [Cambridge Dictionary] / *показывать важность*

	чего-либо или что на это следует обратить внимание)
d. Probability / вероятность (*the level of possibility of something happening or being true* [Cambridge Dictionary] / *степень вероятности того, что что-либо произойдет или окажется правдой*)	*e. Understand / понимать* (*to believe something is true because you have been told something that causes you to think it* [Cambridge Dictionary] / *верить в истинность чего-либо, потому что вам сообщили то, что заставляет вас так думать*).
2. Другие языковые единицы	
a. Increase / повышать	*a. Give / позволять*
b. The / определенный артикль	*b. To / частица*
c. Many / многие	*c. Nobody / никто*
3. Полимодальная семантика	
Evs + D + Evl + Ex + M	*Evs + D + Evl + Ex + P*

Лингвосинергетическое моделирование Е-1: скрытая эвиденциальность - индирективная эвиденциальность (см. Таблицу 10)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) В отличие от директивной эвиденциальности, обращение автора (*C1*) к семантике индирективного подвида суггестивной эвиденциальности способствует оказанию эффективного воздействия на читателя (*O*) за счет реализации дополнительных интенций – интерпретации и передачи сообщения определенным образом, удержания в сознании *O* предлагаемой концепции, достижения иррационального восприятия информации и изменения поведенческого стереотипа *O*. В основном, это реализуется благодаря использованию языковых средств, воздействующих на эмоциональное восприятие сведений.

2) В ходе проведения лингвосинергетического моделирования в исследуемом ЭДК были произведены следующие изменения: эвиденциальный оператор явного указания *announce / объявлять* изменен на оператор уверенности в знании *make known / обнародовать сведения* (см. базовое высказывание (a)), оператор явного указания *say / сообщать* – на оператор выражения мнения *conclude / приходить к выводу* (см. рему (d)), оператор косвенного указания *add / добавить* – на оператор прогнозирования *expect / ожидать* (см. рему (e)). Помимо этого, в ЭДК была имплементирована клауза *this really is a scorcher! / это просто потрясающе!*

3) Произведенные в результате лингвосинергетического моделирования изменения эвиденциальных операторов обусловлены важностью обращения автора к областям сознания и подсознания адресата / читателя (*O*) в процессе характеризации сведений и их источника, при этом целью автора является формирование у *O* альтернативного образа действительности. Посредством интерпретации сведений с опорой на субъективные факторы автор может стремиться вывести *O* из состояния психологического равновесия, одновременно убеждая его в истинности транслируемых сведений. Данное обстоятельство приводит к использованию сочетания оператора *make known / обнародовать сведения,* одновременно обладающего значением прямой непосредственной эвиденциальности (*Evs*) и персуазивности (*P*), отражающего стремление *C2* к категоричному представлению информации об эффективности новой вакцины, с оператором прогнозирования, а также экспрессивным (*Ex*) показателем *dare to hope / осмеливаться надеяться*. Полимодальная семантика дополняется показателем отрицания (*D*) *not / не*, репрезентирующим сомнения *C4* в возможном успехе проводимых исследований и оператором выражения мнения *conclude / приходить к выводу*, представляющим выводы *C3* о результатах разработок, базирующиеся на приведенных выше данных. Стремление *C1* вывести *O* из состояния душевного равновесия обусловило обращение к эмотивной семантике (*Emt*), актуализируемой восклицательным предложением, характеризующимся особым порядком слов, а также наличием

эмотивно-окрашенного маркера *scorcher / потрясающе* (*something remarkable* [Collins Dictionary] / *что-либо знаменательное*) [Кобрина 2006]. Подобное сочетание эвиденциальных показателей, обладающих противоположной семантикой, может сбить *O* с толку, нивелируя активное понимание и препятствуя логическому анализу и грамотной оценке информации. Эффект суггестивного воздействия *C1* на *O* усиливается благодаря заключительной части дискурсивного отрывка, в рамках которой при помощи оператора прогнозирования *expect / ожидать* и оператора сомнения *probability / вероятность* актуализируются предположения *C3* относительно дальнейших исследований. Немаловажно, что обозначенные операторы одновременно выступают в качестве маркеров модальности (*M*) и выражают положительную оценку вероятности того, что новые вакцины будут эффективны в борьбе с пандемией, при этом уверенность *C3* подкрепляется оценочными маркерами (*Evl*) *hugely positive / чрезвычайно положительный* и *encouraging / обнадеживающий.*

4) -

5) Итогом описанной синергии модусных смыслов будет убеждение читателя в успешности проведенных исследований, а также будущих разработках современных вакцин против коронавируса. Полученный в результате лингвосинергетического моделирования ЭДК (81) отображает модель *Evs + D + Evl + Ex + Emt + P + M* и обладает значением индиректива подвида суггестивной эвиденциальности.

Таблица 10. Лингвосинергетическое моделирование (E-1): индирективная эвиденциальность

Исходный ЭДК (скрытая эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (индирективная эвиденциальность)
(76) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***announced*** *that the vaccine on which*	(81) (a) *On November 9th Pfizer and BioNTech, two pharmaceutical firms,* ***made known*** *that the vaccine on which*

they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19. (b) *This is an* ***astonishing*** *result for a first-generation vaccine.* (c) *Many* ***had not dared to hope*** *for efficacy of anything over 70% before.* (d) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***said*** *the results were "****hugely positive*** *and* ***encouraging****".* (e) *He* ***added*** *that they increase the* ***probability*** *that many of the other vaccines that are being pursued would also be successful* [Pfizer's and BioNTech's vaccine is the start of the end of the pandemic 2020] / (a) *9 ноября Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***объявили****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это* ***поразительный*** *результат для вакцины первого поколения.* (c) *Многие* ***не осмеливались надеяться*** *на эффективность свыше 70%.* (d) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI, фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии,* ***сообщил****, что результаты были «****чрезвычайно***	*they have been collaborating is more than 90% effective in preventing symptomatic cases of covid-19.* (b) *This is an* ***astonishing*** *result for a first-generation vaccine.* (c) *Many* ***had not dared to hope*** *for efficacy of anything over 70% before.* (d) *This is really a* ***scorcher!*** (e) *Richard Hatchett, the head of CEPI, a foundation that funds research into vaccines for pandemics,* ***concluded*** *the results were "****hugely positive*** *and* ***encouraging****".* (f) *He* ***expected*** *that they also increase the* ***probability*** *that many of the other vaccines that are being pursued would be successful* / (a) *9 ноября Pfizer и BioNTech, две фармацевтические фирмы,* ***обнародовали сведения о том****, что вакцина, над которой они работают, более чем на 90% эффективна в предотвращении симптоматических случаев covid-19.* (b) *Это* ***поразительный*** *результат для вакцины первого поколения.* (c) *Многие* ***не осмеливались надеяться*** *на эффективность свыше 70%.* (d) *Это просто* ***потрясающе****!* (e) *Ричард Хэтчетт, глава CEPI, фонда, который финансирует исследования вакцин во время пандемии,* ***приходит***

положительными *и* ***обнадеживающими****».* (e) *Он* ***добавил****, что они повышают* ***вероятность*** *того, что многие другие разрабатываемые вакцины также окажутся успешными.*	***к выводу*** *о том, что результаты являются «****чрезвычайно положительными*** *и* ***обнадеживающими****».* (f) *Он* ***ожидает****, что они также повышают* ***вероятность*** *того, что многие другие разрабатываемые вакцины окажутся успешными.*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Announce / объявлять (*to make something known or tell people about something officially* [Cambridge Dictionary] / *обнародовать что-либо или официально сообщить людям о чем-то*)	*a. Make known / обнародовать сведения* (*to make sure that people know something, especially by getting someone else to tell them* [Dictionary by Merriam-Webster] / *удостовериться, что люди знают что-либо, в частности, заставив кого-то об этом им рассказать*)
b. Say / сообщать (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] / *произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*)	*b. Conclude / приходить к выводу* (*to judge or decide something after thinking carefully about it* [Cambridge Dictionary] / *судить или принимать решение о чем-то после тщательного обдумывания этого*)
c. *Add / добавить* (*to say something more; to make a further remark* [Oxford Learner's Dictionaries] / *сказать что-то еще; сделать еще одно замечание*)	c. *Expect / ожидать* (*to think or believe that something will happen or that somebody will do something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *думать или*

	верить, что что-либо произойдет или что кто-либо сделает что-то)
d.	*d. Scorcher / / потрясающе* (*something remarkable* [Collins Dictionary] / *что-либо знаменательное*
2. Полимодальная семантика	
Evs + D + Evl + Ex + M	*Evs + D + Evl + Ex+ Emt + P + M*

Как показало проведенное лингвосинергетическое моделирование ЭДК, обладающий семантикой скрытого подвида информативной эвиденциальности, может быть представлен в рамках нейтрального подвида, аксиологического и логического подвидов регулятивной эвиденциальности, а также директивного и индирективного подвидов суггестивной эвиденциальности. В случае каждого из представленных видов / подвидов эвиденциальности модификация дискурсивного контекста требовала учета типовой специфики и интенциональности исходного ЭДК, а также интенциональности, характерной для моделируемого ЭДК. Поскольку моделирование носило экспериментальный характер, в ходе его проведения не учитывались коммуникативные цели и задачи, а также целевая аудитория эвиденциального воздействия. Предложенные изменения в базовой эвиденциальной семантике и добавочной полимодальной семантике были обусловлены видом / подвидом эвиденциальности, характеризующей моделируемый ЭДК. Кроме того, замещение вспомогательных дискурсивных единиц связано с важностью сохранения глобальной и локальной связности моделируемого ЭДК.

4.3. Моделирование регулятивной эвиденциальности

Рассмотрим ЭДК (82), обладающий семантикой аксиологического подвида регулятивной эвиденциальности, и проведем его лингвосинергетическое моделирование, представив исходный дискурсивный контекст при помощи различных видов и подвидов модусной категории «эвиденциальность»:

(82) (a) *As we have already* ***informed*** *this week served up plenty to discuss.* (b) *We* ***believe*** *that now is the* ***perfect*** *time to* ***sharpen*** *your talking points with these* ***carefully selected*** *stories from our* ***award-winning*** *team, below.* (c) *Not yet joined us?* (d) ***Subscribe now to try your first month free.*** (e) ***What's more****, you'll enjoy your next three months for* ***just*** *£1 a month – saving you over 85% on the regular price of a Digital Subscription for four whole months.* (f) *You* ***may*** *cancel at any time.* (g) ***Make sure*** *that our* ***trusted*** *insight,* ***intelligent*** *commentary and* ***useful*** *advice is always close at hand, with unlimited access to telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app* [Top stories 2022] / (a) *Мы уже* ***информировали*** *вас о том, что на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы* ***считаем****, что сейчас* ***превосходный*** *момент, чтобы* ***подогреть*** *ваши дискуссии с помощью приведенных ниже и* ***тщательно отобранных*** *историй от нашей* ***первоклассной*** *команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам?* (d) ***Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно***. (e) ***Более того****, вы будете наслаждаться последующими тремя месяцами подписки* ***всего*** *за 1 фунт стерлингов в месяц, что позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом у вас будет* ***возможность*** *отменить подписку в любое время.* (g) ***Убедитесь****, что предоставляемая нами* ***надежная*** *информация, сопровождаемая* ***разумными*** *комментариями и* ***полезными*** *советами всегда находится у вас под рукой, благодаря неограниченному доступу к сайту telegraph.co.uk, последним обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.*

Лингвосинергетическое моделирование (А-2): аксиологическая эвиденциальность – логическая эвиденциальность (см. Таблицу 11)

Этап 1: Исследование исходного ЭДК

1) Данный дискурсивный контекст содержит рекламу платной подписки на сервисы газеты *The Telegraph.*

2) Прямая непосредственная эвиденциальность в рассматриваемом отрывке выражается при помощи оператора явного указания *inform / информировать* (*to tell someone about something, especially officially* [Cambridge Dictionary] / *сообщать кому-либо о чем-то, особенно, официально*), используемого автором (*C1*) для указания на объективный характер репрезентируемых сведений и их источника с опорой на предшествующее сообщение (см. базовое высказывание (a)); оператора выражения мнения *believe / считать* (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] / *думать, что что-то является истинным, корректным или реальным*), выражающего авторскую оценку действительности (см. развитие темы (b)); оператора усиления значимости высказывания *what's more / более того* (*used to add something surprising or interesting to what you have just said* [Cambridge Dictionary] / *используется, чтобы добавить что-либо удивительное или интересное к тому, что вы только что сказали*), призванного обозначить преимущества приобретения платной подписки на газету (см. рему (e)); оператора уверенности в знании *make sure / убедиться* (*to take action so that you are certain that something happens, is true, etc.* [Cambridge Dictionary] / *предпринимать действия для того, чтобы убедиться в истинности происходящего и т.д*), демонстрирующего читателю (*O*) потенциальный эффект обращения к предлагаемым цифровым ресурсам газеты (см. рему (g)).

3) В рамках рассматриваемого ЭДК эвиденциальность приобретает добавочную модусную семантику. Так, эвиденциальность дополняется экспрессивностью (*Ex*) за счет употребления маркера *sharpen / подогревать* (*if disagreements or differences between people sharpen, or if they are sharpened, they become bigger or more important* [Collins Dictionary] / *если разногласия между людьми или расхождения во мнениях обостряются, они становятся больше или важнее*), а также пересечения эвиденциальной и экспрессивной семантики в показателе высказывания *what's more / более того* (*used to add something surprising or interesting to what you have just said* [Cambridge Dictionary] / *используется, чтобы добавить что-либо удивительное или интересное к тому,*

что вы только что сказали). Основанием отнесения данных показателей к числу маркеров категории «экспрессивность» является их прагматический характер, образность, направленность на передачу информации с увеличенной интенсивностью, а также наличие у них стилистически не окрашенных соответствий [Арнольд 1981: 62; Телия 1991: 105]. Указанные экспрессивные маркеры выделяются на фоне нейтральных ЭВ, повышают выразительность, адресованность сообщаемых сведений, имеют своим результатом логическое усиление [Галкина-Федорук 1958: 108; Нистратова 2004] и способствуют формированию более полного представления адресата / читателя о содержании предлагаемой подписки.

Стремление *C1* убедить *O* приобрести платную подписку газеты путем занижения значимости ее ценового критерия приводит к обращению к семантике аппроксимации (*Aprx*), репрезентируемой аппроксиматором *just / всего* (*you use just to indicate that something is no more important, interesting, or difficult, for example, than you say it is, especially when you want to correct a wrong idea that someone may get or has already got* [Collins Dictionary] / *используется для того, чтобы указать, что что-либо более не является значимым, интересным или сложным, в частности, когда необходимо исправить неправильное представление, которое уже сложилось у кого-либо*).

Кроме того, в рамках исследуемого дискурсивного отрывка эвиденциальность дополняется оценочностью (*Evl*), выражаемой с помощью оценочных показателей *perfect / превосходный* (*exactly right for a particular purpose or situation; being the best possible* [Cambridge Dictionary] / *точно подходящий для конкретной цели или ситуации; самый лучший*), *carefully selected / тщательно отобранный* (*carefully chosen as being the best or most suitable* [Collins Online Dictionary] / *тщательно отобранный как лучший или наиболее подходящий*), *award-winning* / *первоклассный* (*an award-winning person or thing has won an award, especially an important or valuable one* [Collins Online Dictionary] / *удостоенный наград человек или первоклассный предмет получает награды, как правило, важные или ценные*), *trusted / надежный* (*regarded as honest and*

sincere [Collins] / *рассматриваемый как честный и искренний*), *intelligent / разумный* (*an intelligent comment, question, conversation etc. shows that you have thought about something carefully and understand it well* [Cambridge Dictionary] / *разумный комментарий, вопрос, диалог и т.д. показывает, что вы хорошо обдумали что-то и хорошо это поняли*), *useful / полезный* (*effective; helping you to do or achieve something* [Cambridge Dictionary] / *эффективный; способствующий выполнению или достижению чего-либо*). Перечисленные показатели используются *C1* в ходе оценки компетенций коллектива авторов газеты и могут быть призваны убедить читателя (*O*) в авторитетности высказываемых ими суждений.

Эвиденциальность также дополняется имплицитной семантикой персуазивности (*P*), актуализируемой посредством повелительного наклонения в клаузе *subscribe now / оформите подписку сейчас,* призванной убедить читателя (*O*) воспользоваться выгодным предложением.

Наконец, в контексте реализации принципов взаимопроникновения модусных смыслов эвиденциальный оператор уверенности в знании *make sure / убедиться* одновременно выступает в качестве маркера модальности (*M*), отражая восприятие действительности *C1* и способствуя формированию положительного отношения потенциального читателя (*O*) к описываемым сведениям. Необходимо отметить, что семантика модальности (*M*) также репрезентируется в промежуточной области развертывания настоящего ЭДК и выражается модальным глаголом *may / мочь* (*you use may to indicate that there is a possibility that something is true, but you cannot be certain* [Collins Online Dictionary] / *используется для указания на то, что существует вероятность того, что что-либо является правдой, но уверенность в этом отсутствует*) в клаузе *you may cancel at any time / у вас будет возможность отменить подписку в любое время.*

4) Обращение к местоимению *we / мы* для указания на субъект коммуникации *C1* позволяет вести повествование от лица коллектива авторов, тем самым снижая возможный директивный эффект воздействия на читателя.

5) Образованные с помощью перечисленных эвиденциальных операторов высказывания самоорганизуются в пространстве ЭДК и выстраиваются в определенном порядке ((a) – (g)), при этом семантическая интерпретация каждого высказывания зависит от интерпретации высказываний в последовательности. Рассматриваемый ЭДК характеризуется эвиденциальной семантикой *Evs* + *Ex* + *Aprx* + *Evl* + *P* + *M* и отражает аксиологический подвид регулятивной эвиденциальности, что полностью соответствует особенностям актуализации полимодальной семантики в рамках рекламного дискурса.

Лингвосинергетическое моделирование А-2: Логическая эвиденциальность (см. Таблицу 11).

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Различия в способах воздействия на читателя (*O*) в рамках аксиологического и логического подвидов регулятивной эвиденциальности вызывают необходимость замещения ряда эвиденциальных операторов в ходе проведения лингвосинергетического моделирования исходного ЭДК. К отличительным особенностям логического подвида относятся менее активная позиция автора (*C1*), а также обращение к методам и законам логики в ходе интерпретации сведений и маркировки их источника.

2) Эвиденциальный оператор усиления значимости высказывания *what's more / более того* замещен оператором прогнозирования *expect / ожидать* (см. рему (e)), оператор уверенности в знании *make sure / убедиться* – оператором прогнозирования *hope / надеяться* (см. рему (g)).

3) Смешение эвиденциальной (*Evs*), модальной (*M*), аппроксимативной (Aprx), персуазивной (*P*), оценочной (*Evl*) и экспрессивной (*Ex*) семантики в ходе актуализации прогноза *C1* относительно выгоды, которую извлечет *O*, воспользовавшись предлагаемой скидкой, создает образ, симметричный сенсорному образу действительности, смещая акцент повествования в сторону вымысла. Подобный способ представления сведений может убедить *O*

воспользоваться данным предложением, однако, реальный опыт использования платной подписки в будущем может разочаровать *O*.

4) Замещение обозначенных в п. 2 операторов потребовало введения в анализируемый ЭДК языковой единицы *we / мы* с целью сохранения его грамматической и логической связности.

5) Произведенные замены эвиденциальных операторов способствуют формированию формальной логики повествования за счет объединения приводимых *C1* доводов в пользу приобретения платной подписки в настоящем с отражением преимуществ, полученных *O* в ходе использования подписки в будущем. *C1* может стремиться изменить восприятие действительности *O*, формируя в его сознании ирреальную модель действительности. При этом эффект воздействия *C1* на *O* усиливается за счет дополнительных модусных смыслов.

Итоговый ЭДК представляет синергетическую модель *Evs + Ex + Aprx + Evl + P + M,* идентичную модели исходного ЭДК, однако, обладает иной интенциональностью, что связано с размытостью и гибридизацией пространства дискурса. В ряде случаев различные виды категории «эвиденциальность» могут быть представлены одинаковыми моделями сцепления. Ключевую роль в модификации интенциональной направленности моделируемого ЭДК играет степень выраженности тех или иных полимодальных смыслов. В силу того, что в рамках директивного подвида ЭВ связаны отношением логического следования, персуазивная семантика оказывается выражена не так ярко, как в случае аксиологической эвиденциальности.

Таблица 11. Лингвосинергетическое моделирование (А-2): аксиологическая эвиденциальность – логическая эвиденциальность

Исходный ЭДК (аксиологическая эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (логическая эвиденциальность)
(82) (a) *As we have already **informed** this week served up plenty to discuss.* (b) *We **believe** that now is the **perfect** time to*	(83) (a) *As we have already **informed** this week served up plenty to discuss.* (b) *We **believe** that now is the **perfect** time to*

sharpen *your talking points with these* ***carefully selected*** *stories from our* ***award-winning*** *team, below.* (c) *Not yet joined us?* (d) ***Subscribe now to try your first month free.*** (e) ***What's more****, you'll enjoy your next three months for* ***just*** *£1 a month – saving you over 85% on the regular price of a Digital Subscription for four whole months.* (f) *You* ***may*** *cancel at any time.* (g) ***Make sure*** *that our* ***trusted*** *insight,* ***intelligent*** *commentary and* ***useful*** *advice is always close at hand, with unlimited access to telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app* [Top stories 2022] / (a) *Мы уже* ***информировали*** *вас о том, что на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы* ***считаем****, что сейчас* ***превосходный*** *момент, чтобы* ***подогреть*** *ваши дискуссии с помощью приведенных ниже и* ***тщательно отобранных*** *историй от нашей* ***первоклассной*** *команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам?* (d) ***Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно***. (e) ***Более того****, вы будете наслаждаться последующими тремя*	***sharpen*** *your talking points with these* ***carefully selected*** *stories from our* ***award-winning*** *team, below.* (c) *Not yet joined us?* (d) ***Subscribe now to try your first month free.*** (e) *We* ***expect*** *you'll enjoy your next three months for* ***just*** *£1 a month – saving over 85% on the regular price of a Digital Subscription for four whole months.* (f) *You* ***may*** *cancel at any time.* (g) *We* ***hope*** *that our* ***trusted*** *insight,* ***intelligent*** *commentary and* ***useful*** *advice is always close at hand, with unlimited access to telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app /* (a) *Мы уже* ***информировали*** *вас о том, что на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы* ***считаем****, что сейчас* ***превосходный*** *момент, чтобы* ***подогреть*** *ваши дискуссии с помощью приведенных ниже и* ***тщательно отобранных*** *историй от нашей* ***первоклассной*** *команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам?* (d) ***Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно.*** (e) *Мы* ***ожидаем****, что вы будете наслаждаться последующими*

месяцами подписки ***всего*** *за 1 фунт стерлингов в месяц, что позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом у вас будет* ***возможность*** *отменить подписку в любое время.* (g) ***Убедитесь****, что предоставляемая нами* ***надежная*** *информация, сопровождаемая* ***разумными*** *комментариями и* ***полезными*** *советами всегда находится у вас под рукой, благодаря неограниченному доступу к сайту telegraph.co.uk, последним обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.*	*тремя месяцами подписки* ***всего*** *за 1 фунт стерлингов в месяц – это позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом у вас будет* ***возможность*** *отменить подписку в любое время.* (g) *Мы* ***надеемся****, что предоставляемая нами* ***надежная*** *информация, сопровождаемая* ***разумными*** *комментариями и* ***полезными*** *советами всегда будет у вас под рукой, благодаря неограниченному доступу к сайту telegraph.co.uk, последним обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. What's more / более того (*used to add something surprising or interesting to what you have just said* [Cambridge Dictionary] / *используется, чтобы добавить что-либо удивительное или интересное к тому, что вы только что сказали*)	*a. Expect / ожидать* (*to think or believe that something will happen or that somebody will do something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *думать или верить, что что-либо произойдет или что кто-либо сделает что-то*)
b. Make sure / убедиться (*to take action so that you are certain that*	*b. Hope / надеяться* (*to want something to happen or to be true, and*

something happens, is true, etc. [Cambridge Dictionary] / *предпринимать действия для того, чтобы убедиться в истинности происходящего и т.д.*)	*usually have a good reason to think that it might* [Cambridge Dictionary] / *хотеть, чтобы что-либо произошло или было правдой, и обычно иметь вескую причину думать, что это может случиться*)
2. Другие языковые единицы	
a. –	*a. We / мы*
3. Полимодальная семантика	
Evs + Ex + Aprx + Evl + P + M	*Evs + Ex + Aprx + Evl + P + M*

Лингвосинергетическое моделирование В-2: аксиологическая эвиденциальность – нейтральная эвиденциальность (см. Таблицу 12).

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Основной функцией нейтральной эвиденциальности выступает функция сообщения адресату информации, а также маркировка ее источника. Отсутствие необходимости интерпретации сведений автором сообщения (*C1*) обусловливается широкой целевой аудиторией информативной эвиденциальности. Тем самым передаваемые сведения зачастую обладают нейтральным характером для того, чтобы удовлетворить социальную потребность обширного круга читателей (*O*) – различного пола, возраста, места жительства, социального статуса и т.д.

2) Оператор выражения мнения *believe / считать* был заменен на оператор чувственного восприятия *feel* / *чувствовать* (см. развитие темы (b)), оператор усиления значимости высказывания *what's more / более того* – на оператор косвенного указания *in addition / кроме того* (см. рему (e)).

3) Реализация семантики нейтральной эвиденциальности потребовала упразднения ряда дополнительных модусных смыслов, дополнявших базовую эвиденциальную семантику (*Evs*). В ходе проведения лингвосинергетического

моделирования было решено отказаться от оценочности (*Evl*) несвойственной нейтральному стилю повествования, характерному для рассматриваемого подвида информативной эвиденциальности. В этой связи из дискурсивного контекста удалены оценочные маркеры *award-winning* / *первоклассный, trusted / надежный, intelligent / разумный, useful / полезный, perfect / превосходный, carefully selected / тщательно отобранный* (см. развитие темы (b), рему (g)). Немаловажно, что оценочный показатель *perfect / превосходный* был заменен на *right / подходящий* с целью сохранения смыслового единства моделируемого ЭДК.

Элиминации также были подвергнуты экспрессивные смыслы (*Ex*), придававшие исходному ЭДК излишнюю выразительность и изобразительность и увеличивавшие его воздействующую силу. Вследствие этого из ЭДК были исключены экспрессивные показатели *sharpen / подогревать*, и *what's more / более того* (см. развитие темы (b), рему (e)). В случае показателя *sharpen / подогревать* сохранение смыслового содержания потребовало его замещение стилистически нейтральным соответствием *broaden* / *расширить*.

Необходимость избежать модификации иллокутивной силы транслируемых сведений, связанной с преуменьшением значимости ценового критерия платной подписки, потребовало упразднения аппроксиматора (*Aprx*) *just / всего.*

Невозможность оказания императивного воздействия на читателя в рамках нейтральной эвиденциальности обусловила отказ от персуазивности (*P*). В связи с этим, обладающая имплицитной персуазивной семантикой клауза *subscribe now to try your first month free / оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно* замещена клаузой *you can currently try your first month subscription for free / в настоящее время вы можете получить один месяц подписки абсолютно бесплатно* (см. рему (d)).

В заключение, недопустимое для нейтральной эвиденциальности обозначение субъектом (*C1*) истинности или ложности высказывания по отношению к действительности потребовало исключения семантики

модальности (*M*) – маркер *make sure / убедиться* был заменен на *let know / доводить до сведения* (см. рему (g)), а модальный глагол *may / мочь* на более нейтральный вариант *can / мочь* (см. рему (f)).

4) Замещение оператора *let know / доводить до сведения* потребовало введения языковой единицы *also / также* для обеспечения смысловой связности текста.

5) Сформированный в процессе лингвосинергетического моделирования ЭДК репрезентирует модель *Evs*, отражающую базовую эвиденциальную семантику *Ev + A + Ap + Ps + T*, и обладает значением нейтрального подвида информативной эвиденциальности.

Таблица 12. Лингвосинергетическое моделирование (В-2): аксиологическая эвиденциальность – нейтральная эвиденциальность

Исходный ЭДК (аксиологическая эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (нейтральная эвиденциальность)
(82) (a) *As we have already **informed** this week served up plenty to discuss.* (b) *We **believe** that now is the **perfect** time to **sharpen** your talking points with these **carefully selected** stories from our **award-winning** team, below.* (c) *Not yet joined us?* (d) ***Subscribe now to try your first month free.*** (e) ***What's more**, you'll enjoy your next three months for **just** £1 a month – saving you over 85% on the regular price of a Digital Subscription for four whole months.* (f) *You **may** cancel at any time.* (g) ***Make sure** that our **trusted** insight, **intelligent** commentary and **useful** advice is always*	(84) (a) *As we have already **informed** this week served up plenty to discuss.* (b) *We **feel** that now is the **right** time to **broaden** your talking points with these stories from our team, listed below.* (c) *Not yet joined us?* (d) ***You can currently try your first month subscription for free**.* (e) ***In addition**, you'll enjoy your next three months for £1 a month – saving you over 85% on the regular price of a Digital Subscription for four whole months.* (f) *You **can** cancel at any time.* (g) *We **also let you know** that our insight, commentary and advice is always close at hand, with unlimited access to*

close at hand, with unlimited access to telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app [Top stories 2022] / (a) *Мы уже* ***информировали*** *вас о том, что на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы* ***считаем****, что сейчас* ***превосходный*** *момент, чтобы* ***подогреть*** *ваши дискуссии с помощью приведенных ниже и* ***тщательно отобранных*** *историй от нашей* ***первоклассной*** *команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам?* (d) ***Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно***. (e) ***Более того****, вы будете наслаждаться последующими тремя месяцами подписки* ***всего*** *за 1 фунт стерлингов в месяц, что позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом у вас будет* ***возможность*** *отменить подписку в любое время.* (g) ***Убедитесь****, что предоставляемая нами* ***надежная*** *информация, сопровождаемая* ***разумными*** *комментариями и* ***полезными*** *советами всегда находится у вас под рукой, благодаря*	*telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app* / (a) *Мы уже* ***информировали*** *вас о том, что на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы* ***чувствуем****, что сейчас* ***подходящее*** *время, чтобы* ***расширить*** *тематику ваших дискуссий с помощью приведенных ниже историй от нашей команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам****?*** (d) ***В настоящее время вы можете получить один месяц подписки абсолютно бесплатно.*** (e) ***Кроме того****, вы будете наслаждаться последующими тремя месяцами подписки за 1 фунт стерлингов в месяц, что позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом вы* ***сможете*** *отменить подписку в любое время.* (g) *Мы также* ***доводим до вашего сведения****, что предоставляемая нами информация, сопровождаемая комментариями и советами всегда находится у вас под рукой, благодаря неограниченному доступу к сайту telegraph.co.uk, последним*

неограниченному доступу к сайту telegraph.co.uk, последним обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.	*обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Believe / считать (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] */ думать, что что-то является истинным, корректным или реальным*)	*a. Feel / чувствовать* (*to notice or be aware of something because it is touching you or having a physical effect on you* [Oxford Learner's Dictionaries] / *замечать или осознавать что-либо, потому что это касается вас или оказывает на вас физическое воздействие*)
b. What's more / более того (*used to add something surprising or interesting to what you have just said* [Cambridge Dictionary] / *используется, чтобы добавить что-либо удивительное или интересное к тому, что вы только что сказали*)	*b. In addition / кроме того* (*you use in addition when you want to mention another item connected with the subject you are discussing* [Collins Online Dictionary] / *используется, когда вы хотите упомянуть что-либо, связанное с обсуждаемой темой*)
c. Make sure / убедиться (*to take action so that you are certain that something happens, is true, etc.* [Cambridge Dictionary] / *предпринимать действия для того, чтобы убедиться в истинности происходящего и т.д.*)	*c. Let know / доводить до сведения* (*to tell someone something* [Cambridge Dictionary] / *сказать кому-то что-либо*)

d. Award-winning / первоклассный (*an award-winning person or thing has won an award, especially an important or valuable one* [Collins Online Dictionary] / *удостоенный наград человек или первоклассный предмет получает награды, как правило, важные или ценные*)	*d.* –
e. Trusted / надежный (*regarded as honest and sincere* [Collins] / *рассматриваемый как честный и искренний*)	*e.* –
f. Intelligent / разумный (*an intelligent comment, question, conversation etc. shows that you have thought about something carefully and understand it well* [Cambridge Dictionary] / *разумный комментарий, вопрос, диалог и т.д. показывает, что вы хорошо обдумали что-то и хорошо это поняли*)	*f.* –
g. Useful / полезный (*effective; helping you to do or achieve something* [Cambridge Dictionary] / *эффективный; способствующий выполнению или достижению чего-либо*)	*g.* –
h. sharpen / подогревать (*if disagreements or differences between people sharpen, or if they are sharpened,*	*h. Broaden / расширить* (*to increase the range of something* [Cambridge Dictionary] / *разнообразить что-либо*)

they become bigger or more important [Collins Dictionary] / *если разногласия между людьми или расхождения во мнениях обостряются, они становятся больше или важнее*)	
i. Perfect / превосходный (*exactly right for a particular purpose or situation; being the best possible* [Cambridge Dictionary] / *точно подходящий для конкретной цели или ситуации; самый лучший*)	*i. Right* (*suitable or correct, or as it should be* [Cambridge Dictionary] / *подходящий, правильный или надлежащий*)
j. Carefully selected / тщательно отобранный (*carefully chosen as being the best or most suitable* [Collins Online Dictionary] / *тщательно отобранный как лучший или наиболее подходящий*)	*j. –*
k. Just / всего (*you use just to indicate that something is no more important, interesting, or difficult, for example, than you say it is, especially when you want to correct a wrong idea that someone may get or has already got* [Collins Dictionary] / *используется для того, чтобы указать, что что-либо более не является значимым, интересным или сложным, в частности, когда необходимо исправить неправильное представление, которое уже сложилось у кого-либо*).	*k. –*

l. May / мочь (*you use may to indicate that there is a possibility that something is true, but you cannot be certain* [Collins Online Dictionary] / *используется для указания на то, что существует вероятность того, что что-либо является правдой, но уверенность в этом отсутствует*)	*l. Can* (*you use can to indicate that someone has the ability or opportunity to do something* [Collins Online Dictionary] / *используется для указания на то, что у кого-либо есть способность или возможность сделать что-либо*)
m. –	*m. Also*
2. Клаузы	
a. Subscribe now to try your first month free / Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно.	*a. You can currently try your first month subscription for free / В настоящее время вы можете получить один месяц подписки абсолютно бесплатно.*
3. Полимодальная семантика	
Evs + Ex + Aprx + Evl + P + M	*Evs (Ev + A + Ap + Ps + T)*

Лингвосинергетическое моделирование С-2: аксиологическая эвиденциальность - скрытая эвиденциальность (см. Таблицу 13)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) В отличие от нейтральной эвиденциальности скрытая эвиденциальность связана с имплицитным, невыраженным представлением сообщения, что чаще всего вызвано неуверенностью автора (*C1*) в релевантности источника информации и отсутствием до конца сформированного восприятия сведений. Ввиду этого данный эвиденциальный подвид в значительной степени актуализируется посредством эвиденциальных операторов косвенного указания и сомнения, дополняемых операторами чувственного восприятия, а также явного указания. Тем не менее, как и в случае с нейтральной эвиденциальностью

главенствующей функцией скрытой эвиденциальности является передача фактического содержания сообщения без необходимости интерпретации сведений, а также осуществления воздействия на читателя (*O*).

2) Эвиденциальный оператор явного указания *inform / информировать* замещен оператором косвенного указания *mention / упоминать* (см. базовое высказывание (a)), оператор выражения мнения *believe / считать* – оператором сомнения *suppose / полагать* (см. развитие темы (b)), оператор усиления значимости высказывания *what's more / более того* – оператором косвенного указания *in addition / кроме того* (см. рему (e)), оператор уверенности в знании *make sure / убедиться* – оператором явного указания *let know / доводить до сведения* (см. рему (g)).

3) Сформированная в результате произведенных замещений эвиденциальных операторов базовая эвиденциальная семантика (*Evs*) настоящего дискурсивного контекста дополняется значением модальности (*M*) в маркере *may / мочь* в клаузе *you may cancel at any time / у вас будет возможность отменить подписку в любое время*, а также аппроксимации (*Aprx*) в клаузе *you'll enjoy your next three months for just £1 a month / вы будете наслаждаться последующими тремя месяцами подписки всего за 1 фунт стерлингов в месяц.* Данная семантика отражает восприятие действительности *C1* и может повысить уровень лояльности *O* к предлагаемой платной услуге за счет высокой клиентоориентированности руководства *The Telegraph*.

4) -

5) В целом произведенные в ходе лингвосинергетического моделирования изменения позволили *C1* имплицитно представить *O* сведения о возможности приобретения платной подписки при сохранении нейтральной интенциональности моделируемого отрывка. Наряду с этим, реализация значений скрытой эвиденциальности обусловила отказ от дополнительной полимодальной семантики (*Ex, Evl, P*), как и в случае лингвосинергетического моделирования исходного аксиологического ЭДК в нейтральный ЭДК.

Полученный в результате произведенных операций контекст репрезентирует семантику скрытой эвиденциальности и представляет модель *Evs + M*.

Таблица 13. Лингвосинергетическое моделирование (С-2): скрытая эвиденциальность

Исходный ЭДК (аксиологическая эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (скрытая эвиденциальность)
(82) (a) *As we have already **informed** this week served up plenty to discuss.* (b) *We **believe** that now is the **perfect** time to **sharpen** your talking points with these **carefully selected** stories from our **award-winning** team, below.* (c) *Not yet joined us?* (d) ***Subscribe now to try your first month free.*** (e) ***What's more**, you'll enjoy your next three months for **just** £1 a month – saving you over 85% on the regular price of a Digital Subscription for four whole months.* (f) *You **may** cancel at any time.* (g) ***Make sure** that our **trusted** insight, **intelligent** commentary and **useful** advice is always close at hand, with unlimited access to telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app* [Top stories 2022] / (a) *Мы уже **информировали** вас о том, что на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы **считаем**, что*	(85) (a) *As we have already **mentioned** this week served up plenty to discuss.* (b) *We **suppose** that now is the **right** time to **broaden** your talking points with these stories from our team, listed below.* (c) *Not yet joined us?* (d) ***You can currently try your first month subscription for free.*** (e) ***In addition**, you'll enjoy your next three months for **just** £1 a month – saving you over 85% on the regular price of a Digital Subscription for four whole months.* (f) *You **may** cancel at any time.* (g) *We also **let** you **know** that our insight, commentary and advice is always close at hand, with unlimited access to telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app /* (a) *Мы уже **упоминали** о том, что на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы **полагаем**, что сейчас подходящее время, чтобы **расширить** тематику ваших*

сейчас ***превосходный*** *момент, чтобы* ***подогреть*** *ваши дискуссии с помощью приведенных ниже и* ***тщательно отобранных*** *историй от нашей* ***первоклассной*** *команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам?* (d) ***Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно.*** (e) ***Более того****, вы будете наслаждаться последующими тремя месяцами подписки* ***всего*** *за 1 фунт стерлингов в месяц, что позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом у вас будет* ***возможность*** *отменить подписку в любое время.* (g) ***Убедитесь****, что предоставляемая нами* ***надежная*** *информация, сопровождаемая* ***разумными*** *комментариями и* ***полезными*** *советами всегда находится у вас под рукой, благодаря неограниченному доступу к сайту telegraph.co.uk, последним обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.*	*дискуссии с помощью приведенных ниже историй от нашей команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам?* (d) ***В настоящее время вы можете получить один месяц подписки абсолютно бесплатно.*** (e) ***Кроме того****, вы будете наслаждаться последующими тремя месяцами подписки* ***всего*** *за 1 фунт стерлингов в месяц, что позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом у вас будет* ***возможность*** *отменить подписку в любое время.* (g) *Мы также* ***доводим до вашего сведения****, что предоставляемая нами информация, сопровождаемая комментариями и советами всегда находится у вас под рукой, благодаря неограниченному доступу к сайту telegraph.co.uk, последним обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	

a. Inform / информировать (*to tell someone about something, especially officially* [Cambridge Dictionary] / *сообщать кому-либо о чем-то, особенно, официально*)	*a. Mention / упоминать* (*to refer to something or someone* [Cambridge Dictionary] / *ссылаться на что- то или кого-то*)
b. Believe / считать (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] / *думать, что что-то является истинным, корректным или реальным*)	*b. Suppose / полагать* (*to think that something is likely to be true* [Cambridge Dictionary] / *думать, что что-то, скорее всего, является правдой*)
c. What's more / более того (*used to add something surprising or interesting to what you have just said* [Cambridge Dictionary] / *используется, чтобы добавить что-либо удивительное или интересное к тому, что вы только что сказали*)	*c. In addition / кроме того* (*you use in addition when you want to mention another item connected with the subject you are discussing* [Collins Online Dictionary] / *используется, когда вы хотите упомянуть что-либо, связанное с обсуждаемой темой*)
d. Make sure / убедиться (*to take action so that you are certain that something happens, is true, etc.* [Cambridge Dictionary] / *предпринимать действия для того, чтобы убедиться в истинности происходящего и т.д.*)	*d. Let know / доводить до сведения* (*to tell someone something* [Cambridge Dictionary] / *сказать кому-то что-либо*)
e. Award-winning / первоклассный (*an award-winning person or thing has won an award, especially an important or valuable one* [Collins Online Dictionary] / *удостоенный наград человек или первоклассный предмет получает*	*e. –*

награды, как правило, важные или ценные)	
f. Trusted / надежный (*regarded as honest and sincere* [Collins Online Dictionary] / *рассматриваемый как честный и искренний*)	*f.* –
g. Intelligent / разумный (*an intelligent comment, question, conversation etc. shows that you have thought about something carefully and understand it well* [Cambridge Dictionary] / *разумный комментарий, вопрос, диалог и т.д. показывает, что вы хорошо обдумали что-то и хорошо это поняли*)	*g.* –
h. Useful / полезный (*effective; helping you to do or achieve something* [Cambridge Dictionary] / *эффективный; способствующий выполнению или достижению чего-либо*)	*h.* –
i. Sharpen / подогревать (*if disagreements or differences between people sharpen, or if they are sharpened, they become bigger or more important* [Collins Dictionary] / *если разногласия между людьми или расхождения во мнениях обостряются, они становятся больше или важнее*)	*i. Broaden / расширить* (*to increase the range of something* [Cambridge Dictionary] / *разнообразить что-либо*)
j. Perfect / превосходный (*exactly right for a particular purpose or situation;*	*j. Right* (*suitable or correct, or as it should be* [Cambridge Dictionary] /

being the best possible [Cambridge Dictionary] / *точно подходящий для конкретной цели или ситуации; самый лучший*)	*подходящий, правильный или надлежащий*)
k. Carefully selected / тщательно отобранный (*carefully chosen as being the best or most suitable* [Collins Online Dictionary] / *тщательно отобранный как лучший или наиболее подходящий*)	*k. –*
2. Клаузы	
a. Subscribe now to try your first month free / Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно.	*a. You can currently try your first month subscription for free / В настоящее время вы можете получить один месяц подписки абсолютно бесплатно.*
3. Полимодальная семантика	
Evs + Ex + Aprx + Evl + P + M	*Evs + Aprx + M*

Лингвосинергетическое моделирование D-2: аксиологическая эвиденциальность - директивная эвиденциальность (см. Таблицу 14)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Процесс лингвосинергетического моделирования, представляющий трансформацию ЭДК, обладающего семантикой аксиологической эвиденциальности в ЭДК со значением директивной эвиденциальности требует изменения интенциональной направленности исходного отрывка. В связи с тем, директивная эвиденциальность направлена на переубеждение и побуждение читателя (*O*) к необходимым автору (*C1*) действиям, важное значение приобретает формирование персуазивной семантики, а также акцентирование внимания *O* на сведениях, представляющих наиболее важное значение для *C1*.

При этом суггестивная функция в рамках директивной эвиденциальности выражена эксплицитно, что предполагает оказание непосредственного, решительного и безапелляционного воздействия на *O* с целью убедить адресата в истинности передаваемой информации и ее источника.

2) Достижение стоящих перед *C1* целей может потребовать изменить картину действительности *O*. В этой связи особое значение приобретают эвиденциальные операторы усиления значимости высказывания и уверенности в знании, которые были использованы в ходе проведения лингвосинергетического моделирования. Эвиденциальный оператор явного указания *inform / информировать* был заменен на оператор усиления значимости высказывания *highlight / отмечать* (см. базовое высказывание (a)), оператор выражения мнения *believe / считать* – на оператор уверенности в знании *be convinced / быть уверенным* (см. развитие темы (b)).

3) Представленные в п. 2 эвиденциальные операторы сочетаются с операторами усиления значимости высказывания и уверенности в знании *what's more / более того* и *make sure / убедиться* исходного ЭДК, формируя суггестивную доминанту моделируемого отрывка, основанную на безапелляционной убежденности *C1* в достоверности передаваемых сведений и его уверенности в необходимости приобретения платной подписки *O*. Помимо этого, интегрированные в исходный отрывок операторы усиливают его имплицитную персуазивную семантику, модифицируя ее в эксплицитную персуазивность (*P*) – эвиденциальные операторы *highlight / отмечать* и *convinced / уверенный* одновременно являются маркерами категории «персуазивность» и могут убедить *O* воспользоваться представленным предложением. Эффект воздействия на *O* также интенсифицируется за счет дополнительной модальной (*M*), оценочной (*Evl*), экспрессивной (*Ex*) и аппроксимативной (*Aprx*) семантики исходного ЭДК.

4) -

5) При сохранении синергетической модели *Evs + Ex + Aprx + Evl + P + M,* характерной для исходного ЭДК, формируемая в результате

лингвосинергетического моделирования полимодальная семантика создает комплексный эффект воздействия на *O*, отражая директивный подвид суггестивной эвиденциальности. Данное обстоятельство обусловлено диффузностью дискурсивного пространства, а также возможностью представления различных видов эвиденциальности идентичными синергетическими моделями, при этом определяющую роль в изменении интенциональной направленности моделируемого ЭДК играет степень выраженности тех или иных полимодальных смыслов. В случае директивной эвиденциальности доминирующей семантикой явилась семантика персуазивности.

Таблица 14. Лингвосинергетическое моделирование (D-2): акисологическая эвиденциальность – директивная эвиденциальность

Исходный ЭДК (аксиологическая эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (директивная эвиденциальность)
(82) (a) *As we have already* ***informed*** *this week served up plenty to discuss.* (b) *We* ***believe*** *that now is the* ***perfect*** *time to* ***sharpen*** *your talking points with these* ***carefully selected*** *stories from our* ***award-winning*** *team, below.* (c) *Not yet joined us?* (d) ***Subscribe now to try your first month free.*** (e) ***What's more****, you'll enjoy your next three months for* ***just*** *£1 a month – saving you over 85% on the regular price of a Digital Subscription for four whole months.* (f) *You* ***may*** *cancel at any time.* (g) ***Make sure*** *that our* ***trusted*** *insight,* ***intelligent*** *commentary and* ***useful*** *advice is always*	(86) (a) *As we have already* ***highlighted*** *this week served up plenty to discuss.* (b) *We are* ***convinced*** *that now is the* ***perfect*** *time to* ***sharpen*** *your talking points with these* ***carefully selected*** *stories from our* ***award-winning*** *team, below.* (c) *Not yet joined us?* (d) ***Subscribe now to try your first month free****.* (e) ***What's more****, you'll enjoy your next three months for* ***just*** *£1 a month – saving you over 85% on the regular price of a Digital Subscription for four whole months.* (f) *You* ***may*** *cancel at any time.* (g) ***Make sure*** *that our* ***trusted*** *insight,* ***intelligent*** *commentary and* ***useful*** *advice is always*

close at hand, with unlimited access to telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app [Top stories 2022] / (a) *Мы уже* ***информировали*** *вас о том, что на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы* ***считаем****, что сейчас* ***превосходный*** *момент, чтобы* ***подогреть*** *ваши дискуссии с помощью приведенных ниже и* ***тщательно отобранных*** *историй от нашей* ***первоклассной*** *команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам?* (d) ***Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно***. (e) ***Более того****, вы будете наслаждаться последующими тремя месяцами подписки* ***всего*** *за 1 фунт стерлингов в месяц, что позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом у вас будет* ***возможность*** *отменить подписку в любое время.* (g) ***Убедитесь****, что предоставляемая нами* ***надежная*** *информация, сопровождаемая* ***разумными*** *комментариями и* ***полезными*** *советами всегда находится у вас под рукой, благодаря*	*close at hand, with unlimited access to telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app /* (a) *Как уже* ***отмечалось*** *ранее, на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы* ***уверены****, что сейчас* ***превосходный*** *момент, чтобы* ***подогреть*** *ваши дискуссии с помощью приведенных ниже и* ***тщательно отобранных*** *историй от нашей* ***первоклассной*** *команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам?* (d) ***Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно.*** (e) ***Более того****, вы будете наслаждаться последующими тремя месяцами подписки* ***всего*** *за 1 фунт стерлингов в месяц, что позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом у вас будет* ***возможность*** *отменить подписку в любое время.* (g) ***Убедитесь****, что предоставляемая нами* ***надежная*** *информация, сопровождаемая* ***разумными*** *комментариями и* ***полезными*** *советами всегда находится у вас под рукой, благодаря неограниченному доступу к сайту*

неограниченному доступу к сайту telegraph.co.uk, последним обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.	*telegraph.co.uk, последним обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Inform / информировать (*to tell someone about something, especially officially* [Cambridge Dictionary] / *сообщать кому-либо о чем-то, особенно, официально*)	*a. Highlight / отмечать* (*to attract attention to or emphasize something important* [Cambridge Dictionary] / *привлекать внимание или подчеркивать что-либо важное*)
b. Believe / считать (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] / *думать, что что-то является истинным, корректным или реальным*)	*b. Be convinced / быть уверенным* (*certain of your beliefs* [Cambridge Dictionary] / *быть убежденным в своих взглядах*)
2. Полимодальная семантика	
Evs + Ex + Aprx + Evl + P + M	*Evs + Ex + Aprx + Evl + P + M*

Лингвосинергетическое моделирование Е-2: аксиологическая эвиденциальность – индирективная эвиденциальность (см. Таблицу 15)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) В отличие от директивной эвиденциальности, опирающейся на директивные суггестивные методы, индирективная эвиденциальность предполагает обращение автора (*C1*) к разнообразным психологическим приемам воздействия на читателя (*O*) с целью установления и поддержания контакта, отвлечение *O* от сведений, способных нанести вред *C1,* а также формирования готовности *O* к восприятию передаваемой информации.

2) Для достижения поставленных целей *C1* чаще всего обращается к эвиденциальным операторам прогнозирования и сомнения, сочетающимся с операторами уверенности в знании. Данное обстоятельство обусловило замену эвиденциального оператора явного указания *inform / информировать* оператором прогнозирования *predict / предсказывать* (см. базовое высказывание (a)), оператора выражения мнения *believe / считать* – оператором уверенности в знании *be convinced / уверенный* (см. развитие темы (b)), оператора усиления значимости высказывания *what's more / более того* – оператором прогнозирования *hope / надеяться* (см. рему (e)).

3) Значимость убеждения *O* в оформлении платной подписки обусловила внедрение добавочной эмотивной семантики (*Emt*), актуализируемой с помощью клаузы *There's no time like the present! / Лучшего момента уже не будет!* (см. рему (h)). *C1* стремится к прямому выражению эмоций, а также передаче эмотивной составляющей транслируемых сведений. Первый аспект реализуется посредством интонационного выделения сообщения (восклицательной конструкции), а второй создается с помощью вербального стимулирования потенциального потребителя воспользоваться предложенной услугой. Немаловажно, что в рамках рассматриваемой клаузы эмотивность дополняется семантикой отрицания (*D*), актуализируемой с помощью показателя *no / не* (*not one or not any* [Cambridge Dictionary] / *ни один или ничего*) и усиливающей эффект воздействия на *O*.

Произведенные трансформации позволили сформировать ЭДК, в рамках которого *C1* оказывает воздействие на *O*. *C1* сочетает суггестивные методы (*P*), актуализируемые посредством имплицитной персуазивной семантики, присущей исходному отрывку, и взаимопроникновение эвиденциальных и персуазивных смыслов, обнаруживаемых в показателе *convinced / уверенный,* с психологическими приемами воздействия. Указанные смыслы репрезентируются посредством эвиденциальных операторов *predict / предсказывать, hope / надеяться,* отрицания, а также эксплицитной эмотивности. Такого рода комплексное воздействие акцентирует внимание *O* на

рекламируемом продукте, убеждая его приобрести подписку, и одновременно нивелирует необходимость подробного представления тематики статей, которые получают освещение в рамках данного предложения. Взаимодополнение указанных приемов также смещает фокус внимания *O* с факта ограниченного действия льготного периода. При этом оказываемый эффект воздействия на *O* усиливается благодаря добавочной полимодальной (*M, Evl, Ex, Aprx*) семантике исходного аксиологического ЭДК.

4) Замена оператора *what's more / более того* потребовала добавления языковой единицы *we / мы* с целью обеспечения грамматической и логической связности ЭДК.

5) Полученная в ходе проведенного лингвосинергетического моделирования аксиологического ЭДК полимодальная семантика *Evs + Ex + Aprx + Emt + Evl + P + M + D* обладает интегративным эффектом воздействия на *O* и представляет индиректив ный подвид суггестивной эвиденциальности.

Таблица 15. Лингвосинергетическое моделирование (E-2): аксиологическая эвиденциальность – индиректив ная эвиденциальность

Исходный ЭДК (аксиологическая эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (индиректив ная эвиденциальность)
(82) (a) *As we have already* ***informed*** *this week served up plenty to discuss.* (b) *We* ***believe*** *that now is the* ***perfect*** *time to* ***sharpen*** *your talking points with these* ***carefully selected*** *stories from our* ***award-winning*** *team, below.* (c) *Not yet joined us?* (d) ***Subscribe now to try your first month free.*** (e) ***What's more****, you'll enjoy your next three months for* ***just*** *£1 a month – saving you over 85% on the regular price of a Digital Subscription*	(87) (a) *As we have already* ***predicted*** *this week served up plenty to discuss.* (b) *We* ***are convinced*** *that now is the* ***perfect*** *time to* ***sharpen*** *your talking points with these* ***carefully selected*** *stories from our* ***award-winning*** *team, below.* (c) *Not yet joined us?* (h) ***There's no time like the present!*** (d) ***Subscribe now to try your first month free.*** (e) *We* ***hope****, you'll enjoy your next three months for* ***just*** *£1 a month – saving over 85% on the*

for four whole months. (f) *You* ***may*** *cancel at any time.* (g) ***Make sure*** *that our* ***trusted*** *insight,* ***intelligent*** *commentary and* ***useful*** *advice is always close at hand, with unlimited access to telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app* [Top stories 2022] / (a) *Мы уже* ***информировали*** *вас о том, что на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы* ***считаем****, что сейчас* ***превосходный*** *момент, чтобы* ***подогреть*** *ваши дискуссии с помощью приведенных ниже и* ***тщательно отобранных*** *историй от нашей* ***первоклассной*** *команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам?* (d) ***Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно***. (e) ***Более того****, вы будете наслаждаться последующими тремя месяцами подписки* ***всего*** *за 1 фунт стерлингов в месяц, что позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом у вас будет* ***возможность*** *отменить подписку в любое время.* (g) ***Убедитесь****, что предоставляемая нами* ***надежная***	*regular price of a Digital Subscription for four whole months.* (f) *You* ***may*** *cancel at any time.* (g) ***Make sure*** *that our* ***trusted*** *insight,* ***intelligent*** *commentary and* ***useful*** *advice is always close at hand, with unlimited access to telegraph.co.uk, plus the latest news updates and our daily digital newspaper in the subscriber-only Telegraph app /* (a) *Как мы уже* ***предсказывали*** *ранее, на этой неделе есть много тем для обсуждения.* (b) *Мы* ***уверены****, что сейчас* ***превосходный*** *момент, чтобы* ***подогреть*** *ваши дискуссии с помощью приведенных ниже и* ***тщательно отобранных*** *историй от нашей* ***первоклассной*** *команды.* (c) *Вы еще не присоединились к нам?* (h) ***Лучшего момента уже не будет!*** (d) ***Оформите подписку сейчас и пользуйтесь ей первый месяц абсолютно бесплатно***. (e) *Мы* ***надеемся****, что вы будете наслаждаться последующими тремя месяцами подписки* ***всего*** *за 1 фунт стерлингов в месяц, что позволит вам сэкономить более 85 % от обычной цены на четырехмесячную цифровую подписку.* (f) *При этом у вас будет* ***возможность*** *отменить подписку в*

информация, сопровождаемая ***разумными*** *комментариями и* ***полезными*** *советами всегда находится у вас под рукой, благодаря неограниченному доступу к сайту telegraph.co.uk, последним обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.*	*любое время.* (g) ***Убедитесь****, что предоставляемая нами* ***надежная*** *информация, сопровождаемая* ***разумными*** *комментариями и* ***полезными*** *советами всегда находится у вас под рукой, благодаря неограниченному доступу к сайту telegraph.co.uk, последним обновлениям новостей, а также нашей ежедневной цифровой версии газеты в приложении Telegraph доступном для подписчиков.*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Inform / информировать (*to tell someone about something, especially officially* [Cambridge Dictionary] / *сообщать кому-либо о чем-то, особенно, официально*)	*a. Predict / предсказывать* (*to say that an event or action will happen in the future, especially as a result of knowledge or experience* [Cambridge Dictionary] / *говорить, что событие или действие произойдет в будущем, в частности, с опорой на знания или опыт*)
b. Believe / считать (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] / *думать, что что-то является истинным, корректным или реальным*)	*b. Be convinced / быть уверенным* (*certain of your beliefs* [Cambridge Dictionary] / *быть убежденным в своих взглядах*)
c. What's more / более того (*used to add something surprising or interesting to what you have just said* [Cambridge	*c. Hope / надеяться* (*to want something to happen or to be true, and usually have a good reason to think that it might*

Dictionary] / *используется, чтобы добавить что-либо удивительное или интересное к тому, что вы только что сказали*)	[Cambridge Dictionary] / *хотеть, чтобы что-либо произошло или было правдой, и обычно иметь вескую причину думать, что это может случиться*).
2. Клаузы	
a. –	*a. There's no time like the present! / Лучшего момента уже не будет!*
3. Другие языковые единицы	
a. –	*a. We / мы*
4. Полимодальная семантика	
Evs + Ex + Aprx + Evl + P + M	*Evs + Ex + Aprx + Emt + Evl + P + M + D*

В ходе проведения лингвосинергетического моделирования было установлено, что ЭДК, репрезентирующий семантику аксиологического подвида регулятивной эвиденциальности, может быть выражен при помощи логического подвида, нейтрального и скрытого подвидов информативной эвиденциальности, а также директивного и индирективного подвидов суггестивной эвиденциальности. В каждом отдельном случае трансформация ЭДК предполагала необходимость учета типовых особенностей, интенциональной направленности исходного дискурсивного отрывка, а также интенциональной направленности, присущей моделируемому отрывку. В связи с экспериментальным характером предлагаемого лингвосинергетического моделирования в процессе его осуществления не принимались в расчет коммуникативные цели, задачи и целевая аудитория эвиденциального воздействия. Произведенные изменения базовой эвиденциальной семантики и дополнительной полимодальной семантики зависели от эвиденциального вида / подвида, характерного для моделируемого ЭДК. Помимо этого, замещение вспомогательных дискурсивных единиц обусловлено важностью сохранения связности конечного ЭДК.

4.4. Моделирование суггестивной эвиденциальности

Проанализируем ЭДК (88), обладающий семантикой индирективного подвида суггестивной эвиденциальности, и осуществим его лингвосинергетическое моделирование, представив исходный дискурсивный отрывок с помощью различных видов и подвидов эвиденциальности:

(88) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March, in one case* ***ordering*** *that it be modernised and expanded.* (b) *That* ***indicates*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) *But its next move* ***may*** *come soon.* (d) *And* ***analysis*** *of satellite imagery* ***shows*** *a number of* ***signs*** *that the government is preparing to* ***vaunt*** *its* ***might*** *with a large military parade,* ***potentially*** *on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il Sung, Mr Kim's grandfather and the architect of North Korea's* ***brutal*** *regime.* (e) *State media have* ***suggested*** *that the anniversary will be "****grandly****" celebrated* [Why is North Korea launching rockets again 2022] / (a) *В марте г-н Ким посетил спутниковые объекты, в одном случае* ***распорядившись*** *об их модернизации и расширении.* (b) *Это* ***указывает*** *на то, что режим еще* ***не*** *готов вывести спутник на орбиту.* (c) *Но следующий шаг* ***может*** *произойти в ближайшее время.* (d) ***Анализ*** *спутниковых снимков* ***демонстрирует*** *ряд* ***признаков*** *того, что правительство КНДР готовится* ***продемонстрировать*** *свою* ***мощь*** *большим военным парадом,* ***возможно,*** *15 апреля, чтобы отпраздновать 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника* ***брутального*** *режима Северной Кореи.* (e) *Государственные СМИ* ***предполагают****, что годовщину отметят «****грандиозно****».*

Лингвосинергетическое моделирование (А-3): индирективная эвиденциальность – директивная эвиденциальность

Этап 1: Исследование исходного ЭДК

1) Настоящий ЭДК описывает испытания баллистических ракет, проведенные по приказу лидера КНДР Ким Чен Ына (*C2*).

2) Эвиденциальная семантика репрезентируется посредством оператора усиления значимости высказывания *order / распоряжаться* (*if a person in authority orders someone to do something, they tell them to do it* [Collins Online

Dictionary] / *если человек, наделенный властью, приказывает кому-либо сделать что-либо, он говорит им сделать это*), выражающего косвенную засвидетельствованность официальных указов *C1* (см. базовое высказывание (a)); оператора явного указания *indicate / указывать* (*to show something, point to something, or make something clear* [Cambridge Dictionary] / *показывать, указывать или прояснять*), актуализирующего субъективную эвиденциальность позиции автора статьи (*C1*) и отражающего выводной характер передаваемых сведений о возможном проведении военного парада (см. развитие темы (b)); оператора выражения мнения *analysis / анализ* (*the act of studying or examining something in detail, in order to discover or understand more about it, or your opinion and judgment after doing this* [Cambridge Dictionary] / *изучение или разбор чего-либо в деталях, чтобы обнаружить или понять больше об этом, или мнение и суждение после подобного рассмотрения*), оператора явного указания *show / показывать* (*if something shows that a state of affairs exists, it gives information that proves it or makes it clear to people* [Collins Online Dictionary] / *если что-либо показывает текущее положение дел, оно содержит информацию, позволяющую доказать или прояснить это людям*) и *sign / признак* (*if there is a sign of something, there is something which shows that it exists or is happening* [Collins Online Dictionary] / *если имеется признак чего-либо, есть что-то, что показывает, что это существует или происходит*), подчеркивающих достоверность результатов проведенного анализа спутниковых снимков и обладающих семантикой косвенной опосредованной эвиденциальности (см. рему (d)); оператора сомнения *suggest / предполагать* (*to communicate or show an idea or feeling without stating it directly or giving proof* [Cambridge Dictionary] / *сообщать или демонстрировать идею или чувство, не заявляя об этом прямо или не приводя доказательств*), обнаруживающего отсутствие уверенности государственных средств массовой информации (*C3*) в исключительной точности передаваемой информации (см. рему (e)). Перечисленные эвиденциальные операторы выступают в качестве точек бифуркации, формирующих и упорядочивающих ЭВ и задающих направление развертывания исследуемого ЭДК.

Данный дискурсивный отрывок обладает базовой эвиденциальной семантикой (*Evs*). В ходе квалификации сведений и маркировки их источника посредством эвиденциальных операторов различных групп *C1* осуществляет суггестивное воздействие на потенциального читателя статьи (*O*). Чередуя операторы усиления значимости высказывания, явного указания, уверенности в знании и сомнения, *C1* может стремиться активизировать не только область сознания, но и подсознания *O*. Сведения, полученные из официальных источников (*C2*), дополняются доводами СМИ (*C3*) и авторскими выводами (*C1*), формируя необходимую картину действительности читателя (*O*). Необходимо отметить, что семантика *Evs* настоящего ЭДК обогащается значениями других модусных категорий.

3) В рамках осуществления принципа взаимопроникновения модусных смыслов эвиденциальность (*Ev*) пересекается с персуазивностью (*P*) в операторе *order / распоряжаться,* который может использоваться *C1* для того, чтобы убедить читателя в истинности приводимых *C2* данных, а также своих собственных выводов.

Эвиденциальность (*Ev*) также дополняется семантикой модальности (*M*), выражаемой в промежуточной области развертывания ЭДК с помощью модального глагола *may / мочь* (*you use may to indicate that there is a possibility that something is true, but you cannot be certain* [Collins Online Dictionary] / *используется для указания на то, что существует вероятность того, что что-либо является правдой, но уверенность в этом отсутствует*), а также наречия *potentially / возможно* (*used to say that something may develop into something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *используется для того, чтобы сказать, что что-либо может перерасти во что-то другое*). Обращение к подобной семантике может быть вызвано стремлением *C1* сместить акцент внимания *O* с текущего положения дел на возможный вариант развития событий.

Эвиденциальность (*Ev*) сочетается с отрицанием (*D*) в контексте реализации принципа взаимодополнения модусных смыслов и репрезентируется отрицательной частицей *not / не* (*used to give the next word or group of words a*

negative meaning [Cambridge Dictionary] / *используется для придания следующему слову или группе слов отрицательного значения*) в эпифазе эвиденциальной клаузы *the regime is not ready to put a satellite into orbit quite yet / что режим еще не готов вывести спутник на орбиту.* Значение *D* указывает на отклонение *C1* предположений о возможной активности *C2* в самом ближайшем будущем.

Эвиденциальность (*Ev*) дополняется семантикой экспрессивности (*Ex*), что отражается в рамках употребления маркеров *brutal / брутальный* (*cruel, violent, and completely without feelings* [Cambridge Dictionary] / *очень свирепый, жестокий и совершенно бесчувственный*), *grandly / грандиозно* (*in a way suggesting that something or someone has great importance* [Cambridge Dictionary] / *в определенном смысле полагая, что что-либо или кто-либо обладает большим значением*), *vaunt* / *явить* (*to describe, praise, or display (one's success, possessions, etc) boastfully* [Collins Dictionary] / *хвастливо описывать, демонстрировать (свой успех, имущество и т.д.)*), *might / мощь* (*power, force, or vigour, esp. of a great or supreme kind* [Collins Dictionary] / *могущество, сила или энергичность, в частности, великого или высшего рода*).

4) Перечисленные маркеры выступают как средство субъективного выражения отношения *C1* и *C3* к содержанию сообщения о праздновании 110-й годовщины со дня рождения Ким Ир Сена и обладают оценочным компонентом наряду с предметно-логическим значением. Кроме того, указанные маркеры обнаруживают несоответствие языковым стандартам и обладают особой образной семантикой, дополняющей их денотативное значение [Уланов 2016]. Тем самым экспрессивные показатели *brutal / брутальный* и *grandly / грандиозно, vaunt* / *явить, might / мощь* придают выразительность высказываниям *C1* и *C3*, а также способствуют формированию в сознании *O* ярких образов, акцентирующих его внимание на освещаемой проблематике.

5) Анализируемый ЭДК представляет эвиденциальную модель *Evs + P + M + D + Ex*, отражающую индирективный подвид суггестивной эвиденциальности. Проведем лингвосинергетическое моделирование данного контекста (88), представив его в рамках директивного подвида суггестивной

эвиденциальности, а также подвидов информативной и регулятивной эвиденциальности.

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Семантическая близость индиректива и директива подвидов эвиденциальности усложняет процесс проведения лингвосинергетического моделирования. Тем не менее, репрезентация значения директивной эвиденциальности требует использования операторов определенных групп. Данное обстоятельство привело к замене ряда эвиденциальных маркеров в исходном ЭДК.

2) Оператор явного указания *indicate / указывать* был замещен оператором усиления значимости высказывания *prove / доказывать* (см. развитие темы (b)), а оператор сомнения *suggest / предполагать* оператором уверенности в знании *sure / уверен* (см. рему (e)).

3) Замена операторов в п.2 была обусловлена необходимостью исключить эффект психологического воздействия на читателя (*O*). Как известно, директивная эвиденциальность предполагает оказание императивного воздействия на адресата без учета его личностных характеристик. Использованные операторы усиления значимости высказывания и уверенности в знании способствуют реализации направленного суггестивного эффекта воздействия на *O*, одновременно обладая персуазивной (*P*) семантикой.

Необходимость интенсификации персуазивного воздействия на *O* потребовала отказа от модальной семантики (*M*) и обусловила актуализацию добавочной эмотивной семантики (*Emt*). В этой связи модальные маркеры *may / мочь* (см. развитие темы (c)) и *potentially / возможно* (см. рему (d)) были исключены из моделируемого ЭДК, а клауза *But its next move may come soon* / *Но следующий шаг может произойти в ближайшее время* была заменена на *But its next move will come sooner than you think / Но следующий шаг произойдет в ближайшее время.* Наряду с этим, в моделируемый ЭДК добавлено вопросительное предложение *How soon? / Как скоро?*, придающее сообщаемым

сведениям о готовности КНДР вывести спутник на орбиту эмотивный характер (см. рему (f)). Эффект воздействия на *O* усиливается эмфатическим высказыванием *Sooner rather than later! / Раньше, чем вы думаете!*, подчеркивающим значимость данных сведений для *C1* (см. рему (g)).

4) -

5)Персуазивные и эмотивные смыслы дополняют семантику исходного ЭДК, формируют синергетическую модель *Evs + P + Emt + D + Ex* и позволяют автору (*C1*) представить сведения о проводимых испытаниях как данность, что одновременно свидетельствует об истинности сделанных *C1* выводов относительно дальнейших действий руководства КНДР.

Таблица 16. Лингвосинергетическое моделирование (А-3): индиректив ная эвиденциальность - директивная эвиденциальность

Исходный ЭДК (индиректив ная эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (директивная эвиденциальность)
(88) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March, in one case* ***ordering*** *that it be modernised and expanded.* (b) *That* ***indicates*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) *But its next move* ***may*** *come soon.* (d) *And* ***analysis*** *of satellite imagery* ***shows*** *a number of* ***signs*** *that the government is preparing to* ***vaunt*** *its* ***might*** *with a large military parade,* ***potentially*** *on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il Sung, Mr Kim's grandfather and the architect of North Korea's* ***brutal*** *regime.* (e) *State media have* ***suggested*** *that the*	(89) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March,* ***ordering*** *that it be modernised and expanded.* (b) *That* ***proves*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) ***But its next move will come sooner than you think.*** (f) ***How soon?*** (g) ***Sooner rather than later!*** (d) *The* ***analysis*** *of satellite imagery* ***shows*** *a number of* ***signs*** *that the government is preparing to* ***vaunt*** *its* ***might*** *with a large military parade on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il Sung, Mr Kim's grandfather and the architect of North Korea's* ***brutal*** *regime.* (e) *State*

*anniversary will be "**grandly**" celebrated* [Why is North Korea launching rockets again 2022] / (a) *В марте г-н Ким посетил спутниковые объекты, в одном случае **распорядившись** об их модернизации и расширении.* (b) *Это **указывает** на то, что режим еще **не** готов вывести спутник на орбиту.* (c) *Но следующий шаг **может** произойти в ближайшее время.* (d) ***Анализ** спутниковых снимков **демонстрирует** ряд **признаков** того, что правительство КНДР готовится **явить** свою **мощь** большим военным парадом, **возможно,** 15 апреля, чтобы отпраздновать 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника **брутального** режима Северной Кореи.* (e) *Государственные СМИ **предполагают**, что годовщину отметят «**грандиозно**».*	*media **are sure** that the anniversary will be "**grandly**" celebrated /* (a) *В марте г-н Ким посетил спутниковые объекты, **распорядившись** об их модернизации и расширении.* (b) *Это **доказывает**, что режим еще **не** готов вывести спутник на орбиту.* (c) ***Но следующий шаг произойдет в ближайшее время.*** (f) ***Как скоро?*** (g) ***Раньше, чем вы думаете!*** (h) ***Анализ** спутниковых снимков **демонстрирует** ряд **признаков** того, что правительство КНДР готовится **явить** свою **мощь** большим военным парадом 15 апреля, чтобы отпраздновать 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника **брутального** политического режима Северной Кореи.* (e) *Государственные СМИ **уверены**, что годовщину отметят «**грандиозно**».*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Indicate / указывать (*to show something, point to something, or make something clear* [Cambridge Dictionary] / *показывать, указывать или прояснять*)	*a. Prove / доказывать* (*if you prove that something is true, you show by means of argument or evidence that it is definitely true* [Collins Online Dictionary] / *если вы доказываете, что*

	что-либо является правдой, вы показываете с помощью аргументов или доказательств, что это определенно верно)
b. Suggest / предполагать (*to communicate or show an idea or feeling without stating it directly or giving proof* [Cambridge Dictionary] / *сообщать или демонстрировать идею или чувство, не заявляя об этом прямо или не приводя доказательств*)	*b. Be sure / быть уверенным* (*if you are sure that something is true, you are certain that it is true* [Collins Online Dictionary] */ если вы уверены, что что-либо истинно, вы уверены, что это правда*)
c. May / мочь (*you use may to indicate that there is a possibility that something is true, but you cannot be certain* [Collins Online Dictionary] / *используется для указания на то, что существует вероятность того, что что-либо является правдой, но уверенность в этом отсутствует*)	*c. Will / модальный глагол* (*used to talk about what is going to happen in the future, especially things that you are certain about or things that are planned* [Cambridge Dictionary] / *используется для того, чтобы говорить о том, что произойдет в будущем, в частности о том, в чем вы уверены, или о том, что запланировано*)
d. Potentially / возможно (*used to say that something may develop into something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *используется для того, чтобы сказать, что что-либо может перерасти во что-то другое*)	*d. –*
2. Клаузы	
a. But its next move may come soon / *Но следующий шаг может произойти в ближайшее время.*	*a. But its next move will come sooner than you think / Но следующий шаг произойдет в ближайшее время.*

b. –	*a. How soon? / Как скоро?*
c. –	*b. Sooner rather than later! / Раньше, чем вы думаете!*
3. Полимодальная семантика	
Evs + P + M + D + Ex	*Evs + P + Emt + D + Ex*

Лингвосинергетическое моделирование В-3: индирективная эвиденциальность – нейтральная эвиденциальность (см. Таблицу 17)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Необходимость репрезентации семантики нейтрального подвида информативной эвиденциальности обусловила замену ряда эвиденциальных операторов в ходе проведения лингвосинергетического моделирования.

2) Оператор усиления значимости высказывания *order / распоряжаться* замещен оператором явного указания *say / сообщать* (см. базовое высказывание (a)), оператор сомнения *suggest / предполагать* на оператор явного указания *according to / по данным* (см. рему (e)). Замещение указанных выше операторов, с одной стороны, позволило снизить эффект категоричного воздействия на читателя (*O*), а с другой, исключило нехарактерную для нейтрального подвида семантику сомнения и неопределенности в ходе передачи информации и определения ее источника.

3) Достижению эффекта фактического представления сведений о проведении испытаний баллистических ракет способствовал отказ от дополнительной модальной семантики (*M*) в ходе актуализации последующих выводов автора (*C1*). В частности, модальный маркер *may / мочь* был заменен на глагол *will / будет* (см. развитие темы (c)), модальный маркер *potentially / возможно* был опущен (см. рему (d)). Кроме того, в ходе моделирования была минимизирована экспрессивная семантика (*Ex*), придававшая информации о политическом режиме КНДР излишнюю выразительность и образность, которая могла оттолкнуть потенциального читателя (*O*) (см. рему (d)). В частности, был

упразднен один из показателей экспрессивности (*Ex*) – *brutal / брутальный*, а показатели *vaunt / явить* и *might / мощь* были заменены на нейтральные эквиваленты *show / показать* и *power / сила*.

4) -

5) Сформированный в ходе лингвосинергетического моделирования ЭДК выражает модель *Evs+ Ex + D* и обладает значением нейтрального подвида информативной эвиденциальности.

Таблица 17. Лингвосинергетическое моделирование (В-3): индирективная эвиденциальность – нейтральная эвиденциальность

Исходный ЭДК (индирективная эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (нейтральная эвиденциальность)
(88) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March, in one case* ***ordering*** *that it be modernised and expanded.* (b) *That* ***indicates*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) *But its next move* ***may*** *come soon.* (d) *And* ***analysis*** *of satellite imagery* ***shows*** *a number of* ***signs*** *that the government is preparing to* ***vaunt*** *its* ***might*** *with a large military parade,* ***potentially*** *on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il Sung, Mr Kim's grandfather and the architect of North Korea's* ***brutal*** *regime.* (e) *State media have* ***suggested*** *that the anniversary will be "****grandly****" celebrated* [Why is North Korea launching rockets again 2022] / (a) *В*	(90) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March, in one case* ***saying*** *that it be modernised and expanded.* (b) *That* ***indicates*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) *But its next move* ***will*** *come soon.* (d) *And* ***analysis*** *of satellite imagery* ***shows*** *a number of* ***signs*** *that the government is preparing to vaunt its might with a large military parade on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il Sung, Mr Kim's grandfather and the architect of North Korea's regime.* (e) ***According to*** *state media, the anniversary will be "****grandly****" celebrated* / (a) *В марте г-н Ким посетил спутниковые объекты, в одном из случаев* ***сообщив*** *об их*

марте г-н Ким посетил спутниковые объекты, в одном случае ***распорядившись*** *об их модернизации и расширении.* (b) *Это* ***указывает*** *на то, что режим еще* ***не*** *готов вывести спутник на орбиту.* (c) *Но следующий шаг* ***может*** *произойти в ближайшее время.* (d) ***Анализ*** *спутниковых снимков* ***демонстрирует*** *ряд* ***признаков*** *того, что правительство КНДР готовится* ***явить*** *свою* ***мощь*** *большим военным парадом,* ***возможно,*** *15 апреля, чтобы отпраздновать 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника* ***брутального*** *режима Северной Кореи.* (e) *Государственные СМИ* ***предполагают****, что годовщину отметят «****грандиозно****».*	*модернизации и расширении.* (b) *Это* ***указывает*** *на то, что режим еще* ***не*** *готов вывести спутник на орбиту.* (c) *Но следующий шаг произойдет в ближайшее время.* (d) ***Анализ*** *спутниковых снимков* ***демонстрирует*** *ряд* ***признаков*** *того, что правительство КНДР готовится* ***показать*** *свою* ***силу*** *большим военным парадом 15 апреля, ознаменовав 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника политического режима Северной Кореи.* (e) ***Согласно*** *государственным СМИ, годовщину отметят «****грандиозно****».*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Order / распоряжаться (*if a person in authority orders someone to do something, they tell them to do it* [Collins Online Dictionary] / *если человек, наделенный властью, приказывает кому-либо сделать что-либо, он говорит им сделать это*)	*a. Say / сообщать* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] / *произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*)

b. Suggest / предполагать (*to communicate or show an idea or feeling without stating it directly or giving proof* [Cambridge Dictionary] / *сообщать или демонстрировать идею или чувство, не заявляя об этом прямо или не приводя доказательств*)	*b. According to / по данным* (*as shown by something or stated by someone* [Cambridge Dictionary] / *как показывает что-либо или указывается кем-либо*)
c. May / мочь (*you use may to indicate that there is a possibility that something is true, but you cannot be certain* [Collins Online Dictionary] / *используется для указания на то, что существует вероятность того, что что-либо является правдой, но уверенность в этом отсутствует*)	*c. Will / модальный глагол* (*used to talk about what is going to happen in the future, especially things that you are certain about or things that are planned* [Cambridge Dictionary] / *используется для того, чтобы говорить о том, что произойдет в будущем, в частности о том, в чем вы уверены, или о том, что запланировано*)
d. Potentially / возможно (*used to say that something may develop into something* [Oxford Learner's Dictionaries] / *используется для того, чтобы сказать, что что-либо может перерасти во что-то другое*)	*d. –*
a. Brutal / брутальный (*cruel, violent, and completely without feelings* [Cambridge Dictionary] / *очень свирепый, жестокий и совершенно бесчувственный*)	*a. –*
b. Vaunt / явить (*to describe, praise, or display (one's success, possessions, etc) boastfully* [Collins Dictionary] /	*b. Show / показать* (*if you show someone something, you give it to them, take them to it, or point to it, so that they*

хвастливо описывать, демонстрировать (свой успех, имущество и т.д.))	*can see it or know what you are referring to* [Collins Dictionary] / *если вы кому-то что-либо показываете, вы даете это им, подводите их к этому или указываете на это, чтобы они могли это увидеть или понять, на что вы ссылаетесь*)
c. Might / мощь (*power, force, or vigour, esp. of a great or supreme kind* [Collins Dictionary] / *могущество, сила или энергичность, в частности, великого или высшего рода*).	*c. Power / сила* (*you can use power to refer to a country that is very rich or important, or has strong military forces* [Collins Dictionary] / *вы можете использовать слово сила для обозначения страны, которая очень богата или важна, или обладает сильными вооруженными силами*)
2. Клаузы	
a. But its next move may come soon / *Но следующий шаг может произойти в ближайшее время.*	*a. But its next move will come sooner than you think / Но следующий шаг произойдет в ближайшее время.*
3. Полимодальная семантика	
Evs + P + M + D + Ex	*Evs+ Ex + D*

Лингвосинергетическое моделирование С-3: индирективная эвиденциальность - скрытая эвиденциальность (см. Таблицу 18)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Реализация семантики скрытого подвида информативной эвиденциальности, предполагающей указание на ненадежный источник получения информации, а также отсутствие полноценного видения картины действительности автором ЭДК (*С1*) потребовало внесения ряда изменений в

эвиденциальные операторы в ходе осуществления лингвосинергетического моделирования исходного дискурсивного отрывка.

2) Эвиденциальный оператор усиления значимости высказывания *order / распоряжаться* заменен на оператор сомнения *assume / допускать* (см. базовое высказывание (a)), оператор явного указания *show / показывать* и *sign / признак* заменены на оператор косвенного указания *mention / упоминать* (см. рему (d)).

3) Наряду с этим, в ходе моделирования были упразднены либо замещены ряд маркеров экспрессивности (*Ex*) – *brutal / брутальный*, *vaunt* / *явить* и *might / мощь,* придававшие сведениям о политическом режиме КНДР персональность, эмоциональность и образность, не характерную для скрытой эвиденциальности (см. рему (d)). Также при проведении лингвосинергетического моделирования было решено отказаться от персуазивной семантики (*P*) – упразднен маркер *order / распоряжаться*, что позволило *C1* избежать императивного воздействия на *O*, представив сведения о модернизации и расширении спутниковых объектов, а также результаты проведенного анализа в нейтральном ключе (см. базовое высказывание (a)).

4) Замещение операторов *show / показывать* и *sign / признак* вызвало необходимость исключения языковых единиц *a / артикль, number / количество, of / предлог* из моделируемого ЭДК для сохранения его логической связности.

5) Произведенные изменения нацелены на фактическую передачу информации об испытаниях, они позволяют *C1* снять с себя ответственность за ее достоверность, а также истинность сделанных выводов, одновременно удовлетворяя потребность читателя (*O*) в получении релевантных сведений. Немаловажно, что присущая рассматриваемому ЭДК дополнительная полимодальная семантика *Evs + M + D + Ex* подчеркивает сомнения *C1*, оказывая неявное воздействие на *O* при сохранении видимого нейтрального характера информации.

Таблица 18. Лингвосинергетическое моделирование (С-3): индирективная эвиденциальность – скрытая эвиденциальность

Исходный ЭДК (индирективная эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (скрытая эвиденциальность)
(88) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March, in one case* ***ordering*** *that it be modernised and expanded.* (b) *That* ***indicates*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) *But its next move* ***may*** *come soon.* (d) *And* ***analysis*** *of satellite imagery* ***shows*** *a number of* ***signs*** *that the government is preparing to* ***vaunt*** *its* ***might*** *with a large military parade,* ***potentially*** *on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il Sung, Mr Kim's grandfather and the architect of North Korea's* ***brutal*** *regime.* (e) *State media have* ***suggested*** *that the anniversary will be "****grandly****" celebrated* [Why is North Korea launching rockets again 2022] / (a) *В марте г-н Ким посетил спутниковые объекты, в одном случае* ***распорядившись*** *об их модернизации и расширении.* (b) *Это* ***указывает*** *на то, что режим еще* ***не*** *готов вывести спутник на орбиту.* (c) *Но следующий шаг* ***может*** *произойти в ближайшее*	(91) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March* ***assuming*** *that it be modernised and expanded.* (b) *That* ***indicates*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) *But its next move* ***may*** *come soon.* (d) *And* ***analysis*** *of satellite imagery* ***mentions*** *that the government is preparing to* ***show*** *its* ***power*** *with a large military parade,* ***potentially*** *on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il Sung, Mr Kim's grandfather and the architect of North Korea's regime.* (e) *State media have* ***suggested*** *that the anniversary will be "****grandly****" celebrated* / (a) *В марте г-н Ким посетил спутниковые объекты,* ***допуская*** *их возможную модернизацию и расширение.* (b) *Это* ***указывает*** *на то, что режим еще* ***не*** *готов вывести спутник на орбиту.* (c) *Но следующий шаг* ***может*** *произойти в ближайшее время.* (d) *В* ***анализе*** *спутниковых снимков* ***упоминается****, что правительство КНДР готовится*

время. (d) ***Анализ*** *спутниковых снимков* ***демонстрирует*** *ряд* ***признаков*** *того, что правительство КНДР готовится* ***явить*** *свою* ***мощь*** *большим военным парадом,* ***возможно,*** *15 апреля, чтобы отпраздновать 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника* ***брутального*** *режима Северной Кореи.* (e) *Государственные СМИ* ***предполагают****, что годовщину отметят «****грандиозно****».*	***показать*** *свою* ***силу*** *большим военным парадом,* ***возможно,*** *15 апреля, чтобы отпраздновать 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника политического режима Северной Кореи.* (e) *Государственные СМИ* ***предполагают****, что годовщину отметят «****грандиозно****».*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Order / распоряжаться (*if a person in authority orders someone to do something, they tell them to do it* [Collins Online Dictionary] / *если человек, наделенный властью, приказывает кому-либо сделать что-либо, он говорит им сделать это*)	*a. Assume / допускать* (*to accept that something is true without being sure about it* [Cambridge Dictionary] / *принять то, что что-либо является правдой, не будучи уверенным в этом*)
b. Show / показывать (*if something shows that a state of affairs exists, it gives information that proves it or makes it clear to people* [Collins Online Dictionary] / *если что-либо показывает текущее положение дел, оно содержит информацию, позволяющую доказать или прояснить это людям*)	*b, c. Mention / упоминать* (*to refer to something or someone* [Cambridge Dictionary] / *ссылаться на что- то или кого-то*).

c. Sign / признак (*if there is a sign of something, there is something which shows that it exists or is happening* [Collins Online Dictionary] / *если имеется признак чего-либо, есть что-то, что показывает, что это существует или происходит*)	
d. Brutal / брутальный (*cruel, violent, and completely without feelings* [Cambridge Dictionary] / *очень свирепый, жестокий и совершенно бесчувственный*)	*d. –*
c. Vaunt / явить (*to describe, praise, or display (one's success, possessions, etc) boastfully* [Collins Dictionary] / *хвастливо описывать, демонстрировать (свой успех, имущество и т.д.)*)	*c. Show / показать* (*if you show someone something, you give it to them, take them to it, or point to it, so that they can see it or know what you are referring to* [Collins Dictionary] / *если вы кому-то что-либо показываете, вы даете это им, подводите их к этому или указываете на это, чтобы они могли это увидеть или понять, на что вы ссылаетесь*)
d. Might / мощь (*power, force, or vigour, esp. of a great or supreme kind* [Collins Dictionary] / *могущество, сила или энергичность, в частности, великого или высшего рода*).	*d Power / сила* (*you can use power to refer to a country that is very rich or important, or has strong military forces* [Collins Dictionary] / *вы можете использовать слово сила для обозначения страны, которая очень богата или важна, или обладает сильными вооруженными силами*)

2. Другие языковые единицы	
a. A / артикль	*a.* –
b. Number / количество	*a.* –
c. Of / предлог	*b.* –
3. Полимодальная семантика	
Evs + P + M + D + Ex	*Evs + M + D + Ex*

Лингвосинергетическое моделирование D-3: индирективная эвиденциальность - аксиологическая эвиденциальность (см. Таблицу 19)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Потребность в актуализации семантики аксиологической эвиденциальности, направленной на привлечение и акцентирование внимания адресата (*O*) на наиболее значимой по мнению автора (*C1*) информации посредством оценивания, а также приведения различного рода доводов и иллюстрирования, предполагает предпочтительное использование эвиденциальных операторов выражения мнения.

2) В рамках настоящего ЭДК оператор явного указания *indicate / указывать* был заменен на оператор выражения мнения *appear / представляться* (см. развитие темы (b)), оператор сомнения *suggest / предполагать* – на оператор выражения мнения *believe / считать* (см. рему (e)). Вместе с тем был опущен оператор явного указания *sign / признак* (см. рему (d)).

3) Реализация интенциональной доминанты регулятивной эвиденциальности потребовала устранения персуазивной семантики (*P*), в результате чего оператор усиления значимости высказывания *order / распоряжаться* был замещен на оператор явного указания *say / сообщать* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] */ произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*) (см. базовое высказывание (a)).

4) Элиминация показателя *sign / признак* обусловила исключение языковых единиц *a / артикль, number / количество, of / предлог* из моделируемого ЭДК для сохранения его логической связности. Модификация показателя *indicate / указывать* привела к замещению языковой единицы *that / то* на *it / это.*

5) Проведенные лингвистические трансформации позволили *C1* обратить внимание *O* на выводы о результатах посещения г-ном Кимом спутниковых объектов, а также акцентировать внимание *O* на сведениях о предстоящем параде, факт проведения которого может подтверждать истинность приведенных выше доводов.

Тем самым образованный в ходе проведения лингвосинергетического моделирования ЭДК приобретает полимодальную семантику и репрезентирует модель *Evs + M + D + Ex*, характерную для аксиологического подвида регулятивной эвиденциальности.

Таблица 19. Лингвосинергетическое моделирование (D-3): индирективная эвиденциальность – аксиологическая эвиденциальность

Исходный ЭДК (индирективная эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (аксиологическая эвиденциальность)
(88) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March, in one case* ***ordering*** *that it be modernised and expanded.* (b) *That* ***indicates*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) *But its next move* ***may*** *come soon.* (d) *And* ***analysis*** *of satellite imagery* ***shows*** *a number of* ***signs*** *that the government is preparing to* ***vaunt*** *its* ***might*** *with a large military parade,* ***potentially*** *on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il*	(92) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March,* ***saying*** *that it be modernised and expanded.* (b) *It* ***appears*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) *But its next move* ***may*** *come soon.* (d) *And* ***analysis*** *of satellite imagery* ***shows*** *that the government is preparing to* ***vaunt*** *its* ***might*** *with a large military parade,* ***potentially*** *on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il Sung, Mr Kim's grandfather and the*

Sung, Mr Kim's grandfather and the architect of North Korea's ***brutal*** *regime.* (e) *State media have* ***suggested*** *that the anniversary will be "****grandly****" celebrated* [Why is North Korea launching rockets again 2022] / (a) *В марте г-н Ким посетил спутниковые объекты, в одном случае* ***распорядившись*** *об их модернизации и расширении.* (b) *Это* ***указывает*** *на то, что режим еще* ***не*** *готов вывести спутник на орбиту.* (c) *Но следующий шаг* ***может*** *произойти в ближайшее время.* (d) ***Анализ*** *спутниковых снимков* ***демонстрирует*** *ряд* ***признаков*** *того, что правительство КНДР готовится* ***явить*** *свою* ***мощь*** *большим военным парадом,* ***возможно,*** *15 апреля, чтобы отпраздновать 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника* ***брутального*** *режима Северной Кореи.* (e) *Государственные СМИ* ***предполагают****, что годовщину отметят «****грандиозно****».*	*architect of North Korea's* ***brutal*** *regime.* (e) *State media* ***believe*** *that the anniversary will be "****grandly****" celebrated /* (a) *В марте г-н Ким посетил спутниковые объекты,* ***сообщив*** *об их модернизации и расширении.* (b) ***Представляется****, что режим еще* ***не*** *готов вывести спутник на орбиту.* (c) *Но следующий шаг* ***может*** *произойти в ближайшее время.* (d) ***Анализ*** *спутниковых снимков* ***показывает****, что правительство КНДР готовится* ***явить*** *свою* ***мощь*** *большим военным парадом,* ***возможно,*** *15 апреля, чтобы отпраздновать 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника* ***брутального*** *политического режима Северной Кореи.* (e) *Государственные СМИ* ***считают****, что годовщину отметят «****грандиозно****».*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	
a. Indicate / указывать (*to show something, point to something, or make something clear* [Cambridge Dictionary]	*a. Appear / представляться* (*if you say that something appears to be the way you describe it, you are reporting what you*

/ *показывать, указывать или прояснять*)	*believe or what you have been told* [Collins Online Dictionary] / *если вы говорите, что что-либо представляется таковым, как вы описываете это, вы высказываете свое мнение или передаете то, что вам сообщили*)
b. Suggest / предполагать (*to communicate or show an idea or feeling without stating it directly or giving proof* [Cambridge Dictionary] / *сообщать или демонстрировать идею или чувство, не заявляя об этом прямо или не приводя доказательств*)	*b. Believe / считать* (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] */ думать, что что-то является истинным, корректным или реальным*).
c. Sign / признак (*if there is a sign of something, there is something which shows that it exists or is happening* [Collins Online Dictionary] / *если имеется признак чего-либо, есть что-то, что показывает, что это существует или происходит*)	c. –
d. Order / распоряжаться (*if a person in authority orders someone to do something, they tell them to do it* [Collins Online Dictionary] / *если человек, наделенный властью, приказывает кому-либо сделать что-либо, он говорит им сделать это*)	*d. Say / сообщать* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] */ произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*)

2. Другие языковые единицы	
a. A / артикль	*a.* –
b. Number / количество	*a.* –
c. Of / предлог	*b.* –
d. That / это	*d. it / это*
3. Полимодальная семантика	
Evs + P + M + D + Ex	*Evs + M + D + Ex*

Лингвосинергетическое моделирование Е-3: индирективная эвиденциальность – логическая эвиденциальность (см. Таблицу 20)

Этап 2: Изменение исходного и изучение специфики моделируемого ЭДК

1) Актуализация семантики логического подвида регулятивной эвиденциальности связана с применением / нарушением основополагающих принципов логики в процессе передачи сведений различного рода и обозначения их источника. При этом интерпретация сведений автором (*C1*) чаще всего осуществляется посредством эвиденциальных операторов выражения мнения, прогнозирования и сомнения и имеет своей целью формирование у потенциального читателя (*O*) определенного отношения к передаваемой информации.

2) В ходе проведения моделирования эвиденциальный оператор явного указания *indicate / указывать* заменен на оператор выражения мнения *appear / представляться* (см. развитие темы (b)), а сочетание операторов явного указания *show / показывать* и *sign / признак* – на оператор выражения мнения *conclude / делать вывод* (см. рему (d)).

3) Необходимость репрезентации значения логической эвиденциальности также обусловила элиминацию персуазивности (*P*), несвойственной для данного подвида – персуазивный маркер *order / распоряжаться* замещен на эвиденциальный оператор прогнозирования *hope / надеяться* (см. базовое высказывание (a)). Важно подчеркнуть, что в рамках настоящего ЭДК

важнейшую роль играет сочетание базовой эвиденциальной семантики (*Evs*) с семантикой модальности (*M*), дополняемое значениями отрицания (*D*) и экспрессивности (*Ex*).

4) Модификация показателя *indicate / указывать* привела к замене языковой единицы *that / то* на *it / это.* Замещение операторов *show / показывать* и *sign / признак* явилось причиной исключения языковых единиц *a / артикль, number / количество, of / предлог* из моделируемого ЭДК с целью сохранения его логической связности.

5) *C1* грамотно оперирует эвиденциальными операторами, сочетает их с обозначенными выше модусными смыслами, выделяет наиболее значимые сведения, логически выстраивает повествование необходимым для себя образом и тем самым оказывает воздействие на *O*, изменяя его восприятие действительности. *C1* может стремиться привлечь внимание *O* к испытаниям, проводимым КНДР, указав на их потенциальную угрозу, связанную с запуском баллистических ракет в обозримом будущем. Моделируемый ЭДК репрезентирует синергетическую модель *Evs + M + D + Ex.*

Таблица 20. Лингвосинергетическое моделирование (Е-3): индирективная эвиденциальность – логическая эвиденциальность

Исходный ЭДК (индирективная эвиденциальность)	Моделируемый ЭДК (логическая эвиденциальность)
(88) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March, in one case* ***ordering*** *that it be modernised and expanded.* (b) *That* ***indicates*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) *But its next move* ***may*** *come soon.* (d) *And* ***analysis*** *of satellite imagery* ***shows*** *a number of* ***signs*** *that the government is preparing to* ***vaunt*** *its*	(93) (a) *Mr Kim paid visits to satellite facilities in March,* ***hoping*** *that it be modernised and expanded.* (b) ***It appears*** *that the regime is* ***not*** *ready to put a satellite into orbit quite yet.* (c) *But its next move* ***may*** *come soon.* (d) *And* ***analysis*** *of satellite imagery* ***concludes*** *that the government is preparing to* ***vaunt*** *its* ***might*** *with a large military parade,*

might *with a large military parade,* ***potentially*** *on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il Sung, Mr Kim's grandfather and the architect of North Korea's* ***brutal*** *regime.* (e) *State media have* ***suggested*** *that the anniversary will be "****grandly****" celebrated* [Why is North Korea launching rockets again 2022] / (a) *В марте г-н Ким посетил спутниковые объекты, в одном случае* ***распорядившись*** *об их модернизации и расширении.* (b) *Это* ***указывает*** *на то, что режим еще* ***не*** *готов вывести спутник на орбиту.* (c) *Но следующий шаг* ***может*** *произойти в ближайшее время.* (d) ***Анализ*** *спутниковых снимков* ***демонстрирует*** *ряд* ***признаков*** *того, что правительство КНДР готовится* ***явить*** *свою* ***мощь*** *большим военным парадом,* ***возможно,*** *15 апреля, чтобы отпраздновать 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника* ***брутального*** *режима Северной Кореи.* (e) *Государственные СМИ* ***предполагают****, что годовщину отметят «****грандиозно****».*	***potentially*** *on April 15th to celebrate the 110th anniversary of the birth of Kim Il Sung, Mr Kim's grandfather and the architect of North Korea's* ***brutal*** *regime.* (e) *State media have* ***suggested*** *that the anniversary will be "****grandly****" celebrated /* (a) *В марте г-н Ким посетил спутниковые объекты, в* ***надежде*** *на их модернизацию и расширение.* (b) ***Представляется****, что режим еще* ***не*** *готов вывести спутник на орбиту.* (c) *Но следующий шаг* ***может*** *произойти в ближайшее время.* (d) ***Анализ*** *спутниковых снимков позволяет* ***сделать вывод,*** *что правительство КНДР готовится* ***явить*** *свою* ***мощь*** *большим военным парадом,* ***возможно****, 15 апреля, чтобы отпраздновать 110-ю годовщину со дня рождения Ким Ир Сена, деда г-на Кима – основоположника* ***брутального*** *политического режима Северной Кореи.* (e) *Государственные СМИ* ***предполагают****, что годовщину отметят «****грандиозно****».*
1. Эвиденциальные операторы и маркеры других модусных категорий	

a. Indicate / указывать (*to show something, point to something, or make something clear* [Cambridge Dictionary] / *показывать, указывать или прояснять*)	*a. Appear / представляться* (*if you say that something appears to be the way you describe it, you are reporting what you believe or what you have been told* [Collins Online Dictionary] / *если вы говорите, что что-либо представляется таковым, как вы описываете это, вы высказываете свое мнение или передаете то, что вам сообщили*)
b. Show / показывать (*if something shows that a state of affairs exists, it gives information that proves it or makes it clear to people* [Collins Online Dictionary] / *если что-либо показывает текущее положение дел, оно содержит информацию, позволяющую доказать или прояснить это людям*)	*b, c. Conclude / делать вывод* (*to judge or decide something after thinking carefully about it* [Cambridge Dictionary] / *судить или принимать решение о чем-то после тщательного обдумывания этого*)
c. Sign / признак (*if there is a sign of something, there is something which shows that it exists or is happening* [Collins Online Dictionary] / *если имеется признак чего-либо, есть что-то, что показывает, что это существует или происходит*)	
d. Order / распоряжаться (*if a person in authority orders someone to do something, they tell them to do it* [Collins Online Dictionary] / *если человек,*	*d. Hope / надеяться* (*to want something to happen or to be true, and usually have a good reason to think that it might* [Cambridge Dictionary] /

наделенный властью, приказывает кому-либо сделать что-либо, он говорит им сделать это)	*хотеть, чтобы что-либо произошло или было правдой, и обычно иметь вескую причину думать, что это может случиться*)
2. Другие языковые единицы	
a. A / артикль	*a. –*
b. Number / количество	*a. –*
c. Of / предлог	*b. –*
d. That / это	*d. it / это*
3. Полимодальная семантика	
Evs + P + M + D + Ex	*Evs + M + D + Ex*

В результате проведения лингвосинергетического моделирования было установлено, что ЭДК, обладающий значением индиректива подвида суггестивной эвиденциальности, может актуализироваться посредством директивного подвида, нейтрального и скрытого подвидов информативной эвиденциальности, а также аксиологического и логического подвидов регулятивной эвиденциальности. В каждом отдельном случае осуществления процесса моделирования реорганизация ЭДК сопровождалась анализом типовых особенностей и интенциональной направленности ЭДК, а также предполагаемой интенциональности моделируемого ЭДК. Ввиду экспериментального характера процесса лингвосинергетического моделирования в ходе его реализации не учитывались коммуникативные цели и задачи автора, а также целевая аудитория эвиденциального воздействия. Модификация базовой эвиденциальной семантики и дополнительной полимодальной семантики была обусловлена видом / подвидом эвиденциальности, присущим моделируемому ЭДК. Вместе с тем, произведенные замены вспомогательных единиц исходного отрывка были вызваны значимостью сохранения связности конечного ЭДК.

***

В целом, проведенное лингвосинергетическое моделирование позволило подтвердить гипотезу исследования. В рамках новостного, рекламного и

политического дискурса массмедиа базовая интенциональная направленность ЭДК может быть изменена в соответствии с коммуникативными целями и задачами автора и в связи с необходимостью оказания определенного эвиденциального воздействия на адресата / читателя. Тем самым ЭДК, репрезентирующий тот или иной вид / подвид эвиденциальности может быть представлен в рамках иного вида / подвида данной модусной категории.

Результаты анализа показывают, что в пространстве массмедийного дискурса передаваемые при помощи ЭДК сообщения могут оказывать определенное воздействие на конечного адресата, при этом характер этого воздействия определяется картиной мира, а также коммуникативной целью, стоящей перед автором. Применительно к типам массмедийного дискурса можно говорить о следующих базовых интенциях – информировать, привлекать внимание и заинтересовывать, а также убеждать и побуждать. Указанные интенции соответствуют новостному, рекламному и политическому дискурсу массмедиа соответственно и реализуются в рамках информативной (нейтральной и скрытой), регулятивной (аксиологической и логической) и суггестивной (директивной и индирективной) эвиденциальности. Следует отметить, что несмотря на соотнесенность базовых интенций с тем или иным дискурсом, они могут реализовываться в различных ЭДК. Кроме того, возможны ситуации, при которых в рамках одного и того же ЭДК можно наблюдать пересечение двух или сразу трех обозначенных интенций, однако, как правило, представляется возможным выделить доминирующую интенцию.

В ходе проведенного исследования было установлено, что содержащаяся в ЭДК информация может быть представлена посредством одного из обозначенных видов и подвидов эвиденциальности, тем самым одни и те же сведения будут приобретать различную коммуникативную направленность и, вследствие этого, могут по-разному восприниматься адресатом / читателем. Определяющим эффект воздействия фактором является выбор автором коммуникации конкретных эвиденциальных операторов, формирующих повествование и порождающих ту или иную картину мира в сознании адресата /

читателя. В процессе взаимодействия с адресатом автор может передавать сведения «как есть», формируя объективную картину действительности, либо случайно / умышленно искажать картину действительности читателя, уводя повествование в область квази- и ирреальности. В рамках ЭДК автор также может обращаться к эвиденциальности, репрезентируемой при помощи субъектов коммуникации, тем самым дистанцируясь от передаваемой информации и снимая с себя ответственность за актуальность сведений и достоверность их источника. Оперирование автора высказываниями субъектов коммуникации может также свидетельствовать о его желании оказать имплицитное воздействие на адресата / читателя. Эффект эвиденциального воздействия также достигается благодаря обращению к значениям, актуализируемым при помощи входящих в эвиденциальную синергетическую модель модусных категорий, реализующих принципы взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов и упорядочивающихся в пространстве модели в соответствии с принципом самоорганизации. Эвиденциальная семантика расширяется за счет совпадения эвиденциальных операторов с маркерами других модусных категорий в узловых точках, либо благодаря употреблению указанных показателей в промежуточной области развертывания ЭДК. Данные модусные маркеры также могут быть модифицированы в процессе лингвосинергетического моделирования.

Таким образом, в процессе лингвосинергетического моделирования при сохранении видимой структуры и содержательной части рассматриваемого ЭДК происходит замещение эвиденциальных операторов, а также маркеров других модусных категорий в зависимости от вида и подвида эвиденциальности. Сопутствующим изменениям могут также подвергаться языковые единицы, составляющие промежуточную область развертывания ЭДК. При этом необходимость любого рода трансформаций определяется авторскими установками, носит исключительно вынужденный характер и обусловлена необходимостью сохранения глобальной и локальной связности текста как репрезентанта дискурса.

Значимость проведенного исследования проявляется в возможности обращения к семантике информативной, регулятивной и суггестивной эвиденциальности для оказания эксплицитного и имплицитного воздействия на адресата / читателя в зависимости от коммуникативных целей и задач автора, определяющих достижение ЭДК состояния аттрактора, а также корректной интерпретации поступающих сообщений. Лингвосинергетическое моделирование ЭДК позволяет осуществлять взаимодействие с различными сегментами адресатов / читателей, тем самым повышая оказываемый эффект воздействия за счет «подстройки» под интересы и потребности конкретной группы людей. В частности, лингвосинергетическое моделирование дает возможность подготовить несколько вариантов сообщений для того, чтобы попытаться наилучшим образом охватить различные типы адресной аудитории.

Знание и понимание специфики лингвосинергетического эвиденциального моделирования также будет способствовать выявлению основной информации, на которую следует обращать внимание в процессе интерпретации полученных сведений. При этом исходя из интенциональной направленности выделенных видов эвиденциальности, можно предположить, что информативная эвиденциальность в наибольшей мере репрезентирует адекватную картину реальности в силу нейтрального характера используемых эвиденциальных операторов, а также незначительной выраженности дополнительной модальной семантики. Однако, данное утверждение далеко не всегда соответствует действительности. Так, например, обращение к информативной эвиденциальности может быть вызвано необходимостью сгладить негативный характер актуализируемых сведений, либо придать им более официальный характер. Таким образом, в ходе извлечения содержательной части сообщения, репрезентируемой в том или ином дискурсивном контексте, читатель должен опираться исключительно на его информативную часть, в отрыве от используемых автором эвиденциальных операторов, а также показателей других модусных категорий.

Приведенные доводы позволяют говорить о двунаправленном характере лингвосинергетического эвиденциального моделирования. Знание и умелое использование механизмов такого рода моделирования, с одной стороны, может превратить его в инструмент эффективного воздействия на адресата / читателя, за счет реализации информативного, регулятивного и суггестивного потенциалов эвиденциальности. С другой стороны, осведомленность адресата / читателя о возможных способах осуществления эвиденциального воздействия позволит ему избежать возможного негативного эффекта искаженного восприятия сведений, будет способствовать грамотному противостоянию манипулированию, отсеиванию фейковых сообщений и, в целом, адекватной оценке и интерпретации поступающей информации. Полученные результаты позволяют понять структурные и содержательные особенности дискурсивных отрывков, представляющих различные типы медиадискурса, а также предоставляют возможность проведения системного анализа ЭДК в процессе осуществления лингвосинергетического эвиденциального моделирования.

Выводы по главе 4

1) В ходе передачи того или иного сообщения, автор осуществляет эвиденциальное воздействие на читателя, обращаясь к различным полимодальным смыслам, актуализируемым посредством различных видов и подвидов модусной категории «эвиденциальность» в зависимости от интенциональной направленности ЭДК, а также коммуникативных целей и задач, тем самым изменяя восприятие сведений конечным адресатом.

2) Лингвосинергетическое моделирование представляет собой исследование ЭДК, репрезентирующего определенный вид / подвид эвиденциальности в рамках изменения его интенциональной направленности. Моделирование затрагивает как узловые точки, так и промежуточную область развертывания ЭДК, включая способ обозначения автора / субъекта ЭВ, употребление эвиденциальных операторов, маркеров других модусных категорий, а также содержание передаваемого сообщения. Итогом

линвосинергетического моделирования является переход ЭДК, отражающего тот или иной вид / подвид эвиденциальности, в другой вид / подвид данной категории.

3) Целью лингвосинергетического моделирования является достижение ЭДК состояния аттрактора – состояния реализации коммуникативных намерений автора по оказанию необходимого эвиденциального воздействия на читателя. Объем вносимых в ЭДК изменений определяется задачами автора, целевой аудиторией эвиденциального воздействия, типовой спецификой ЭДК, особенностями вида / подвида эвиденциальности, присущей исходному ЭДК, а также вида / подвида эвиденциальности моделируемого ЭДК.

4) Лингвосинергетическое моделирование осуществляется с опорой на представленные в исследовании классификации эвиденциальности, описывающие особенности взаимопроникновения и взаимодополнения полимодальных смыслов в дискурсивном пространстве массмедиа, а также с учетом лингвосинергетического принципа самоорганизации, согласно которому элементы, составляющие исследуемый ЭДК, распределяются, упорядочиваются и систематизируются в его пространстве.

5) Разработанный в рамках настоящего исследования алгоритм лингвосинергетического моделирования включает два обязательных этапа анализа, предполагающих изучение и модификацию исходного ЭДК, а также рассмотрение специфики моделируемого ЭДК с учетом основополагающих синергетических принципов взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации.

6) В процессе лингвосинергетического моделирования ЭДК (1) обозначается тематика и основное содержание; (2) устанавливается типовая принадлежность и интенциональная направленность; (3) описываются эвиденциальные операторы, базовая эвиденциальная семантика и очерчиваются принципы самоорганизации; (4) выявляется добавочная эвиденциальная семантика; (5) раскрывается специфика возможного воздействия автора на

читателя; (6) идентифицируется вид / подвид эвиденциальности; (7) обозначаются коммуникативные цели и задачи моделирования; (8) определяется необходимая интенциональная направленность и вид / подвид эвиденциальности моделируемого ЭДК; (9) происходит замещение эвиденциальных операторов, актуализирующих базовую эвиденциальную семантику; (10) вносятся необходимые изменения в добавочную эвиденциальную семантику; (11) модифицируются вспомогательные языковые единицы; (12) описывается возможный эффект воздействия базовой и добавочной полимодальной семантики на читателя.

7) Знание и умелое следование разработанному в диссертационном исследовании алгоритму лингвосинергетического моделирования превращает его в инструмент эффективного эвиденциального воздействия на адресата / читателя благодаря возможности реализации информативного, регулятивного и суггестивного потенциала модусной категории «эвиденциальность». Наряду с этим, осведомленность адресата / читателя о возможных способах осуществления подобного воздействия способствует нивелированию негативного эффекта искаженного восприятия сведений, позволяет грамотно противостоять манипулированию, отсеивать фейковые сообщений, адекватно воспринимать и квалифицировать полученную информацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В центре внимания настоящего диссертационного исследования находится считавшаяся до недавнего времени экзотической категория «эвиденциальность». Основанная на личном опыте говорящего, его логических рассуждениях или цитации, эвиденциальность приковывает внимание лингвистов вследствие того, что в процессе коммуникации человек не может не ссылаться на источник информации. Языковые средства категории «эвиденциальность» выступают в качестве маркеров сообщаемой информации, отражают языковую картину мира говорящего, способствуют передаче его отношения к источнику транслируемых сведений, а также позволяют квалифицировать и интерпретировать сообщаемые факты. В эпоху цифровизации и дигитализации медиапространства происходит значительное изменение и расширение функционального предназначения эвиденциальности. И если изначально целью любого ЭВ являлась передача объективного содержания сообщения и обозначение его источника, то в текущих реалиях в дискурсе массмедиа категория «эвиденциальность» превращается в действенный инструмент воздействия на восприятие сведений адресатом. Оказание такого рода воздействия предполагает субъективный отбор и компоновку транслируемых сведений, не исключает вероятность их случайного / целенаправленного искажения и определяется авторской установкой. Очевидным является тот факт, что современная медийная практика обострила проблему маркировки источника информации, вызвав необходимость теоретического и практического изучения актуализации эвиденциальной семантики в языке.

Значимость понимания механизмов формирования, представления и модификации эвиденциальной семантики обусловила логику настоящего научного исследования, определив индуктивный метод в качестве основного метода познания, обеспечивающего переход от частного к общему знанию. В этой связи, выявление природы и структурных особенностей категории «эвиденциальность» потребовало проведения анализа категориальной системы языка, включающей философские, понятийные и языковые категории.

Обращение к основополагающим моделям категориального видения мира в контексте проводимого исследования позволило рационализировать многообразие представленных в работе классификаций языковых категорий, разрешить проблему лингвистической категоризации и определить место эвиденциальности в категориальной системе языка. Исследование представленности эвиденциальности в языках различных типов продемонстрировало возможность реализации эвиденциальной семантики с помощью лексических, морфологических либо синтаксических показателей. В зависимости от типа языковой системы, эвиденциальность может выражаться с помощью глагольных форм (например, в албанском, болгарском и македонском языках), а также лексических, морфологических либо синтаксических показателей (например, в русском, немецком, английском языках).

Изучение существующих способов актуализации эвиденциальной семантики, классификаций эвиденциальных значений, типов источников информации, а также видов эвиденциальности в языке неизбежно привело к ее рассмотрению как модусной квалификативной категории, исполняющей роль указания на источник информации, репрезентирующей отношение автора / субъекта коммуникации к сообщению, обеспечивающей возможность различной интерпретации того или иного концептуального содержания и формирования на его основе отдельных оттенков значений с целью оказания воздействия на адресата / читателя. При этом возникающие в ходе продуцирования ЭВ аксиологические смыслы наиболее полно раскрываются в пространстве массмедийного дискурса в силу его динамичности, диалогичности и погруженности в ситуацию общения. Исследование показало, что эвиденциальные смыслы могут актуализироваться в дискурсе посредством маркеров – эвиденциальных операторов, репрезентирующих отношение автора / субъекта коммуникации к передаваемой информации и обеспечивающих возможность смыслообразования с целью оказания необходимого воздействия на адресата / читателя.

Обращение к интегральному лингвосинергетическому подходу к анализу дискурса, базирующемуся на основополагающих принципах синергетики – взаимодополнении, взаимопроникновении и самоорганизации – позволило объединить существующие подходы к дискурс-анализу (теорию дискурса Лакло-Муфф, критический дискурс-анализ, дискурсивную психологию, культурологический и дескриптивный подходы), а также выявить особенности формирования и реализации эвиденциальной семантики. В ходе проведения исследования была разработана методика лингвосинергетического анализа модусной категории «эвиденциальность», включающая (1) разработку синергетической модели ЭВ; (2) построение синергетической эвиденциальной дискурсивной модели; (3) выведение синергетической модели сцепления эвиденциальности с модусными категориями «авторизация», «персональность», «темпоральность», «аппроксимация», «восприятие», «отрицание», «персуазивность», «модальность», «оценочность», «экспрессивность», «эмотивность»; (4) описание различных моделей и типов сцепления эвиденциальности и других модусных категорий в дискурсивном пространстве новостного, рекламного и политического дискурса массмедиа; (5) выявление узловых точек и промежуточной области развертывания ЭДК; (6) исследование совокупности полимодальных смыслов, характеризующих ЭВ и реализующихся в дискурсивном пространстве массмедиа; (7) идентификацию рефлексивности личности автора ЭДК; (8) комплексный лингвистический анализ ЭДК; (9) проведение классификации видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации и коммуникативной стратегии в массмедийном дискурсе; (10) осуществление лингвосинергетического моделирования модусной категории эвиденциальность с учетом изменения интенциональной направленности исходного ЭДК. Последовательная реализация представленных выше шагов лингвосинергетического анализа призвана обеспечить всестороннее изучение структуры и специфики функционирования категории «эвиденциальность» в синергетичном дискурсивном пространстве массмедиа. При этом достоверность и обоснованность результатов исследования

достигается за счет целостности и прозрачности разработанной методики анализа.

Лингвосинергетический анализ эвиденциальности также обнаруживает соответствие критическому исследованию, благодаря возможности построения и экспериментальной проверки различных моделей и гипотез. В частности, для продвижения понимания механизмов построения высказываний субъекта коммуникации при передаче различной информации, в работе была определена синергетическая модель ЭВ. На основании данной модели описана специфика воздействия субъекта коммуникации на исходный материал с помощью того или иного эвиденциального оператора. Анализ показал, что выбор говорящим оператора задает направление развертывания ЭВ и зависит от коммуникативных целей и намерений говорящего.

Благодаря выведению лингвосинергетической эвиденциальной дискурсивной модели удалось обозначить границы ЭДК, объединяющего три коммуницирующие субъектные зоны – зону автора / нарратора, зону субъекта / действующего лица дискурса и зону адресата / читателя, учитывающего состояние субъектов, коммуникативные условия, а также когнитивные, экстралингвистические, прагматические и психолингвистические факторы. В процессе рассмотрения структуры ЭДК были установлены точки бифуркации (узловые точки и промежуточная область развертывания), представляющие области актуализации эвиденциального воздействия автора / субъекта коммуникации на адресата / читателя. Приведенный алгоритм интерпретации лингвосинергетической модели позволил объяснить, «как» и «почему» сообщения коммуникантов массмедийного дискурса устроены определенным образом, способствовал раскрытию специфики взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов, а также самоорганизации пространства ЭДК.

Изучение массмедийного дискурса сквозь призму лингвосинергетического подхода дало возможность разработать лингвосинергетическую модель сцепления эвиденциальности (*Ev*) и модусных категорий «авторизация» (*A*),

«аппроксимация» (*Aprx*), «восприятие» (*Ap*), «модальность» (*M*), «оценочность» (*Evl*), «отрицание» (*D*), «персональность» (*Ps*), «персуазивность» (*P*), «темпоральность» (*T*), «экспрессивность» (*Ex*), «эмотивность» (*Emt*), а также сделать вывод о приобретении эвиденциальностью добавочных эмоционально-оценочных смыслов и значений, свойственных другим модусным категориям. При этом речь идет не о сумме значений, репрезентируемых при помощи данных категорий, а о «полимодальной эвиденциальной семантике», основанной на принципах взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов и репрезентирующей два возможных типа синергетического сцепления – взаимодополнение (обязательное / возможное) и взаимопроникновение (обязательное / возможное). Дифференциация указанных типов сцепления эвиденциальности и других модусных категорий обусловила выявление базовой (*Evs*) и добавочной (*Evs + Aprx, D, M, Evl, P, Ex, Emt*) эвиденциальной семантики, а также позволило установить 58 возможных смысловых оттенков ЭВ.

Дальнейшее исследование принципов лингвосинергетического взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации, а также формируемой в пространстве ЭДК полимодальной эвиденциальной семантики продемонстрировало, что эффект эвиденциального воздействия на адресата / читателя зависит от выбора эвиденциальных операторов, специфики коммуникативной ситуации, а также целей и задач автора. Релевантность рассмотрения совокупности описанных выше значений для описания особенностей функционирования модусной категории «эвиденциальность» в языке предопределила изучение актуализации выявленных синергетических эвиденциальных моделей сцепления в новостном, политическом и рекламном медиадискурсе. Анализ показал, что в ходе оказания эвиденциального воздействия в рамках выделенных типов массмедийного дискурса реализуются три базовых интенции, основанных на информировании, убеждении и привлечении конечного адресата / читателя. При этом формируемая полимодальная эвиденциальная семантика также зависит от совпадения /

несовпадения позиции автора и субъекта коммуникации в процессе развертывания ЭДК и приводит к выведению авторской, субъектной и комбинированной эвиденциальности. В дискурсивном массмедийном пространстве обозначенные эвиденциальные виды находятся в состоянии взаимодействия, организуют диалог автора с субъектом коммуникации и придают информации дополнительные аксиологические смыслы, определяющие особенности квалификации сведений адресатом / читателем.

Кроме того, в результате проведенного анализа стало очевидно, что возможный характер восприятия информации адресатом / читателем определяется выбранной автором коммуникативной стратегией дискурса – регулятивной, суггестивной или информативной. Исследование продемонстрировало, что в дискурсивном пространстве массмедиа данные стратегии реализуются при помощи аксиологического, логического, директивного, индирективного, нейтрального или скрытого подвидов модусной категории «эвиденциальность», позволяющих автору обозначить источник получения сообщения и выразить свое отношение к передаваемой информации, а также выступающих в качестве инструмента модификации сведений для оказания необходимого воздействия на конечного адресата / читателя.

В настоящем диссертационном исследовании впервые описанию подвергается механизм лингвосинергетического моделирования, представляющий трансформацию ЭДК, отражающего тот или иной эвиденциальный вид / подвид в ЭДК, обладающий другой интенциональной направленностью и, соответственно, репрезентирующий отличный от исходного ЭДК вид / подвид модусной категории «эвиденциальность». Следование представленному в работе алгоритму лингвосинергетического моделирования позволило установить важнейшую роль эвиденциальности в передаче различного рода сведений в пространстве дискурса, а также обогатило представление о функциональной природе данной категории за счет определения ее информативного, регулятивного и суггестивного потенциала. Возможность осуществления лингвосинергетического моделирования, наряду с

несомненным суггестивным потенциалом категории «эвиденциальность», превращают ее в действенный инструмент воздействия на характер восприятия передаваемых сведений адресатом.

Опираясь на полученные результаты исследования, есть все основания утверждать, что представленная в настоящем исследовании методика проведения лингвосинергетического анализа обеспечивает комплексное исследование структурных и функциональных особенностей категории «эвиденциальность». С одной стороны, лингвосинергетический анализ позволил раскрыть сложную природу эвиденциальности, проявляющуюся в ее тесной связи с другими модусными категориями. С другой стороны, разработанная методика продемонстрировала значимость рассмотрения эвиденциальности в дискурсе, где одновременно действует множество факторов. Обращение к базовым лингвосинергетическим принципам взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации в ходе исследования функционирования эвиденциальности в медиадискурсе способствовало описанию полимодальной эвиденциальной семантики, возникающей в результате пересечения различных модусных смыслов. Наряду с этим лингвосинергетический анализ обеспечил возможность изучения специфики взаимодействия автора дискурса и субъекта коммуникации, оказывающих воздействие на читателя в рамках ЭВ / ЭДК. Наконец, разработанная методика дала возможность проведения лингвосинергетического моделирования ЭДК, раскрывая информативный, регулятивный и суггестивный потенциал эвиденциальности и превращая ее в средство управления восприятием транслируемых сведений читателем. Универсальный характер лингвосинергетического анализа способствует его применению к анализу проявления категории «эвиденциальность» в различных языках и типах дискурса, а также предусматривает возможность адаптации методики к изучению других модусных категорий.

Перспективы исследования модусной категории «эвиденциальность» видятся в следующем:

1) сопоставительном анализе эвиденциальных показателей в языках мира, выявлении общих и специфических особенностей, на которые следует обращать внимание при интерпретации полученной информации;

2) проведении экспериментальных исследований специфики реализации эвиденциального воздействия в различных языках;

3) обращении к ситуациям с отсутствием эвиденциальности, выявлении причин и следствий данного коммуникативного явления;

4) изучении медиальной и мультимодальной специфики актуализации эвиденциальности в дискурсивном пространстве;

5) дальнейшем исследовании специфики синергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий, уточнении представленной модели синергетического сцепления за счет рассмотрения ситуаций пересечения значений различных модусных категорий;

6) анализе невербальных средств репрезентации категории «эвиденциальность», включающем рассмотрение ситуаций пересечения лингвистической и паралингвистической эвиденциальной семантики;

7) привлечении информационных технологий, а также методов корпусной лингвистики для разработки автоматизированных средств моделирования исходных ЭДК;

8) формулировании профессиональных стандартов и инструкций для специалистов в области информационного моделирования;

9) создании алгоритмов противодействия нежелательному эвиденциальному воздействию в массмедийном пространстве;

10) разработке методики преподавания студентам, изучающим английский язык, правил адекватной передачи и восприятия различных сведений в целях минимизации языковых причин ошибочной оценки информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаева Б. Х. Понятие о функциональном синергизме в лингвистике // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 604–606.
2. Абрамова Е. С. Массмедийный дискурс: сущность и особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42). Ч. I. С. 17– 19.
3. Аванесова Н. В. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики // Вестник Югорского государственного университета. 2010. № 2 (17). С. 5–9.
4. Авдевнина О. Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук, 10.02.01. М., 2014. 47 с.
5. Адова Ю. Н. Ментальный модус как модусная категория // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 2: Филология. С. 125–131.
6. Акбаева Ф. Б. Метафоры в массмедийном нутринутриональном дискурсе: онтологические, концептуальные и вербальные характеристики (на материале англоязычных кулинарных рецептов): дис. … канд. филол. наук, 5.9.6. Пятигорск, 2023. 189 с.
7. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 392 с.
8. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурологическая синергетика дискурса // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Сб. материалов X Международной научно-практической конференции Ч. 1. Иркутск, 2005. С. 22-27.
9. Алефиренко Н. Ф. Категория имплицитности художественного текста в когнитивно-дискурсивном аспекте // Гуманитарные исследования, 2011. №2 (38). С. 28–34.
10. Алимурадов О. А. Глобальный смысл: природа, специфика порождения и интерпретации на уровне текста // Номинация и дискурс: материалы докл. междунар. науч. конф. Минск, 2006. С. 3–5.

11. Амиров А. Т. Имплицитное отрицание в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Моск. гос. пед. иностр. яз. им. Мориса Тореза. М., 1981. 32 с.

12. Аникин Е. Е., Чудинов А. П. Дискуссия о русской языковой картине мира: абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство) // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 11–14.

13. Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 4. М., 1974. С. 320–330.

14. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избр. тр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 629–650.

15. Арама Б. Е., Шахнарович А. М. Интонация и модальность. М.; Тамбов, 1997. 142 с.

16. Аржанова И. А. Дискурсивная функция высказывания в функциональном аспекте // Вестник Мордовского университета. 2008. № 3. С. 117–118.

17. Аржанова И. А. Содержательные категории текста в лингвистическом анализе // Вестник Мордовского университета. 2008. № 3. С. 119–120.

18. Аристотель. Категории / Под ред. Г. Ф. Александрова (с примечаниями и предисловием), перевод А. В. Кубицкого. Москва: ГСЭИ, 1939. 130 с.

19. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / под ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 683 с.

20. Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М.: Прогресс, 1990. 272 с.

21. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка М.: Просвещение, 1981. 303 с.

22. Артюнина А. А. «Мы» и «я» как лингвистические маркеры воспоминаний // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия Филология. Иркутск, 2013. №3. С. 133–138.

23. Арутюнова Н. Д. Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. 180 с.

24. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР, 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.

25. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

26. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука 1998. С. 101–197.

27. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол // Язык о языке: сб. ст. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–449.

28. Архипов И. К. Категория персональности / имперсональности: опыт когнитивного анализа // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация: сб. ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной. СПб.: Тригон, 2005. Ч. 1. Лексика и грамматика с когнитивной точки зрения. С. 198–206.

29. Аршинов В. И. Роль синергетики в формирования новой картины мира [Электронный ресурс] // Синергетика, 2005 [Электронный ресурс]. URL: https://reflexion.ru/Library/ Arschinov2005.doc (дата обращения: 02.06.2021)

30. Астахова Т. Н. Полевая структура эвиденциальности в немецком медиадискурсе: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Архангельск, 2015. 25 с.

31. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Просвещение, 1980. 268 с.

32. Бабаян В. Н. Критический анализ теории дискурса в плане учета молчащего наблюдателя // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, 1997. № 2. С. 30–32.

33. Бабер Н. В. Реализация категории эвиденциальности в немецком языке: Автореф… канд. фил. наук. М., 2012. 25 с.

34. Балабаева Ю. Е., Дзенс Н. И. Статус метарепрезентативных моделей в составе функционально-семантического поля эвиденциальности в немецком языке // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 4. Т. 1. Спб, 2009. С. 187–206.

35. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.

36. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда. Вступ. ст. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 394 с.

37. Баранов А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991. 64 с.

38. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387–422.

39. Беляева Е. И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: афтореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1988. 33 с.

40. Беляева Е. И. Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 157–170.

41. Беляевская Е. Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая концептуализация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии. Сб. научных трудов к 100-летию проф. И. И. Чернышевой. М., 2011. С. 13–30.

42. Бенвенист Э. Общая Лингвистика. М.: «Прогресс», 1974. 446 с.

43. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального воздействия. М., 1987.

44. Блох М. Я. Категория оппозиционного замещения // Вопросы теории англ. яз.: Труды МГПИ им. В. И. Ленина М., 1973. Вып. I с. 37–41.

45. Боднарук Е. В. Способы передачи внутренней речи персонажей в художественном произведении // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2010. № 5. С. 71–76.

46. Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентаций знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. к юбилею проф. Н. Н. Болдырева. Тамбов, 2005.

47. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2(7). С. 5–22.

48. Болдырев Н. Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2010. С. 46–60.

49. Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 5–14.

50. Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1(93). С. 9-16.

51. Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 17–120.

52. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е издание. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.

53. Болдырева А. А. Категория авторитетности в научном дискурсе // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. тр. ВГТУ. Воронеж, 2001.

54. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Основы эмотивной стилистики текста. Ташкент: Фан, 1981. 116 с.

55. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971. 114 с.

56. Бондарко А. В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования. М.: «Наука», 1974. С. 54–79.

57. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий, Л., 1976. 255 с.

58. Бондарко А. В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: 1990. С. 5–58.

59. Бондарко А. В. Персональность // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 5–40.

60. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / Отв. ред. В. Н. Ярцева, 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.

61. Бондарко А. В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 276–282.

62. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 288 с.

63. Борисова Е. Г. Имплицитная информация в лексике // Имплицитность в языке и речи. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 30–42.

64. Борисова А. С. Прагматика эмоций в современном рекламном дискурсе (на материале французского языка) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 133–147.

65. Борисова С. А. Темпоральность как смыслообразующий фактор в процессе текстовой коммуникации // Язык, сознание. Коммуникация: сб. ст. / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: Филология, 1997. Вып. № 1. С. 52–64.

66. Боуфал З. Р. Актуализация модусных категорий в диалектном высказывании: авторизация и персуазивность: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2017. 23 с.

67. Бочарова Е. А. Функционально-семантическое поле аппроксимации в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2002. 24 с.

68. Боэций. Каким образом Троица есть единый Бог, а не три Божества // Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 146.

69. Бронник Л. В. Лингвосинергетика и проблемы языкового развития lingvosynergetics and problems of language development // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов. Том Книга 9. Краснодар: ООО "Просвещение-Юг", 2016. С. 23-30.

70. Буданов В. Г. В поисках законов холизма. Синергетика, универсальный эволюцион и универсальная история, 2003 [Электронный ресурс]. URL: https://spkurdyumov.ru/evolutionism/v-poiskax-zakonov-xolizma-sinergetika/ (дата обращения: 23.12.2021)

71. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Понятийные категории // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 385–386.

72. Буркова С. И. Эвиденциональность и эпистемическая модальность в немецком языке [Текст] // Исследования по теории грамматики – Ирреалис и Ирреальность. М.: Гнозис, 2004. 456 с.

73. Бурлак С. А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, CORPUS, 2012. 445 с.

74. Буторин С. С. "Неочевидное наклонение" в кетском языке: эвиденциальность или миативность? // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 4. С. 8–12.

75. Ван С. Лингвистические средства выражения чувственного восприятия в рассказе А. П. Чехова «Каштанка» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 210–214.

76. Васильев Л. М. К вопросу об экспрессивности и экспрессивных связях // Славянский филологический сборник. Уфа. Вып. 9. № 3. 1962. С. 107–118.

77. Васильев Л. М. Стилистическое значение, экспрессивность и эмоциональность как категории семантики // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. Пермь: ПГУ, 1985. С. 3–9.

78. Васильева Л. В. Теоретические подходы в изучении модальности // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Вып. 44. С. 113–116.

79. Васильева Л. В. Исследование модусных категорий в эволюции медиадискурса (на материале американской прессы XX века): Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. Дальневос. гос. гуманит. ун-т. Хабаровск, 2010. 224 с.

80. Ваулина С. С. Специфика функциональной соотнесенности категорий модальности и персональности в художественном тексте // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 2: Языкознание. Волгоград. 2013. № 3. С. 34–39.

81. Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря: пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка / под ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 336–369.

82. Верещинская Ю. В. Заголовки газетных статей в аспекте медиалингвистики (на материале испанского языка) // Филологические науки в МГИМО: Сборник научных трудов. № 28 (43). М.: МГИМО (У)МИД России, 2007. С. 17–25.

83. Викулова Л. Г. Языковые средства популяризации актуальных научных знаний (на материале журнала "Коммерсантъ Наука") / Л. Г. Викулова, В. А. Корнеева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4(48). С. 102-117.

84. Викулова Л. Г. Метатекст в репрезентации концептуального содержания философского словаря / Л. Г. Викулова, Э. М. Рянская // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4(55). С. 67-70.

85. Виноградов В. В. Грамматика русского языка / Академия наук СССР, Институт русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т.1: Фонетика и морфология, 719 с.

86. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.

87. Виноградов В. А. Варьирование именных классификаций // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М.: Наука, 1990.

88. Власян Г. Р. Неимпозитивность как одна из ключевых коммуникативных особенностей английской лингвокультуры // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: II Международная научная конференция: материалы конференции, Челябинск, 04–05 апреля 2013 года / Челябинский государственный университет, Челябинское региональное отделение Российской ассоциации лингвистов-когнитологов. Челябинск: Энциклопедия, 2013. С. 267–268.

89. Волкова А. И. Психология общения. М.: Феникс, 2006. 512 с.

90. Волошина С. В. Языковые средства выражения категории авторизации в речевом жанре автобиографического рассказа (на материале диалектной коммуникации) // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: мат-лы IV Международной научно-методической конф. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. С. 39–43.

91. Вольф Е. М. Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С. 273–294.

92. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000. 502 с.

93. Выготский Л. С. Мышление и речь: Психологические исследования. М.: Лабиринт, 1996. 415 с.

94. Гаджиева А. Д. Экспрессивность в речи (на материале выступлений Маргарет Тэтчер) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 1. С. 141–147.

95. Гајдова, Лаброска. Категориата дистанца во македонскот, во бугарскиот и во српскиот ½азик (граматички и лексички показатели) // Реферати на македонските слависти за XIV-от Меѓународен славистички конгрес во Охрид, 10–16 септември 2008 година. Скопје, 2008. С. 79–93.

96. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова (психолингвистические исследования). М.: Наука, 1971. С. 78–96.

97. Гак В. Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте: сб. ст. / под ред. И. П. Сусова. Калинин: Изд-во КГУ, 1978. С. 19–26.

98. Галеева И. Ф. Интенсивность и экспрессивность как основные характеристики рекламного текста. Критерии их разграничения // 2 Вестн. ТИСБИ. 2002. № 4. С. 145–148.

99. Галица Е. В. Неоднозначность и дискуссионность рекламного дискурса // Молодой ученый. 2017. № 41 (175). С. 86–89.

100.Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию. Профессору Московского ун-та академику В. В. Виноградову в день его 60-летия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.

101.Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 140 с.

102.Гамкрелидзе Т. Г.; Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 19–38.

103.Гаспарян О. Т. Интенциональные стратегии современного рекламного дискурса // Дисс. … канд. филол. Наук. М., 2017. 155 с.

104.Гегель В. Ф. Наука логики. Т.1. М.,1979. 221 с.

105.Герджиков Г. Преизказването на глаголното действие в българския език. София, 1984. 270 с.

106.Герман И. А. Лингвосинергетика // Монография. Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. 168 с.

107.Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. 224 с.

108.Гнездечко О. Н. Авторизация научного дискурса: коммуникативно-прагматический аспект (на материале англоязычных статей современных европейских и американских лингвистов). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. 175 с.

109. Го Ли. «Укоренившись в родной культуре, мыслить глобально»: Ши Сюй и его «Исследование современного китайского дискурса» / Го Ли, Д. Р. Шарафутдинов // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). С. 12-20.

110.Голайденко Л. Н. Прилагательные со значением памяти / воспоминание и их функционирование в художественной прозе // Вестник Челябинск. государственного педагогического ун-та. Челябинск, 2012. № 8. С. 205–216.

111.Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: формирование. Развитие. Статус в языке / Челябин. Гос. Ун-т. Челябинск, 2004. 330 с

112.Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2003. 247 с.

113.Голубева Т. И. Темпоральная структура текстов дневников и воспоминаний: (на материале англ. и амер. авторов XIX и XX веков): автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 1989. 22 с.

114.Голубева Н. А. Функции языковой экспрессии в формировании прецедентных смыслов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3(32). С. 116-119.

115. Гончарова Л. М. Рекламный текст в структуре массмедиа: к вопросу о типологии жанров (на примере печатной рекламы туристской сферы) // Медиалингвистика. 2014. № 3. С. 59–63.

116. Горбачева Е. В. Политический дискурс как механизм формирования государственно-гражданских отношений: Дис. … канд полит. наук. М., 2007. 183 с.

117. Горбунов А. Г. Дискурс как новая лингвистическая парадигма // Актуальные задачи педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2013 г.). Т. 0. Чита: Издательство Молодой ученый, 2013.

118. Горкина Н. С. Отрицательные предложения с однородными членами в современном английском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1971. 19 с.

119. Грепл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии 1956-1974 гг.: Сборник статей. М.: Прогресс, 1978. С. 57–69.

120. Грибовод Е. Г. Медиадискурс // Энциклопедия Дискурсология. Дискурс-Пи. 2013. Т. 10. №3. С. 118–119.

121. Григоренко М. Ю. Модусный статус эвиденциальности в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. № 4. М.: Издательство МГОУ, 2009. С. 73–77.

122. Григоренко М. Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке. Белгород, 2011. 211 с.

123. Григорьева В. С. Анализ дискурса. К постановке вопроса // Актуальные проблемы лингводидактики: сб. тез. и докл. ТВВАИУ. Тамбов, 1998. С. 99–100.

124. Гридин В. Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 113–119.

125. Гричин С. В., Демешкина Т. А. Авторизация в тексте научного произведения: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Томск. государственного ун-та. Филология. 2016. № 6. С. 5–19.

126. Гришаева Л. И. Дискурс, дискурсивное событие и текст // Номинация и дискурс: материалы докл. междунар. науч. конф. Минск. гос. лингвист. ун-т. Минск, 2006. С. 11–13.

127. Грошев И. В. Рекламные технологии гендера // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 172–187.

128. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматиколексическое поле в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.

129. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

130. Гураль С. К. Синергетика и лингвосинергетика // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 7–9.

131. Гурин И. В. Категория авторизации в предложении и тексте: основные подходы к определению // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2012. № 2(35). С. 103–107.

132.Гусев В. Ю. Эвиденциальность в нганасанском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. СПб.: Наука, 2007. С. 415–444.

133. Данилова Н. В. Средства выражения авторского мнения в научно-популярном дискурсе // Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 438–441.

134. Данилова А. Н. Взаимодействие медиадискурса и дискурса власти в продвижении концепции Свердловской области // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы Международной научно-практической конференции: в 2-х томах, Екатеринбург, 23–24 апреля 2015 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Том 2. Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2015. С. 121–124.

135. Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

136. Демешкина Т. А. Маркеры авторизации в диалектной речи // Наука и образование в XXI веке: мат-лы Международн. науч. конф. Тамбов, 2013. Ч. 8. С. 25–28.

137. Демина Е. И. Место прошедших времен в системе модальных оппозиций болгарского индикатива // Езиковедски изследования в памет на проф. Ст. Стойков. София, 1974. С. 363–368.

138. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58–67.

139. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. №3. С. 32–43.

140. Демьянков, В. З. «Интеллектуальная революция», «поворот» и «волна» как факторы изменения категоризации в языке науки // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. М., 2010. С. 26–44.

141. Десницкая А. В., Канцельсон С. Д. История лингвистических учений. Средневековая Европа. Ленинград: «Наука». 1985, 288 с.

142. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. 286 с.

143. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». 2006. № 2. С. 21.

144. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya- (дата обращения: 14.02.2022)

145. Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом : II Международная научно-практическая конференция и II Международный научный семинар: сборник научных работ, Белгород, 05–07 октября 2016 года / Под редакцией Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 13–22.

146. Довудшох Р. Н. Соотношение понятий экспрессивности и эмоциональности в лингвистике // Филологические науки. ОФ “Международный научно-исследовательский центр “Endless Light in Science”. 2022. С. 205–210.

147. Долбик Е. Е. Модусная категория персуазивности в публицистическом тексте // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: Материалы III Международной научной конференции. Мозырь, 12-13 мая 2005 г. В 2 ч. Ч. 1. Мозырь: УО МГПУ, 2005. С. 104-106 [Электронный ресурс]. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/11219 (дата обращения: 20.09.2021).

148. Дубовицкая Е. Ю. Категория аппроксимации в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 182 с.

149. Дубских А. И. Массмедиальный дискурс: определение, характеристики, признаки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 131–136.

150. Дускаева Л. Р. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров // Жанры речи. 2013. № 1 (9). С. 51–58.

151. Дускаева Л. Р. Векторы праксиологического анализа в медиалингвистике. Медиалингвистика, 6 (1), 2019. 4–18.

152. Ермакова Л. В. Манипулятивные технологии как способ реализации модусной категории персуазивности в дискурсе СМИ // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 3. С. 141–144.

153. Ермакова Л. В. Аксиологичность дискурса сми // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 3. С. 67–77.

154. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. 400 с.

155. Ефремов Н. Н. Средства выражения косвенной эвиденциальности в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 152–156.

156. Ефремова Д. А. Категория времени в биографических эссе / // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4–1. С. 346–352.

157.Желтухина М. Р. Политический и массмедиальный дискурсы: воздействие – восприятие – интерпретация // Язык, сознание, коммуникация. 2003. № 23. С. 38–51.

158. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 2004. 44 с.

159. Желтухина М. Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4(24-25). С. 292–296.

160. Зализняк А. А., Шмелев А.Д. Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, Москва, 31 мая – 03 2017 года. Том Выпуск 16 (23), Том 2. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. С. 394-406.

161. Зализняк А. А., Падучева Е. В. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: пожалуй, никак, все-таки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 628–652.

162. Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г. Восприятие и действие. М.: Просвещение, 1967. 324 с.

163. Звегинцев В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта. – В кн.: В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 356–363.

164. Зернецкий П. В. Четырехмерное пространство речевой деятельности // Язык, дискурс, личность. Твер. гос. ун-т. Тверь, 1990. С. 60–68.

165. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

166.Золотова Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопр. языкознания. 2002. № 3. С. 8–29.

167.Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004. 544 с.

168. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2005. 352 с.

169. Золотова Н. С. Модальность научно-педагогического текста (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. …канд. филол. н. Нальчик, 2007. 21 с.

170. Золотухин Д. С. Основные подходы к описанию лингвистических терминосистем // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7. №2, 2015. С. 27–31.

171. Зубкова Л. Г. Принцип знака в системе языка // МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва: Studia philologica, 2010. 750 с.

172. Иванова С. В., Шакирова Э. Р. Функции этнокультурных речеповеденческих фильтров в процессе вербализации интенции говорящего // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 7, № 3. С. 46–54.

173. Иванова С. В. Дискурсивная адаптация культурно обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США) // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 41–52.

174. Иванова С. В. Новость как когнитивно-дискурсивное образование // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 81–85.

175. Иванова С. В. Новость как дискурсивный жанр: не отсутствующая структура // Terra Linguistica. Т. 13, 2022. № 3. С. 7–14.

176. Иванова С. В. Языковая картина мира как объект и инструмент анализа: что не так в учебнике? // Вопросы психолингвистики. 2022. № 4 (54). С. 25-35.

177. Иванова О. Я. Лингвокультурная специфика словообразовательной категории локативности (на материале русского и английского языков). диссертация... кандидата филологических наук. Ставрополь, 2004. 221 с.

178. Ильина Н. В. Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. М., 1984. 199 с.

179. Ионова А. О. Современные подходы к анализу политического дискурса // Политическая наука. 2016. № 3. С. 236–259.

180. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

181. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

182.Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 320–334.

183. Каксин А. Д. О специфике средств выражения модальности и эвиденциальности (на материале хантыйского и русского языков) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 1(35). С. 25–34.

184. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. К вопросу о выражении эвиденциальных значений: инферентив, цитатив и адмиратив в русском языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университетата. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 22–30.

185. Калашникова К. Р. Лингвосинергетический подход к актуализации авторских смыслов в художественном дискурсе (на материале романа Д. Брауна «Код да Винчи): дис. канд. ... филолог, наук. Уфа, 2019. 211 с.

186. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. Пг., 1915. 591 с.

187. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1964. 511 с.

188. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

189. Карасик В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

190.Карасик В. И. Дискурсивные эмблемы как объект семиотического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 4. С. 1122-1138.

191. Караулов Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса: (вступит. статья) // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 4–19.

192. Карпова Т. Г. Интерпретационный компонент семантики донативного действия в современном немецком языке в рамках когнитивного подхода к изучению языковых явлений, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http:// elib.gasu.ru/vmu/arhive/2004/01/35.html-27k (дата обращения 12.09.2023).

193. Касавин И. Т. Дискурс и хаос. Проблема титулярного советника Голядкина // Психология. 2006. № 1. С. 3-18.

194. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М.: Наука, 1972. 213 с.

195. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.

196. Кашкин В. Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. Тамб. гос. ун-т. Тамбов, 2005. С. 337–353.

197. Квашнина В. В. Оценочность как языковая категория в современной лингвистике // Филологические науки. М.: ИСОМ, 2013. С. 250–255.

198. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: УРСС, 2002. С. 276–339.

199. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. … доктора филол. наук. М., 2003. 90 с.

200.Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 3–21.

201. Ким И. Е. Категория сопричастности и непрямое использование реляционных имен в русском языке // Европейский журнал социальных наук. 2001. №5. С. 112–120.

202. Клименко К. В. Оценочность как особый прием субъективации и как способ передачи авторской позиции // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 215–222.

203. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.

204. Кобрина Н. А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Л., 1989.

205. Кобрина О. А. Категория эвиденциальности в современном английском языке: Семантика и средства выражения: диссертация...кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2003. 159 с.

206. Кобрина О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90–100.

207. Кобрина О. А. Семантический аспект категории эвиденциальности / О. А. Кобрина // Лингвистика в эпоху глобанглизации: сборник статей к юбилею Виктора Владимировича Кабакчи / под редакцией Е.В. Белоглазовой. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 61-68.

208. Кобрина О. А. Модусная составляющая лингво-коммуникативной категории // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: Сборник материалов Второй всероссийской конференции с международным участием, Нижний Новгород, 21–22 мая 2021 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2021. С. 50-56.

209. Кожемякин Е. А., Переверзев Е. В. Подходы к изучению медиадискурса в современной междисциплинарной среде // Журналистика и медиаобразование-2008: сб. трудов III Междунар. науч. – практ. конф. (Белгород, 25–27 сентября

2008 г.): в 2 т. Т. II / под ред. проф. М.Ю. Казак, проф. У. Перси, проф. А.В. Полонского, доц. Е.А. Кожемякина. Белгород: БелГУ, 2008. С. 39.

210. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (83). С. 13–21.

211. Кожемякин Е. А. Телевизионная картина мира: некоторые тенденции конструирования телереальности // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международная научно-практическая конференция и II Международный научный семинар: сборник научных работ, Белгород, 05–07 октября 2016 года / Под редакцией Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016.

212. Кожина М. Н. Речеведение: теория функциональной стилистики. Избр. труды. М.: Флинта: наука, 2014. 620 с.

213. Кожухова И. В. Отражение категории коммуникативной (не)импозитивности в отечественных и зарубежных научных публикациях // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 32–38.

214. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания, 1994. № 3. С. 92–104.

215. Козинцева Н. А. Типология категории эвиденциальности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 13–36.

216. Козловский Д. В. Эвиденциональная модель в художественном дискурсивном пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2013. №3 (40). С. 270–275.

217. Козловский Д. В. Категоричная и некатегоричная эвиденциальность в англоязычном дискурсивном пространстве // Филология и культура, 2017. №1 (47). С. 30–36.

218. Козловский Д. В. Реализация категории эвиденциальность в

дискурсивном пространстве массмедиа: лингвосинергетический аспект. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2023. 184 с.

219. Колесов И. Ю. «Лингвистика видения» и «лингвистика видимого» // Мир науки, культуры и образования. 2008. № 3(10). С. 58–61.

220. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976.

221. Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967.

222. Копров В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2010. 328 с.

223. Копытов О. Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2004. 27 с.

224. Кораблина Т. И. Модусная категория «воспоминание»: семантический и текстоцентрический аспекты: Дис. … кандидата филол. наук. Новосибирск, 2018. 232 с.

225. Корди Е. Е. О связи грамматических значений оценки достоверности и источника информации (на материале французского языка) // Теоретические проблемы функциональной грамматики. Материалы всероссийской научной конференции (26-28 сентября 2001). СПб.: Наука, 2001. 268 с.

226. Корди Е. Е. Категория эвиденциальности во французском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 253-291.

227. Косова В. А. Характер коррелятивности единиц словообразовательной категории // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 576.

228. Кохтев Н. Н. На трибуне ученые. М.: Знание, 1976. 80 с.

229. Кошева А. Ш. Специфика выражения эвиденциальности и миративности в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. № 10. С. 242–248.

230. Кравченко В. И. Политическая культура как отражение политико-коммуникативной реальности общества // Актуальные проблемы теории коммуникации: сборник научных трудов. СПб., 2004.

231. Краснова Т. И. Субъективность – модальность: Материалы активной грамматики. СПб.: СПбГУЭФ, 2002. 189 с.

232. Крюкова Н. Ф. Интерпретация как конкретизация понимания // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 5. С. 89–95.

233. Кубрякова Е. С. Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 4–38.

234. Кубрякова Е. С. Семантика когнитивного в лингвистике (о принципах, контейнерах и формах их объективации в языке) // Известия АН. Серия литературы и языка, 1999. Т. 58. № 5–6. С. 3–99.

235. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

236. Кузнецова М. А. Средства выражения категории персональности в рекламе // Современное педагогическое образование. 2019. № 12. С. 188–190.

237. Кузьмин Д. Н., Кожура Н. А., Смирнова Д. А. Дискурс массмедиа как инновационное средство репрезентации образа Китая в языке британских СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 41–47.

238. Кулькова М. А. Народные приметы через призму теории речевых актов // Предложение и Слово: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2006. 586 с.

239. Куцаров И. Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив, 2007. 638 с.

240. Лаврова С. Ю. Категория персональности в дискурсе публичности (на материале «большой книги интервью» И. А. Бродского) // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 587–589.

241. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры. 2004. 792 с.

242. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект / Пер. с англ. и нем. М., 1996. С. 143–184.

243. Ламбарджян С. П. Я – физическое в зеркале персуазивности // Русский язык в Армении. 2013. № 3. С. 25–39.

244. Ленько Г. Н. Выражение категории эмотивности в художественных произведениях французских, английских и немецких авторов конца XX – начала XXI веков: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2011. 18 с.

245. Леонова Е. В., Ступина Т. Н. Идентичность как лингво-когнитивный феномен в немецкоязычном и русскоязычном дневниковом дискурсе: общее и специфичное // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4–4(46). С. 79–81.

246. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.

247. Лесников С. В. Лингвосинергетика // Говор: альманах. 2023. № 1. С. 470-471.

248. Лешкевич И. В. Взаимодействие категорий модальности и оценочности в англоязычной аналитической статье // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2019. №1(98). С. 80–86.

249. Ли Тоан Тханг. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Москва, 1993. 28 с.

250. Литвяк О. В. Лингвокогнитивные проблемы отражения имплицитности в высказывании // Молодой ученый. 2018. № 7 (193). С. 207–209.

251. Логинова И. Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест // Интерпретация. Понимание. Перевод: сб. науч. ст. СПб, 2005. С. 240–248.

252. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 226 с.

253. Лужнова С. А. Приблизительность в системе речемыслительной деятельности // Studia Linguistica. № 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб., 2000.

254. Лунина Т. П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (148). С. 92–97.

255. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 303–304.

256. Мазикова Н. Ю. Диалогическая функция вставочных конструкций (на примере художественного, рекламного текста и спонтанной речи) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6. № 2. С. 95–115.

257. Макарова Г. Н. Отрицание «not» в современном английском языке Автореф.: дис. канд. филол. наук: 10.02.04. Калинин, 1978, 16 с.

258. Макарцев М. М. Категория эвиденциальности в пространстве балканского текста. М., 2009. 385 с.

259. Макарцев М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. Ин-т славяноведения РАН. СПб.: Нестор-История, 2013. 444 с.

260. Макеева М. Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия: Дисс. … д. филол. н. Тверь, 2000. 329 с.

261. Малахова В. Л. Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике. Филологические науки в МГИМО, 2021. 7(3), С. 24–33.

262. Малинович М. В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка // Концепты. Категории: языковая реальность: коллективная монография к юбилею профессора М. В. Малинович. Иркутск: ИГЛУ, 2011. С. 10–42.

263. Мальцева М. В., Бабаян В. Н. Дескриптивный подход в осмыслении генезиса песенного дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 123–132.

264. Малых Л. М. Сравнение языков в синхронии: теоретические и прикладные аспекты: монография / под ред. Т. И. Зелениной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 201 с.

265.Мамлеева Н. Ш. Эмоциональность. Эмотивность. Эмотивное сравнение // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы конференции (22-23 мая 2008 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 24–25.

266. Манаенко Г. Н. Специфика дискурса масс-медиа в современном информационном пространстве // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 1. С. 87–97.

267. Мануйлов В. Т. Логика: уч.-метод. пос. Ч. 1; [изд. 3-е, перераб. и доп.]. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009. 126 с.

268. Марьянчик В. А. Оценка как категория текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2011. С. 100–103.

269. Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 179–205.

270. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.

271. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте тестовых категорий. Свердловск, 1990. 172 с.

272. Матханова И. П. О модусе «осторожности» в научном тексте // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова): мат-лы Всероссийск. конф. / под ред. В. Д. Черняк. СПб.: Сага, 2005. С. 153–156.

273. Медведева М. В. Границы эвиденциальности и эпистемической модальности, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_00034.pdf (дата обращения: 09.09.2021).

274.Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Москва-Вена: Языки славянской

культуры: Венский славистический альманах, 1998. Т. 2. 544 с.

275.Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту: Монография. Москва: Языки славянской культуры, 2012. 190 с.

276. Меркулова И. Н. Категория функционально-связочных глаголов в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2004.

277. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Тр. Военного института иностранных языков. 1945. № 1.

278. Мещанинов, И. И. Проблемы развития языка. Л.: Наука, 1975. 352 с.

279. Милованова Н. Н. Наблюдения над некоторыми средствами экспрессивности научной речи // Исследования по стилистике. Пермь, 1976. Вып. 5. 142 с.

280. Миронова Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М.: Тезаурус, 1998. 158 с.

281. Михалева О. В. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Дис. … канд. филол. наук. М., 2004. 289 с.

282.Можейко М. А., Гутнер Г. Б., Огурцов А. П., Керимов Т. Х. Дискурс. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий [Электронный реусурс]. URL: http://gtmarket.ru/concepts/6987 (дата обращения: 25.07.22)

283. Моисеева И. Ю. Синергетическая модель текстообразования: Автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2007. 38 с.

284. Молодыченко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022, 19 (1): 103–124.

285. Молошная Т. Н. Категория пересказывания болгарского глагола (обзор) // Советское славяноведение, № 2, 1989. С. 63–78.

286. Мордкович Ж. В. К вопросу о природе функционально-семантической категории темпоральности // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. 2015. № 8. С. 41–49.

287. Морен Э. Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.

288. Москалева И. П. Соотношение эксплицитных и имплицитных средств выражения языковых значений в современном немецком языке: дис. канд. ... филолог, наук. М., 1986. 195 с.

289. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс: Дис. … д-ра филол. наук. Барнаул, 1999. 304 с.

290. Моташкова С. В. Лингвосинергетика: в поисках универсального языка коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 11-16.

291. Муравьева Н. Ю. К вопросу о структуре семантического поля «перцептивность» в современном русском языке // Текст, контекст, интертекст: мат-лы Международной науч. конф. «XIV Виноградовские чтения». М.: МГПУ: ViviArt, 2016. С. 150–157.

292. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.

293. Мышкина Н. Л. Лингводинамика текста. Контрадиктно-синергетический подход: Дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 1999. 428 с.

294. Мышкина Н. Л. Смысл текста с позиций контрадиктно-синергетического подхода // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции, Пермь, 05–07 октября 2005 года. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2005. С. 189-196.

295. Мышкина Н. Л. Концептуально-терминологическая специфика контрадиктно-синергетической лингвистики // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 94-96.

296. Нагорный И. А. Функциональная перспектива предложений с модально-персуазивными частицами. Барнаул, 2001. 320 с.

297. Нагорный И. А., Ивницкий Е. И. Контекст как способ экспликации квалификативных модусных категорий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020.

№ 3. С. 15–23.

298. Наминова Г. А. Политический дискурс в современной России: проблемы достижения общественного согласия: Дис. … канд. полит. наук. М., 2001. 192 с.

299. Недялков И. В. Проблемы классификации и иерархии грамматических категорий // Язык и речевая деятельность. СПбГУ, 2000.

300. Нефедов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97.

301. Никитин М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях 1 и 2 // Studia Linguistica. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. Вып. 9. СПб., 2000. С. 6–22.

302. Никитина К. В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами. 2006. № 2. С. 8.

303. Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): Автореф. дис. … канд. фил. наук. Уфа, 2006. 24 с.

304. Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): Дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2006. 197 с.

305.Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. М., 1978. 479 с.

306. Никонова Е. А. Специфика реализации оценки в аналитической статье // Герценовские чтения. Иностранные языки: Сборник научных трудов, Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2019 года. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2019. С. 57–58.

307. Никонова Е. А. Реализация категории эвиденциональности в аналитической статье англоязычной качественной прессы // Научный диалог. – 2022. Т. 11. № 1. С. 67–83.

308. Никонова Е. А. Гиперссылка как мультимодальный маркер эвиденциональности в электронных СМИ // Политическая лингвистика. 2022. № 1(91). С. 106–111.

309.Никулина Е. А. Диахрония в рекламном дискурсе: динамика использования полисемии и омонимии в рекламных текстах (на примере американских каталогов IKEA) / Е. А. Никулина, Е. С. Ленкова // Преподаватель XXI век. 2021. № 3-2. С. 335-344.

310. Нистратова С. Л. К вопросу о системе экспрессивных синтаксических средств в научной речи // Язык, сознание, коммуникация. Том Выпуск 28. Москва: ООО «МАКС Пресс», 2004. С. 142–150.

311. Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // Вопросы языкознания. Вып. 4. 2006. С. 27–45.

312. Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008.

313. Новоселова О. В. Предвыборные менасивы в политической коммуникации США: когнитивно-дискурсивный аспект: Дис. …д-ра филол. наук. Тверь, 2022. 512 с.

314. Овчарова Г. Б. Специфика коммуникативных продуктов в пространстве медиа // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сб. материалов V Международной научнопрактической конференции. Белгород, 2014. С. 140–142.

315. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: Дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 343 с.

316. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

317. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). 2-е издание. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.

318. Падучева Е. В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23–44.

319. Падучева Е. В. О семантике русского вида в дискурсивном контексте // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 7-23.

320. Пантеева К. В. Оценка, оценочность, субъективная модальность: разграничение понятий // Герценовские чтения. Иностранные языки: Сборник научных трудов, Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2019 года. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2019. С. 58–61.

321. Пантина О. А. Экспрессивная перспектива англоязычного новостного дискурса (на материале газетных текстов о природных катастрофах): Дис. ... канд. филол наук. СПб, 2018. 200 с.

322. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1977. № 4. С. 37–48.

323. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.

324. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. 499 с.

325. Переверзев Е. В. Дискурсивная психология. Научный журнал СДА Современный Дискурс-Анализ, 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://discourseanalysis.org/ada1/ st3.shtml (дата обращения: 25.10.2021).

326. Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 285 с.

327. Перфильева Н. П. Модус воспоминания: между истиной и ложью // Дискурс лжи и ложь дискурса: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. С. 24–33.

328. Петрова Е. И. «Скрытые» значения в лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (8). С. 124–126.

329.Петрова И. М. Механизм когнитивного фокусирования: (на примере реляторных структур русского и английского языков) / И. М. Петрова; Кафедра германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2020. 185 с.

330.Петрова И. М. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика» / И. М. Петрова, А. М. Иванова, В. В. Никитина; Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. 259 с.

331. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511с.

332. Пивоваров Д. В. Основные категории онтологии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 268 с.

333. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика-автоматическая переработка текста - терминология // Язык: история и современность. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1996. С. 30-45.

334. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб., 2006. 160 с.

335. Пищальникова В. А. Речевая деятельность как синергетическая система (к постановке проблемы) // Известия Алтайского государственного университета. 1997. № 2. С. 72–79.

336. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

337. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. 672 с.

338. Плунгян В. А. «Что такое грамматические категории?» // ПостНаукаTV, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=HGSVYt8UpYc (дата обращения: 20.12.2021).

339. Пономаренко Е. В. Английский дискурс в свете функциональной лингвосинергетики // НДВШ. Филологические науки. 2006. № 5. С. 100–110.

340. Пономаренко Е. В. О принципах синергетического исследования речевой деятельности // Вопросы филологии. 2007. № 1. С. 14–23.

341. Пономаренко Е. В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 13 (156). Вып. 18. С. 131–140.

342. Пономаренко Е. В. Основания функциональной лингвосинергетики: Учебное пособие по специальности 10.02.04 – Германские языки. М.: МГИМО, 2015. 317 с.

343. Пономаренко Е.В. Функциональный синергизм текста как объект функциональной лингвосинергетики / М. В. Черкунова, Е. В. Пономаренко, А. А. Харьковская // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 4. С. 106-114.

344. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. с. 9.

345. Постовалова В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М., 1982. 222 с.

346. Правда. 1991. [Электронный ресурс]. URL: http://www.onlinegazeta.info/gazeta_pravda_online.htm (дата обращения: 25.12.2022).

347. Пригожий И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. 5-е изд. М.: КомКнига, 2005. 296 с.

348. Пристинская Т. М. Средства аппроксимации в структурировании немецкого художественного текста // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сборник материалов Всероссийской

(с международным участием) научно-практической конференции: в 4 т., Белгород, 08 февраля 2019 года. Том 4. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2019. С. 246–249.

349. Пристинская Т. М. Композиты со значением приблизительности в немецком языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Мат-лы междунар. науч. конф. 8-9 декабря, 1997. Вып. 3. Белгород, 1998.

350. Профатилова С. М. Средства выражения значений эвиденциальности в разноструктурных языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 1(36). С. 249–259.

351. Рагозина С. А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа). М: Книжный дом «Либроком», 2013. 144 с.

352. Ревякина А. В. Взаимодействие категории персуазивности с другими модусными категориями // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): мат-лы III Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Минск: РИВШ, 2006. С. 47–50.

353. Ревякина А. В. Способы выражения сомнения в русском языке (на материале повести Г. А. Вайнера «Бес в ребро» (1990)) // Вестник Белорусского гос. ун-та. 2008. Сер. 4. №2. С. 43–46.

354. Ревякина А. В. Реализация категории персуазивности в рекламном дискурсе // IV чтения, посвященные 70-летию со дня рождения профессора В. А. Карпова. Минск, 19-20 марта 2010 г.: сб. науч. ст.: в 2 ч. Минск: РИВШ, 2010. С. 171–173.

355. Резанова З. И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184–194.

356. Рогожникова Т. М. Авторская константа как идентификатор индивидуального языка автора // Теория и практика языковой коммуникации : материалы XV Международной научно-методической конференции, Уфа, 19–20 июня 2023 года. Уфа: ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий", 2023. С. 189-204.

357. Рожнова Е. А. Эмоционально-экспрессивная лексика английского языка и степени эмоциональной нагруженности. Москва: 2014. 329 с.

358. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность // Монография // ГОУ ВПО НГУ им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород: НГЛУ, 2008. 310 с.

359. Ромашова, И. П. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания: на материале устно-разговорной и художественной речи диалогического типа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. 21 с.

360. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989. 488 с.

361. Руженцева Н. Б. Лики автора в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 4(54). С. 46–53.

362.. Руженцева Н. Б., Кошкарова Н. Н. Фидбэки в дискурсе печатных СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 10–20.

363. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2011. 333 с.

364. Рыжова И. Н. О понятии «грамматическая категория» // Актуальные вопросы филологических наук: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. С. 114–116.

365. Рябцева Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. ст. М.: Наука, 1993. С. 51–57.

366. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 639 с.

367. Сажина Е. В. Медиадискурс в современной лингвистической парадигме: сравнительно-сопоставительный аспект. Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. 165 с.

368. Сакиева Р. С. Немецкий язык. Эмоциональная разговорная речь // М.: Высшая школа, 1991. 192 с.

369. Самкова М. А. Элементы учебно-педагогического дискурса как открытой нелинейной системы // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). Т. 0. Санкт-

Петербург: Реноме, 2013. С. 74–76.

370. Самсонова Н. Н. Структура и функции вопросительных предложений (типа русских вопросов со словом «как»): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М. 1989. 27 с.

371. Сейдуллаева Г. А. Языковые средства выражения эмотивности в рекламном дискурсе // Вестник КазНУ. № 3, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/1977 (дата обращения: 26.12.2022).

372. Семенова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.

373. Серио П. Анализ дискурса во Французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 549–562.

374. Синтоцкая Н. А. Реализация категории эмотивности в тексте современной англоязычной драмы: Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2000. 20 с.

375. Скокова, Т. Н. Категория релятивности и модусы «память» и «воление» // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 1–2(20). С. 134–135.

376. Скубиева Е. Н. Категории модуса как единицы описания модусного уровня в структуре диалогической языковой личности // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 3–3(117). С. 205–208.

377. Слышкин Г. Г. Медиадискурс русофобии: перспективы исследования / Г. Г. Слышкин, Л. Е. Малыгина, М. В. Островская // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. Том 4 Часть 2. Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. С. 33-34.

378.Слышкин Г. Г. Радикальный феминный и маскулинный медиадискурс в аспекте лингвобезопасности / Г. Г. Слышкин, Л. Е. Малыгина, Е. С. Павлова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2(29). С. 53-60.

379. Смирнов И. Н. Категория временной локализованности / нелокализованности действия и ее взаимодействие с темпоральностью и аспектуальностью // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. № 126. С. 186–194.

380. Смирнова Н. О. Прагматика атрибуции предиката от противного: Автореф. дис. … канд. филолог. наук. СПб., 1998. 20 с.

381. Сокулер З. А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки и техники. 1998. С. 174–182.

382.Солганик Г. Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2001. №3. С. 74–83.

383. Соловей Е. И. Ядерные и периферийные средства выражения персональности как функционально-семантической категории // Инновационное развитие современной науки: проблемы и перспективы: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Нур-Султан, Казахстан, 16 мая 2019 года. Нур-Султан, Казахстан: Научно-издательский центр «Мир науки», 2019. С. 130–135.

384. Сорокин Ю. Е. Синтаксические конструкции приблизительной оценки в английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1998. 16 с.

385. Станков В. Категории на индикатива в съвременния български език // Български език, № 17, 1967. С. 330–344.

386. Стексова Т. И. Семантическая категория невольности осуществления в русском языке: Автореф. дисс. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 39 с.

387. Стексова Т. И. Персуазивность и категоричность // Модальность в ее связях с другими категориями: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. С. 18–26.

388. Стернин И. А., Стернина М. А. Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001. 206 с.

389. Стернин И. А. Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 3. С. 5–13.

390. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003. 185 с.

391. Стернин И. А. Существуют ли оттенки значения? // Социальные и гуманитарные знания. 2015. Т. 1, № 3(3). С. 215-218.

392. Стратийчук Е. Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста: на материале русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 23 с.

393. Сударева О. Г. Темпоральные маркеры в детской речи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. Т. 13. № 36. С. 142–145.

394. Сулейманова О. А. Основы языковой категоризации мира: пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3.

395.Сулейманова О. А. Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации / О. А. Сулейманова, А. А. Водяницкая, М. А. Фомина. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020, 17 (2): 309–322.

396. Сусов И. П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин: КГУ, 1986. С. 7–11.

397. Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы. Калинин, 1988. С. 7–12.

398. Сусов И. П. История языкознания. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 295 с.

399. Сухомлинова М. А. Академический дискурс как один из видов институционального общения: признаки и критерии выделения // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 23–24 ноября 2017 года. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего

образования «Башкирский государственный университет», 2017. С. 164–171.

400. Сыроватская Н. С. Авторизация: проблемы определения и научного описания на уровне предложения и текста // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 89. С. 250–256.

401. Сычова Е. К. Категория персуазивности в жанре передовой статьи // Романовские чтения-2: сборник трудов Международной научной конференции, 10-11 ноября 2005 года, г. Могилев. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2006. С. 234–236.

402. Сычева Е. В. Понятие дискурса масс-медиа и методы его изучения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 205– 211.

403. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 141 с.

404. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. 214 с.

405. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. 1991. С. 36–66.

406. Темникова Л. Б. К вопросу о типологии медиадискурса // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 119.

407. Терпугова Е. А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса: автореф. дис.... канд. филол. наук. Кемерово, 2000. 19 с.

408. Тивьяева И. В. Дискурс памяти в виртуальных сообществах // Том 5, 2021. С. 242-254.

409.Тивьяева И. В. Поликодовые городские тексты в дискурсивном пространстве мегаполиса в период пандемии COVID-19 // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов : тезисы международной научной конференции, Минск, 12–13 мая 2023 года / Минский государственный

лингвистический университет. Минск: Учреждение образования "Минский государственный лингвистический университет", 2023. С. 53-54.

410. Тихонова О. А. Категория персональности в поэтической речи И. Бродского // Ярославский педагогический вестник № 2, 2010. С. 138–141.

411. Тофоска С. С. Глаголски предикати-носители на информацијата за евиденцијалност во македонскиот и полскиот азик // XXXV Научна конференција — лингвистика (Охрид, 11.VIII–28.VIII.2008). Скопје, 2008. С. 303–310.

412. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 560 с.

413. Трифонов Й. Синтактични бележки за съединението на минало действително причастие с глагола съм в новобългарския език // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София, т. 69, кн.1–2. 1905. С.1–40.

414. Трофименко О. А. Эвиденциальность в корейском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2009. С. 140–147.

415. Тумский С. В. Концептуальное картирование эксплицитных и имплицитных средств воздействия в рекламном тексте (на материале англоязычной мультимодальной печатной рекламы): Дис. … канд. филол. наук. Москва, 2015. 181 с.

416. Тупикова С. Е. Модусная категория тональности и языковые способы ее реализации в публицистическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 20–25.

417. Тураева З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 126 с.

418. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Российский государственный гуманитарный университет, Тверской государственный университет. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. 58 с.

419. Тюпа В. И. Нарратив и другие регистры говорения // Narratorium. 2011. №1−2. [Электронный ресурс]. URL: http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027584 (дата обращения: 02.02.2022).

420. Тюпа В. И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 40–51.

421. Тюрина С. Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // «Вестник ИГЭУ». Вып. 1, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://ispu.ru/files/75-77.pdf (дата обращения: 01.03.2021)

422. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М: Изд-во АН СССР, 1963. 184 с.

423. Уланов А. В. Метафора как языковой феномен русского языка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 1(10). С. 62–65.

424. Ухова Л. В. Эффективность рекламного текста // Монография. Ярославль: РИО ЯГПУ. 2012. 375 с.

425. Ушакова В. В. Концепция языка в работе Эрнста Кассирера «Философия символических форм» // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1532–1534.

426. Уэллс У., Бернетт Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика: Пер. с англ. СПб, 1999. С. 32.

427. Филимонова О. Е. Лингворефлексия в художественном тексте // Studia Linguistica XIV. Человек в пространстве смысла: Слово и текст: Сб. науч. трудов. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 26–30.

428. Филимонова О. Е. Эмоциология текста: анализ репрезентаций эмоций в английском тексте. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с.

429. Формановская Н. И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. 2000. № 1. С. 56–63.

430. Фуко М Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

431. Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2004. 36 с.

432. Хакен Г. Синергетика. М., 1980. 404 с.

433. Хакимова Г. Ш. Феномен слухов как объект штудий в современной отечественной лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 6. С. 1705–1712.

434. Ханзен Б. Эвиденциальность в немецком языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 241–253.

435. Харабаева В. И. Категория лица и функционально-семантическая категория персональности как разноплановые категории // Альманах современной науки и образования. 2015. № 12 (102). С. 147–149.

436. Харьковская А. А. Лингвосинергетический потенциал научных публикаций по гуманитарной проблематике: на материале английских малоформатных текстов // Малоформатные тексты в различных типах англоязычного дискурса: сборник научных статей. Самара: ООО «Самарама», 2019. С. 140-149.

437. Хасанова М. А. Модальные слова как маркеры перцептивности высказываний // В мире научных открытий. 2015. № 5.1 (65). С. 404–409.

438. Хельмянова Ю. С. Категория кажимости и ее реализация в прозаическом наследии А. С. Пушкина: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Спб, 2016. 24 с.

439. Холодович А. А. Грамматика корейского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1954.

440. Хомутова Т. Н. Теоретическая грамматика английского языка: структура и содержание учебника // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2007. № 1(73). С. 42–46.

441.Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 600–632.

442. Храмченко Д. С. Ирония как средство средство активизации синергийных процессов прагма-семантической самоорганизации английского делового дискурса // Вестник СамГУ, 2009. № 1 (67). С. 175–180.

443.Храмченко Д.С. Английский деловой дискурс в развитии: функционально-синергетические аспекты: монография. Тула: Гриф и К, 2014. 272 с.

444. Цвик В. Л. Введение в журналистику. М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. 134 с.

445. Цонев Б. Определени и неопределени форми в българский език. Ректорска реч, държана на 25.11.1910. София, 1911. 496 с.

446. Чанышева З. З. Репрезентация модусной категории эвиденциальности в модальной рамке переводного текста // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 402–408.

447. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975. 432 с.

448. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика: сб. ст. М.: Радуга, 1983. С. 35–73.

449. Чепурная А. И. Категория эвиденциальности в соотношении с эпистемической ответственностью // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. С. 112–120.

450. Чепурная А. И. Эвиденциальная модализация высказывания в новостном дискурсе: функциональный аспект // Научный диалог. 2020. № 5. С. 158–170.

451.Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Ленанд, 2014. 200 с.

452. Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 83–93.

453. Чернявская В. Е., Молодыченко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: URSS. 2023. 176 с.

454. Чувакин А. А. Филология и коммуникативные науки. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 2015. 496 с.

455. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): моногр. Екатеринбург, 2003. 194 с. 11.

456. Чудинов А. П. Политическая коммуникация. Москва: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

457. Чудинов А. П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: Материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 августа 2014 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 269–270.

458. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.

459. Шаховский В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики: Сб. науч. тр. Рязань, 1975. Вып. 2. С. 53–67.

460. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: уч. пособие к спецкурсу. Волгоград: ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1983. 94 с.

461. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

462. Шацкая М. Ф. Авторизация и персуазивность при формировании языковой игры // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: мат-лы Всероссийской науч. конф. с международным участием. Уфа, 2008. С. 327–330.

463. Шацкая М. Ф. Взаимодействие квалификативных категорий при порождении языковой игры // Речевое общение: специализированный вестник / Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. С. 39–46.

464. Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1970. 767 с.

465. Шведова Н. Ю. Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст: (Виноградовские чтения XII—XIII), М.: Наука, 1984. 211 с.

466. Шевченко О. А. Функционирование категории эмотивности в рекламных текстах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 24 с.

467. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. Саратов, 2002. № 3. С. 205–214.

468. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 324 с.

469. Шейгал Е. И. Параметры доверительного общения. Человек в коммуникации: аспекты исследований. Волгоград. 2005. С. 204–220.

470. Шестухина И. Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 17 с.

471. Шибаева Л. В. Жанры в теории и практики журналистики // Regla. – № 17 (47), 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=1434 (дата обращения: 27.09.2021).

472.Шимон Н. В. Синергетика - лингвистический санитар языков // Московский экономический журнал. 2017. № 3. С. 55.

473. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса: сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 78–100.

474. Шмелева Т. В. Модус и его средства выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 168–202.

475. Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. докт. филол. наук в виде научного доклада. М., 1995.

476. Шмелева Т. В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сб. науч. тр. / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2008. С. 140–151.

477. Шмелева Т. В. Медийное речеведение. Электронный сборник статей за 2010-2012 гг. // «Медиалингвистика – XXI век», 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394527055_0816.pdf (дата обращения: 27.09.2021).

478. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

479.Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 24–39.

480. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95–113.

481. Якушина Р. М. Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка): Дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2003. 179 с.

482. Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. Модусы темпоральности в нарративах о доступности городской среды // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 92–102.

483. Adamzik K. Probleme der Negation im Deutschen: Studien zur zeitgenossischen Grammatikogra-phie. Münster: Nodus publ., 1987.

484. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. Studies in evidentiality // Typological Studies in Language. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003. № 54. 347 p.

485. Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 481 p.

486. Aikhenvald A. Y. The grammaticalization of evidentiality // The Oxford handbook of grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2021. Pp. 605–613

487. Bally Ch. Le langage et la vie. Zurich, 1935. 167 p.

488. Berelson B. Content analysis in communication research. N.Y.: The Free Press. 1952. 220 p.

489. Blain E. M. Déchaine R. M. Evidential types: Evidence from Cree dialects. International Journal of American Linguistics 73. 2007. Pp. 257–291.

490. Boas F. Handbook of American Indian languages. Part 1. Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology Bulletin 40, 1911. 1221 p.

491. Boye K. & Harder P. Evidentiality: Linguistic categories and grammaticalization. Functions of Language. 2009. Pp. 9–43.

492. Buttler J., Laclau E. and Žižek S. Hegemony. Contingency.Universality. 2000. 336 p.

493. Bybee J. Morphology: a study of the relation between meaning and form. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1985. XII. № 9. 235 p.

494.Chafe W. Evidentiality in English Conversation and Academic Writing. Chafe/ Nichols (eds.), 1986. Pp. 261–272.

495. Coltier D., Dendale P. La modalisation du discours de soi: éléments de description sémantique des expressions pour moi, selon moi et à mon avis. Langue française. № 142. 2004. Pp. 41–57.

496. Comrie B. Evidentials: semantics and history // Evidentials. Turkik, Iranian and Neighbouring Languages. Berlin, 2000. 320 p.

497. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 p.

498. Dankoff R. (ed. and trans. with J. Kelly). Mahmud al-Kāšğarī. Compendium of the Turkic Dialects. (Dīwān luğāt at-Turk.) Part 1. Cambridge, 1982. 431 p.

499. De Haan F. Evidentiality and Epistemic Modality: Setting Boundaries, 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.u.arizona.edu/-fdehaan/ papers/SWJL99.pdf (дата обращения: 11.10.2021).

500. De Haan F. Coding of Evidentiality. The World Atlas of Language Structures Online. Max Planck Digital Library. Munich, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://wals.info/chapter/78 (дата обращения 11.10.2021).

501. Dendale P., Tasmowski L. Introduction. Evidentiality and related notions // Journal of Pragmatics, 2001. P. 339–348.

502. Diewald G., Smirnova E. Evidentiality in German: Linguistic Realization and Regularities in Grammaticalization. Berlin, New York, 2010.

503. Dijk T. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague / Berlin: Mouton, 1981. 326 p.

504. Dijk T. van. The Analysis of News as Discourse // Dijk van, Teun A. News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press. Hillsdale, New Jersey, 1988. Pp. 1–30.

505. Dijk T. van. Discourse as structure and process. L.: Sage, 1997. 356 p.

506. Dijk T. van. Racism at the Top. Parliamentary Discourses on Ethnic Issues in Six European Countries. With Ruth Wodak. Klagenfurt: Drava Verlag, 2000. 391 p.

507. Donabedian A. Towards a semasiological account of evidentials: An enunciative approach. 2001. 442 p.

508. Dozon O. Manuelle de la langue chkipe ou albanaise. Paris, 1878. 104 p.

509. Dubois J. Elέments de linguistique francaise: syntaxe, 1974. 296 p.

510. Fairclough N. Critical discourse analysis and critical policy studies // Critical policy studies. Vancouver, 2013. Vol. 7, N 2. Pp. 177–197.

511. Faller M. Remarks on evidential hierarchies. In David Beaver, Luis D. Casillas Martinez, Brady Clark & Stefan Kaufmann (eds.), The construction of meaning, Stanford, CA: CSLI Publications. 2002. Pp. 89–112.

512. Fisher A. R. J. “Samuel Alexander's Theory of Categories” // The Monist, 98(3). 2015. Pp. 246–267.

513. Frashëri S. Shkronjëtore e gjuhëse shqip. Bukuresht, 1886. 36 p.

514. Garrett E. J. Evidentiality and assertion in Tibetan. Los Angeles, CA: University of California, Los Angeles doctoral dissertation. 2001. 256 p.

515. Guentchéva Z. (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain - Paris, 1996. 322 p.

516. Haarmann H. Die indirekte Erlebnisform als grammatische Kategorie. Eine eurasische Isoglosse.Wiesbaden, 1970. 91 p.

517. Hagège C. Le rôle des médiaphoriques dans la langue et dans le discours // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris 90. 1995. Pp. 1–19.

518. Hansen E. Moderne dansk. Kobenhavn: Det danske sprogog litteraturselskab, 1967. 462 p.

519. Hardman M. J. Data-source marking in the Jaqi languages // W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986. Pp. 113–136.

520. Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995. 322 p.

521. Johanson L. Viewpoint operators in European languages. Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin and New York: Mouton de Gruyter. 2000. Pp. 27–187.

522. Joseph B. D. Evidentials: Summation, questions, prospects // A. Aikhenvald and R.M.W. Dixon (eds.). Studies in Evidentiality. (Typological Studies in Language 54.) Amsterdam, 2003. Pp. 307–327.

523. Khramchenko D.S. The power of synergy in discourse: exploring persuasive language in English mass media // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2023. Vol. 13, No. 2.

524. Korytkowska M., Roszko R. Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska. T. 6, cz. 2.: Modalność imperceptywna. Warszawa, 1997. 530 p.

525. Kress G. R. Language asa ideology. London: Routledge and Kegan Paul, 1979. 182 p.

526. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985. 217 p.

527. Laclau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. London: Verso, 1990. 302 p.

528. Laclau E., Zac L. «Minding the Gap. The Subject of Politics»: The Making of Political Identities. London: Verso, 1994. Pp. 11–39.

529. Laclau E. Emancipation(s). London: Verso, 1996. 135 p.

530. Laclau E. Paul de Man and the Politics of Rhetoric. Pretexts. 1998. 7 (2). Pp. 153–170.

531. Lakoff R. T. Persuasive Discourse and Ordinary Conversation, with examples of advertising. In: Tannen D. (Ed.) Analizing Discourse: Text and Talk. Georgetown University Press, 1982. Pp. 25–42.

532. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 191 p.

533. Langacker R. Investigations in Cognitive Grammar. New York: Mouton de Gruyter, 2009. 410 p.

534. Lazard G. On the grammaticalization of evidentiality // Journal of pragmatics, № 33, 2001. Pp. 359–367.

535. Levin-Steinmann A. Die Legende vom bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen l-Periphrase. München, 2004. 382 p.

536. Lyons J. Semantics. Cambridge University Press, 1977. 897 p.

537. McCready E. Reliability in Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2015. 450 p.

538. Meyer G. Kurzgefasste albanesische Grammatik. Leipzig, 1888. 160 p.

539. Murray S. E. A Hamblin semantics for evidentials. In Ed Cormany, Satoshi Ito & David Lutz (eds.), Proceedings from Semantics and Linguistic Theory (SALT) XIX (2009). Ithaca, NY: CLC Publications, 2011. Pp. 324–341.

540. Nuckolls J., Michael L. Evidential strategies in interactional and socio-cultural context. Pragmatics and Society 3. 2012. Pp. 181–188.

541. Nunan D. Introducing Discourse Analysis. London: Penguin English, 1993. Pp. 7–8.

542. Nuyts J. Epistemic modality, language, and conceptualization: a cognitive-pragmatic perspective // Human cognitive processing. Vol. 5. Amsterdam: J. Benjamins, 2001. 429 p.

543. Palmer F. R. Mood and Modality. Cambridge, 1986, 243 p.

544. Palmer F. R. Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 236 p.

545. Pekmezi Gj. Grammatik der albanesischen Sprache. Laut- und Formenlehre. Wien, 1908. 308 p.

546. Peterson T. Epistemic modality and evidentiality in Gitksan at the semantics-pragmatics interface. Vancouver, BC: University of British Columbia doctoral dissertation. 2010. 320 p.

547. Plungian V. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of pragmatics, 2001. Pp. 349–357.

548. Portner P. Modality. Oxford: Oxford University Press; 2009. 288 p.

549. Potter J., Edwards D. The New handbook of language and Social Psychology. 2001. 696 p.

550. Pratkanis A. Age of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion. New York: W. H. Freeman and Co, 1992. 436 p.

551. Rosch E. Natural categories // Cognitive Psychology. Elsevier, 1973. Vol. 7. Pp. 328–350.

552. Rosch E. Principles of categorization // Cognitive science. Sage benchmarks in psychology. Vol. 1: Perceprion – object recognition – Categorization. Sage Publications Ltd. 2008. Pp. 239–257.

553. Roth J. Die indirekten Erlebnisformen im Bulgarischen: Eine Untersuchung zu ihrem Gebrauch in der Umgangssprache. (Slavistische Beiträge 130). Wiesbaden, 1979.

554. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Cambridge: Blackwell Publishers. 1994. 480 p.

555. Schmidt S. J. Texttheoretisch Aspekte der Negation // Zeitschrift fur Germanische Linguistik. Berlin. N. Y.: Walter de Gruyter, 1973. Bd.2. Pp. 149–165.

556. Shi-xu. Discourse and Culture: From discourse analysis to cultural discourse studies. Shanghai: Shanghai Foreign Languages Pr., 2013. 420 p.

557. Shi-xu. Chinese Discourse Studies. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2014. 223 p.

558. Shi-xu. Cultural Discourse Studies // The international encyclopedia of languages and social interaction / K. Tracy (ed.), 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www. shixu.com/shixu/admin/upload/ency%20CDS.pdf (accessed: 14.06.2022.)

559. Shi-xu, Prah K. K., Pardo M. L. Discourses of the Developing World: Researching properties, problems and potentials of the developing world. New York: Routledge, 2016. 171 p.

560. Söderqvist E. B. Gender differences and similarities in the use of inferential evidentiality markers in spoken British English: A corpus-based study // International Conference on Evidentiality and Modality in European Languages, 2014. 142 p.

561. Söderqvist E. B. Evidentiality across age and gender: a corpus-based study of variation in spoken British English // Research in Corpus Linguistics, 2017. Vol. 5. Pp. 17–33.

562. Speas P. Evidentials as generalized functional heads. In Anna Maria Di Sciullo & Virginia Hill (eds.), Edges, heads, and projections: Interface properties, Amsterdam: Benjamins, 2010. Pp. 127–150.

563. Squartini M. Lexical vs. grammatical evidentiality in French and Italian. Linguistics 46. 2008. Pp. 917–947.

564. Stubbs M. Discourse Analysis: The Soziolinquistic Analysis of Natural Lanquage. Oxford: Blackwell, 1983. 272 p.

565. Toolan M. J. Narative: A critical linguistic introduction. L. N.-Y., Routledge, 1998. 18. (Interface). 2001. 312 p.

566. Vasa P. Grammaire albanaise à l'usage de ceux qui désirent apprendre cette langue sans l'aide d'un maître. London, 1887. 194 p.

567. Vogeleer S. L'accès perceptuel à l'information : à propos des expressions un homme arrive / on voit arriver un homme // Langue française, no. 102, 1994. Pp. 69–83.

568. Weigand G. The Admirative in Bulgarian // The Slavonic Review, № 2, 1924. Pp. 567–568.

569. Weigand G. Der Admirativ im Bulgarischen // Balkan-Archiv. Fortsetzung des Jahresberichtes des Instituts für rumänische Sprache. Band I. Leipzig, 1925. Pp. 150–152.

570. Wiemer B., Plungjan V. A. Lexikalixche Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. Wiener Slawistischer Almanach 72. München-Wien. 2008. Pp. 239–284.

571. Wierzbicka A. Semantics and epistemology: The meaning of 'evidentials' in a crosslinguistic perspective // Language science. V. 16. 1994. №1. Pp. 81–137

572. Willet T. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality // Studies in Language. Amsterdam, 1998. Vol. 12. №1. Pp. 38–64.

573. Xanoni A. Gramatika shqype. Shkodër, 1909. 218 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2003. 642 с.

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.

3. БРЭ – Большая российская энциклопедия: в 30 т. / пред. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. 767 с.

4. БСЭ – Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1926-1947.

5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2009. 486 с.

6. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 1997. 383 с.

7. КСГТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.

8. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.

9. НФЭ – Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Степина. 2001.

10. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. 544 с.

11. СЛТ – Словарь лингвистических терминов / под ред. О.С. Ахмановой. М.: Советская энциклопедия, 1966. 571 с.

12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Шк. «Язык рус. Культуры», 1997. 824 с.

13. ТС – Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия; ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1567 с.

14. ФС – Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.

15. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

16. Cambridge Dictionary. Cambridge University Press & Assessment, 2023 [Электронный ресурс]. URL:

17. Collins Online Dictionary. Collins, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.collinsdictionary.com (дата обращения: 01.02.2023).

18. Dictionary be Merriam-Webster. Merriam-Webster, Incorporated, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 01.02.2022).

19. Federal Law on Advertising, 2021 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 22.10.2021)

20. Macmillan Dictionary. Macmillan Education Limited, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 01.02.2022).

21. Oxford Learner’s Dictionaries. Oxford University Press, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 01.02.2023)

22. Matthews P. H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1997. 420 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. America’s moral panic over obesity. The Atlantic, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.theatlantic.com/business/archive/2009/07/americas-moral-panic-over-obesity/22397/ (дата обращения: 22.10.2021)

2. Ant McPartlin opens up to Duchess of Cambridge on addiction. The Times, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.thetimes.co.uk/article/tv-star-ant-mcpartlin-opens-up-to-duchess-of-cambridge-over-addiction-problems-jvn6v0vcz#:~:text=The%20duchess%20spoke%20about%20her,had%20this%20support%20earlier.'%E2%80%9D (дата обращения: 22.10.2021).

3. Bomb-throwing. The Economist, 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/node/21003975/3010/04/launchPopupWide%28%27/press/18805673?page=223 (дата обращения: 22.10.2021)

4. Boris Johnson says it was 'blindingly obvious' that he would back Brexit despite emergence of pro-EU article. The Telegraph, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2016/10/16/boris-johnson-says-it-was-blindingly-obvious-that-he-would-back/ (дата обращения: 24.12.2021).

5. Change we don’t believe in. The Economist, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/democracy-in-america/2013/01/17/change-we-dont-believe-in (дата обращения: 22.06.2022)

6. China is the most significant geopolitical threat: U.S. Senator Ted Cruz. The Hindu, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.thehindu.com/news/national/china-is-the-most-significant-geopolitical-threat-us-senator-ted-cruz/article29668129.ece (дата обращения: 22.10.2021).

7. Christopher Steele is talking now. Here’s the big hole in his defense of himself. The Washington Post, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/2021/10/18/big-hole-christopher-steeles-defense-himself/ (дата обращения: 22.10.2021).

8. Covid deaths soar in Ukraine as the country struggles with fake vaccine certificates. The New York Times, 2021 [Электронный ресурс]. URL:

https://www.nytimes.com/2021/10/19/world/europe/ukraine-covid-deaths.html (дата обращения: 22.10.2021).

9. Dogs of The Times. The New York Times, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://store.nytimes.com/products/dogs-of-the-times-book?variant=32176758456390 (дата обращения: 22.10.2021).

10. Ex-attorney general Jeff Sessions announces bid for Senate seat he relinquished in Alabama. The Washington Post, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/sessionss-former-gop-senate-colleagues-lukewarm-on-his-running-for-his-old-alabama-seat/2019/11/07/9743b996-0174-11ea-9518-1e76abc088b6_story.html (дата обращения: 22.10.2021).

11. France sets two-week deadline for Britain and Jersey to grant fishermen more licences. The Telegraph, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/10/18/france-sets-two-week-deadline-britain-jersey-grant-fishermen/ (дата обращения: 22.10.2021).

12. How we chose this weeks's cover image. The Economist, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/news/2021/12/17/how-we-chose-this-weeks-cover-image (дата обращения: 24.12.2021).

13. Marco Rubio and Kelly O'Donnell Q&A. The Atlantic, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.theatlantic.com/politics/archive/2021/09/marco-rubio-and-kelly-odonnell-atlantic-festival/620263/ (дата обращения: 22.10.2021).

14. Moving toward stagnation. The Economist, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/free-exchange/2011/12/20/moving-toward-stagnation (дата обращения: 24.12.2021).

15. NYT For Kids: Hello Again. The New York Times, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://store.nytimes.com/products/nyt-for-kids-helloagain?variant=39378881937478 (дата обращения: 22.10.2021).

16. Old electric cars are raw material of the future. The Economist, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/science-and-

technology/2021/05/13/old-electric-cars-are-a-raw-material-of-the-future (дата обращения: 24.12.2021).

17. Phizer’s and BioNTech’s vaccine is the start of the end of the pandemic. The Economist, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/science-and-technology/2020/11/09/pfizers-and-biontechs-vaccine-is-the-start-of-the-end-of-the-pandemic (дата обращения: 01.02.2022)

18. Quantum weirdness helps design better accelerometers. The Economist, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/science-and-technology/2021/06/12/quantum-weirdness-helps-design-better-accelerometers (дата обращения: 22.10.2021)

19. Russia’s Favorite Cake. The Moscow Times, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.themoscowtimes.com/2021/02/27/medovik-russias-favorite-cake-a73094 (дата обращения: 22.10.2021)

20. Russian Airline Aeroflot Suspends Unvaccinated Pilots. The Moscow Times, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.themoscowtimes.com/2021/09/07/russian-airline-aeroflot-suspends-unvaccinated-pilots-a74987 (дата обращения: 22.10.2021)

21. Sharif family has become habitual to distorting the truth, says Fawad Chaudhry. The News International, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.thenews.com.pk/latest/896250-sharif-family-has-become-habitual-to-distorting-truth-says-fawad-chaudhry (дата обращения: 22.10.2021).

22. Sweden becomes the latest victim of vehicular terrorism. The Economist, 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/europe/2017/04/08/sweden-becomes-the-latest-victim-of-vehicular-terrorism (дата обращения: 22.10.2021).

23. Taxing the banks. The Economist, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/buttonwoods-notebook/2011/07/20/taxing-the-banks (дата обращения: 22.10.2021)

24. The Best Movies on Amazon Prime Video Right Now. The New York Times, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/article/best-movies-amazon-prime.html (дата обращения: 22.10.2021).

25. The pandemic has made homelessness more visible in many American cities. The Economist, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/united-states/2021/08/02/the-pandemic-has-made-homelessness-more-visible-in-many-american-cities (дата обращения: 22.10.2021)

26. TIPSing point. The Economist, 2008 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/free-exchange/2008/07/10/tipsing-point (дата обращения: 24.12.2021).

27. Top stories. The Telegraph, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.telegraph.co.uk/ (дата обращения: 01.02.2022)

28. What the Internet cannot do. The Economist. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/leaders/2020/08/17/what-the-internet-cannot-do (дата обращения: 22.10.2021)

29. Why do most Americans seem sure that the president is keeping his promises. The Economist, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/united-states/2017/03/04/why-do-most-americans-seem-sure-that-the-president-is-keeping-his-promises (дата обращения: 22.10.2021)

30. Why is North Korea launching rockets again. The Economist, 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/the-economist-explains/2022/03/15/why-is-north-korea-launching-rockets-again

31. Why scientists are (almost) certain that climate change is man-made. The Economist, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/the-economist-explains/2014/11/02/why-scientists-are-almost-certain-that-climate-change-is-man-made (дата обращения: 24.12.2021).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

A – авторизация

Ap – восприятие

Aprx – аппроксимация

D – отрицание

Emt – эмотивность

Ev – эвиденциальность

Evl – оценочность

Evs – базовая эвиденциальная семантика

Ex – экспрессивность

FLA – Federal Law on Advertising

M – модальность

O – читатель

P – персуазивность

Ps – персональность

T – темпоральность

C – субъект

ЭВ – эвиденциальное высказывание

ЭДК– эвиденциальный дискурсивный контекст